фантастика приключения детектив



В Стране Приключений

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВЫПУСК I

НОВОСИБИРСК
«НОНПАРЕЛЬ»
1991

ББК 84Р7-4
В 84

Составитель *А. Б. Шалин*

В 84 **В стране приключений.** Выпуск 1. — Н.: Нонпарель, 1991. — 400 с.

В сборник фантастических, детективных и приключенческих произведений включены как известные, классические произведения остросюжетной литературы (роман Р. Хайнлайна «Звездный зверь», рассказы К. Саймака, А. Кристи, А. Армстронга), так и новинки: фантастика молодых писателей.

В $\frac{4702010201—91}{873—91}$ **без объявл.**

© «Нонпарель», 1991


классика жанра

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ИЗГНАННИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Как я жалею сейчас, что мы разговорились тем вечером о научной фантастике! Ведь если бы этого не произошло, меня не мучила бы до сих пор эта странная, невероятная история, которую невозможно ни опровергнуть, ни доказать.

Мы собрались вечером, четверо профессиональных писателей-фантастов, и, я думаю, делового разговора было не избежать ни при каких обстоятельствах. И все же мы удерживались от него в течение всего обеда. Мэдисон с выражением рассказал нам о том, как ходил на охоту, а Браззель затеял дискуссию о шансах Доджера на предстоящих выборах. И надо же было мне перевести разговор на фантастику.

Я вовсе этого не хотел. Но мне вдруг показалось забавным, что поведение нашей четверки ничем не отличается от поведения самых обычных, ничем не выдающихся людей.

— Защитная окраска, вот как это называется, — объявил я. — Сидим здесь и стараемся выглядеть не хуже других!

Браззель посмотрел на меня, несколько раздраженный тем, что его перебили.

— О чем это ты?

— О нас, — ответил я. — До чего же хорошо нам удается играть роль солидных, довольных жизнью горожан! Но ведь это не так, и все мы прекрасно понимаем, что к чему. Мы активно недовольны тем, что происходит на Земле и вокруг нас, и именно поэтому выдумываем один воображаемый мир за другим.

— А та маленькая деталь, что нам за это платят, здесь, естественно, вовсе ни при чем, — саркастически заметил Браззель.

— Нет, почему же, — согласился я. — Но ведь мы придумывали самые невероятные миры и людей за долго до того, как напечатали хотя бы одну строчку. Разве не так? И даже когда были совсем маленькими. А все потому, что мы не чувствуем себя на Земле, как дома.

Мэдисон фыркнул:

— Вряд ли мы чувствовали бы себя лучше на тех планетах, которые выдумали.

Вот тогда Гаррик, четвертый в нашей компании, вмешался в разговор.

Он всегда вел себя несколько странно. Мы вообще мало его знали, но он нам всегда нравился, и мы восхищались его рассказами. Особенно хорошо удалась ему одна серия о воображаемой планете, которую он описывал до мельчайших подробностей.

— Это произошло со мной, — сказал он Мэдисону.

— Что с вами произошло? — спросил Мэдисон.

— То, что вы только что предположили: однажды я написал о воображаемой планете, а затем мне пришлось жить на ней, — ответил Гаррик.

Мэдисон рассмеялся:

— Надеюсь, там было лучше, чем на тех мрачных мирах, которые так и лезут мне в голову.

Но Гаррик даже не улыбнулся.

— Я бы многое изменил, — пробормотал он, — если б знал, что мне придется когда-нибудь там жить.

Браззель подмигнул нам, а затем, не мудрствуя лукаво, заявил:

— Мы вас слушаем, Гаррик.

Гаррик начал свой рассказ медленно, делая паузы после каждых нескольких слов.

Это произошло после того, как я переехал в дом рядом с энергостанцией. На первый взгляд может показаться, что место это неспокойное, но на самом деле там, на окраине города, стояла полная тишина. А тишина была мне необходима, чтобы писать.

Я сразу приступил к работе над новой серией рассказов; действие в них происходило все на той же воображаемой планете. Я начал с детального физического описания этого мира и той вселенной, в которой он находился. Я с головой ушел в работу, ничего не замечал кругом, а когда кончил писать, в моем мозгу как будто что-то щелкнуло!

Это было короткое и необычайно странное ощущение, которое почему-то напомнило мне процесс кристаллизации. Я замер, подумав, что схожу с ума... Ведь внезапно я совершенно отчетливо почувствовал, что вселенная и тот мир, о которых я писал весь день, выкристаллизовались и обрели физическое существование.

Естественно, я отмел эту нелепую мысль в сторону, вышел из дому и вскоре обо всем забыл. Но на следующий день произошло то же самое. Я работал над обитателями моей вымышленной планеты. Я сделал их людьми, но отказался от идеи высокой цивилизации — иначе мне не удалось бы создать те конфликтные ситуации, которые были необходимы для рассказа.

Итак, я создал свой воображаемый мир с полуцивилизованными людьми. Я описал их жестокость и предрассудки. Я представил себе их красочные, но безвкусные города, и, как только я отложил перо в сторону, в моем мозгу опять что-то щелкнуло!

На этот раз я был неприятно поражен. Ведь еще сильнее, чем раньше, крепло во мне странное убеждение: то, о чем я писал, ничего не замечая кругом, становилось реальностью.

Я попытался рассуждать логически, стараясь переубедить себя. Если я действительно создал реальный мир и вселенную, то где они находились? Уж по крайней мере не в окружающем меня космическом пространстве: не могло в нем существовать двух совершенно различных вселенных.

Но, может быть, мое воображение сделало их реальными в каком-нибудь незаселенном, «пустом» космосе? Или в другом измерении? В пространстве, где существовали свободные атомы, материя в хаотичном состоянии, которая стала принимать формы от силы концентрации моей мысли?

Чего только я не придумывал, скорее фантазируя, чем рассуждая, пытаясь применить законы логики к несуществующему. Как получилось, что до сих пор мои фантазии никогда не становились реальностью? Что ж, это можно было объяснить, ведь рядом находилась мощная энергостанция. Какая-нибудь неподдающаяся расчетам крохотная утечка неизвестной энергии могла фокусировать образы, на которых я концентрировался, передавая их в пустое космическое пространство, где и происходило формирование материи согласно тому, что я воображал.

Верил я такому объяснению? Нет, не верил. Просто знал, что так оно и есть. Я понимал, что это невероятно, что мое воображение не могло создать реальной вселенной в другом измерении космоса, и тем не менее был абсолютно убежден в том, что именно так все произошло.

Забавная мысль пришла мне в голову. Мне стало интересно: а что если я воображу себя в этом другом мире? Я тут же уселся за стол и стал одним из миллионов людей, населяющих этот мой воображаемый мир, сочинил себе целую родословную, наделил семьей, придумал весь свой жизненный путь вплоть до настоящего момента. И в моем мозгу щелкнуло!

Гаррик замолчал, глядя на пустую чашечку, которую медленно вертел в руках.

Мэдисон поторопил его:

— И затем вы, конечно, очнулись, увидели прекрасную девушку, которая склонилась над вами, и спросили: «Где я?»

— Да нет, все не так, — вяло ответил Гаррик. — Совсем даже не так. Я очнулся в этом другом мире, верно. Но это было не пробуждение: просто я внезапно там оказался.

Я остался самим собой, но только тем, которого вообразил. Этот другой я всегда здесь жил, так же как его многочисленные предки. Не забывайте, я очень тщательно все придумал.

И в этом созданном, воображаемом мире я был так же реален, как в своем собственном. Хуже не придумаешь: эта планета и ее невысокий уровень цивилизации были до боли реальны.

Он опять замолчал.

— Сначала я чувствовал себя как-то странно. Я

шел по улицам безвкусных городов, смотрел в лица прохожим, и мне хотелось закричать им: «Я вас всех выдумал! Если бы не мое воображение, вас бы просто не было!»

Но я смолчал. Мне бы просто не поверили. Для них я был всего лишь незначительным, маленьким человеком, одним из многих. Как могли они догадаться, что и они сами, и их традиции, история, весь мир и вселенная были внезапно созданы моим воображением?

После того, как улеглось мое первое возбуждение, я понял, что мне здесь не нравится. Конфликтные ситуации и жестокость, которые так привлекательно выглядели на бумаге, были уродливы и неприятны в жизни. Мне хотелось только одного: как можно скорее вернуться в собственный мир.

И я не мог этого сделать! Просто не знал как. В моей голове, правда, мелькнула мысль, что мне следует попытаться вообразить себя в своем мире, но из этого ничего не вышло. Та самая неизвестная энергия, которая сотворила чудо, действовала лишь в одну сторону.

Не буду говорить, как мне было плохо, когда я понял, что навсегда обречен оставаться на этой жуткой для меня полуцивилизованной планете. Сначала я даже хотел покончить жизнь самоубийством. Но я этого не сделал: ведь человек может адаптироваться к чему угодно. И я адаптировался.

— И чем же вы там занимались? Я хочу сказать, кем стали? — спросил Браззель.

Гаррик пожал плечами:

— Я мало был знаком с техникой и ремеслами этого выдуманного мира. Ведь я умел только одно — сочинять.

Я невольно заулыбался:

— Не хотите ли вы сказать, что начали писать фантастические рассказы?

Он серьезно кивнул:

— Что еще мне оставалось делать! Ведь я ничего больше не умел. Я начал писать о моем собственном реальном мире. Для всех остальных мои рассказы были яркой выдумкой, и они имели успех.

Мы рассмеялись. Но Гаррик был как никогда серьезен.

Мэдисон решил подыграть ему до конца:

— Как же вам удалось в конце концов вернуться из того мира, который вы придумали?

— Никак, — сказал Гаррик, тяжело вздохнув.

— Да ну, бросьте, — весело запротестовал Мэдисон. — Ведь ясно, что у вас это получилось.

Гаррик торжественно покачал головой и поднялся с кресла, собираясь уходить.

— Да нет, — грустно сказал он. — Я все еще здесь.

Перевод с английского
М. ГИЛИНСКОГО

ГОЛУБАЯ ГЕРАНЬ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ

— Когда мне довелось побывать здесь год назад... — начал было сэр Генри Клейтеринг и умолк.

Хозяйка дома миссис Бэнтри явно ожидала продолжения. Бывший комиссар Скотленд-Ярда был приглашен погостить к своим давнившим знакомым, полковнику Бэнтри и его жене, которые поселились вблизи Сент-Мэри-Мид. Миссис Бэнтри держала в руках список: она зашла посоветоваться, кого, по его мнению, следует пригласить шестым к сегодняшнему обеду.

— Скажите, — проговорил сэр Генри, — знакома ли вам некая мисс Марпл?

Миссис Бэнтри вскинула брови: вот этого она уж никак не ожидала.

— Мисс Марпл? А кто же ее не знает? Типичная фигура из старомодного романа. Ровна, приветлива, но... из другой эпохи. Неужели вы хотите, чтоб именно ее я пригласила?

— Вас это удивило?

— Признаюсь, да. Вот уж не подумала бы, что между вами что-то общее. Впрочем, видимо, есть объяснение.

— Очень простое. В прошлом году мы взяли за обычай собираться впятером или вшестером у этой милой старушки, чтобы поломать головы над всякими криминальными загадками или нераскрытыми преступлениями. В нашем кружке был известный романист Раймонд Вест. Каждый по очереди припоминал какую-нибудь историю, разгадку которой знал лишь он один. Приятный способ поупражняться в способности

к логическим умозаключениям, чтобы узнать, кто ближе всех к истине.

— Ну и?..

— Поначалу нам даже в голову не приходило, что мисс Марпл включится в наше соревнование. Мы, разумеется, не сказали ей этого прямо, чтобы не обидеть старую даму. И что же? Самое забавное заключалось в том, что именно она находила правильный ответ.

— Но это невероятно! Такая домоседка, носа не высовывает из Сент-Мэри-Мид!

— Ее любимое выражение, что именно здесь она наблюдает человеческую натуру как бы в микроскоп.

— Полагаю, доля истины в этом есть, — подумав, согласилась миссис Бэнтри. — Везде можно столкнуться с людскими пороками. Однако сомневаюсь, что среди нас разгуливают заправские преступники... А что если после обеда рассказать историю Артура с привидением? Я была бы признательна, если бы ей удалось разгадать эту головоломку.

— Вот уж не предполагал, что Артур знается с привидениями!

— Разумеется, нет. Просто ему не дает покоя происшествие с одним из наших друзей, Джорджем Притчардом, человеком, кстати, весьма прозаическим. Оно обернулось трагедией. И либо это все правда, либо...

Вечером миссис Бэнтри окинула удовлетворенным взглядом стол и собравшихся за ним гостей. (Надо сознаться, что эти последние едва удерживали дрожь: в столовой, как почему-то водится во многих английских домах, стоял леденящий холод.) С особым любопытством она задержала взор на старой даме, сидевшей очень прямо рядом с полковником Бэнтри. На руках мисс Марпл были черные кружевные митенки, плечи покрывала косынка из старых кружев, и на свои седые волосы она тоже накинула кружево. Она оживленно беседовала с доктором Ллойдом о местной больнице и неудобстве иметь там лишь временных сиделок.

Миссис Бэнтри снова пришло в голову: уж не подшутил ли над нею сэр Генри? Хотя ничто не указывало на это. Неужели его высокое мнение о мисс Марпл было справедливо, несмотря на внешнее неправдопо-

добие? Затем взгляд достойной хозяйки задержался на несколько напряженном лице мужа. Полковник разглагольствовал о породистых лошадях с прелестной и очень популярной актрисой Джейн Хелиер, которая в жизни была еще обворожительнее, чем на сцене (если только это мыслимо).

— Артур, — вмешалась миссис Бэнтри. — Не заставляйте скучать бедняжку Джейн. Оставьте в покое лошадей и расскажите лучше нам эту знаменитую историю с призраками. Ну, вы знаете... Джордж Притчард.

— Как, Долли? О, прошу прощения. Я как-то не готов...

— Сэр Генри тоже не прочь услышать, я разожгла его любопытство сегодня утром. Было бы интересно узнать мнение об этом деле всех присутствующих.

— О да, расскажите! — попросил сэр Генри. — Обожаю все потустороннее.

— Гм... — прокашлялся полковник, все еще не поборов колебания. — Я-то как раз не поклонник сверхъестественного, хотя, признаюсь, эта история... Впрочем, если Долли считает, что она может вас заинтересовать...

Боюсь, никому из вас не приходилось встречаться с Джорджем Притчардом? Потрясающий человек. Таких на свете мало. Его жена — она умерла, бедняжка, — устроила ему, мягко говоря, нелегкую жизнь. Она считала себя полным инвалидом и, думаю, в самом деле была нездорова. Но еще больше козыряла своей болезнью, чтобы помучить окружающих. Капризничала, все время что-нибудь требовала; умиротворить ее было невозможно. С утра до вечера слышались жалобы. Джордж должен был постоянно находиться поблизости, в ее полном распоряжении. Все, что он ни делал, было не по ней, она не переставала его пилить. Ей-богу, многие мужчины на месте Джорджа давно бы раскроили ей череп! Не так ли, Долли?

— Кошмарная женщина, — подтвердила миссис Бэнтри с полным убеждением.

— По правде, я смутно представляю начало этой истории, Джордж не вдавался в подробности, но у меня создалось впечатление, что миссис Притчард

всегда тянуло ко всяким ясновидцам, прорицателям и гадалкам.

Сиделки не задерживались у них подолгу: миссис Притчард не выносила одно и то же лицо более двух недель кряду. Лишь однажды ей понравилась молоденькая сиделка, она души в ней не чаяла. А потом вдруг полностью переменила отношение и рассчитала ее. Пригласили одну из прежних сиделок, старше возрастом, которая умела обращаться с неврастениками. По словам Джорджа, мисс Коплинг была опытна и хладнокровно относилась ко всяким взрывам истерии.

Миссис Притчард обычно завтракала в своей спальне, а Джордж и мисс Коплинг — вдвоем в столовой, заодно они обсуждали планы на день, чтобы не оставлять больную одну. Считалось, что у сиделки свободные часы с двух до четырех, но, чтобы «оказать любезность», как говорится, она переносила иногда их на более позднее время, после чая; чтобы Джордж мог днем отлучиться. Однажды она сказала, что собирается в Голдерс-Грин повидаться с сестрой и вернется позже обычного. Лицо Джорджа вытянулось; оказывается, он уже договорился о партии в гольф. Но мисс Коплинг успокоила его:

— Ваше отсутствие пройдет незаметно, мистер Притчард, — хитро усмехнулась она. — Миссис Притчард ожидает интересную посетительницу.

— Кто же это?

— Подождите минутку, сейчас припомню, как она себя величает... да, Зорида — безошибочная предсказательница будущего.

— О, боже, — вздохнул Джордж. — Опять новая?

— Вот именно. Ее рекомендовала, кажется, мисс Кэрстайрс, которая служила до меня. Миссис Притчард все время держала это в голове и вот велела мне написать и пригласить гадалку на сегодня.

— Ну что ж, это кстати. Мой гольф не сорвется.

Джордж ушел с чувством благодарности к «безошибочной предсказательнице». Зорида хоть на время освобождала его от тягостной повинности.

Вернувшись, он нашел свою супругу в состоянии возбуждения.

— Джордж! — вскричала она, едва он открыл дверь. — Я всегда твердила вам, что в этом доме есть что-то злое. Помню, стоило лишь переступить

порог, как я уже ПОЧУВСТВОВАЛА... Говорила я это или нет? Ну же, отвечайте!

Сдерживая желание ответить «да, черт возьми!», Джордж пробормотал:

— Что-то не припоминаю, дорогая.

— А разве вы что-нибудь помните, если дело касается меня? Все мужчины жестокосердны, но вы прямо-таки монстр.

— Ну, ну, Мэри, полноте, вы несправедливы.

— Ах, хватит про это. Главное, что эта женщина тоже ощутила НЕЧТО... Она побледнела, едва вошла в комнату. Вы представляете? И сразу вскричала: «Здесь витает несчастье! Несчастье и опасность!»

Джордж не удержался от смеха.

— Вам смешно, но этот дом опасен для меня. Гадалка именно так и сказала.

— А что она изрекла еще?

— Да, собственно, ничего. Понимаете, она была потрясена. Увидала фиалки в вазе и замахала дрожащей рукой: «Велите их убрать! Никаких голубых цветов ни в доме, ни около вас. Голубые цветы — ваша погибель, запомните это»... Ах, вы же знаете, я всегда инстинктивно ненавидела голубой цвет! Он мне отвратителен.

На этот раз Джордж благоразумно воздержался от замечаний. О нелюбви жены к голубому цвету он, разумеется, услышал впервые. Просто спросил, как выглядела гадалка, и миссис Притчард описала таинственную Зориду подробно.

— Густые черные космы вдоль щек, полузакрытые глаза... рот и подбородок скрывала черная вуаль. Говорила нараспев с иностранным акцентом, по-моему, с испанским.

— В общем, типичный розыгрыш, — заметил Джордж благодушно.

Жена вновь закатила глаза.

— Мне дурно. Ваша бессердечность убивает меня, — простонала она. — Позовите сиделку...

Через несколько дней мисс Коплинг обратилась к Джорджу с озабоченным лицом:

— Не могли бы вы подняться к миссис Притчард? Пришло письмо, которое привело ее в ужасное состояние.

Он нашел свою жену все еще с письмом в руке. Она протянула его:

— Прочтите.

Джордж взял сильно надушенный листок с угловатым ломаным почерком. Вот что там было написано:

«Я видела будущее. Предупреждаю, пока не поздно: опасайтесь полной луны. Голубая примула означает предупреждение, голубая роза — опасность, голубая герань — смерть».

Джордж вовремя заметил знаки, которые делала ему сиделка. Это помешало ему расхохотаться. Он проговорил с притворной озабоченностью:

— Вас стараются запугать, Мэри. Во всяком случае голубая примула и голубая герань встречаются чрезвычайно редко.

Но миссис Притчард принялась жалобно плакать, повторяя, что дни ее сочтены. Сиделка вывела Джорджа на лестницу.

— Что за чушь! — возмутился он.

— И я такого же мнения.

Но что-то в ее тоне насторожило его. Он пристально взглянул на мисс Коплинг:

— Надеюсь, вы не верите?..

— Нет, нет, мистер Притчард, в предсказания я не верю. Но смысл выходки интригует. Обычно подобные особы стараются ради наживы. А Зорида запугивает миссис Притчард бесплатно. И еще одно...

— Что же именно?

— Миссис Притчард обронила, что Зорида ей кого-то смутно напомнила, хотя и не сказала, кого.

— Ну и что?

— Мне все это не нравится.

— Вот уж не подозревал в вас суеверия!

— Я не суеверна, но, когда дело нечисто, отличить могу, мистер Притчард.

Через четверо суток произошел первый случай. Но сначала надо описать спальню миссис Притчард.

— Позвольте лучше мне, — вмешалась миссис Бэнтри. — Комната была обклеена этими новомодными обоями с букетами цветов, что должно напоминать,

видимо, сад. Какая чепуха! В природе цветы не распускаются все враз, как на этих глупых обоях.

— Это ненаучно, — согласился сэр Генри. — Но вернемся к нашей истории.

— На обоях были букетики розовых и желтых примул и еще... впрочем, продолжайте вы, Артур.

Полковник подхватил с полуслова:

— Однажды утром миссис Притчард отчаянно задергала колокольчик, переполошив весь дом. Домашние сбежались, думая, что она совсем плоха. Но все оказалось иначе. Она с возбуждением тыкала пальцем в стену, где среди прочих цветов явственно выделялась ГОЛУБАЯ ПРИМУЛА...

— Какая жуть, — прошептала мисс Хелиер, театрально вздрагивая.

— Джордж и сиделка в один голос спросили, а не была ли эта голубая примула здесь всегда? Но миссис Притчард возмутилась: она увидела зловещий цветок лишь утром. А ночью было полнолуние. Совпадение перепугало ее.

— Я встретила в тот день Джорджа, — снова вмешалась миссис Бэнтри. — И он мне рассказал то же самое. Разумеется, я тотчас отправилась к его жене, попыталась превратить все в шутку, снять покров таинственности с этого происшествия. Но безуспешно. По дороге домой я все еще размышляла с беспокойством о бедной женщине и, помню, остановилась поболтать с Джин Инстоу. Я, конечно, рассказала ей о своем визите. Джин странная девушка. Она не заохала, а только осведомилась, так ли уж испугана миссис Притчард. Я ответила, что просто умирает от страха. Никогда не забуду, как меня огорошил ответ Джин. И каким холодным тоном! «А вы не считаете, что это было бы лучшим выходом?» С той же откровенностью она продолжала: «Вам не по вкусу правда. Какая польза от такой жизни? У Джорджа она превратилась в ад. И жена его страдает. Смерть распутала бы все сразу». Я возразила, что Джордж терпелив и добр к жене. «Да, он прекрасный человек и, право, заслуживает вознаграждения. Так думала и предыдущая сиделка, это молоденькая Кэрстайрс, так, кажется, ее фамилия? Та сказала об этом своей хозяйке напрямик и была выгнана».

— Намеки мне не понравились. Хотя в самом деле можно было бы задать вопрос... — миссис Бэнтри в смущении запнулась.

— Так частенько случается, моя милочка, — спокойно вставила мисс Марпл. — А красивая девушка эта мисс Инстоу? Наверняка отменно играет в гольф!

— Да, она спортсменка. И весьма привлекательна. У нее такая, знаете, нежная кожа. Глаза голубые и очень серьезные. Мы, соседи, всегда думали, что, сложись обстоятельства иначе, они с Притчардом составили бы прекрасную пару.

— Значит, они были друзьями? — с живым любопытством спросила мисс Марпл.

— О, да. Очень большими.

— Дорогая, вы позволите мне продолжать? — жалобно вставил полковник.

— Артуру не терпится добраться до привидений,— покорно вздохнула миссис Бэнтри.

— То, что произошло дальше, я узнал от самого Джорджа. Вне всякого сомнения, страх продолжал владеть его женой. Она обозначила в календаре дату полнолуния, с вечера позвала мужа и сиделку и заставила их старательно рассматривать букеты на обоях. Но розы были только розовые и красные. Уходя, Джордж слышал, как она замкнулась на ключ.

— А утром все равно появилась голубая роза! — вскричала радостно Джейн Хелиер.

— Увы, так. Над ее головой вида была большая голубая роза. Джордж прямо-таки остолбенел, но все еще отказывался принимать это всерьез. Просто отмахивался от того, что дверь была на замке и роза замечена ДО появления кого бы то ни было, даже сиделки. Нельзя сказать, что он не был смущен, но именно из-за этого впал в упрямство. Жена хочет немедленно покинуть дом? Так нет же, он не станет потакать капризам.

Прошел месяц. Миссис Притчард как-то примолкла, даже жаловалась реже. Словно смирилась с неизбежностью судьбы. Она лишь повторяла, как заклятие: «Голубая примула — предупреждение, голубая роза — опасность, голубая герань — смерть!» Она даже легла так, чтобы постоянно видеть букет бледно-розовой герани у своей кровати.

У всех нервы были напряжены, и сиделка дня за два до полнолуния стала просить Джорджа увезти миссис Притчард из дому. Мой друг не на шутку вспылил:

— Если даже все цветы на этой чертовой стене превратятся в синих дьяволов, от этого никто не умрет!

Но вот наступила роковая ночь. Миссис Притчард, как обычно, заперлась. Она была почти спокойна, даже как будто испытывала любопытство. Сиделке такое ее состояние не понравилось, она хотела было сделать укол, что-нибудь для поднятия духа. Но миссис Притчард отказалась. Думаю, в какой-то мере она действительно развлекалась всей этой таинственностью. Джордж держался такого же мнения.

— Пожалуй, — согласилась миссис Бэнтри. — Очарование есть и в страхе.

— На следующее утро колокольчик не звенел, хотя обычно миссис Притчард просыпалась около восьми. Подождав до половины девятого, сиделка постучала в дверь. Ответа не последовало. Она кинулась к Притчарду и настояла, чтобы немедленно взломали двери. Так и сделали. Для опытной сиделки достаточно было одного взгляда на распростертое тело, чтобы понять истину. Для порядка она попросила Джорджа позвонить врачу, хотя было слишком поздно: миссис Притчард умерла не менее восьми часов назад. Флакончик с солями выпал из ее рук на простыню, а на обоях рядом с нею одна из розовых гераней превратилась в ЯРКО-ГОЛУБУЮ.

— Ужас, — сказала мисс Хелиер, испугавшись уже по-настоящему.

Сэр Генри нахмурился:

— И это все?

Полковник кивнул молча. Но его жена быстро проговорила:

— Газ.

— Какой газ? — спросил сэр Генри.

— Врач почувствовал слабый запах газа. Он обнаружил, что газовый кран в камине прикручен неплотно. Впрочем, настолько незначительно, что этому не стоило придавать значения.

— А мистер Притчард и сиделка ничего не ощутили, когда вошли в комнату?

— Сиделка нет, а Джордж да. Он вообще чувствовал себя неважно, но отнес это за счет потрясения. Во всяком случае не могло быть и речи об отравлении газом, запах был еле уловим.

— И на этом история кончается?

— Не совсем. Пошли разговоры. Слуги частенько слышали, как миссис Притчард обвиняла мужа в ненависти к себе и, не стесняясь посторонних ушей, кричала, что он был бы рад ее смерти. Пошли пересуды о том, что незадолго до смерти миссис Притчард упрекала мужа: он снова отказывался уехать из этого дома. Она даже будто бы сказала: «Когда я умру, все поймут, что вы меня убили!» И надо же случиться такому фатальному совпадению: накануне кончины жены Джорджа видели в саду, он разбрасывал лопатой средство для уничтожения сорняков. Более того, одна из служанок утверждала, что сразу после возни с ядохимикатами он отнес жене стакан горячего молока. Слухи ширились.

Не знаю точно текста медицинского заключения, но в нем была одна из тех туманных формулировок, которые столь мало объясняют: шок, приступ, кровоизлияние. Короче говоря, бедняжка еще и месяца не пролежала в земле, как было назначено вскрытие могилы и эксгумация.

— А я припоминаю, что результат оказался отрицательным, — заметил сэр Генри.

— История действительно загадочная, — сказала миссис Бэнтри. — Например, не обнаружили никаких следов Зориды. По тому адресу, где, предполагалось, она живет, ее никто не знал.

— Она возникла из голубого тумана, он ведь тоже бывает голубым! И растаяла в тумане, — важно сказал полковник.

— Кроме того, маленькая мисс Кэрстайрс, которая якобы рекомендовала ее, никогда о ней не слыхала.

Все недоуменно переглянулись.

— А что, мистер Притчард женился на мисс Инстоу? — спросила мисс Марпл совершенно обычным голосом.

— Почему вы спросили именно об этом? — вскинулся сэр Генри.

Мисс Марпл, как бы не понимая, широко раскрыла добрые глаза:

— Мне показалось это важным. Так они поженились?

Полковник отрицательно покачал головой:

— По правде говоря, мы этого ждали... Но вот уже полгода, как скончалась миссис Притчард, а создается впечатление, что их дружба врозь. Они почти не видятся.

— Это очень, очень важно, — прошептала мисс Марпл.

— Значит, вы думаете то же, что и я, — воскликнула миссис Бэнтри. — Вы пришли к выводу, что...

— Долли, — запротестовал полковник, — то, что вы собираетесь произнести, нелепо и невозможно! Нельзя обвинять без единого доказательства.

— Не будьте боязливым педантом, Артур. Мужчины всегда трусят продвинуться вперед хоть на шажок. Мы в кругу друзей, и я могу смело договорить свою начатую мысль. Я задалась вопросом: не могло ли случиться — или, вернее, оказаться возможным, — чтобы гадалкой — о, разумеется, лишь ради шутки! — переоделась Джин Инстоу? Ни секунды не сомневаюсь, что она проделала бы это без замысла причинить зло, просто ради развлечения. А миссис Притчард оказалась слишком чувствительной и умерла от страха. Вы это хотели сказать, мисс Марпл?

— Нет, милая, ничего подобного. Видите ли, если бы я задумала кого-нибудь убить... конечно, я не могу даже в мыслях допустить такое! Ведь убийство — большой грех. Кроме того, я не люблю никого убивать, даже ос, хотя это просто необходимо, всякий садовник вам скажет. Но, надеюсь, садовники прибегают к гуманным способам?.. Да, так о чем я?

— Если бы вы собрались кого-нибудь убить, — подсказал сэр Генри.

— Ах, да. Так вот, если бы я захотела убить, я не ограничилась бы тем, чтобы просто напугать до смерти. Каждый день можно слышать россказни, будто кто-то умер от страха, но мне такой способ представляется ненадежным. Люди гораздо выносливее, чем можно подумать. Я избрала бы что-нибудь повернее. Но, конечно, в соответствии с обдуманным планом.

— Мисс Марпл, — сказал, усмехаясь, сэр Генри. — Вы меня пугаете. Надеюсь, вам никогда не захочется

избавиться от меня? Ваш способ был бы абсолютно беспроигрышен!

Старая дама взглянула на него с искренним упреком:

— Но я ведь объяснила, что не собираюсь убивать. Просто я пытаюсь поставить себя на место... ну, скажем, некоего человека.

— Вы имеется в виду Джорджа Притчарда? — спросил со вздохом полковник Бэнтри. — Я лично никогда не думал, что Джордж... однако вспоминаю, что сиделка была в этом убеждена.

— Возможно, что она не ошиблась. Ведь сиделки часто ЗНАЮТ. Она опасается сказать вслух, у нее нет доказательств, но она знает.

Сэр Генри нагнулся над креслом старой дамы:

— Продолжайте же, мисс Марпл. Вы несколько уклонились. Не хотите ли вы нам сказать...

— О, простите. Я подумала о больничной приходящей сиделке. Такая, знаете ли, деликатная проблема.

— Еще сложнее, чем голубая герань?

— Да нет, ведь начало положили примулы! Миссис Бэнтри, вы сказали, что на обоях были букетики желтых и розовых примул? Если розовая примула превратилась в голубую, тогда все сходится. Вот если была желтая...

— Она не была желтая.

— Тогда все разъяснилось. — Мисс Марпл с сожалением покачала головой. — Время года, когда летают осы. Ну и газ тоже.

— Держу пари, вы снова припомнили какую-нибудь деревенскую трагедию? — сказал сэр Генри.

— Вовсе нет, не трагедию и не преступление. Просто задумалась о тех досадных мелочах, которыми нам докучает приходящая сиделка в больнице. В конце концов сиделка тоже обыкновенная женщина, но ей все время приходится держать себя в узде, ходить по струнке да еще носить эти неудобные неизящные белые воротнички... ну и, конечно, хранить чужие семейные тайны. В общем, не удивительно, что время от времени происходят подобные вещи.

Взгляд сэра Генри приобрел охотничий блеск:

— Вы говорите о мисс Кэрстайрс?

— Нет, о мисс Коплинг. Она уже служила в этом

доме, и, по-моему, ее привлекал туда мистер Притчард. Он ведь был приятным мужчиной, не так ли? Возможно, бедняжка принялась фантазировать, вообразила себе... Впрочем, не станем вдаваться в излишние догадки. А о существовании мисс Инстоу сиделка могла и не знать поначалу. Зато когда узнала, то и направила против нее все усилия, готовясь именно той причинить зло. Значит, ее выдало письмо?

— Какое письмо?

— Ну как же... Она написала гадалке по поручению миссис Притчард, и та явилась якобы в ответ на письмо. Но ведь выяснилось, что никакая предсказательница не жила по этому адресу! Прямое указание на то, что сама мисс Коплинг замешана в этой истории. Она ведь сказала, что отправила письмо? Значит, она и была Зоридой.

— Не понимаю, как я проморгал такую важную улику! — хлопнул себя по лбу сэр Генри.

— Разумеется, переодевание было сопряжено с риском, — продолжала мисс Марпл. — Хозяйка могла ее узнать. Ну, тогда мисс Коплинг обратила бы все в шутку, не более.

— А что вы имели в виду, когда сказали, что на месте НЕКОЕГО ЧЕЛОВЕКА не возлагали бы все надежды только на сильный испуг?

— Да просто это ненадежный способ. Предупреждение и голубые цветы всего лишь ширма, то, что называется камуфляжем.

— А на самом деле?..

— Простите, что я возвращаюсь к осам, но однажды я наблюдала, как садовник смешивает в бутылке цианистый калий с водой, ну и припомнила это, когда вы заговорили о флаконе с солями. Если соли заменить ядовитой смесью, то право же... А бедняжка не расставалась со своим флакончиком! Его ведь обнаружили на постели? Пока мистер Притчард уходил к телефону, заменить флаконы ничего не стоило. А чтобы рассеять запах миндаля от цианистого калия, она открыла газ. Я слыхала, что по прошествии некоторого времени от цианистого калия не остается следов? Впрочем, тут я не настаиваю, можно было употребить другой яд. Это уж не так важно, не правда ли?

Старая дама несколько запыхалась и умолкла.

Джейн Хелиер с любопытством и доверчивостью наклонилась к ней:

— А как же голубая герань и все эти цветы?

— У сиделок всегда наготове лакмусовая бумажка для... ну, для известной проверки... не буду уточнять. Мне самой случалось ухаживать за больными и я знаю, — она слегка покраснела, — что под действием щелочей красный цвет превращается в голубой. Очень легко нанести слой лакмусовой пасты на красный цветок возле кровати. Запах аммиака из флакончика незаметно превращал его в голубой, но кто обращал на это внимание? А меняя флаконы, мисс Коплинг поднесла аммиак к обоям.

— Вы словно там присутствовали, дорогая мисс Марпл! — воскликнул сэр Генри.

— Кто меня по-настоящему волнует, — озабоченно продолжала старая дама, — так это мистер Притчард и милая девушка мисс Инстоу. Боюсь, они подозревают друг друга и поэтому сторонятся. А жизнь так быстротечна! — она сокрушенно качала головой.

— Могу вас успокоить, — вмешался сэр Генри. — Я получил недавно известие, которое все ставит на место. Арестовали сиделку, обвиненную в отравлении старика-больного, который оставил ей наследство. Она подменила соли в его флаконе цианистым калием. Коплинг пользовалась тем же приемом. Мисс Инстоу и мистер Притчард могут отказаться от своих подозрений!

— Ах, это прекрасно! Разумеется, я не имею в виду ее новое преступление, оно ужасно и лишний раз напоминает о том, как много зла рассеяно в мире... Простите, я вспомнила, что мы с доктором Ллойдом не закончили наш разговор о приходящей сиделке в деревенской больнице. Это чрезвычайно важно.

Перевод с английского
Г. КОСТИНОЙ и Л. ОБУХОВОЙ.

КЛИФФОРД САЙМАК

ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Этот день начался прескверно. Артур Бельзен, наш сосед через дорогу, включил свой оркестр в шесть часов утра и меня аж подбросило в постели.

Понимаете, по профессии этот Бельзен — инженер, но настоящая его страсть — музыка. Ко всему прочему, у него страшно непоседливый характер, все время он что-то выдумывает, что-то мастерит.

Год или два назад он надумал создать симфонический оркестр из роботов. Вскоре у него уже были машины способные читать — не только играть, но и читать — музыкальные знаки с перфоленты. Он смонтировал также аппарат, переводящий на перфоленту ноты. После этого изготовил целое стадо таких роботов в мастерской — в подвале своего дома.

А теперь он их испытывал!

Жители нашей улицы время от времени поговаривали насчет суда Линча, но дальше болтовни дело не шло.

Элен села в кровати рядом со мной и зажала уши руками, но я знал, что это не поможет. Оркестр гремел что есть мочи — наш сосед в который раз проверял, по его собственному выражению, на что эти роботы способны. К этому времени он, пожалуй, разбудил уже всю округу.

— Ну, вот и выспались, — сказал я и начал одеваться.

Пока жена возилась на кухне, я решил сходить и посмотреть на георгины, которые росли у нас в саду за гаражом. Должен сказать, что я гордился своими георгинами. До открытия выставки цветов оставались

считанные дни, и к тому времени мои красавцы должны были расцвести во всем своем великолепии.

Итак я вышел, чтобы пройти в сад, однако сделать это мне не удалось. На нашей улице всегда так бывает. Какое бы дело ты не задумал, тебе никогда не довести его до конца — обязательно кто-нибудь остановит тебя на полдороге и начнет чесать языком.

На этот раз это был Добби, то есть доктор Дарби Уэллс, степенный чудаковатый старикан с длинными седыми баками, наш ближайший сосед. В свое время Добби был довольно известный энтомолог, преподавал в университете, и это прозвище дали ему студенты.

А так как Добби давно уже вышел в отставку, то теперь ему осточертел весь белый свет, и величайшей утехой для него стало ловить первого встречного и вступать с ним в долгий и беспредметный разговор.

Заметив его, я сразу же понял, что влип.

— Конечно, это прекрасно, — затарахтел Добби из-за своего забора, как только я приблизился на расстояние, с которого мог услышать его голос, — это прекрасно, когда у человека есть своя страсть, но должен сказать, что в данном случае и в такое время, когда даже еще не рассвело, подобные поступки просто пахнут неуважением к другим.

— Вы имеете в виду это, — сказал я, ткнув пальцем в сторону дома Бельзена, где все еще завывал с неутихающей силой стоголосый кошачий концерт.

— Вот именно, — кивнул Добби и с глубокомысленным видом погладил свои баки. — При этом, поверьте, этот человек вызывает у меня глубокое уважение...

— Уважение? — переспросил я.

Иногда мне просто трудно бывает понять Добби. И меня не так озадачивает его напыщенность, как удивительный ход мыслей.

— Да, — ответил он. — Дело ведь не только в его роботах, хотя и сами по себе они представляют чудо электроники. Мое личное восхищение вызывает тот аппарат, который переводит ноты на перфоленту. Какой же это умный аппарат! Иногда мне кажется, что он наделен человеческим разумом.

Мы болтали о Бельзене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Только я сел за стол, как она повела на меня наступление.

— Рэндолл, — сказала она решительно, — кухня снова буквально кишит муравьями.

— А я думал, что ты их уже вывела.

— Ну да, в прошлый раз мне удалось выследить, где у них гнездо, и залить его кипятком. Но теперь твоя очередь.

— Ладно. Вот позавтракаю и займусь ими, — пообещал я.

— Это еще не все, — продолжала Элен. — Нужно что-то делать с осами, которые поселились у нас на чердаке. Позавчера они ужалили девочку Монтгомери.

Она собиралась еще что-то сказать, но в этот момент в кухню ворвался Билл, наш одиннадцатилетний сын.

— Взгляни, папа, — возбужденно воскликнул он, протягивая мне маленькую пластмассовую коробочку, — такого я еще никогда не видел!

Мне не нужно было спрашивать, в чем дело, я и так знал, что в коробочке этой какое-нибудь насекомое. Прошлый год Билли коллекционировал марки, в этом — перешел на насекомых. Вот вам еще один результат того обстоятельства, что ближайший твой сосед — энтомолог.

Без всякого энтузиазма я взял коробочку в руки и, глянув на насекомое, сказал:

— Обыкновенная божья коровка.

— Ничего подобного, — ответил Билли. — Для божьей коровки этот жучок слишком велик. И пятнышки у него другие, и цвет совсем не тот. К тому же он — золотистый, а божья коровка — ярко-желтая.

— Ну что ж, посмотри в определителе, — сказал я, теряя терпение.

— А я уже смотрел, — ответил Билли. — Весь определитель пересмотрел, но такого жука не нашел.

— А где же ты обнаружил этого жука, сынок, — спросил я, потому что мне стало немножко стыдно, что я так набросился на него.

— У себя в комнате, — ответил Билли.

— В доме! — охнула Элен. — Мало нам насекомых...

— Вот позавтракаем и сразу же пойду покажу его доктору Уэллсу.

— Ты, смотри, не докучай вопросами Добби.

— Рэндолл, — сказала Элен, приступая к новой жалобе, — я просто не знаю, что мне делать с Норой.

Нора — это наша уборщица. Она приходит к нам дважды в неделю.

— Она ничего не хочет делать. Ни прибрать, ни подмести, только тряпкой пройдется разок по мебели и — будьте здоровы.

— Ну что ж, найми какую-нибудь другую женщину, — сказал я.

— Бог с тобой, Рэндолл, ты даже не понимаешь, что говоришь. Сейчас уборщицу днем с огнем не сыщешь. А тем более такую, чтоб на нее можно было положиться. На днях мне Эмми рассказывала...

Я слушал... Отвечал... Слава богу, все это говорилось не впервые.

Позавтракав, я сразу же отправился к себе в контору. Для приема клиентов время было еще раннее, но мне нужно было оформить несколько страховых полисов, просмотреть некоторые бумаги, словом, было чем заполнить пару лишних часов.

Элен позвонила мне около двенадцати.

— Рэндолл, — сказала она без всякого вступления чрезвычайно сердитым голосом. — Кто-то забросил в наш сад большущий камень.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Даже не камень, а целую глыбу. Она раздавила все твои георгины.

— Георгины! — охнул я.

— Что самое удивительное — там нет никаких следов колес. Чтобы перевезти такую глыбу, нужен был бы солидный грузовик.

— Подожди, подожди! Каких же размеров этот камень?

— В высоту почти такой, как я.

— Это же невозможно! — в бешенстве закричал я. Потом попробовал себя успокоить. — Это кто-то пошутил. Кто-то решил отмочить номер.

— Ничего себе шуточки, — ответила Элен.

Нет, никто из соседей не мог этого сделать, думал я. Они же все знают, как я возился с этими георги-

нами, как надеялся снова получить за них почетную ленту выставки.

Я вернулся к своим делам, но у меня уже ничего не клеилось. Георгины не выходили из головы.

Поэтому через час я закрыл контору и, заскочив по дороге в аптеку, купил инсектицид в баллончике с пульверизатором. На этикетке было написано, что эта жидкость уничтожает муравьев, тараканов, ос, комаров и всякую прочую нечисть.

Билли я увидел еще издали: он сидел на крыльце нашего дома.

— Хэлло, сынок! Скучаешь, а?

Я поставил баллончик с инсектицидом на кухонный стол и направился в сад. Билли, позевывая, поплелся следом за мной.

Камень действительно торчал там, прямо посреди грядки с георгинами, и Элен нисколько не преувеличивала его размеры. Вид у него был довольно необычный: поверхность не выщербленная, гладкая, форма — почти правильный шар, а цвет — вроде вылинявшего красного. Я обошел камень со всех сторон, чтобы получить представление о причиненном ущербе. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. На земле не было никаких отпечатков шин, вообще никаких следов, которые свидетельствовали бы о том, как оказался камень на этом месте. Он лежал шагах в тридцати от подъездной аллеи: конечно, кто-нибудь мог опустить его в сад с помощью крана, но и это предположение было весьма неправдоподобным, поскольку вдоль аллеи тянулись линии электро- и радиопередач.

Я подошел к камню вплотную и снова внимательно осмотрел его. Теперь я заметил, что вся поверхность камня покрыта маленькими отверстиями неправильной формы, каждое глубиной не более полдюйма, и только кое-где встречались совсем гладкие места, более темного цвета и блестящие. Это навело меня на мысль, что когда-то так выглядела, наверное, вся поверхность глыбы. Эти более темные и гладкие места поблескивали, словно навощенные, и блеск их навеял мне неясное воспоминание о коллекции, которую показал мне когда-то, давным-давно, один из друзей детства.

Я наклонился еще ближе, и мне показалось, что под полированной поверхностью проступают чуть заметные волнистые линии.

— Билли, — сказал я, — ты сумел бы отличить агат от других камней?

— Н-нет, папа, навряд ли. Вот Томми — тот сумел бы. Он все время собирает разные камни.

Билли подошел, послюнил большой палец и потер блестящую поверхность.

— Похоже, действительно агат, — сказал он. — Но точно сказать не могу.

Чуть отступив назад, он впился в глыбу загоревшимися вдруг глазами.

— Послушай, папа, если это действительно агат — большущий агат — то он должен стоить кучу денег, правда?

— Не знаю. Вполне возможно.

— Я пойду, приведу Томми, — сказал Вилли.

Через мгновение он исчез за гаражом.

Я обошел камень несколько раз, пытаясь определить на глаз его вес, но у меня ничего не вышло: я просто не знал, как это делается.

Поэтому я вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом. Потом отвинтил колпачок и нажал на кнопку: пульверизатор работал.

Тогда я встал на колени возле кухонных дверей и начал искать дорожку, по которой муравьи пробираются в дом. Что-то блеснуло в углу кухни. Я всмотрелся. Золотой шарик катился по полу вдоль плинтуса, направляясь к тумбочке под кухонным умывальником.

Это был еще один жучок, похожий на большую божью коровку.

Прицелившись, я выпустил по нему струю из пульверизатора, но жучок, как ни в чем не бывало, добежал до тумбочки и скрылся под ней.

Я пожал плечами и снова принялся искать муравьев, но так ни одного и не увидел. Через порог они, во всяком случае, не переползали ни в ту, ни в другую сторону. Не было их и в умывальнике и на кухонном столе.

Убедившись в этом, я решил провести рекогносцировку для осуществления операции «Оса», прекрасно понимая, что без кровопролития здесь не обойтись.

Осы слепили свое гнездо над чердачным окошком, добраться до него будет, пожалуй, нелегко. Обойдя кругом дом, я остановился под этим окошком и, поглядывая на него, начал взвешивать свои шансы. Лучше всего будет дождаться ночи, когда все осы соберутся дома, в гнезде — решил я.

Рассуждая таким образом, я продолжал поглядывать на гнездо. Осы то зелетали в него, то вылетали. И вдруг на моих глазах две осы выпали из гнезда. Удивившись, я подошел ближе и увидел, что земля под окошком буквально усеяна мертвыми и умирающими осами. Через секунду еще одна оса упала на землю и закружилась в предсмертной агонии.

Я обошел это место вокруг, пытаясь понять, что же здесь, собственно, происходит. Но так ничего и не понял: осы просто сыпались из гнезда, и точка. Ну что ж, сказал я себе. Пусть хоть все передохнут — все мне меньше мороки будет.

Когда я возвращался на кухню с баллончиком инсектицида в руках, из-за гаража выскочили, переводя дух, крайне возбужденные Билли и Томми Гендерсон.

— Мистер Мардсен, — воскликнул Томми, — этот камень — настоящий полосатый агат!

— Ну что ж, чудесно, чудесно, — рассеянно ответил я.

— Но вы не понимаете, — затараторил Томми. — Таких крупных агатов еще не было — особенно полосатых. Обычно они не превышают размерами кулак.

Вот это уже подействовало на меня. Я на миг замер на месте, а потом круто развернулся и направился за гараж, снова взглянуть на камень в своем саду. Ребята побежали следом за мной.

Как же он был красив, этот камень! Я протянул руку и погладил его. Нет, все-таки это счастье, что кто-то подбросил его ко мне в сад. О своих георгинах я уже больше не вспоминал.

— Готов держать пари, — сказал Томми, глядя на меня широко раскрытыми глазами, — что вы можете выручить за него целый мешок денег.

Сознаюсь, что приблизительно такая же мысль крутилась в это мгновение и в моей голове.

Я снова протянул руку и толкнул камень, просто, чтобы ощутить, какой он тяжелый и массивный.

Но от этого толчка он слегка качнулся.

Удивленный, я толкнул еще раз, чуть сильнее, и камень снова качнулся.

У Томми загорелись глаза.

— Вот это да, мистер Мардсен! По правилам, он не должен бы качаться.

Я не совсем твердой походкой вернулся в дом, поставил баллончик с инсектицидами, а затем вышел и сел на крыльцо, чтобы обмозговать эту историю.

Если поверить Томми, если поверить, что этот камень — действительно огромный агат, то им мог бы заинтересоваться любой музей, а, значит, его можно было бы продать за кругленькую сумму. Но опять-таки, если это агат, то почему он такой легкий? По всем законам его вес должен быть таким, чтобы и десять человек не смогли бы сдвинуть его с места.

Но, предположим, что это все-таки агат: какие же тогда будут мои юридические права на него? Он лежит в моем саду и, значит, должен считаться моей собственностью. Но что, если кто-нибудь придет и заявит, что этот камень принадлежит ему?

Кроме этих загадок, мой мозг все время сверлила та, первая: как он вообще сюда попал?

Мои путаные мысли прервало появление Добби: он вынырнул из-за угла дома, подошел ко мне и сел рядом на крыльцо.

— Вот и не верь в чудеса, — начал он, — я слышал, будто у вас в саду появился огромный агат?

— Томми Гендерсон уверяет, что это все-таки агат. А он, пожалуй, разбирается в таких вещах. Билли говорит, что он коллекционирует камни.

— Сегодня, когда я завтракал, ваш сын принес мне насекомое и попросил определить его.

— Я велел ему не мешать вам.

— Я очень рад, что он его принес, — сказал Добби. — Такое насекомое я вижу впервые в жизни.

— А я решил было, что это божья коровка.

— Да, — согласился Добби. — Какое-то сходство между ними, несомненно, есть. Но чисто внешнее. Если хотите знать, я даже не уверен, что в данном случае мы имеем дело с насекомым. По многим признакам это существо больше напоминает черепаху, чем жука. У него абсолютно отсутствует сегментация тела, характерная для любого насекомого. Внешний скелет необычайно твердый, голова и ножки втягива-

ются, совсем нет усиков. Кстати, вам они больше не попадались?

— Недавно я видел еще одного. Он бегал по кухне.

— Будьте добры, если снова увидете, поймайте его для меня, хорошо?

— Хорошо, — ответил я. — Попробую.

И я действительно попробовал. Когда Добби ушел, я спустился в подвал. Несколько золотых жучков сновало там по полу. Но как я ни пытался поймать хоть бы одного, у меня ничего не получалось. В конце концов я плюнул на это дело и отправился наверх.

После обеда ко мне прибежал Артур Бельзен. Он прямо-таки подпрыгивал от возбуждения, но ничего необычного в этом не было. Этого похожего на пташку нервного человечка выбивает из равновесия любой пустяк.

— Я слышал, что тот камень в вашем саду — настоящий агат, — сказал он. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Я еще не решил. Наверное, продам тому, кто захочет его купить.

— Он может стоить кучу денег, — сказал Бельзен. — Вам нельзя оставлять его без надзора. Кто-нибудь может утащить его.

— Ну что ж, так и будет, — ответил я. — Перенести его в другое место я не могу, а сидеть всю ночь и сторожить — не собираюсь.

— А вам и не нужно сидеть всю ночь. Я могу вам помочь в этом деле. Нужно натянуть на колышках вокруг камня проволоку и соединить ее с колокольчиком.

Меня эта идея отнюдь не привела в восторг, и я попробовал отговорить его. Но где там! Бельзен уже ни о чем ином и думать не мог. Он сбегал домой, принес моток проволоки, коробку с инструментами, и мы приступили к работе...

Посреди ночи колокольчик забренчал, да так громко, что с меня сразу же слетел сон. Протерев глаза, я вспомнил, в чем дело, и опрометью помчался вниз по лестнице. На предпоследней ступеньке я наступил на что-то твердое, оно завертелось у меня под ногой, и я спикировал головой вниз на пол гостиной. По дороге я зацепил лампу, и она свалилась на меня, сильно стукнув по затылку.

В лучах лунного света, падавшего на пол сквозь окно, я увидел шарик. Он быстро бежал. Да, да, именно бежал, а не катился. И не он один: несколько десятков блестящих, золотистых шариков сновало по полу во всех направлениях. И это еще не все. Посреди гостиной, в самом ее центре, стоял — ну, что бы вы подумали? Холодильник!

Колокольчик все еще бренчал, и я помчался на двор. Сверху, из раскрытых дверей нашей спальни, вслед за мной понеслась яростная ругань Элен.

Обогнув гараж, я увидел, что перед камнем стоит явно удивленный пес. Он умудрился запутаться одной лапой в этой идиотской бельзеновской проволоке и теперь стоял на трех лапах, пытаясь высвободить четвертую.

Я закричал на него и, наклонившись, начал шарить пальцами в траве, разыскивая что-нибудь такое, чем можно было бы в него запустить. Пес подпрыгнул, выдернул лапу и бросился наутек, хлопая ушами.

Колокольчик позади меня замолчал.

Я поплелся домой, чувствуя себя стопроцентным идиотом. И тут внезапно вспомнил картину, виденную мною несколько минут назад: холодильник, стоящий посреди гостиной. Нет, это тебе не пригрезилось, тут же подумал я. Холодильник стоит на кухне, там его место, и кому бы могло прийти в голову передвигать его оттуда?

Нет, тебе уже начинает чудиться всякая чертовщина, — сказал я себе. — Этот камень и эти жуки отшибли тебе память, и у тебя начались галлюцинации.

Но галлюцинации были здесь ни при чем.

Холодильник все еще стоял посреди гостиной. Выдернутый из розетки шнур валялся на полу. Лужа воды из морозильника намочила ковер.

— Он испортит мой ковер, — закричала, увидев меня, Элен. Она стояла, щурясь, в углу комнаты и бросала оттуда испепеляющие взгляды на эмалированный белый шкафчик, неведомо как попавший сюда. — И продукты все испортятся, и...

Заспаный Билли, спотыкаясь со сна, спустился в гостиную.

— Что тут случилось? — спросил он.

Я хотел было сказать ему, что дом буквально ки-

шит жучками, да вовремя прикусил язык. Зачем волновать Элен, когда она и без того достаточно взвинчена. Поэтому, стараясь говорить как можно будничней, я предложил:

— Давайте, поставим этот ящик на место. Втроем мы справимся.

С грехом пополам мы перетащили холодильник на кухню и включили в сеть. Элен принялась вытирать тряпкой намокший ковер.

— Кто это там был возле камня, папа? — спросил Билли.

— Какая-то собака, — ответил я. — Только собака, и никого больше.

— Я с самого начала была против этой затеи, — заявила Элен. Она стояла на коленях и яростно терла тряпкой ковер. — Все это полнейшая бессмыслица. Никто бы не позарился на ваш камень. Это же не какая-то там вещь, которую можно положить в карман. Твой Артур Бельзен просто чокнутый.

— Вполне согласен с тобой, — хмуро ответил я. — Но ты же знаешь, какой он въедливый и упрямый. К тому же, у него всегда на уме всякие механизмы и приборы.

— Вот увидишь, мы сегодня не сомкнем глаз, — сказала она. — Каждые десять минут нас будут будить бродячий кот или собака. И я не верю, что эта каменюга — агат.

И тут в голове у меня мелькнула дикая, фантастическая мысль. Она взялась неведомо откуда, и сначала я отмахнулся от нее. Но она вернулась снова, вытеснила все остальные мысли и гвоздем засела в мозгу, кинув меня в дрожь. «А что, если между поведением холодильника и жуками существует какая-нибудь связь?»

«Но никакой жук, — сказал я себе, — никакой-растакой жук не сможет сдвинуть с места холодильник. И сто жуков не сможет, и тысяча. Более того — и это главное — жукам просто незачем передвигать холодильник. Ну разве их касается, где он стоит — на кухне или в гостиной?»

Я подошел к колокольчику, который висел над кухонной дверью, и оборвал проволоку.

— Все, теперь уж нам никто не будет мешать, — сказал я жене.

Говоря по правде, я был уверен, что так и не засну до утра — буду лежать с открытыми глазами, обмозговывая историю с холодильником. Но я ошибся: сон пришел, хотя и ненадолго.

В пол-седьмого Бельзен включил свой оркестр, и меня сдуло с кровати.

Я позакрывал все окна в спальне. Шум немного утих.

— Накрой голову подушкой, — посоветовала жена.

Одевшись, я спустился вниз. Холодильник стоял на кухне, и все как будто было в порядке. Несколько жуков сновало по полу, но вреда они никакого не делали.

Кое-как позавтракав, я отправился к себе в контору — снова, как и вчера, гораздо раньше, чем в этом была необходимость. «Если так будет и дальше, — думал я, — то всем нам, соседям, придется собраться и принять какое-то решение относительно Бельзена и его оркестра».

Вернувшись с работы домой, я застал у себя какого-то типа с ненормальными глазами.

— Вы Мардсен? — спросил он, даже не поздоровавшись. — У вас, говорят, есть большой агат.

Этот тип был маленький и плюгавый, одет он был в галифе, цвета хаки, и обут в ботинки. За поясом у него торчал геологический молоток.

— А я, когда услышал, то не поверил, — сказал он запальчиво и даже чуть воинственно. — Не поверил и до сих пор не верю, что бывают агаты таких размеров!

Мне его тон не понравился.

— Если вы пришли ко мне спорить...

Он замахал руками.

— Нет, нет. Меня зовут Кристиан Барр. Я коллекционирую минералы, понимаете? Занимаюсь этим всю жизнь. У меня большая коллекция. Являюсь президентом нашего «Клуба собирателей камней» и получаю премии почти на каждой выставке. Потому-то, узнав, что у вас есть такой камень...

— Ну?

— Я решил осмотреть его, чтобы, возможно, сделать вам определенное предложение. Но сначала я должен его осмотреть.

Я сдвинул свою шляпу на затылок и прихлопнул рукой, чтобы она не слетала.

Увидев камень, Барр сначала сделал стойку, как лягавая на утку, а затем начал кружить вокруг него. Потом он остановился, и сказал сдавленным от волнения голосом. — Настоящий и, очевидно, сплошной агат.

Он вытащил из-за пояса молоток и легонько стукнул им по камню. Тот загудел, словно гигантский колокол.

Барр остолбенело уставился на камень, челюсть его отвисла.

— Тут что-то не то. Камень звучит так, словно внутри он — пустой.

Он стукнул еще раз, и глыба снова загудела.

— Агат обладает необычными свойствами, — сказал Барр. — Он тверже самой лучшей стали. Из этого камня вышел бы, наверно, чудесный колокол — если бы его можно было соответственно обработать.

Он сунул молоток за пояс и снова закружил вокруг глыбы.

— Мардсен, — сказал он, — сколько вы возьмете за него?

— Цену вы должны назвать сами, — ответил я. — Я не имею представления, сколько он может стоить.

— Я дам вам тысячу.

— Нет, — отказался я. Не потому, конечно, что считал эту сумму слишком малой, а потому, что давно установил себе за правило — в коммерческих делах никогда не соглашаться на первое предложение.

— Если бы он не был пустым, — сказал Барр, — то стоил бы куда больше.

— А почему вы так уверены, что он пустой?

— Вы же слышали, как он гудит.

— Ну и что же из того? Может, он от природы такой — должен гудеть!

Барр покачал головой.

— Нет, тут вообще что-то не то. Послушайте, — сказал он, помолчав. — В нем есть дырка. Вот здесь, в нижней части.

Я присел на корточки и посмотрел на то место, куда он указывал пальцем. Там действительно была аккуратная, круглая дырочка диаметром не более

пол-дюйма — такая аккуратная, словно ее кто-то просверлил дрелью.

Барр осмотрелся вокруг, увидел крепкий и длинный стебель, сорвал его и сунул в дырку. Стебель вошел туда целиком.

Барр поднялся, затем присел на корточки и, задумчиво уставившись на камень, пробормотал:

— Он все-таки пустой!

Но Барр внезапно перестал существовать для меня. Я вдруг покрылся холодным потом.

Потому что еще одна сумасшедшая мысль мелькнула у меня в голове:

«По размерам эта дырка как раз подходит для моих жучков!»

— Ну, давайте так: я вам даю две тысячи и забираю его, — сказал Барр.

Я покачал головой. «Видно, я все-таки схожу с ума, — думал я. — Сначала мне чудилась какая-то связь между жуками и холодильником, теперь я связываю их с этой вот глыбой, хотя даже малому ребенку ясно, что ни к холодильнику, ни к камню они не могут иметь никакого отношения.

Может, эти жуки относятся к виду, который в результате какого-то экологического кризиса или толчка после многих столетий никому не заметного существования внезапно начал бурно развиваться».

— Вы хотите сказать, — изумленно воскликнул Барр, — что не соглашаетесь на две тысячи?

— А? — спросил я, опускаясь на грешную землю.

— Я только что предложил вам две тысячи долларов за этот камень.

— Я хотел бы немного подумать, — осторожно ответил я. — Если я решу принять ваше предложение, то где вас можно будет найти?

Он дал мне номер своего телефона, довольно невежливо буркнул: «До свидания!» — и ушел.

В одном теперь я был совершенно уверен. Дальше оставлять камень в саду уже нельзя: он все-таки представляет собой ценность, и кто-нибудь, не дай боже, еще позарится на него. Нужно каким-либо способом перетащить его в гараж и закрыть там. У Джорджа Монтгомери есть строительный блок со всеми причиндалами: это как раз то, что нужно.

Я направился домой, чтобы поделиться приятной новостью с Элен: впрочем, я почти не сомневался, что она набросится на меня из-за того, что я не взял предложенных двух тысяч.

Жена встретила меня в дверях кухни, пылко обняла и поцеловала.

— Ах, Рэндолл, это же просто сказка!

В голосе ее звенело счастье.

— Конечно, дорогая, конечно, — ответил я, удивленно думая: «Откуда она могла проведать о сделке?»

— Нет, ты только иди и посмотри на них! — воскликнула она. — Эти жучки прибирают дом! И какую чистоту они наводят!

— Что-о-о?! — воскликнул я.

— Да ты пойди, посмотри! — повторила Элен, нетерпеливо дергая меня за рукав.

Заглянув в гостиную, я застыл на пороге, ощущая изумление, граничащее с ужасом.

Жуки работали побатальонно, и в их действиях ощущалась твердая целенаправленность. Один отряд облюбовал спинку стула. Они ползли по ней четырьмя ровными шеренгами, обрабатывая обивку так, что она становилась, как новая.

Другой отряд очищал от пыли стол, а третий полировал коробку телевизора.

— Они почистили буквально все наши ковры! — возбужденно щебетала Элен. — В этом углу уже нет ни одной пылинки и — смотри — они берутся и за камин. Нора даже приближаться к нему не хотела. А теперь она мне больше не нужна. Пойми, Рэндолл, благодаря этим жукам мы сможем еженедельно экономить двадцать долларов — двадцать долларов, которые мы платили Норе! Послушай, дорогой, может, ты будешь теперь давать эти деньги мне, а? Они мне так нужны. Я уже сто лет ничего себе не шила, и мне нужна новая шляпка, и недавно я видела такие чудесные туфельки.

— Но это же жуки! — завопил я. — Ты же боишься жуков. Ты их ненавидишь. И жуки не чистят ковров. Они их только едят.

— Нет, эти жучки хорошенькие, — счастливым голосом ответила она. — И я их совсем не боюсь. Они не похожи на муравьев и пауков, и смотреть на них

нисколечко не противно. Они такие чистенькие, такие симпатичные и веселые.

Я стоял, смотрел, как стараются жуки, и меня обдавал мороз, — словно кто-то водил холодным пальцем по спине, — потому что хоть это и противоречило всякой логике, я теперь твердо знал, что все эти мысли о холодильнике и камне в действительности не такие уж сумасшедшие, как мне казалось на первый взгляд.

— Эй! — заорал я. — Эти существа совсем не жуки!

— Ах, меня это не касается, — игриво ответила Элен, набирая номер телефона своей подруги. — Только бы они прибирали помещение.

Поняв, что ее уже не остановить, я безнадежно махнул рукой, вышел из дома и направился в гараж, чтобы освободить место для камня.

Двери гаража были открыты. Внутри, наклонившись над рабочим столом, стоял Билли.

— Алло, сынок, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно бодрей. — Что ты тут мастеришь?

— Делаю ловушки для жуков, папа. Хочу поймать несколько чистильщиков. Томми напросился ко мне в партнеры. Он побежал домой за приманкой.

— За приманкой?

— Ну да. Мы с ним обнаружили, что эти жуки очень любят агат.

Я прислонился к стене, потому что у меня закружилась голова. Темп событий нарастал слишком быстро для меня.

— Мы испробовали эти ловушки в подвале, — продолжал мой сын. — Этих жуков там видимо-невидимо. Мы подкладывали им и сыр и яблоко, и дохлых мух — всякую всячину, но они ни на что не обращали внимания. А у Томми в кармане был агат — маленький такой, он его недавно подобрал. Ну, мы его положили и...

— Но почему именно агат, сынок? Мне бы никогда не пришло в голову...

— Ну, как бы это тебе объяснить, папа. Мы попробовали все, что могли, и...

— Да, понимаю, понимаю.

— Вот плохо только, что для ловушек не годится никакой материал, кроме пластмассы. Сквозь любую другую преграду они пробиваются, только пластик пробить не могут.

— Ну, хорошо. Но зачем вы собираетесь ловить этих жуков? Что вы с ними собираетесь делать?

— Как «что?»? Продавать, конечно, — ответил Билли. — Мы с Томми сразу же смекнули, какой на них будет спрос. Когда люди узнают, что эти жуки прибирают в доме, каждому захочется получить несколько штук для себя. Мы будем брать по пять долларов за пол-дюжины. Это же куда дешевле, чем пылесос.

— Но всего лишь шесть жуков...

— Они размножаются, — ответил Билли. — И страшно быстро. День или два назад их было всего несколько, а теперь они прямо роятся по всему дому.

Билли помолчал немного, обрабатывая какую-то деталь, потом сказал:

— Послушай, папа, может, ты присоединишься к нашему бизнесу? Нам нужен капитал — на приобретение пластика и кое-каких вещей. Присоединяйся — дело выгодное, ей богу!

— Скажи-ка мне, сынок, вы уже продали хоть одного жука?

— Ну-у, мы уже пробовали продавать, но пока нам никто не верит. Вот мы и решили немного подождать — пока мама не раззвонит о них по всей округе.

— А что вы сделали с пойманными жуками?

— Отнесли их доктору Уэллсу. С него мы денег не брали.

— Билли, у меня к тебе большая просьба.

— Какая, папа?

— Не продавай ты этих жуков никому. По крайней мере, хоть некоторое время, пока я не скажу тебе, что уже можно.

— Но, папа...

— Сынок, у меня возникло одно подозрение, которое я должен проверить. Мне кажется, что эти жуки — пришельцы из Космоса.

— Мы с Томми уже обговорили такую возможность.

— Что-о?

— Понимаешь, папа, сначала мы хотели продавать их просто как необычных существ. Это было еще перед тем, как мы узнали, что они умеют прибирать. И Томми сказал, почему бы нам не назвать их космическими жуками — ну, какими-нибудь там марсианскими, что ли. И тут нам пришло в голову: а может, они действительно с Марса? И чем больше мы думали об этом, тем более вероятной казалась нам эта мысль. Эти жуки не похожи на насекомых, не похожи вообще ни на кого — ни на одно земное существо...

Добби я застал у него в саду, на лавочке под яблоней. Он заговорил еще до того, как я успел к нему приблизиться.

— Рэндолл, сегодня у меня несчастный день. Всю жизнь я гордился высокой научной точностью своих исследований. Но сегодня, в приступе гнева я вполне сознательно и по доброй воле нарушил все правила экспериментальных наблюдений и лабораторной техники...

— Весьма сожалею, — сказал я, не понимая, что он, собственно, хочет этим сказать. Впрочем, такое случалось часто. Мне всегда было трудно взять в толк, к чему он клонит.

— А все эти ваши треклятые жуки! — внезапно воскликнул он гневно. — Поверите ли, если я скажу, что внешний скелет этого жука был настолько прочен, что я просто ничего не мог с ним поделать? Я не мог разрезать его, и я не мог его раздолбить. И знаете, что я тогда сделал?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил я довольно резко.

— Хорошо, тогда я скажу вам. Я взял одно из этих чертовых созданий и положил его на наковальню. Потом схватил молоток и что было сил тряхнул... Нет, скажу вам, меня до сих пор жжет стыд. С какой стороны на это не посмотри, такой поступок есть вопиющее нарушение норм лабораторной техники.

— Ну, я бы не убивался из-за такого пустяка. Считайте, что вас принудили к такому поступку чрезвычайные обстоятельства. Главное, на мой взгляд, это то, что вам удалось узнать о том жуке. — Тут у меня мелькнула страшная мысль. — Может... может, вы хотите сказать, что и молоток его не взял?

— Ну нет, этого я не скажу, — мстительно ответил Добби. — Молоток свое дело сделал. От жука только пыль осталась.

Я сел на скамейку возле него и приготовился терпеливо слушать дальше. Я знал, что в конце концов он расскажет мне почти все.

— Это просто невероятно, — продолжал Добби. — Да, невероятно. Этот жук состоял из кристаллов, похожих на кристаллы кварца. У него не было никакой протоплазмы. Или, точнее, — поправил он себя, — я не нашел у него никаких следов протоплазмы.

— Но... кристаллический жук? Это невозможно!

— Невозможно? — ответил Добби. — Ну да, невозможно — по нашим, земным представлениям. Это противоречит всему, что мы знаем и думаем. Но возникает такой вопрос: можно ли наши, земные представления, распространять на всю вселенную.

Я ничего не сказал, но мне сразу стало легче на душе. Поскольку еще кто-то думает так же, как и я, выходит, что я — не сумасшедший.

— Конечно, — говорил тем временем Добби, — когда-нибудь это должно было случиться. Рано или поздно какие-нибудь разумные существа с других миров должны были наткнуться на нас. Зная это, мы рисовали в своем воображении самых ужасных чудовищ, различных монстров, но никто из нас не допускал такого кошмара...

— Ну, пока еще нет никаких оснований бояться этих жуков, — поспешно сказал я. — Собственно, еще может статься, что мы превратим их в своих союзников. Да они и сейчас уже помогают человеку. Своими действиями они словно предлагают нам даже какое-то соглашение. Скажем, мы даем им место, где они могут жить и питаться, а они, в свою очередь...

— Вы ошибаетесь, Рэндолл, — торжественно заявил Добби. — Эти жуки — существа из другого мира. Так вот, не надейтесь, что у них может быть хоть какая-либо общая цель, хоть какая-либо общая точка зрения с человечеством. Их жизненный процесс, каким бы он ни был, целиком и полностью отличается от нашего. Так же должны отличаться и их взгляды. В сравнении с этими жуками паук — ваш родной брат.

— Но у нас были муравьи и осы, а они очистили от них весь дом.

— Если они это и сделали, то, уверяю вас, совсем не потому, что хотели вам помочь. Скорее всего вы для них — какие-то непонятные и еще не исследованные гигантские существа, за которых у них пока еще не было времени взяться. Конечно, они уничтожили всех ваших насекомых, но только потому, что насекомые укладываются в масштабы их собственного существования. Возможно, эти насекомые им мешали или жуки решили, что они представляют для них какую-то потенциальную опасность или препятствие. Я вот сидел здесь, и все время думал. И знаете, что мне пришло на ум? Возможно, что мы имеем дело с таким типом общества, какого на нашей планете никогда не существовало. Я уверен, что эти пришельцы обязательно должны действовать по принципу пчелиного роя. Перед нами не отдельные индивиды и не сумма индивидов: перед нами — коллектив, который действует как единое целое и имеет единую цель.

— Если вы действительно считаете, что они представляют для нас опасность, то какие контрмеры вы бы предложили?

— Молоток и наковальня у меня всегда под рукой!

— Оставьте ваши шутки, Добби.

— Вы правы, — сказал Добби. — Сейчас шутки не к месту, и молоток с наковальней здесь не помогут. Самый лучший выход, по-моему, — это эвакуировать весь район и сбросить на него атомную бомбу.

Тут я увидел, что к нам бежит запыхавшийся Билли.

— Папа, — горланил он. — Папа!

— Тише, — сказал я, хватая его за руку. — Что случилось?

— Кто-то ломает нашу мебель и выбрасывает ее во двор!

— Что-о? Ты не врешь?

— Да я видел это собственными глазами. Ой, что скажет мама!

Я не стал его дальше слушать, а опрометью помчался домой. Билли не отставал от меня, а Добби трусил сзади: он тряс своими белыми баками, словно козел бородой.

Дверь нашей кухни была распахнута настежь, а перед ней, на земле, лежали скомканная обивка и обломки стульев.

Одним махом одолев ступеньки крыльца, я кинулся к двери и в тот же миг заметил, что из нее на меня летит что-то большое и тяжелое. Я шарахнулся в сторону, и мимо меня пролетело то, что осталось от нашей кушетки, описав в воздухе дугу, она приземлилась на груду хлама, изуродованная и изувеченная.

К этому времени я уже разозлился не на шутку — пригнувшись, я прыгнул на землю, схватил ножку от стула и, держа ее в руке, проскочил в кухонную дверь, пробежал через кухню и влетел в гостиную. Палку я держал наготове, чтобы сходу огреть хулигана.

Но в комнате никого не было — то есть, я никого не увидел.

Зато что там творилось!

Холодильник снова стоял посреди гостиной, а вокруг него кучами лежали кастрюли и сковородки. Спутаные пружины от кушетки прижались к стенке холодильника, а по ковру были разбросаны болты, гайки, винты, гвозди и обрывки проводов.

Вдруг послышался странный скрип, и я завертел головой, пытаясь определить, откуда идет этот звук. И определил...

Мое любимое кресло, что стояло в углу гостиной, медленно разваливалось. Гвоздики плавно выскакивали из обивки и, тонко звякая, падали на пол. У меня на глазах из-под сиденья выпал винт, одна ножка подогнулась, и кресло перевернулось.

Куда девался мой гнев. Страх вытеснил его. Ноги и руки стали ватными, по спине побежали мурашки... Я начал пятиться, держа палку наготове, наткнулся на что-то спиной и, вскрикнув, обернулся. Это был Добби.

— Рэндолл, — сказал он спокойно, — это снова ваши жуки.

Он показал на потолок, и я взглянул вверх. Потолок был покрыт сплошной массой золотистых жуков.

Увидев их, я немного успокоился, и сразу же новый прилив ярости захлестнул меня. Прицелившись, я замахнулся ножкой стула, но Добби схватил меня за руку.

— Не трогайте их! — крикнул он. — Кто знает, что они сделают, если их растревожить.

Я попробовал было вырвать руку, но он повис на ней и выпалил:

— Я считаю, что в данной ситуации частное лицо уже не имеет права действовать на свой страх и риск.

Я перестал с ним бороться, так как сам понял, что ножка от стула — не оружие против этих жуков.

— Возможно, вы правы, — сказал я.

Он отпустил мою руку и сказал:

— Следует, пожалуй, вызвать полицию.

Я вышел на кухню, снял трубку и набрал номер.

— Сержант Эндрюс слушает, — послышалось в трубке.

— Только слушайте внимательно, сержант, — сказал я. — У меня тут появились жуки...

— А у кого их нет! — весело воскликнул сержант.

— Послушайте, — сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я знаю, что это звучит смешно. Но речь идет об особых жуках. Они ломают мою мебель и выбрасывают ее во двор.

— Я вам вот что посоветую, — все еще добродушно сказал сержант. — Ложитесь в постель и как следует проспитесь.

— Но я абсолютно трезв, сержант...

Он положил трубку.

Я снова набрал тот же номер и снова услышал:

— Сержант Эндрюс служает.

— Как вы смеете бросать трубку?! — завопил я. — Я вам не пьянчужка какой-нибудь! Я никогда в жизни не нарушал законы, я исправно плачу налоги и имею право на защиту со стороны полиции!

— Хорошо, — усталым голосом перебил меня сержант. — Говорите свою фамилию и адрес.

Я сказал.

— И еще одно, мистер Мардсен.

— Ну, что там еще?

— Смотрите, чтобы у вас были все-таки эти жуки. Это в ваших интересах...

Я бросил трубку на место и обернулся.

Добби пулей вылетел из гостиной и заверещал:

— Берегитесь! Сейчас оно полетит!

Мое любимое кресло, или, точнее, то, что от него осталось, пролетело в воздухе. Оно грохнулось о дверь

и застряло в ней. Потом отчаянно затряслось, вырвалось и хлопнулось на кучу обломков.

— Невероятно! — отдуваясь, сказал Добби. — Это действительно, невероятно. Но теперь я многое понял.

— Интересно, что именно вы поняли? — вызверился я на него.

Его болтовня уже начала выводить меня из себя.

— Телекинез, — сказал Добби.

— Теле... Что?

— Возможно, это и есть телекинез — то есть умение передвигать предметы концентрированным усилием воли.

— И вы думаете, что это теле — черт знает что — подтверждает теорию о коллективном разуме?

— Конечно, целиком и полностью, — ответил Добби.

— И все же, я не могу уразуметь, зачем они все это делают?

— Ну, еще бы, — сказал Добби. — Было бы странно, если бы вы могли. Покажите мне человека, который смог бы раскрыть мотивы поведения существ из другого мира. На первый взгляд, похоже на то, что они собирают металл. Но само по себе это еще ничего не объясняет. Чтобы действительно понять их намерения...

За окном раздалось завывание сирены.

— Приехали, наконец! — воскликнул я и бросился к дверям.

Полицейская машина остановилась напротив нашего дома и из нее выскочило двое полицейских.

— Вы Мардсен? — спросил один из них.

Я кивнул головой.

— Странно, — проронил другой. — Сержант сказал, что он мертвецки пьян.

— Послушайте, — сказал первый, уставясь на гору обломков. — Что здесь происходит?

Две ножки от стула со свистом вылетели из кухонной двери и упали на землю.

— Кто это там выбрасывает вещи? — спросил второй полицейский.

— Жуки, — ответил я. — Там, внутри, нет никого, кроме жуков и Добби.

— А ну, давайте-ка вытащим этого Добби, пока он не разнес всю халупу, — сказал первый полицейский.

Тем временем перед нашим домом начала собираться толпа. Билли созвал ватагу своих дружков, и отовсюду сбегались соседки, кудахтая, словно всполошенные куры. Рядом с полицейской машиной остановилось еще несколько автомобилей, пассажиры уставились на наш дом. Я отошел и сел на обочину дороги.

«Теперь действительно, — думал я, — все немного прояснилось. Если Добби прав в отношении телекинеза — а похоже, что он все-таки не ошибается, — то агат в самом деле служил жукам в качестве космического корабля. Если они могут усилием воли ломать и выбрасывать из здания мебель, то почему бы не предположить, что точно таким же образом они могут также запускать свой корабль в космическое пространство?

Билли с его пытливым детским взглядом на вещи, пожалуй, угадал-таки правду: жуки использовали агат для того, чтобы обеспечить себя в дороге продовольствием».

Полисмены вышли из дома и остановились около меня.

— Послушайте, мистер, — сказал один из них. — Можете ли вы хоть как-то объяснить, что здесь происходит?

Я покачал головой.

— Спрашивайте у Добби. У него на все есть ответ.

— Он говорит, что эти существа прилетели с Марса...

— Да не с Марса, — перебил его второй полицейский. — Это ты сказал, что, возможно, они с Марса. А он сказал — со звезд.

— Этот ваш Добби — какой-то чудной старикан, — пожал плечами первый. — Плетет такое, что сам черт ногу сломит.

Толпа на улице разрасталась. Еще несколько машин остановились перед домом, часть пассажиров вышла, остальные сидели и ротозейничали. Детворы набежало, бог знает сколько, а женщин — и того больше. В таком районе, как наш, слухи распространяются молниеносно.

Добби вышел со двора, сел рядом со мной и начал дергать себя за баки.

— Просто диво, — бормотал он. — Диво-дивное, да и только.

— Одно мне непонятно, — сказал я. — Зачем им нужно было прибирать в доме? Зачем они все чистили, перед тем, как ломать? Должно же здесь быть какое-нибудь объяснение!

Машина на полной скорости вылетела из-за угла и остановилась возле нас. Из нее выскочила Элен.

— Стоит мне на минутку выйти, и все в доме начинает идти кувырком! — закричала она.

— Это все твои жуки, — сказал я. — Твои симпатичненькие, опрятненькие жучки. Они ломают дом.

— Почему же ты их не остановишь?

— Потому что не знаю как.

— Это неземные существа, — пояснил Добби. — Они прилетели из космоса.

— Вы лучше оставьте свои шуточки, Добби Уэллс. Я уже и так натерпелась из-за вас! Это вы надоумили Билли таскать домой жуков. Из-за них у нас все лето не было жизни.

Кто-то подбежал ко мне сзади и дернул за плечо. Я обернулся и увидел Барри — колекционера минералов.

— Я передумал Мардсен! — возбужденно выкрикнул он. — Я дам вам пять тысяч долларов за тот камень. Могу сразу выписать чек.

— За какой камень? — спросила Элен. — Неужели за тот, что в нашем саду?

— Именно. Я хочу приобрести его.

— Продай его джентльмену, — сказала Элен.

— Не продам, — ответил я.

— Ты совсем спятил, Рэндолл! — завизжала она. — Как ты можешь отказываться от пяти тысяч?

— Отказываюсь, — отрезал я. — Этот камень стоит гораздо дороже. Это уже не просто агат, а первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу запросить за него столько, сколько захочу.

Элен охнула и прошептала:

— Добби, он говорит правду?

Добби кивнул и добавил:

— Возможно, впервые в жизни.

Издалека долетело завывание сирен.

Один из полисменов вышел из машины и подошел к нам.

— Вам придется перейти на ту сторону улицы, — сказал он. — Как только прибудет подкрепление, мы расставим вокруг здания кордон.

Мы с Добби поднялись.

Из-за угла появились около десятка автомобилей с сиренами. Из них выскочили полицейские и начали оттеснять толпу. Другие стали окружать дом.

Из кухонных дверей время от времени вылетали обломки мебели, одеяла, одежда, занавески. Куча хлама ежеминутно росла. Мы стояли напротив и смотрели, как постепенно разрушается наш дом.

— Ах, что мы теперь будем делать, Рэндолл? — воскликнула слезливым голосом Элен, сжимая мою руку. — Они губят все наши вещи. Скажи, они хоть застрахованы?

— Черт, не знаю, — ответил я.

Я действительно не знал.

— А, как бы там ни было, а у нас есть этот камень. Продадим его — будут деньги.

— Я все же до сих пор считаю, что его стоило бы продать за пять тысяч, — сказала Элен. — Что, если правительство наложит на него лапу?

«Она, пожалуй, права, — подумал я. — Уж что-что, а такую вещь правительство действительно может заграбастать. Эх, нужно было все-таки остановиться на пяти тысячах».

Три полисмена пересекли двор и вошли в дом. И почти сразу же выскочили и опрометью пустились наутек. Вслед за ними вылетел рой блестящих точек. Они неслись так быстро, что, казалось, оставляли в воздухе за собой золотистые следы. Полисмены бежали зигзагами, пригибаясь, бросаясь из стороны в сторону и размахивая руками.

Толпа подалась назад и кинулась врассыпную. Полицейский кордон тоже начал пятиться, хотя и пытался не терять достоинства.

Немного очухавшись, я увидел, что стою за углом соседнего дома, все еще сжимая руку Элен. Моя жена сердито переводила дух.

— Нечего было тащить меня так быстро! — закричала она на меня. — Я и сама добежала бы. А из-за тебя туфли потеряла.

— Забудь про туфли, — резко оборвал я ее. — Ты, видно, не понимаешь всей серьезности ситуации. Иди

разыщи Билли — он где-то здесь, с ребятами — и отправляйся подальше отсюда. Поезжайте к Эмми.

— А ты?

— Я еще немного побуду здесь.

— Будь осторожен, Рэндолл.

Я похлопал ее по плечу, наклонился и поцеловал.

— Вернемся ли мы когда-нибудь в свой дом, Рэндолл?

— А как же, даже очень скоро, — ответил я. — Кто-нибудь придумает, как выжить оттуда этих жуков.

Глядя ей вслед, я с болью в сердце думал о том, что, наверно, солгал.

Действительно, кто скажет мне, вернемся ли мы когда-нибудь в свой дом? И вообще — останется ли Мать-Земля домом для нас, людей. Что, если золотые жуки отберут ее у нас?

Подкравшись к углу дома, я выглянул на улицу. Жуки, видно, не стали преследовать полицейских далеко, но теперь эскадрилья золотистых точек медленно кружилась над самой крышей нашего дома. Итак, жуки выставили воздушный заслон.

«Любое страшное земное чудовище, пусть даже самое отвратительное и ужасное, можно понять, — думал я, — и против него можно бороться. Но что мы, люди, можем противопоставить холодной уверенности золотых жуков, их целенаправленности, сконцентрированной и бездушной слаженности их действий».

Услышав чьи-то шаги, я испуганно поднял голову и увидел Артура Бельзена — весьма чем-то раздраженного.

— Я обегал всю округу, разыскивая вас, — сказал он. — По дороге встретил Добби, и он сказал мне, что ваши жуки...

— Никакие они не мои, — резко ответил я.

Мне уже надоело, что все приписывают этих жуков мне — будто я действительно причастен к их появлению на Земле.

— Ну, ваши или не ваши, а Добби сказал мне, что они охотятся за металлом.

Я кивнул.

— Да, им только и подавай металл. Может, для них он — драгоценное сырье. Может, в том месте, откуда они прибыли, его не хватает.

И я подумал об агатовой глыбе. Если бы у них был металл, то, наверное, их корабль не был бы сделан из агата.

— Я насилу добрался домой, — сказал Бельзен. — Уже решил было, что где-то горит. Все улицы вокруг забиты машинами, а народу — видимо-невидимо. Думал, и не протолкаюсь.

— Да вы садитесь, — сказал я ему. — И перестаньте дергаться!

Но он не обратил внимания на мои слова и продолжал:

— У меня дома — огромное количество металла. Одних только машин в подвале сколько! Я в них вложил и деньги и душу, и не могу позволить, чтобы с ними что-либо случилось. Как вы думаете, жуки не начнут разветвляться?

— Разветвляться?

— Ну, я имею в виду — не начнут ли они разлетаться по другим домам после того, как покончат с вашим.

— Я не думал об этом, — ответил я. — Но такая вещь вполне возможна.

Перед моими глазами встало видение: жуки перелетают от дома к дому, чистят и разбирают все металлические детали и складывают их в одну огромную кучу, которая погребает под собой сначала кварталы и улицы, а потом и весь город.

— Добби говорит, что они состоят из кристаллов. Ну разве не смешно — кристаллические жуки!

Я промолчал. Собственно, он говорил сейчас сам с собой.

— Но кристаллы не могут быть живыми! — воскликнул он. — Из кристаллов изготовляют различные вещи. Полупроводники и тому подобное. В кристаллах нет жизни!

— Что вы на меня-то наскакиваете? — запротестовал я. — Разве я виноват, что эти жуки кристаллические?

Суматоха на улице усиливалась. Я поднялся, снова пошел к углу и выглянул.

Сначала я не заметил ничего необычного. На улице как будто царили мир и покой. Два или три полисмена метались на мостовой, но почему именно они

так волновались, было непонятно. Казалось, никаких перемен за это время не произошло.

Но тут я увидел, что дверь одной из полицейских машин, стоявших вдоль тротуара, медленно, почти величественно, отделилась от корпуса и взлетела вверх, направляясь к нашему дому. Достигнув дверей кухни, она сделала плавный левый поворот в воздухе и исчезла внутри дома. «О, господи, — подумал я, — жуки взялись за автомобили!»

Только теперь я заметил, что у нескольких машин отсутствуют капоты и крылья.

«Ну, жуки, похоже, открыли, наконец, для себя настоящую золотоносную жилу, — подумал я. — Теперь они не остановятся, пока от машин не останутся одни скаты. Но что они будут делать, когда дом будет заполнен до самого верха?» С полдюжины полисменов бросились через улицу к нашему дому. Жуки заметили защитников порядка, когда последние уже топали по газону. Построившись дугой, золотые точки вошли в пике.

Полисмены сыпанули кто-куда, а воздушный заслон, выполнив свою миссию, снова закружил над зданием. Крылья, дверцы, передние и задние фары, радиоантенны непрерывным потоком проносились в воздухе и исчезали в дверях нашей кухни.

Внезапно, неведомо откуда, на наш газон выбежала собака. Она трусила, добродушно помахивая хвостом, и с любопытством озиралась вокруг.

Небольшой отряд отделился от воздушного заслона...

Напуганная резким свистом приближающихся жуков собака бросилась наутек.

Но было уже поздно.

Послышался ужасный звук: это жуки прошили тело бедного животного. Собака подскочила высоко в воздух и упала на спину.

Жуки снова сомкнутым строем ринулись вверх.

Собака билась в агонии и кровь струилась на траву.

Я сделал шаг назад, с трудом сдерживая тошноту. Постояв так немного, я, наконец, овладел собой и снова выглянул из-за угла.

Улица казалась вымершей. Убитая собака лежала на нашем дворе. Жуки методично разбирали авто-

мобили. Полицейских нигде не было видно. И не только их, а вообще ни одной живой души. Даже Бельзен куда-то исчез. После убийства собаки дело повернулось совсем по-другому. До сих пор жуки представляли собой только загадку: теперь они представляли смертельную опасность. Потому-что каждый из них — это пуля, пуля, наделенная разумом.

Я вспомнил слова Добби, сказанные час назад: «Нужно эвакуировать весь район, а потом сбросить на него атомную бомбу».

«Неужели дойдет до этого? — подумал я. — Неужели опасность возрастет до таких размеров?»

Никто еще, конечно, не думает о таких мерах, но вскоре заговорят, как об единственно возможных. Потому что это только начало. Сегодня тревога охватила город, и этим делом занялась полиция; завтра, возможно, губернатор штата отправит сюда войска. Потом наступит очередь и федерального правительства. А после этого останется уже только единственный выход, выход, который предлагал Добби.

Пока что жуки не распространились на большую территорию. Но опасения Бельзена вполне реальны; пройдет какое-то время, и жуки начнут разлетаться в разных направлениях, расширяя свой плацдарм по мере того, как будет возрастать их количество. Билли был все-таки прав, когда говорил, что они размножаются очень быстро.

Прежде всего правительство, ясное дело, попытается вступить с ними в контакт, попытается договориться с ними, то-есть с тем коллективным разумом, которым, по мнению Добби они обладают.

Но можно ли договориться с такими существами? С какой меркой интеллектуального развития должны мы к ним подходить? И какую пользу может дать такой контакт, если нам удастся его установить? Может ли вообще существовать какая-либо основа для понимания между людьми и этими существами?

И тут я понял, что моими мыслями до сих пор руководила элементарная паника. А тем временем проблему, поставленную перед нами появлением жуков, следует рассматривать абсолютно беспристрастно — здесь просто не к месту такие чувства, как гнев или страх.

Понятно, что сам я решить эту проблему не мог,

но пока я обдумывал ее, в голове у меня мелькнула страшная мысль: смертельная опасность заключается уже в том, что чиновники не сразу смогут понять всю необходимость беспристрастного, объективного подхода к этой проблеме.

И все же должен же существовать какой-то способ избавиться от этих жуков. Прежде, чем войти с ними в контакт, мы должны знать, как их можно обезвредить.

Постой-ка, а что мне говорил Билли? Он мастерил ловушки для жуков из пластмассы, потому что они неспособны пробить ее. Так что пластмасса может быть ключом к решению проблемы.

Я мог бы, конечно, обратиться к полиции, но навряд ли там станут меня слушать. Так же поступят и городские власти. Возможно, что эти-то выслушают, но скажут, что такое дело нужно еще обсудить, нужно созвать совещание и проконсультироваться с экспертами. Апеллировать же к правительству в Вашингтоне было бы на данном этапе просто немыслимо.

Вся беда в том, что никто еще не успел как следует испугаться. А чтобы решиться на какие-либо срочные меры, чиновники должны быть до смерти напуганы — скажем, так, как я.

И тут я вспомнил еще одного человека, напуганного не менее меня.

Бельзен!

Вот кто мне поможет!

Петляя дворами, я прошел к его дому, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не отозвался. Тогда я толкнул дверь и вошел.

В доме, казалось, не было ни души.

— Бельзен! — крикнул я.

Тишина.

Я крикнул еще раз и услышал, что внизу кто-то топает по лестнице. Дверь в подвал открылась, и из-за нее высунулась голова Бельзена.

— А, это вы, — сказал он. — Хорошо, что пришли. Мне нужна будет помощь. Свою семью я отослал.

— Бельзен, я придумал выход, — сказал я. — Нам нужно достать большое полотнище из полиэтиленовой пленки и накрыть им мой дом. Тогда жуки будут в наших руках. Может, для этого придется использовать несколько вертолетов...

— Идите за мной, — проговорил Бельзен, — тут нам хватит работы на двоих.

Я спустился следом за ним в подвал, где он устроил себе мастерскую.

Там царили чистота и порядок.

Музыкальные машины выстроились ровными блестящими рядами, рабочий стол был чисто прибран, каждый инструмент лежал на своем месте. Аппарат для перевода нот на перфоленту стоял в углу, и в ярком свете электролампы все это сияло, словно елочные украшения.

— У меня нет права на ошибку, — сказал Бельзен, как всегда дергаясь. — Первая попытка будет одновременно и решающей, поскольку другого шанса у меня уже не будет. Над этими проклятыми расчетами пришлось здорово-таки попотеть, но, похоже, я все же нашел то, что нужно.

— Послушайте, Бельзен, — прервал я его, слегка раздраженно. — Я не знаю, над каким новым изобретением вы сушите себе голову, но я пришел к вам по срочному делу, делу первоочередного значения.

— Нет, нет, с вашим делом потом, — ответил он. — Сейчас мне нужно покончить с перфолентой. Математические расчеты у меня уже готовы...

— Но мое дело касается жуков!

И тут он взорвался:

— А мое тоже, ясно вам, болван?! Над чем же я, по-вашему, работал? Вы же знаете, что я не хочу допустить их сюда, не хочу отдать им моих роботов.

— Но послушайте, Бельзен...

— Видите эту машину? — спросил он, указывая на какую-то машину, несколько меньших размеров, чем другие. — Вот ее мы и используем. Она питается от батарей. Попробуйте, сможете ли вы донести ее до двери.

Он отвернулся, подбежал к машине, стоящей в углу, сел перед ней и начал медленно и осторожно нажимать на клавиши. Машина забормотала, замигала лампочками.

Я понял, что продолжать разговор просто бессмысленно: придется подождать, пока он сделает то, что задумал. Ну, и не исключено, конечно, возможность, что он нашел все-таки какой-то способ защитить свои машины или остановить наступление жуков.

Я попробовал поднять машину, на которую показал мне Бельзен. Она была тяжелее, чем это казалось на первый взгляд. Я насилу оторвал ее от земли и переставил на несколько дюймов. Потом повторил эту операцию еще и еще раз...

И вдруг, когда я в который уже раз дернул за ручку, мне стало ясно, что именно Бельзен собирается делать. Удивительно даже, что я не додумался до этого сам, что такое решение не пришло на ум Добби вместо идеи об атомной бомбе. А, впрочем, объективно говоря, найти такой ход мог только Бельзен с его специфическим складом мышления и привычками...

Идея Бельзена была стара, как мир, и до смешного проста — и все же она должна была принести успех.

Бельзен кончил печатать, вынул из цилиндра аппарата катушку с перфолентой, подбежал ко мне и стал на колени перед машиной, которую я уже подтащил почти до самой двери.

— Я не знаю, из каких именно кристаллов состоят эти жуки, — сказал он. — Не знаю, какого типа, какого строения эти кристаллы. Поэтому мне пришлось закодировать последовательный ряд ультразвуковых частот. Получилось что-то вроде пулеметной ленты. Надеюсь, что одна из этих частот синхронизируется со структурой их кристаллов.

Он сдвинул какую-то крышку в машине и начал вставлять перфоленту.

— Как было в случае со скрипкой, которая своим звучанием разбила хрустальный бокал, — сказал я.

Он нервно улыбнулся мне.

— Вот именно. Это классический пример. Вижу, вы слышали о нем.

— Кто же о нем не слышал, — ответил я.

— А теперь послушайте меня внимательно, — сказал Бельзен. — Единственное, что вам нужно будет сделать — это нажать на включатель — и лента начнет крутиться. Этой ручкой регулируется интенсивность — она установлена на максимум. Мы откроем дверь, подхватим машину — вы с той стороны, а я с этой — и постараемся пробежать с ней как можно дальше, потому что чем ближе мы будем к жукам, тем лучше.

— Но не нужно подбегать к ним слишком близко, — предостерег я его. — Они только что убили собаку. Прошили ее насквозь и полетели дальше. Это прямотаки живые пули.

— Я подозревал, что так оно и есть, — и он, рванув дверь, крикнул: — Пошли!

Машина была очень тяжелой, но мы подхватили ее и выскочили на дорожку, ведущую от дома на улицу. Ноги наши подгибались, но сила инерции сделала свое: мы смогли дотащить аппарат до тротуара и только там опустили на землю.

Я взглянул на свой дом. Воздушный заслон, как и раньше, кружил над ним, поблескивая золотом в лучах заходящего солнца.

— Может, поднесем ее еще немного поближе, — отдышавшись сказал Бельзен.

Я хотел наклониться, чтобы снова подхватить машину, и в это мгновение увидел, что воздушный патруль перегруппируется.

— Берегитесь! — крикнул я.

Жуки мчались к нам.

— Да включайте же ее! Включайте! — уже не кричал, а вопил я не своим голосом.

Но Бельзен стоял, уставившись на жуков, оцепеневший, немой, неподвижный.

Я кинулся к машине, нашел включатель, нажал на него, а потом бросился на землю, припал к ней, съежился, желая только одного — сделаться маленьким, незаметным...

Машина не издавала ни звука, я знал, что она и не должна издавать их, и все же мой мозг сверлил вопрос: почему я ее не слышу? А что, если порвалась перфолента, а что, если что-то испортилось?..

Краем глаза я видел, как жуки стрелой летят на нас; на миг мне показалось, что они замерли, зависли в воздухе, словно что-то остановило их, но я сразу же понял, что ошибаюсь, что это мне кажется от страха. Я был здорово напуган, но все же не так, как Бельзен. Он все еще стоял столбом, словно прирос к месту, и смотрел на приближающуюся смерть с выражением безграничного изумления на лице.

Жуки были уже над нами. Они подлетели так близко, что я различал каждого из них как танцующую золотую точку на фоне вечернего неба. И вдруг

каждая точка превратилась в клубок золотистой пыли, и рой исчез...

Я медленно поднялся на ноги и отряхнулся.

— Очнитесь, — сказал я Бельзену и потряс его за плечо.

— Расчет был правильный, — сказал он каким-то бесцветным голосом. — Я знал, что не ошибусь.

— Я это видел, — ответил я. — Теперь вы — герой дня.

И эти слова прозвучали у меня почему-то горько — сам не знаю, почему.

Он все еще стоял неподвижно, и я оставил его и медленно пошел через улицу.

«Ну, вот мы и сделали это, — сказал я себе. — Правильно или нет, но мы это сделали. К нам прибыли первые существа из космоса, и мы превратили их в пыль. Неужели такая же судьба встретит и нас, когда мы будем прокладывать себе путь в космос, к звездам? Неужели и по отношению к нам будет проявлено так мало терпения, так мало желания найти общий язык? И неужели мы будем действовать так же заносчиво, как действовали золотые жуки?»

Странно, что эти мысли лезут в голову именно тебе, подумал я. Разве не твой дом разрушили жуки?

Впрочем, подожди, — может статься, что они не причинили тебе вреда ни на один цент. Наоборот, может быть, принесли тебе богатство. Вспомни про агат!

Я глянул на свой сад — но камня там не было.

Я бросился бежать, всхлипывая на ходу, и перед самым садом остановился, как вкопанный; на том месте, где лежал агат, теперь высилась аккуратная кучка песка.

Да, я выпустил из виду одно обстоятельство: что агат, тоже, как и жуки, состоит из кристаллов.

Я обернулся и посмотрел назад, через улицу. Меня прямо трясло от ярости.

— Ах, чтоб этому Бельзену, — думал я, — чтоб этому Бельзену, вместе с его звуковым пулеметом!

Но тут я замер. Замер, потому что понял — к нему теперь не подступиться. Ведь Бельзен отныне герой! Он стал человеком, который спас Землю от пришельцев из космоса.

...Каждое утро в шестом часу он включает свой оркестр, и во всей округе не найдется человека, который осмелился бы высказать ему протест по этому поводу.

Послушайте, кто из вас скажет мне, сколько стоит звукоизоляция целого дома?

Перевод с английского
В. Г. КОВЕШНИКОВА

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с английского
И. ПОЛОЦКА

I. Л-ДЕНЬ

Луммокс был в унынии. К тому же, он хотел есть. Это было его нормальным состоянием; такое существо, как Луммокс, всегда было готово слегка закусить — даже после плотного обеда. Уныние было свойственно ему куда меньше и проистекало лишь оттого, что его закадычный друг и ближайший товарищ Джон Томас Стюарт не показывался уже целый день, куда-то исчезнув со своей подружкой Бетти.

Один день без Джона Томаса — это еще куда ни шло. Луммокс глубоко вздохнул. Он понимал, в чем дело. Джон Томас вырос. Он уже достиг такого возраста, когда будет проводить все больше и больше времени с Бетти или с какой-нибудь другой девушкой и все меньше и меньше с ним, Луммоксом. Затем наступит такой долгий период, когда Джон Томас практически не будет уделять времени Луммоксу, но затем появится новый Джон Томас, который подрастет и с ним станет интересно играть.

Опыт научил Луммокса, что от этого неизбежного круговорота вещей никуда не деться. Тем не менее ближайшее будущее представлялось ему мучительно тоскливым. В апатии он бродил по заднему двору Стюартов и поисках то ли кузнечика, то ли малиновки — словом, любого, с кем можно было бы пообщаться. Наткнувшись на муравейник, он уставился на него. Похоже, что муравьи куда-то переселялись: бесконечная вереница насекомых тащила белые личинки, а навстречу спешила за новым грузом толпа муравьев. Так он убил полчаса.

Устав от лицезрения муравьев, Луммокс побрел к своему обиталищу. Его семифутовые лапы раздавили муравейник, но этот факт не привлек внимания Луммокса. Его собственный дом был достаточно велик, располагался в конце ряда постепенно увеличивающихся помещений: первое из них могло вместить разве что крохотную собачку чихуахуа.

На крыше дома сохли шесть охапок сена. Луммокс выдернул несколько соломинок и стал лениво жевать их. От второй порции он отказался, потому что первая — это было все, что, как он прикинул, можно стащить не будучи замеченным. Он мог, не моргнув глазом, сжевать целую охапку — но его останавливало сознание, что Джон Томас будет ругать его и даже, может быть, целую неделю, а то и больше, не будет чесать его граблями. По правилам дома, Луммокс не должен был есть ничего, кроме того, что ему дает хозяин, и обычно Луммокс подчинялся этому закону, потому что терпеть не мог ссориться, а когда его ругали, чувствовал себя просто ужасно. Да и, кроме того, он вообще не хотел сена. Он ел его вчера вечером, будет есть сегодня и, скорее всего, завтра. Луммоксу хотелось пожевать что-нибудь более весомое, которое бы вкусно пахло. Он прошелся вдоль низкой загородки, которая отделяла несколько акров заднего двора от садика миссис Стюарт, положил голову на штакетник и с вожделением посмотрел на розы миссис Стюарт. Загородка была лишь символом, определяющим линию, за которую он не должен был заходить. Как-то, несколько лет назад, он пересек ее и попробовал несколько роз... просто так, для аппетита, но миссис Стюарт подняла такой крик, что он не хотел даже и думать о повторении попытки. Содрогнувшись при этих воспоминаниях, Луммокс поспешно отвернулся от загородки.

Но он вспомнил о нескольких розовых кустах, которые не принадлежали миссис Стюарт и тем самым, по мнению Луммокса, не принадлежали вообще никому. Они росли в соседнем садике семейства Донахью. И Луммокс прикинул, что у него есть возможность добраться до этих «ничейных» роз...

Усадьба Стюартов была обнесена бетонной стеной вышиной в десять футов, Луммокс никогда не помышлял забраться на стену, хотя время от времени обку-

сывал ее верхушку. За домом в стене был небольшой проем, где дождевые и подпочвенные воды промыли маленький овражек, пересекавший линию владений Стюартов. Проем этот был заделан массивными брусьями восемь на восемь дюймов, скрепленными не менее массивными болтами. Брусья уходили своими концами в ложе ручейка, и подрядчик, оставивший их, уверил миссис Стюарт, что они смогут остановить не только Луммокса, но целое стадо слонов, если те попробуют снести ограждение.

Луммокс знал, что подрядчик ошибался, но мнения Луммокса никто не спрашивал и он оставил это мнение при себе. Джон Томас тоже никогда не высказывался по этому поводу, но, похоже, что он подозревал правду; во всяком случае, он подчеркнуто приказал Луммоксу не болтаться возле загородки.

Луммокс послушался. Он, конечно, попробовал изгородь, но деревянные брусья были отвратительны на вкус, и он оставил их в покое.

Но за естественный ход вещей он не отвечал. Както, месяца три назад, он заметил, что весенние дожди размыли ложе овражка, и теперь два вертикальных бруса не были утоплены в его дно, а просто упирались в землю. Луммокс думал об этом несколько недель и наконец пришел к выводу, что легкий случайный толчок может изменить положение брусьев. А если толкнуть чуть посильнее, брусья разойдутся еще шире, хотя заграждение практически останется нетронутым...

Луммокс побрел обследовать брусья. Он обнаружил, что последний дождь настолько размыл проем, что один из вертикальных брусьев просто висел в нескольких дюймах над землей, а другой, по соседству с ним, лишь слегка упирался в песок. Луммокс растянул свою физиономию в улыбке, которой могло бы позавидовать простодушное огородное пугало, и осторожно просунул голову между брусьев. Голова прошла легко и свободно.

Он услышал треск ломающегося дерева и почувствовал себя совершенно свободно. Удивившись, Луммокс вытащил голову и посмотрел наверх, откуда раздался звук. Верхний конец одного из могучих брусьев был вырван из скрепляющих его болтов, и теперь свободно вращался лишь на нижней перекладине.

Луммокс вздохнул. Ох, как плохо... Но тут уж ничего не поделаешь. Луммокс был не из тех, кто рыдает над случившимся. Что произошло, того не миновать. Спору нет, Джон Томас будет сердиться... но перед Луммоксом красовался проход через заграждение. Наклонив голову, как квартербек, готовящийся к атаке, Луммокс присел и рванулся вперед. Раздались протестующие звуки ломающегося дерева, острые концы выломанных болтов оцарапали ему кожу, но Луммокс не обращал внимания на эти мелочи: наконец он был на свободе.

Он остановился, как трактор, набравший скорость, и потоптался на месте, осматриваясь. Он испытал прилив восторга и удивился тому, что не рискнул раньше на такую попытку. Давно уже Джон Томас не выводил его гулять — даже на короткую прогулку...

Вдыхая свежий воздух, он продолжал озираться, когда внезапно на него набросилось некое недружелюбное существо, захлебываясь от рычания и лая. Луммокс знал его. Это был огромный мастиф, обросший могучими мускулами, который, гордясь своей свободой, часто бродил по соседству. Луммокс не имел ничего против собак; во время своей долгой жизни в семье Стюартов, он близко познакомился с некоторыми из них и неплохо проводил с ними время, особенно в отсутствии Джона Томаса. Но у этого мастифа был совершенно другой характер. Он считал себя хозяином всех окрестностей, оскорблял других собак, терроризировал кошек, и то и дело предлагал Луммоксу выйти и принять бой, как подобает настоящему псу.

Луммокс улыбнулся ему, открыл пошире свою пасть и шепелявым голоском, тоненьким, как у девочки, обозвал мастифа очень плохим словом. Тот онемел от изумления. Он не понял, что именно сказал Луммокс, но догадался, что его оскорбили. Оправившись, он снова кинулся в атаку, задыхаясь от громового лая и выплевывая несусветную чепуху. Он плясал вокруг Луммокса, время от времени делая вылазки, чтобы ущипнуть Луммокса за ногу.

Наблюдая за псом, Луммокс оставался недвижим. Затем он высказал справедливое предположение, откуда были родом предки мастифа, а также, чем они занимались; это привело мастифа в полное неистов-

ство. Во время очередной вылазки мастиф оказался слишком близко от ног Луммокса, поскольку тот стоял на земле всеми восьмью конечностями; и Луммокс сделал неуловимое движение головой, напоминающее рывок лягушки, ловящей муху. Его пасть открылась, как дверь шкафа, и слизнула мастифа.

Неплохо, решил Луммокс, прожевав и облизнувшись. Совсем неплохо... хотя ошейник мог быть и помягче. Он прикинул, не стоит ли ему вернуться обратно, поскольку он уже закусил и повод для прогулки исчез. Хотя ведь еще остались те «ничейные» розы... и конечно же, Джон Томас искренне удивится, если он сразу же вернется.

Луммокс потрусил вдоль задней стены дома Стюартов и, обогнув его, оказался рядом с сараем Донахью.

Джон Томас Стюарт XI-й вернулся к обеду, проводив Бетти Соренсен почти до ее дома. Приземляясь, он заметил, что Луммокса не видно, но решил, что его питомец сидит в своем доме. Мысли Джона были заняты отнюдь не Луммоксом, а тем извечным фактом, что женщины не пользуются логикой, которая могла быть понятна мужчинам.

Он собрался поступать в Вестерн-Тех, в Западный Технологический; Бетти же хотела, чтобы они учились в университете штата. Он указал ей, что знания, которые ему нужны, он не сможет получить в этом университете; Бетти настаивала, что сможет, выдвигая различные доводы. Он возразил ей, сказав, что дело даже не столько в содержании определенного курса, а в том, кто его читает. Спор потерял всякий смысл, когда Бетти наотрез отказалась признавать авторитет Джона Томаса.

Размышляя о нелогичности женского мышления, Джон Томас рассеянно снял ремни подвесной системы своего мини-геликоптера и бросил их в прихожей, где и столкнулся с матерью, взорвавшейся при его появлении.

— Джон Томас! ГДЕ ТЫ БЫЛ?

С опозданием он подумал, что ему надо было проскользнуть в дом незамеченным. Когда она обращалась к нему «Джон Томас», это был плохой знак. «Джон,

Джонни» или «Джонни-бой» говорило, что все в порядке. Но «Джон Томас» означало, что она устала, возмущена или раздражена его отсутствием.

— А? Мам, так я же говорил тебе за завтраком. Я подскочил к Бетти. Мы летали к...

— Меня это не интересует! Ты знаешь, что наделало это животное?

Значит, он все-таки вляпался. Луммокс. Джон Томас надеялся, что речь идет не о садике матери. Может быть, Лум снова перевернул свой дом. Если дело только в этом, мать быстро успокоится. Может быть, ему придется выстроить Луммоксу новый дом, побольше.

— В чем дело? — осторожно спросил он.

— В чем дело? И ты еще спрашиваешь? Джон Томас! Настало время, чтобы в нашем доме был покой! Это было последней соломинкой! Ты должен избавиться от него!

— Успокойся, мама! — торопливо сказал Джон Томас. — Мы не можем избавиться от Лума. Ты обещала папе.

Она ушла от прямого ответа:

— Когда полиция звонит каждые десять минут, и это огромное страшное животное свирепствует вокруг, и...

— Что? Подожди, мама. Лум совершенно не опасен, он ласков как котенок. Что случилось?

— Все, что хочешь!

Постепенно он вытянул из нее все детали происшедшего. Луммокс отправился прогуляться. Этого было уже достаточно. Джон Томас почти не надеялся, что ему не встретятся во время путешествия ни железные, ни стальные изделия, которые оказывают взрывоподобные действия на его обмен веществ. Джон Томас помнил, что произошло, когда Луммокс съел подержанный бьюик...

В его размышления ворвался голос матери.

— ...и миссис Донахью просто вне себя! Она в ярости! И у нее есть основания! Ее выставочные розы!..

Ох, черт возьми, вот это уже плохо. Он попытался припомнить, сколько денег лежит на его счету. Ему придется извиняться и думать о том, как умаслить старую ворчунью. Ну, он надерет Луммоксу уши! Нет ему прощенья — ведь он знал о розах!

— Слушай, мам, я ужасно извиняюсь. Сейчас я пойду и вколочу в его толстую башку, как себя надо вести. Со мной он даже чихнуть не может без разрешения. — Джон Томас вскочил.

— Куда ты собрался? — спросила мать.

— Как куда? Поговорить с Луммоксом, вот куда. Когда я до него доберусь...

— Не дури. Его здесь нет.

— Что? А где же он? — Джон Томас взмолился про себя — лишь бы он не нашел свалку металлолома! В истории с бьюиком Луммокс был не виноват, и тот принадлежал Джону Томасу, и все же...

— Понятия не имею, где он сейчас. Шериф Дрейзер сказал...

— Луммоксом занимается полиция?

— Можешь быть в этом уверен, молодой человек! Патрули идут за ним по пятам. Дрейзер сказал, чтобы я спустилась в город и забрала его, но я ответила, что только ты можешь справиться с этим чудовищем.

— Мама, Луммокс послушался бы тебя. Он всегда так поступает. При чем тут мистер Дрейзер и почему Луммокс очутился в городе? Ведь шериф знает, что Луммокс живет здесь. Город пугает Лума. Бедный малыш очень робок, и он не любит...

— Вот уж действительно бедный малыш! Он не в городе.

— Но ты же сама сказала, что он там.

— Ничего подобного я не говорила. Если ты помолчишь, я расскажу тебе, что случилось.

Случилось, что миссис Донахью была несколько удивлена, увидев, как Луммокс поедает пятый или шестой куст ее роз. Нимало не раздумывая, с большим мужеством она накинулась на Луммокса, вооружившись веником, которым с воплями била его по голове. На мастифа она не походила, хотя Луммокс и ее мог слизнуть одним глотком; тем не менее, Луммокс понимал, что к чему, столь же четко, как домашняя кошка. Люди — это не еда; почти всегда люди относятся к нему по-дружески.

Поэтому он был оскорблен в своих лучших чувствах. Скорчив недовольную гримасу, он поспешил убраться.

Следующее сообщение о похождениях Луммокса поступило из точки, которая отстояла в двух милях

и примерно в получасе ходьбы. Стюарты жили в пригороде Вествилла, и от города их отделял зеленый пояс. Здесь мистер Ито имел небольшую ферму, где выращивал овощи к столу гурманов. По всей видимости, мистер Ито не представлял, с кем он столкнулся, когда увидел нечто, поедающее его капусту. Существование Луммокса не было ни для кого секретом, но мистер Ито не интересовался делами других людей и никогда не видел Луммокса.

Как и миссис Донахью, он не медлил ни мгновения. Он кинулся в свой домик и выскочил из него с оружием, которое досталось ему от внука — реликвия Четвертой Мировой войны, известное, как «убийца танков». Мистер Ито установил оружие на опрокинутом горшке и навел его на Луммокса. Грохот выстрела оглушил мистера Ито (он никогда не слышал такого выстрела ранее), а вспышка ослепила. Когда он проморгался и огляделся, существо уже исчезло.

Установить, в каком направлении оно исчезло, было нетрудно. Эта стычка не оскорбила Луммокса, как веник миссис Донахью; но перепуган он был до предела. Увлеченный салатом мистера Ито, он находился неподалеку от его садового домика. Когда взрыв потряс его, а грохот почти оглушил, Луммокс с места взял предельную скорость и кинулся прямо вперед. Обычно он рысил, переставляя ноги в порядке 1-4-5-8-2-3-6-7, чего вполне хватало для средней рыси; теперь он с места сорвался в галоп, одновременно выбрасывая 1-ю и 2-ю, 5-ю и 6-ю ноги, а затем 3-ю и 4-ю, 7-ю и 8-ю.

Луммокс пролетел сквозь садовый домик прежде, чем успел его заметить, проделав проход, достаточный для грузовика средних размеров. Прямо перед ним в трех милях лежал Вествилл, и было бы куда лучше, если бы в момент выстрела его голова была направлена в сторону гор.

Слушая изложение событий, Джон Томас все отчетливее понимал, что произошло. Когда дело дошло до судьбы садового домика мистера Ито, он перестал вспоминать, сколько у него есть денег, а стал прикидывать, что он мог бы продать. Его геликоптер почти новый... ерунда, сколько бы он за него ни выручил, расходов это не покроет. Может быть, он сможет взять деньги в долг в банке? Одно было ясно: мать

ему не поможет, во всяком случае, в своем сегодняшнем состоянии.

Остальные сообщения носили отрывочный характер. Луммокс наконец наткнулся на скоростную автотрассу, которая вела в город. Шофер трансконтинентального грузовика за чашкой кофе пожаловался офицеру службы безопасности движения, что видел какой-то грузовик с ногами и что эта штука не обращала никакого внимания на разграничительные полосы. Свое возмущение водитель объяснил опасностью, которую представляют роботы-водители, а так же тем, что, по его мнению, водителям, которые сидят за баранкой, не отрывая глаз от дороги, не остается места на трассах. Патрульный не видел Луммокса, потому что как раз в этот момент он отправился за очередной чашкой кофе, и считал, что водитель что-то там напутал, но все же позвонил, куда полагается.

Центр контроля за движением в Вествилле не обратил на это сообщение никакого внимания: работники центра были целиком поглощены смятением, охватившим город.

Джон Томас прервал рассказ матери:

— Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Не знаю. Возможно. Джон Томас, ты должен немедленно избавиться от этого животного.

Он пропустил эти слова мимо ушей. Для споров время было неподходящим:

— Что еще произошло?

Деталей миссис Стюарт не знала. Достигнув примерно середины Вествилла, Луммокс спустился по шоссе, которое вело к городу от автострады, вознесенной на насыпь. Он двигался медленно и с остановками; оживленное движение и большое количество людей смущало его. С улицы он свернул в переулок. Земля, не предназначенная носить на себе шесть тонн живого веса, подалась под его ногами, и многочисленные пешеходы, которые в это самое оживленное время дня, наполняли торговый квартал, кинулись в разные стороны в смятении. Женщины визжали, дети и собаки бесновались от восторга, полицейские пытались восстановить порядок, а бедный Луммокс, который не собирался никого пугать и обижать и уж, во всяком случае, не предполагал навестить торговый квартал,

сделал совершенно естественную ошибку... Большое окно витрины магазина Бон Марше выглядело как спасительное убежище. Витрина была закрыта непробиваемым металлизированным стеклом, но архитектор не предполагал, что этой преграде придется выдержать столкновение с Луммоксом. Луммокс вошел через стекло и попытался укрыться в модной элегантной спальне. Попытка его не увенчалась успехом.

Очередной вопрос Джона Томаса был прерван топотом ног по крыше, кто-то совершил посадку. Он посмотрел наверх.

— Ты кого-то ждешь, мама?

— Наверное, это полиция. Они сказали, что должны...

— Полиция? Ох, черт побери...

— Не удирай. Тебе надо увидеться с ними.

— Я никуда не удираю, — жалобно сказал Джон Томас и нажал кнопку, открывающую вход.

Секундой позже скрипнул неторопливый лифт с крыши, и дверь открылась. В комнату вошли сержант и патрульный.

— Миссис Стюарт? — официально обратился сержант. — Я к вашим услугам, мадам. Мы... — И тут он увидел Джона Томаса, который старался стать как можно более незаметным. — Ты Джон Т. Стюарт?

Джон сглотнул комок в горле:

— Ага, сэр.

— Тогда давай с нами. Прошу прощения, мэм. Пошли, парень. У нас всего пара минут. — Он взял Джона Томаса за руку.

Джон попытался освободиться: — В чем дело? А у вас есть ордер или что-то такое?..

Сержант остановился, медленно сосчитал про себя до десяти, а затем раздельно произнес:

— Сынок, ордера у меня нет. Но если ты Джон Т. Стюарт, который мне нужен... а я знаю, что так оно и есть... и если ты не хочешь, чтобы с этой штукой, которая свалилась на нас из какого-то глубокого космоса и которую ты приютил, не случилось неприятностей, перестань выкаблучиваться и поехали с нами.

— Иду, — поспешно сказал Джон Томас.

— Отлично. И постарайся не доставлять мне никаких хлопот.

Джон Томас замолчал и двинулся вместе с полицейскими. За те три минуты, что потребовались полицейскому геликоптеру, чтобы долететь до города, Джон представлял себе разные ужасы.

— Мистер патрульный офицер, — спросил он. — Кто-нибудь пострадал?

— Меня зовут сержант Мендоза. Надеюсь, что все целы. Хотя точно не знаю.

Джон Томас обдумал этот неопределенный ответ.

— А... Луммокс все еще в Бон Марше?

— Ты его так называешь — Луммокс? Нет, мы его выставили оттуда. Теперь он под виадуком Вест-Арройо... Надеюсь, что он еще там.

От этого ответа Джон Томас похолодел:

— Что вы имеете в виду?

— Ну, первым делом, мы заблокировали улицы Мейн и Гамильтон, а затем выгнали его из магазина с помощью огнетушителей. Ничто другое не годилось. Самые тяжелые пули просто отскакивали от него. Что за шкуру носит этот зверь? Из десятидюймовой стали?

— Ну, не совсем... — Ирония сержанта Мендозы настолько была близка к истине, что Джону Томасу не хотелось обсуждать эту тему: куда больше его волновал вопрос, не съел ли Луммокс железа. После недоразумения со съеденным бьюиком, Луммокс стал стремительно расти; за две недели он из гиппопотама среднего размера превратился в то, что он представляет собой сегодня. Он очень исхудал, и шкура обвисала на нем складками, напоминая ковер, наброшенный на шкаф, а скелет странных, неземных очертаний выпирал сквозь шкуру: потребовалось три года держать его на высококалорийной диете, чтобы он снова округлился. С этого времени Джонс Томас старался держать металл подальше от Луммокса, особенно железо, хотя в свое время отец и дедушка Джона Томаса постоянно подкидывали Луммоксу кусочки металлолома.

— Ну-с, вот так, — продолжал сержант Мендоза. — Когда огнетушители выковырили его оттуда, он чихнул и сшиб с ног двух человек. После этого мы пустили огнетушители во всю мощь, стараясь направить

его по Гамильтон-стрит, где было побольше места, где он никому не угрожал бы... и в то же время мы искали тебя. Все прошло вроде как нельзя лучше, если не считать одного вывернутого фонарного столба, да опрокинутой машины, когда мы собирались завернуть его по Хиллкрест, оттуда прямая дорога к вам. Но он удрал от нас, сшиб шлагбаум и забился под виадук, где... словом, увидишь сам. Вот мы и на месте.

С полдюжины полицейских машин крутились в воздухе над выходом из виадука. В окружающем пространстве было много частных аэрокаров и даже парочка пассажирских; патрульные машины то и дело отгоняли их. Тут же вертелись и кувыркались несколько сот летунов на своих мини-коптерах. Они то и дело пикировали вниз и шныряли между машинами, затрудняя и без того нелегкую работу полиции. На земле несколько полицейских, возглавляемые офицерами с нарукавными повязками, пытались оттеснить толпу подальше от виадука и направить движение по другой дороге. Пилот в машине сержанта Мендозы прокладывал свой путь через царящую в воздухе сумятицу, одновременно докладывая что-то в микрофончик, висящий на груди. Красный аппарат шерифа Дрейзера вынырнул из скопления машин и приблизился к ним.

Обе машины, разделенные несколькими ярдами, зависли в ста футах над виадуком. Джон Томас видел большой пролом в ограде, сквозь который прорвался Луммокс, но самого Луммокса он не мог поймать взглядом, тот скрывался под виадуком. Дверца машины шерифа открылась, и шериф Дрейзер высунулся наружу; он казался раздраженным, и его лысая голова была покрыта каплями пота:

— Где этот мальчишка Стюартов!

Джон Томас опустил окно и высунул голову:

— Я здесь, сэр!

— Эй, парень, ты справишься с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Хочу надеяться. Мендоза! Высади его. Пусть он попробует.

— Есть, шеф. — Мендоза сказал несколько слов пилоту, который, снижаясь, повел свой аппарат над

виадуком. Наконец Луммокс стал виден. Он забился под мост, стараясь стать как можно меньше. Джон Томас едва не вывалился из иллюминатора.

— Лум! Лумми! Иди к папе!

Беглец заволновался и покрытие виадука задребезжало. Наружу высунулось примерно двенадцать футов его туловища. Луммокс растерянно озирался по сторонам.

— Я здесь, Лум! Наверху!

Луммокс наконец увидел своего друга, и его физиономия расплылась в блаженной улыбке. Сержант Мендоза фыркнул:

— Спускайся, Слэт. А ты — на выход.

Пилот несколько снизился, но остановился в замешательстве.

— Хватит, сержант. А то как бы эта штука нас не достала...

— Ладно, ладно. — Сержант Мендоза открыл дверцу и выкинул наружу легкую веревочную лестницу, применяющуюся при спасательных работах. — Ты можешь спуститься, сынок?

— Конечно. — Придерживаясь за руку Мендозы, Джон Томас вцепился в лестницу. Но, достигнув последней ступеньки, он все еще продолжал висеть в шести футах над головой Луммокса. Он посмотрел вниз. — Подними голову, малыш, — сказал он. — И спусти меня.

Луммокс поднялся с земли еще на одну пару ног и подставил свой широкий череп под висящие ноги Джона Томаса. Слегка пошатнувшись, Джон Томас встал на его голову, и Луммокс осторожно опустил его на землю.

Джон Томас спрыгнул и тут же повернулся к Луммоксу. Похоже, что все неприятности не причинили Луммоксу заметного вреда; он вздохнул с облегчением. Теперь осталось только доставить его домой, а там уж он его осмотрит дюйм за дюймом.

Тем временем Луммокс делал вид, что внимательно изучает собственные ноги, издавая звуки, напоминающие смущенное мурлыканье. Джон сурово посмотрел на него:

— Лумми, ты плохой! Ты очень плохой! Просто тупица — понимаешь?

Луммокс был в страшном смущении. Он опустил голову почти до земли, глядя на своего друга снизу вверх и открыл пасть:

— Я не хотел, — возразил он тоненьким детским голоском.

— Ах, вот как! Ты не хотел! Я запихаю тебе в пасть твои собственные ноги! И попробуй только мне возразить! Я тебя вытряхну из твоей шкуры и сделаю из нее коврик на стенку. Обеда тебе сегодня не видать! Он не хотел!

Над ними завис красный вертолет:

— Все в порядке? — осведомился шериф Дрейзер.

— Конечно.

— Отлично. Будем действовать следующим образом. Я убираю барьеры. Ты ведешь его по Хиллстрит, где вас будет ждать эскорт; вы пристраиваетесь за ним, и он проводит вас до дому. Все понятно?

— Ясно. — Джон Томас увидел, что оба выхода из виадука заблокированы тяжелыми бульдозерами с опущенными ножами. Такой порядок был принят силами безопасности во всех городах после Великого Бунта 91-го года, но Джон Томас не мог припомнить ничего подобного в Вествилле, и он начал понимать, что день, когда Луммокс вышел в город прогуляться, не скоро изгладится из памяти.

Но он был счастлив, что Луммокс оказался настолько перепуганным, что не попытался пожевать железа или попробовать какой-нибудь ржавый обломок. Он повернулся к нему:

— Ну ладно, ты, чудовище, вытаскивай свой скелет из этой дыры. Пошли домой.

Луммокс радостно согласился, и виадук снова задрожал. — Подсади меня.

Середина туловища Луммокса преобразилась в нечто вроде седла. Луммокс был полон радостного желания повиноваться и нетерпеливо топтался на месте.

— Успокойся, — сказал Джон Томас. — Я не хочу отдавить себе пальцы. — Луммокс застыл, и мальчик вскарабкался на него, цепляясь за складки его стальной на ощупь шкуры. Верхом на Луммоксе он напоминал раджу, отправляющегося на тигриную охоту.

— Все в порядке. А теперь не торопясь, вверх по дороге. Да не туда, олух царя небесного! Вверх!

Сообразив что к чему, Луммокс огляделся и зарысил прочь.

Две патрульные машины прокладывали ему дорогу, две прикрывали с тыла. Помидорно-красный вертолет шерифа Дрейзера держался поодаль на безопасной дистанции. Джон Томас несколько расслабился, размышляя, как он, во-первых, будет воспитывать Луммокса, а, во-вторых, что он скажет матери. Первая задача была куда проще, чем вторая...

Они были уже на полпути к дому, когда им чуть ли не на голову свалился летун, не обращавший никакого внимания на красные полицейские мигалки. Джон Томас догадался, что так, очертя голову, может летать только Бетти, и был прав, еще до того, как смог рассмотреть ее лицо. Он поймал ее за ноги, когда она выключила двигатель.

Шериф Дрейзер распахнул иллюминатор и высунул наружу голову, но Бетти прервала поток возмущения, который он обрушил на них.

— Что я слышу, шериф Дрейзер! Какие ужасные выражения!

Шериф поперхнулся и вгляделся пристальнее:

— Это кто — Бетти Соренсен?

— А кто же еще? И должна вам сказать, шериф, что никогда не предполагала, что доживу до такого времени, когда вы, столько лет преподававший в воскресной школе, будете употреблять такие слова! И если вы считаете, что подаете хороший пример...

— Молодая леди, придержите язык.

— Я? Но это вам надо...

— Цыц! На сегодня с меня хватит! Здесь дело серьезное и посему — марш отсюда!

Взглянув на Джона Томаса, Бетти подмигнула ему, а затем состроила ангельски невинное выражение:

— Но шериф, я не могу.

— А? Почему это не можете?

— У меня кончилось горючее. Я пошла на аварийную посадку.

— Бетти, перестаньте сочинять.

— Я? Ради чего, декан Дрейзер?

— Я вам покажу декана! Если бак у тебя пустой, слезай с этого зверя и отправляйся домой. Он опасен.

— Лумми опасен? Да он и мухи не обидит. И, кроме того, вы хотите, чтобы я пошла домой одна? По этой

глухой дороге? Когда уже темнеет? Вы меня удивляете.

Дрейзер сплюнул и захлопнул иллюминатор. Бетти мигом высвободилась из подвесной системы и устроилась поудобнее в сиденье, которое Луммокс без напоминания соорудил для нее на своей обширной спине. Джон Томас посмотрел на нее.

— Привет, Червячок.

— Привет, Упрямец.

— А я и не знал, что ты знакома с шерифом.

— Я знакома со всеми. А теперь помолчи. Я помчалась сюда изо всех сил и сломя голову, как только услышала новости по ящику. Вы, даже вместе с Луммоксом, никогда не додумаетесь, как выпутаться из этой истории — поэтому я и здесь. А теперь расскажи мне все, даже самое ужасное. Не скрывай ничего от мамочки.

— Ах ты, хитрая лиса.

— Не трать времени на комплименты. Может быть, это наш последний шанс поговорить с глазу на глаз перед тем, как тебя начнут тягать в разные стороны, поэтому давай быстрей к делу.

— Что? Ты думаешь, что в самом деле... Но если обратиться к юристу?

— Я лучше любого юриста, потому что мой мозг не забит разными случаями, которые случались раньше. Я все вижу свежим глазом.

— Ну... — Честно говоря, Джон почувствовал себя куда лучше с появлением Бетти. Теперь он и Луммокс не одиноки в этом недружелюбом мире. Он выложил всю историю, а Бетти спокойно выслушала его.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила она.

— Не думаю. Они бы мне сказали об этом.

— Это верно. — Она выпрямилась. — Значит, нам не о чем беспокоиться.

— Что? Да Луммокс наломал дров на сотни, а то и на тысячи... Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду «не о чем беспокоиться»?

— То, что никто не пострадал, — ответила Бетти. — Все остальное можно организовать. Может быть, еще Луммокс окажется пострадавшей стороной.

— Ну, ты даешь! Полная чушь!

— Если ты думаешь, что это чушь, значит, ты никогда не был в суде.

— А ты была?

— Не уходи в сторону от разговора. Кроме всего, Луммокс подвергся нападению с применением очень опасного оружия.

— Да он не пострадал, его только опалило.

— Не важно. Я уверена, что он испытал сильнейшее душевное потрясение. И исходя из этого, он не несет ответственности за все, что произошло. А теперь помолчи и дай мне подумать.

— Я тоже подумаю.

— Но не очень напрягайся, а то я услышу, как у тебя шестеренки трещат. Не воображай.

До дома Стюартов они двигались в молчании. И перед тем, как они прибыли, Бетти дала Джону один совет:

— Ничего не признавай. Ничего. И ничего не подписывай. Зови меня.

Миссис Стюарт не вышла встречать их. Шериф Дрейзер вместе с Джоном Томасом отправился осмотреть пролом в заграждении. Луммокс плелся за ними. Шериф молча смотрел, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек прохода.

— Вот так. Теперь он не сможет выйти.

Дрейзер открыл рот:

— Сынок, у тебя, видно, не все дома.

— Вы не понимаете, сэр. Захоти он выйти, забор его не остановит, даже если мы его отремонтируем... Его ничто не остановит. Кроме этого шнурка. Луммокс!

— Да, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Если порвешь его, я надеру тебе уши. Понятно?

— Да, Джонни.

— И пока я не разрешу тебе, со двора ни ногой.

— Хорошо, Джонни.

— Обещаешь? Лопни мое сердце?

— Лопни мое сердце.

— Вообще-то сердца в нашем понимании у него нет, — сказал Джонни. — У него все устроено по другому принципу... что-то вроде центробежного насоса. Ну, словно...

— Пусть у него будет какой угодно насос, лишь бы сидел дома.

— Так и будет. Эту клятву он никогда не нарушит.

Дрейзер вытер руки о штанины:

— Отлично. На ночь я по соседству оставлю человека с портативным передатчиком. А завтра мы вгоним сюда стальные брусья вместо этих деревянных.

Джонни уже открыл рот, собираясь сказать: «Только не стальные», но решил лучше промолчать.

— В чем дело? — спросил Дрейзер.

— Да нет, ничего.

— И ты тоже не спускай с него глаз.

— Он никуда не денется.

— И все же... Ты понимаешь, что вы оба находитесь под арестом? Но я не представляю, в какую камеру запереть этого молодчика.

Джон Томас не ответил. Теперь он понял, что неприятностей не избежать.

Дрейзер смягчил тон:

— Особенно не волнуйся. Ты хороший парень, и твоего отца все вспоминают добрым словом. А теперь мне надо поговорить с твоей матерью. А ты пока лучше побудь здесь, пока не явится мой человек... и может быть, познакомь его с этой штукой, — краем глаза он указал на Луммокса.

Джон Томас стоял недвижим, пока шериф не скрылся в доме. Теперь-то он мог всыпать Луммоксу по первое число, но у него уже не было сил.

II. ДЕЛО МЕЖЗВЕЗДНОГО ДЕПАРТАМЕНТА

Тревоги и заботы, обрушившиеся на головы Джона Томаса XI-го и Луммокса, казались им ужасными и в своем роде уникальными, а между тем, даже в Вествилле были люди, которые так же могли пожаловаться на свои заботы. Так, маленький мистер Ито страдал от болезни, для которой еще не придумано лекарство — от старости. В скором времени она одержала над ним верх. За бесчисленным количеством закрытых дверей Вествилла мужчины, женщины и дети решали про себя, как справиться с проблемами денег, здоровья, семейных дел, внешности и так далее.

А далеко от Вествилла, в столице штата, губернатор в отчаянии смотрел на груду бумаг — они доказывали, что он обязан отправить в тюрьму своего самого старого и преданного друга. А за миллионы километров от столицы, на Марсе, изыскатель покинул сломавшийся песчаный вездеход и двинулся в далекий путь к Форпосту, но никогда не достигнет его.

А в непредставимом для глаз расстоянии в двадцать семь световых лет звездный корабль «Боливар» вошел в подпространство. Маленькая неисправность в одном крохотном реле привела к тому, что оно сработало на десятую секунду позже, чем следовало бы. И теперь «Боливар» обречен долгие годы скитаться меж звезд... и никогда не найдет дороги домой.

В непостижимой дали от Земли, на полпути к расположенной в этом районе звездной туманности, раса древолазающих ракообразных медленно отступала под натиском более молодой и агрессивной расы амфибий. Пройдет еще несколько земных тысячелетий, пока ракообразные окончательно вымрут, но этот исход вне сомнений. Ситуация эта вызывала глубочайшее сожаление (по земным меркам), потому что раса ракообразных придерживалась системы ценностей, близкой к человеческой, что позволяло в будущем надеяться на сотрудничество двух рас. Но когда через одиннадцать тысяч лет на той планете совершит посадку корабль с Земли, ракообразные уже давно вымрут, и от них не останется и следа.

А если снова вернуться на Землю, мы увидим, что в столице Федерации Его превосходительство, Досточтимый Генри Гладстон Кику, магистр искусств (Оксон), доктор гонорис кауза (Кейптаун), Постоянный Заместитель Секретаря Межзвездного Департамента отнюдь не был обеспокоен горестной судьбой расы ракообразных, потому что ничего не знал о них. Не тревожился он и о судьбе «Боливара», хотя уже подходило время узнать и о нем.

В круг ответственности и забот мистера Кику входило все и вся вне ионосферы Земли. Он отвечал и за все, что касалось взаимоотношений между Землей и остальной частью исследованного Космоса. Даже те дела, которые внешне касались только Земли, находились в поле его зрения, если они тем или иным путем были связаны с внеземными, межпланетными

или межзвездными проблемами — словом, круг дел, которыми он занимался, был достаточно широк.

К ним относились, например, такие, как импорт травы с Марса, великолепно мутирующей на песчаных почвах, которая должна была покрыть Тибетское плато. Служба мистера Кику пока еще не дала своего согласия на эту операцию — до тех пор, пока не будет тщательно изучено влияние марсианской травы на овцеводческую индустрию Австралии и на добрую дюжину других факторов. Акклиматизации инопланетных организмов надо проводить очень осмотрительно, потому что перед глазами постоянно стоял страшный пример Мадагаскара, где был некогда высажен марсианский лимонник. Экономические сложности не волновали мистера Кику; он никогда не обращал внимания на то, сколько пальцев ему придется отдавить — а вот другие проблемы порой не давали ему заснуть по ночам: такие, как его решение не давать полицейского эскорта для студентов с Проциона VII, направляющихся по обмену в Годдард; он принял это решение, несмотря на вполне реальную опасность, угрожающую гостям со стороны провинциалов, придерживающихся предрассудков относительно существ с щупальцами или им подобных — а, с другой стороны, цефалоподы с этой планеты — весьма ранимые существа, и вряд ли были бы в восторге от полицейского эскорта, который на их собственной планете служит наказанием при преступлениях.

Конечно, в распоряжении мистера Кику был большой штат сотрудников и, конечно же, ему помогал лично сам Секретарь. Последний произносил речи, встречал Очень Важных Персон, давал интервью и во многих других случаях освобождал мистера Кику от подобных невыносимо тяжких обязанностей — мистер Кику первый признавал это. И в той мере, в какой нынешний Секретарь корректно вел себя, занимался своими делами, заботился о связях с общественностью и не мешал Заместителю заниматься делами Департамента, мистеру Кику относился к нему с симпатией. Если же Секретарь увиливал от выполнения этих своих обязанностей, мистер Кику всегда знал, как избавиться от него. В последний раз он проявил подобную непреклонность пятнадцать лет назад.

Нынешний Секретарь не доставлял мистеру Кику больших хлопот, и сейчас он думал отнюдь не о нем. Он просматривал стопку листов, касающихся Проекта Цербрус — весьма интересное предложение относительно исследовательской станции на Плутоне. На его панели замигал огонек, и он посмотрел на дверь, отделяющую его помещения от апартаментов Секретаря. Тот вошел, насвистывая модную песенку «Возьми меня с собой и поиграем в мячик».

— Приветствую вас, Генри. Нет, нет, вставать не надо.

Мистер Кику и не собирался вставать:

— Как поживаете, мистер Секретарь? Чем могу быть вам полезен?

— Ничего особенного. — Он остановился у стола мистера Кику и взял папку с проектом. — Что вы теперь штудируете. Никак Цербрус? Генри, пусть над этим думают инженеры. Чего ради нам беспокоиться?

— Здесь есть некоторые частности, — осторожно ответил мистер Кику, — которые касаются и нас.

— Ну да, ну да... Бюджет и все такое... — Секретарь бегло пробежал по четким строчкам: «Примерная стоимость: 3,5 МЕГАДОЛЛАРОВ и 7,4 ЖИЗНИ». Что это такое? Я не могу предстать перед Советом с такими подсчетами и просить утвердить их. Это фантастика.

— Первоначальная прикидка давала нам, — спокойно сказал мистер Кику, — более восьми мегадолларов и более сотни жизней.

— Я имею в виду не деньги, а все остальное... Вы представляете, что значит убедить Совет подписать смертные приговоры семи и четырем десятым человека! Кстати, что это значит — часть человека, что ли?

— Мистер Секретарь, — терпеливо ответил подчиненный, — любой проект, несколько больший, чем строительство школьной спортплощадки, включает в себя возможность человеческих жертв. Но в данном случае фактор риска довольно низок.

— МММ? — Секретарь снова проглядел конспект. — Тогда почему бы так прямо и не сказать? Изложить ситуацию в наилучшем освещении и так далее?..

— Такое изложение уже подготовлено для меня... то есть, и для вас тоже. В сообщении для Совета подчеркиваются меры предосторожности и не будет включена оценка возможных смертных случаев, которая, в конце концов, является всего лишь предположением.

— Ну, если всего лишь предположением... Да, конечно... — Секретарь вернул доклад на место, по всей видимости, потеряв к нему интерес.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Ах, да! Генри, старина, вы знаете того сановника с Раргиллиана, которого я сегодня должен встречать? Доктор... как-бишь-его-зовут?

— Доктор Фтаемл, — мистер Кику взглянул на свою контрольную панель. — Ваша встреча состоится через час и семь минут.

— Совершенно верно. Боюсь, что мне придется просить вас заменить меня. Извинитесь за меня и все такое прочее. Скажите ему, что я по горло занят делами государственной важности.

— Видите ли, сэр... Я не могу советовать вам, но он ждет встречи с официальным лицом вашего ранга... а раргиллианцы исключительно скрупулезно относятся к протоколу.

— Ах, бросьте, эти туземцы даже не поймут разницы между нами.

— Но он поймет, сэр.

— Ну, скажите ему, что вы — это я... неважно. Но я не могу быть одновременно в двух местах. Генеральный Секретарь пригласил меня на партию в гольф — а когда Г. С. говорит «прошу вас», это значит, что я должен, вы же знаете...

Мистер Кику знал, что действительность не имела ничего общего с этими словами, но воздержался от продолжения этой темы.

— Хорошо, сэр.

— Спасибо, старина. — И насвистывая, секретарь удалился.

Когда за ним закрылась дверь, мистер Кику гневным жестом выключил все сигнальные тумблеры на панели своего стола. Теперь до него не добраться ни по телефону, ни по видео, ни по УКВ-передатчику, ни через автоответчика; задействованным остался лишь сигнал тревоги, который его секретарь пустил в ход

лишь один раз за двенадцать лет. Он поставил локти на столешницу, опустил голову на руки и запустил пальцы в густые шерстистые волосы на макушке.

Постоянные заботы и тревоги — здесь, там, снова здесь... и вечно под ногами толкаются какие-то идиоты! Чего ради ему бы не остаться в Африке! Откуда взялся этот зуд служения обществу? Зуд, который давно превратился в пустую привычку...

Кику выпрямился и выдвинул средний ящик стола. В нем лежали описания ферм, разбросанных по долинам Кении. Он вынул пачку листов и погрузился в сравнительное изучение данных. Вот то, что ему надо, рай земной — не больше восьмисот акров, половина из которых возделана. Он разложил перед собой карты и фотографии, чувствуя, как к нему возвращается хорошее настроение. Теперь он может сложить бумаги и вернуть их на старое место.

Он не говорил об этом шефу, но его реакция на предложение встретиться с доктором Фтаемлом коренилась в давних традициях предков, смертельно боящихся змей. Если этот доктор Фтаемл чистокровный раргиллианец, медузоподобный гуманоид... Конечно, он знал, что щупальцы, шевелящиеся на головах раргиллианцев, не имеют ничего общего со змеями — но он ничего не мог поделать со своим желудком. Будь у него время для гипнотического внушения.... нет, времени не хватит; он сможет лишь принять пилюли.

Вздохнув, он снова включил тумблеры. Корзина для входящих бумаг стала стремительно наполняться, а цепочка сигнальных лампочек замигала разноцветными огоньками. Но так как тревожных красных огней среди них не было и они отливали оттенками янтаря, мистер Кику не обратил на них внимания и потянулся за бумагами. Большинство из них было чисто информативного характера, а по некоторым его помощники или их подчиненные должны были принимать те или иные решения. Мистер Кику ставил закорючку своей подписи, набрасывал несколько слов указаний и бросал бумаги в разверзтую пасть корзинки для исходящих документов.

Поползла лента телекса, что случалось довольно редко; обычно она сообщала о существах неземного происхождения, вид и происхождение которых не удавалось установить. История, о которой шла речь, была

малоинтересной — какая-то ерунда в одном из маленьких городков на западе континента. Но поскольку она имела отношение к существу неземного происхождения, местная полиция автоматически пересылала сообщение в Межзвездный Департамент, а в том случае, если отсутствовали точные классификационные данные, требовалось предпринять определенные действия, сообщение о которых автоматически шло наверх.

Мистер Кику никогда не видел Луммокса и не проявил к нему никакого интереса. Но мистер Кику знал, что каждый контакт с тем, что находилось «Вне», был в своем роде уникальным. Космос бесконечен в своем разнообразии. Принимать решения без точного знания, действовать, основываясь на аналогиях и прецедентах, закрывать глаза на неизвестное — значило подвергаться большой опасности.

Мистер Кику пробежал список сотрудников в поисках свободного человека, который мог бы заняться этим делом. Все без исключения его офицеры могли выступать в судах любого подчинения, когда шла речь о существах внеземного происхождения, но кто из них сейчас на Земле и достаточно свободен? Хм-м-м...

Сергей Гринберг — вот кто ему нужен. День-другой Системоразведка обойдется без своего шефа. Он нажал кнопку:

— Сергей?

— Да, шеф.

— Ты занят?

— И да, и нет. Я полирую ногти и пытаюсь понять, чего ради налогоплательщики платят мне зарплату.

— Интересная мысль. Высылаю тебе копии кое-каких бумаг. — Мистер Кику вложил их в щель «исходящих», нажал на телексе тумблер с фамилией Гринберга и обождал несколько секунд, пока бумаги не появились перед Гринбергом: — Прочти их.

Гринберг просмотрел бумаги:

— Итак, шеф.

— Свяжись с местными законниками, сообщи им, что мы займемся этим делом, затем отправляйся туда и посмотри, что там такое.

— Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество.

— Совершенно верно. Посмотри, нет ли там какой-то «особой ситуации», мы должны быть в курсе дела.

— В крайнем случае я займусь строевой подготовкой с местными стражниками. Где эта деревушка? Как ее — Вествилл?

— Откуда я знаю? Бумаги перед тобой.

Гринберг взглянул на них:

— Ого! Это же в горах! История может занять две-три недели...

— Попробуй задержаться больше, чем на три дня, и я вычту их из твоего отпуска. — Мистер Кику отключился и вернулся к другим делам, ответил на дюжину вызовов, опустошил до дна корзину входящих бумаг, которая тут же наполнилась снова, и заметил, что подходит время встречи с раргиллианином. Он почувствовал, как спина покрывается гусиной кожей, и поспешно нырнул в ящик стола за таблетками, относительно которых доктор предупредил его, чтобы Кику не злоупотреблял ими. Он едва успел проглотить их, как из динамика раздался голос его секретаря.

— Сэр? Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси его. — Мистер Кику пробормотал несколько слов, которые его предки использовали, заклиная змей. Дверь широко распахнулась, и на его лице появилось выражение, приличествующее встрече высокопоставленных гостей.

III. «ВОПРОС ПОСТАВЛЕН НЕКОРРЕКТНО»

Вмешательство Межзвездного Департамента в историю с Луммоксом отнюдь не было результатом слухов; оно, скорее, усилило их. Гринберг позвонил окружному судье, попросил его разрешения использовать зал судебных заседаний и предупредил, чтобы все свидетели и участники были на месте к десяти часам завтрашнего утра. Включая, конечно, и внеземное существо, которое и было причиной всей этой суматохи. Судья О'Фаррел переспросил:

— И существо... оно вам тоже необходимо?

Гринберг уточнил, что именно оно и нужно ему

больше всего, так как участие этого внеземного существа в ситуации и явилось причиной его, Гринберга, обращения.

— Судья, мы в Межзвездном не любим совать нос в ваши дела. После того, как я взгляну на это создание и задам пару дюжин вопросов, я, скорее всего, поспешу откланяться... что устроит нас обоих. Это злосчастное В.-З.-существо — единственная причина моего появления. Итак, я могу надеяться, что оно будет на месте?

— Э-э-э... видите ли, он слишком велик, чтобы его можно было доставить в суд. Я не видел его пару лет и предполагаю, что с тех пор он несколько подрос... хотя и в то время он был непомерно велик. Не могли бы вы ознакомиться с ним в том месте, где он пребывает?

— Не исключено, хотя должен признаться, у меня есть предубеждение против всего, что только запутывает столь простое дело. А где он находится?

— Там, где он обычно и живет, у своего владельца. У них небольшой домик под городом, в нескольких милях.

Гринберг задумался. Он был вполне современным человеком, который не придает значения тому, где он ест и где спит, когда находится при исполнении служебных обязанностей, но он предпочитал, чтобы все остальные исправно исполняли свои обязанности; иначе бесконечная чехарда дел в Межзвездном Департаменте никогда не кончится.

— Я предпочел бы избежать этой поездки за город, так как я предполагаю придержать мое судно и, если возможно, завтра к полудню быть обратно в столице. Дело безотлагательное... связанное с марсианской нотой. — Когда Гринберг хотел поторопить кого-то не из своих коллег, он прибегал к этому обычному приему.

Судья О'Фаррел сказал, что примет к сведению, и добавил:

— Мы постараемся возвести временную постройку на лужайке у суда.

Два дня назад, когда Луммокс отправился на свою прогулку, судья был на рыбалке. К его возвращению суматоха уже улеглась и, придерживаясь своего принципа, он избегал слухов, газетных статей и пустой

болтовни, связанной с делом, которое ему предстояло рассматривать. Позвонив Дрейзеру, О'Фаррел не предполагал, что с доставкой Луммокса возникнут какие-то трудности.

Шериф встретил О'Фаррела, высунувшись из оконца на крыше.

— Судья, вы в своем уме?

— А? Что с вами?

Дрейзер попытался объяснить; судья отверг его объяснения. В конце концов они оба позвонили мэру. Но мэр был на той же самой рыбалке; поэтому он положил свой голос на чашу весов О'Фаррела:

— Вы меня удивляете, — сказал он Дрейзеру. — Мы не можем позволить, чтобы важное официальное лицо думало о нашем городе, как о каких-то задворках, где не могут сделать такое простое дело.

Дрейзер застонал и отправился связываться со Стальной и Сварной Компанией.

Шериф Дрейзер принял решение переселять Луммокса еще до рассвета, пока улицы будут относительно пустынны. Но никто не позаботился ознакомить с этим замыслом Джона Томаса; он проснулся в четыре утра в холодном поту, прервав бредовые видения, в которых с Луммоксом случилось что-то ужасное.

Пока мир вокруг него не прояснился, Джон Томас был мрачен и неразговорчив; он был типичной «совой» — одним из тех, у кого по утрам низкое содержание сахара в крови и которые ни к чему не пригодны, пока не позавтракают — на этой процедуре он и настаивал.

Шериф Дрейзер выглядел рассерженным. Миссис Стюарт использовала выражение «мама-знает-лучше» и сказала: «Дорогой мой, не думаешь ли ты, что было бы лучше...»

— Я хочу позавтракать. И Луммокс тоже.

— Молодой человек, — сказал Дрейзер, — вы неправильно ведете себя. Прежде всего, вы должны понять, что вас могут ожидать большие неприятности. Так что двигайтесь. Вы можете позавтракать в городе.

Но Джон Томас уперся.

— Джон Томас! — сказала мать. — Ты слышал, что тебе сказали? Ты становишься таким же трудным, как твой отец.

Такое сравнение с отцом поразило сына.

— Почему ты не защищаешь меня, мама? — резко спросил он. — В школе меня учили, что любой человек не может быть выведен полицией из своего дома без предъявления ордера. Похоже, что ты стараешься помочь им, а не мне. На чьей ты стороне?

Столкнувшись с таким примером упрямого неповиновения, мать изумленно посмотрела на сына:

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать со своей матерью!

— Это верно, — согласился Дрейзер. — Будь вежлив с матерью, а то я влеплю тебе затрещину — неофициально, конечно. И если есть тут единственное, чего я не могу отрицать, так это мальчик, который грубит старшим. — Он расстегнул мундир и вынул сложенную бумагу. — Сержант Мендоза доложил мне, как ты пытался уклоняться от ответственности... так что я подготовился. Вот ордер. Теперь ты пойдешь? Или мне придется тащить тебя?

— Это предписание из суда, — сказал Джон Томас, — где сказано, что я должен явиться и доставить Луммокса.

— Так оно и есть.

— Но здесь же сказано: к десяти часам. Здесь не сказано, что я не могу сначала позавтракать... И вообще, что я должен делать до десяти часов?

Шериф раздулся и издал глубокий вздох. Его обычно розовое лицо приобрело багровый оттенок, но он промолчал.

— Мама! — сказал Джон Томас. — Я хотел бы поесть! А вы не присядете с нами?

Мать посмотрела на Дрейзера, потом перевела взгляд на сына и закусила губу.

— Не волнуйся, — наконец сказала она. — Сейчас я приготовлю завтрак. Мистер Дрейзер, не хотите ли кофе?

— А? Очень любезно с вашей стороны, мадам. Не откажусь. Я с самого утра на ногах.

Джон Томас посмотрел на них:

— Я сбегаю посмотреть на Луммокса. — Помед-

лив, он добавил: — Я сожалею, что был груб с тобой, мама.

— Не будем говорить об этом, — холодно сказала миссис Стюарт.

Джон Томас хотел добавить еще кое-что в свое оправдание, но благоразумно сдержался и вышел. Луммокс мирно посапывал, наполовину вывалившись из своего укрытия. Его центральный глаз, как обычно во время сна, был обращен к шее; когда Джон Томас подошел к нему, он повернулся в орбите и осмотрел его: та часть существа Луммокса, которая бодрствовала, узнала мальчика, но само звездное создание не проснулось. Удовлетворенный, Джон Томас вернулся домой.

Во время завтрака атмосфера смягчилась. Когда Джон Томас умял две порции омлета, до крошки подобрал гренки и влил в себя пинту какао, он уже был готов признать, что шериф Дрейзер всего лишь выполняет свои обязанности и что он не из тех, кто лишь ради собственного удовольствия пнет собаку ногой. Что же касается шерифа, то и он, размягченный завтраком, решил, что с мальчиком не произойдет ничего страшного, если дать ему возможность время от времени почувствовать твердую руку... ведь его бедная мать вынуждена одна воспитывать его; а она, похоже, достойная женщина. Он аккуратно подобрал с тарелки остатки омлета кусочком хлеба и сказал:

— Честное слово, миссис Стюарт, я чувствую себя куда бодрее. Одинокой женщине нелегко торчать у плиты... но мои ребята обойдутся.

Миссис Стюарт приложила ладонь ко рту:

— О, я и забыла о них! Сейчас я быстренько сварю еще кофе, — добавила она. — Сколько их?

— Пятеро. Но не стоит беспокоиться, мадам, они позавтракают после дежурства. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы готовы, молодой человек?

— Мхм... — Джон Томас повернулся к матери. — А почему бы не покормить их, мама? Я все равно еще собираюсь будить Луммокса и кормить его.

К тому времени, как Луммокс проснулся и поел, а Джон Томас объяснил ему в чем дело, и пятеро полисменов наслаждались второй чашкой кофе после куска горячего мяса, Джон Томас уже воспринимал все случившееся не как арест, а как приключение.

А когда процессия наконец двинулась в дорогу, давно уже минуло семь.

Луммокса удалось доставить в его временное убежище позади здания суда лишь после девяти. Луммокс с наслаждением вдохнул запах стали, и едва лишь почувствовал сталь, выразил желание остановиться и попробовать ее. Джон Томас был вынужден проявить твердость. Он вошел в клетку вместе с Луммоксом, лаская его и уговаривая не волноваться, и оставался вместе с ним, пока накрепко приварили дверь. Он встревожился, увидев, сколько стали пошло на клетку для Луммокса, потому что у него не было возможности объяснить шерифу Дрейзеру, что для Луммокса нет ничего более лакомого, чем сталь.

Теперь говорить об этом было поздно, тем более, что шериф не скрывал гордости при виде клетки для Луммокса. Времени для рытья фундамента не было, поэтому помещение для Луммокса представляло собой ящик, все стенки которого, а также потолок состояли из стальных брусьев, а одна сторона была открыта.

Ладно, подумал Джон Томас, поскольку они все знают лучше и не сочли нужным даже обратиться ко мне... он просто скажет Луммоксу, чтобы тот не пытался под страхом наказания полакомиться своей тюрьмой — и остается надеяться на лучшее.

Луммокс попытался уклониться от спора. С его точки зрения, это было также глупо, как попытка заключить голодного мальчишку в тюрьму из шоколада и бисквитных пирожных. Один из рабочих прислушался, опустил свою голову и сказал:

— Похоже, что гора заговорила.

— Он таков и есть, — коротко ответил Джон Томас.

— Ага, — человек посмотрел на Луммокса и вернулся к работе. Человеческая речь, которую можно было услышать от внеземных существ, была не в новинку, особенно в стереопрограммах; и человек, похоже, воспринял ее как должное. Но вскоре он снова остановился:

— Вообще-то, это никуда не годится, чтобы животное говорило.

Джон Томас промолчал; это были не те слова, на которые стоило бы отвечать.

Наконец у него появилось время тщательнее поинтересоваться тем, что беспокоило его в Луммоксе. Впервые он заметил тревожащие его симптомы в утро злосчастной прогулки Луммокса: две припухлости, расположенные где-то в районе плеч. Со вчерашнего дня они увеличились, что обеспокоило Джона Томаса, так как он думал, что это простые синяки, хотя поставить синяк Луммоксу было не так просто.

Похоже, что Луммокс как-то случайно поранился во время своей пробежки. Выстрел из базуки мистера Ито не принес ему никакого вреда; в том месте, где ударил заряд, была лишь небольшая, чуть припудренная ссадина; взрыв, который мог бы уничтожить танк, был для Луммокса не больше, чем легкий пинок копытом... он удивил, но не принес вреда.

Луммокс мог поранить себя, прорываясь сквозь садовый домик, но это выглядело неправдоподобно. Скорее всего, он пострадал, когда обвалился виадук. Джон Томас знал, что такая катастрофа могла убить любое земное животное, способное вместиться под своды виадука, например, слона. Конечно, телосложение Луммокса было далеко не столь хрупким, как у слона... и все же он мог пострадать при этом обвале.

Черт возьми! Припухлости стали больше, чем раньше, настоящие опухоли, и поверхности их мягче и тоньше, ничем не напоминая броню, в которую Луммокс был закован с головы до ног. Насколько Джон Томас помнил, Луммокс никогда не болел; отец тоже никогда не упоминал, чтобы с Луммоксом что-то было не в порядке. Он не менялся ни сегодня, ни вчера, ни позавчера — исключая то, что все рос и рос.

Сегодня вечером надо посмотреть дневник дедушки и записки прадедушки. Может быть, он в чем-то ошибается...

Джон Томас попытался вдавить свой палец внутрь одной из опухолей; Луммокс слегка дернулся. Джон Томас остановился и обеспокоенно спросил:

— Болит?

— Нет, — ответил детский голосок. — Щекотно.

Ответ ничего не дал. Джон Томас знал, что Луммокс боится щекотки, но обычно для этого требовалось нечто вроде лома или мотыги. Значит, опухоль очень чувствительна. Он уже был готов продолжать

дальнейшее исследование, как его остановил голос из-за спины.

— Джон! Джонни!

Он повернулся. С другой стороны клетки на него смотрела Бетти Соренсен.

— Здорово, Червячок. Получила мое послание?

— Да, но только после восьми. Ты же знаешь, какие у нас в общежитии правила. Привет, Луммокс! Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Отлично, — сказал Луммокс.

— Вот почему и я здесь, — сказал Джон Томас. — Идиоты вытряхнули меня из постели еще до рассвета. Чушь какая-то.

— Наконец-то тебе повезло увидеть рассвет. Но из-за чего вся суматоха? Я думала, что слушание будет только на будущей неделе.

— Так оно и должно было быть. Но явился какой-то столичный сундук из Межзвездного Департамента. Он и потребовал...

— Что?

— А в чем дело?

— В чем? Да во всем! Я не знаю этого человека из столицы. Я думала, что придется иметь дело с судьей О'Фаррелом... и я знаю, как его пронять. А этот новый судья... ну, тут я не знаю. А во-вторых, у меня появились кое-какие идеи, над которыми надо еще подумать. — Она нахмурилась. — Мы должны добиться отсрочки.

— Чего ради? — спросил Джон Томас. — Почему бы нам не пойти в суд и не рассказать всю правду?

— Джонни! Ты безнадежен! Будь все так просто, не нужно было бы никакого суда.

— Может, это было бы и к лучшему.

— Но... Слушай, Упрямец, перестань распускать сопли. И если нам нужно там быть меньше, чем через час... — Она взглянула на башенные часы на старинном здании суда. — Хорошенькие дела. Нам нужно двигаться побыстрее. Первым делом, нам нужно зарегистрировать Луммокса как движимое имущество.

— Глупо. Я тебе говорю, что это ни к чему. Мы не можем считать его имуществом. Он не кусок земли.

— Человек может зарегистрировать в этом качестве корову, лошадей, дюжину свиней. Плотник —

свои инструменты. А актриса может объявить своим имуществом гардероб.

— Но это не значит, что можно зарегистрировать в этом качестве Луммокса. Я прослушал тот же курс коммерческого права, что и ты. Они поднимут нас на смех.

— Перестань увиливать. Я говорю о втором разделе того же курса. Если бы ты представил Лумми на выставку, он был бы «орудием твоего труда», не так ли? И пусть они доказывают, что это не так. Наше дело — успеть зарегистрировать Луммокса как имущество, на которое невозможно наложить арест, до того, как дело решится не в твою пользу.

— Если они что-то затевают против меня, им придется иметь дело с моей матерью.

— Нет, это не так. Я уже узнавала. После того, как твой отец составил завещание, она не имеет права тронуть ни одного цента.

— Неужели? — с сомнением спросил он.

— Ох, да поторопись же! Если мы сумеем убедить суд, закон будет на нашей стороне.

— Ну, ты и проныра, Бетти. — Джон Томас проскользнул сквозь загородку, обернулся и сказал: — Лумми, я буду через минуту. Ты оставайся здесь.

— Почему? — спросил Луммокс.

— Не спрашивай «почему»? Просто жди меня здесь.

— Хорошо.

На лужайке перед зданием суда уже собралась толпа; люди глазели на Луммокса в его новых владениях. Шериф Дрейзер отдал приказ обнести этот участок канатами и двое его сотрудников следили, чтобы соблюдался порядок. Молодые люди подныряли под ограждение и пробились сквозь толпу к ступенькам суда. Нотариальная контора была на втором этаже; в ней они обнаружили ее главу, сухопарую старую деву.

Мисс Шрейбер выразила ту же точку зрения на факт регистрации Луммокса, какую и ожидал Джон Томас. Но Бетти возразила, что в функции провинциального чиновника не входит решать, что именно человек волен определять как свое движимое имущество, и тут же привела совершенно фантастическую историю, как один человек потребовал зарегистрировать как свое движимое имущество двойное эхо. Мисс

Шрейбер неохотно заполнила соответствующие бумаги, получила причитающийся налог и вручила им заверенную копию.

Было уже почти десять часов. Джон Томас выскочил и торопливо побежал вниз. Он остановился, лишь когда Бетти влезла на площадку напольных весов.

— Поторопись, Бетти, — попросил он. — У нас для этого нет времени.

— Я уже давно не взвешивалась, — сказала Бетти, разглядывая себя в зеркале. — И кроме того, мне надо привести в порядок макияж. Я должна выглядеть как можно лучше.

— Ты и так прекрасно выглядишь.

— О, Джонни, никак это комплимент?

— Это не комплимент. Поторопись. Я еще должен кое-что сказать Луммоксу.

— Спусти пары. Ты должен выглядеть не меньше, чем на десять тысяч. — Она разгладила брови, затем придала им окраску по модели «мадам Сатана» и решила, что это делает ее старше. Потом она решила нарумянить щеки, но отказалась от своего намерения, увидев, что Джонни уже закипает. Они выскочили из здания суда.

Несколько минут было потрачено на то, чтобы убедить полисмена, что у них есть право оказаться по ту сторону загородки. Джонни увидел, что у клетки Луммокса стоят двое мужчин. Он прибавил шагу:

— Эй! Вы, двое! Уходите отсюда!

Судья О'Фаррел обернулся и моргнул:

— Почему вы так взволнованы, молодой человек?

Его спутник повернулся, но промолчал.

— Я? Во-первых, я его хозяин. Он не любит, когда на него глазеют посторонние. Поэтому идите вон туда, за канаты. — Он повернулся к Луммоксу. — Все в порядке, малыш. Джонни с тобой.

— Привет, Джонни.

— Как поживаете, судья?

— Добрый день, Бетти. — Судья посмотрел на Бетти, словно пытаясь понять, в кого она превратилась, затем повернулся к Джону Томасу: — А ты, должно быт, из дома Стюартов. Я — судья О.'Фаррел.

— Ох, простите меня, судья, — сказал Джон То-

мас с пунцовыми ушами. — Я думал, вы просто зевака.

— Естественно. Мистер Гринберг, это мальчик Стюарт... Джон Томас Стюарт. Молодой человек, это Досточтимый Сергей Гринберг, специальный Посланник Межзвездного Департамента. — О'Фаррел обернулся. — Ах, да... Это, мистер Посланник, мисс Бетти Соренсен. Бетти, что за глупости ты сделала со своим лицом?

Бетти с достоинством проигнорировала это замечание:

— Имею честь приветствовать вас, мистер Посланник.

— Прошу вас — просто «мистер Гринберг», мисс Соренсен. — Гринберг повернулся к Джонни. — Вы имеете какое-то отношение к т о м у Джону Томасу Стюарту?

— Я Джон Томас Стюарт Одиннадцатый, — спокойно ответил Джонни. — Наверное, вы имеете в виду моего пра-пра-пра-прадедушку.

— Скорее всего, так оно и есть. Сам-то я родился на Марсе довольно далеко от той статуи. Я не знал, что ваша семья имеет отношение к этому делу. Может быть, как-нибудь попозже мы поболтаем об истории Марса.

— Я никогда не был на Марсе, — признался Джонни.

— Да? Удивительно. Хотя вы еще так молоды.

Бетти слушала их разговор, навострив уши, и пришла к выводу, что этот судья, если это именно он, должен быть мягче и покладистее, чем О'Фаррел. Ведь припомнить, что с фамилией Джонни что-то связано... это нельзя скидывать со счетов.

— Вы заставляете меня проиграть два пари, мистер Стюарт, — продолжал Гринберг.

— Простите, сэр...

— Относительно этого создания. Я думал, вряд ли удастся доказать его происхождение «откуда-то ВНЕ». Я ошибался: эта громадина родом, конечно, не с Земли. Но кроме того, я был уверен, что, если оно и окажется В.-З.-происхождения, то в моей деятельности приходилось сталкиваться с такими существами... по крайней мере на картинках. Но сейчас я просто ошеломлен. Кто он и откуда явился?

— Это всего лишь Луммокс. Так мы его зовем. Мой пра-прадедушка привез его на «Летающем Лезвии»... это был его второй рейс.

— Так давно? Ну что ж, это кое-что проясняет во всей этой таинственной истории; полет состоялся еще до того, как наш Департамент стал вести свои записи... точнее, еще до того, как появился сам Департамент. Но я все еще не могу понять, как это милое создание могло исчезнуть, не оставив и следа даже в исторических книгах. Я читал о рейсе «Летающего Лезвия» и помню, что они привезли много экзотики. Но такого я не припоминаю... кроме того, все внеземные существа в те дни были большой новинкой.

— Видите ли... Словом, капитан не знал, что Луммокс на борту. Прапрадедушка пронес его на корабль в своей сумке и так же вынес.

— В своей сумке? — Гринберг не мог оторвать глаз от необъятной фигуры Луммокса.

— Да, сэр. Конечно, Луммокс был тогда куда меньше.

— В таком случае я вынужден поверить.

— У меня есть его снимки. Он был ростом со щенка колли.

— Мда... Он напоминает скорее трицератопса, чем колли. Не слишком ли дорого вам обходится его кормежка?

— О, нет. Лумми ест все. Ну, почти все, — торопливо поправился Джон Томас, бросив опасливый взгляд на стальные брусья. — И он вообще может долго обходиться без еды. Да, Лумми?

Луммокс лежал, вытянув все свои ноги и демонстрируя бесконечное терпение, что он мог делать, когда это было необходимо. Поглядывая на Бетти и на судью, он слушал болтовню своего друга и мистера Гринберга. Услышав вопрос, он открыл свою огромную пасть:

— Да, только мне это не нравится.

Мистер Гринберг поднял брови:

— Я не знал, что он относится к типу с речевым центром.

— Что? О, конечно. Лумми болтал, еще когда мой папа был мальчиком... Да, надо же вас познакомить. Эй, Лумми... Я хочу представить тебе мистера Посланника Гринберга.

Луммокс посмотрел на Гринберга без всякого интереса и сказал:

— Как поживаете, мистер Посланник Гринберг?

Привычную форму приветствия он выговорил достаточно ясно, а имя и титул пробормотал.

— Здравствуйте, Луммокс. — Гринберг рассматривал Луммокса, пока часы на башне суда не пробили десять часов. Судья О'Фаррел повернулся к нему:

— Десять часов, мистер Посланник. Я думаю, нам пора начинать.

— Не спешите, — рассеянно сказал Гринберг, — слушание все равно не начнется, пока мы здесь. В этом расследовании меня интересует один аспект. Мистер Стюарт, каков ОКИ, относительный коэффициент интеллектуальности у Луммокса в сравнении с человеческой шкалой?

— Что? Ах, это... Я не знаю, сэр.

— Господи боже, неужели никто не пытался его установить?

— В общем-то нет, сэр... То есть я имею в виду «да, сэр». Кто-то пытался предлагать ему какие-то тесты во времена моего дедушки, но дедушке так не понравилось, как они обращались с Луммоксом, что он прогнал всех. С тех пор мы стараемся, чтобы посторонние не общались с Луммоксом. Но он очень сообразительный. Можете сами убедиться.

— Это животное, — прошептал судья О'Фаррел на ухо Гринбергу, — не более сообразительное, чем такса, особенно, если оно может, как попугай, подражать человеческой речи. Я знаю.

— Я все слышал, судья, — возмущенно сказал Джон Томас. — Вы просто предубеждены!

Судья собрался было ответить, но Бетти перебила его:

— Джонни! Помнишь, что тебе говорила... все разговоры буду вести я.

Гринберг не обратил на нее внимания.

— Были ли какие-нибудь попытки изучить его язык?

— Сэр?

— Мда... скорее всего, нет. И он мог попасть сюда в таком юном возрасте, что просто еще не умел разговаривать... на своем собственном языке, я имею в виду. Но какой-то центр речи должен быть; для

ксенологов утверждение, что центр управления речью имеется только у тех существ, которые могут его использовать, давно стало общим местом. Иными словами, он никогда бы не смог освоить даже зачатки человеческой речи, если бы его соплеменники не использовали вербальную форму общения. А писать он умеет?

— Каким образом, сэр. У него же нет рук.

— Мда, верно. Ну, что ж, отвлекаясь от теории, могу ручаться, что относительный индекс у него не ниже сорока. Ксенологи считают, что высокоразвитые типы, которых можно сравнивать с хомо сапиенс, всегда обладают тремя характеристиками: центром речи, способностью к манипулированию предметами и, как следствие этих двух, определенным уровнем письменности. Мы должны признать, что Луммокс остановился на первой. Вы изучали ксенологию?

— Немного, сэр, — смутившись, признался Джон Томас, — те несколько книг, которые я мог найти в библиотеке.

— Для вас неплохо. Здесь широкое поле исследований. Вы были бы удивлены, узнав, как трудно найти толковых ксенологов даже для работы у нас. Но я не случайно задал этот вопрос: как вы знаете, наш Департамент оказался вынужденным вмешаться в это дело. Из-за него, — Гринберг показал на Луммокса. — Не исключено, что ваш воспитанник принадлежит к расе, которая связана с нами договором о взаимных обязательствах. Несколько раз, как это ни странно, посетителей с других планет по ошибке принимали за диких животных, и результаты таких заблуждений были, как бы это поточнее выразиться, довольно печальны. — Гринберг невольно нахмурился, припомнив тщательно скрываемую историю, как член официальной семьи посла с Аладора был найден мертвым и выпотрошенным в виде чучела в лавке древностей на Виргинских островах. — Но здесь такой опасности нет.

— Конечно, сэр, Луммокс... ну, он просто член нашей семьи.

— Отлично. — Посланник повернулся к судье О'Фаррелу. — Могу я посоветоваться с вами, судья? С глазу на глаз, одну минуту.

— Да, сэр.

Мужчины отошли в сторону, а Бетти присоединилась к Джону Томасу.

— Дело в шляпе, — прошептала она, — если ты будешь держать себя в руках и не наделаешь глупостей.

— А что я делаю? — возмутился Джон Томас. — И с чего ты взяла, что все будет в порядке?

— Это очевидно. Ему нравишься ты, ему нравится Луммокс.

— Одно с другим не связано.

— Просто постарайся, чтобы твой пульс был в норме, и следуй за мной. И мы еще с них взыщем. Вот увидишь.

Несколько поодаль Гринберг беседовал с судьей О'Фаррелом.

— После того, что я тут услышал и увидел, мне кажется, судья, что Межзвездный Департамент должен отказатся от участия в этом деле.

— Что? Я не улавливаю вашу мысль, сэр.

— Позвольте, я объясню. Все, что я хотел бы сделать — это отложить слушание на двадцать четыре часа, в течение которых я успел бы связаться с Департаментом и изложить свои соображения. Затем я мог бы откланяться, оставив это дело на усмотрение местных властей. То есть, я имею в виду вас, естественно.

Судья облизал губы.

— Мне не нравятся такие отсрочки в последний момент, мистер Посланник. Мне всегда не доставляет удовольствия собирать занятых людей, отрывать их от дела, от семьи, а затем говорить, что им надо прийти на следующий день. Это не служит вящей славе суда.

Гринберг нахмурился:

— И то правда. Давайте подумаем, как можно поступить по-другому. Исходя из того, что рассказал мне молодой Стюарт, я уверен, что в данном случае нет необходимости рассматривать все случившееся, как нарушение ксено-политики Федерации, хотя в центре ситуации внеземное существо и таким образом, если необходимо, есть формальный повод для вмешательства. Но хотя Департамент обладает достаточными средствами воздействия, они используются лишь в том случае, если надо избежать осложнения

отношений с другими планетами. На Земле сотни и тысячи внеземных существ; здесь действуют более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, не говоря уж о резидентах или посетителях, имеющих в связи с договорами легальный статус «человека», хотя совершенно ясно, они не имеют ничего общего с этим термином. Ксенофобия, неприязнь к инопланетянам, в сущности, тихая заводь нашей культуры... нет, нет, я не имею в виду Вествилл! Люди часто рассматривают всех этих инопланетян как потенциальный источник опасности в наших отношениях с другими государственными образованиями.

Простите, что вынужден повторять то, что вы, без сомнения, отлично знаете, но без этого не обойтись. Департамент не может заниматься тем, чтобы вытирать носы нашим инопланетным посетителям, если у них вообще есть носы. У нас нет для этого ни желания, ни работников. Если кто-то из них попадает в неприятную историю, как правило, достаточно посоветовать местным властям свериться с договором, который мы заключили с родной планетой несчастного. Департамент вмешивается лишь в редких случаях. Здесь, мне кажется, не тот случай. Первым делом, можно считать, что наш друг Луммокс подпадает под классификацию «животного» и...

— Можно ли в этом сомневаться? — в изумлении спросил судья.

— Есть место и для сомнений. Поэтому я и здесь. Но, несмотря на его ограниченные способности к вербальному общению, остальные способности позволяют предполагать, что его раса в состоянии достичь уровня, когда мы будем вынуждены считать ее достаточно цивилизованной; тем не менее, он животное. Таким образом, у него есть обычные права животных, находящихся под защитой человеческих законов. Таким образом, Департамент не видит необходимости вмешиваться...

— Я понимаю. Что ж, никто не собирается проявлять к нему жестокости, включая и состав суда.

— Без сомнения. Но есть еще одна веская причина, по которой Департамент не хотел бы проявлять интереса. Давайте предположим, что это создание является «человеком» в том смысле, который законы, обычаи и договоры вкладывают в это понятие с тех пор,

как мы впервые вступили в контакт с Великой Марсианской Расой. Просто предположим.

— Условно, — согласился судья.

— Условно примем это допущение. И тем не менее, он не может представлять интереса для Департамента, потому что... Судья, вы знаете историю «Летающего Лезвия»?

— Смутно, еще со школьных времен. Я не изучаю историю исследования космоса. У нас тут и на Земле хватает хлопот.

— Вот как? «Летающее Лезвие» совершило три первых межзвездных перелета в те времена, когда они требовали такой же отваги, как путешествия Колумба. Они не знали, куда летят, и имели очень смутное представление, как вернутся обратно... во всяком случае, «Летающее Лезвие» так и не вернулось из своего третьего полета.

— Да, да, я припоминаю.

— Молодой Стюарт рассказал мне, что это неуклюжее существо с глупой улыбкой — память о втором полете «Летающего Лезвия». Это все, что мне необходимо было знать. У нас нет никаких договоров ни с одной из планет, которые посетил корабль, нет ни торговых, ни каких-либо иных отношений. Официально они для нас не существуют. И единственные законы, которые имеют отношение к Луммоксу, — это наши доморощенные правила. Поэтому Департамент не должен вмешиваться — и даже если это произойдет, специалист, такой, как я, будет вынужден руководствоваться только законами Земли. А это вы сделаете лучше, чем я.

Судья О'Фаррел кивнул:

— Иными словами, я могу приступать к делу. Может быть, начнем.

— Минутку. Я попросил об отсрочке, потому что у этого дела есть некоторые любопытные особенности. Я хотел бы снестись с Департаментом, дабы обрести уверенности в том, что мои предположения верны и я не упустил из виду какой-то существенный прецедент или статью закона. Но я готов сразу же отказаться от участия, если бы мог получить от вас заверения относительно одного аспекта. Это существо... я понимаю, что несмотря на его миролюбивый вид, оно

может причинить большие неприятности, быть даже опасным?

О'Фаррел кивнул:

— Так я его воспринимаю... неофициально, конечно.

— Скажите, были ли какие-нибудь предложения относительно... его уничтожения?

— Ну, — медленно ответил судья, — говорю снова неофициально. Я знаю, что такие предложения поступят. До моего слуха дошли сведения, что наш шеф полиции собирается обратиться в суд с просьбой вынести определение об уничтожении этого зверя в качестве меры общественной безопасности. Но я не люблю получать информацию из неофициальных источников.

Мистер Гринберг не мог скрыть своего волнения:

— Дела так плохи? Скажите, судья, а что вы думаете обо всем этом? Склонны ли вы к уничтожению этого животного?

Судья О'Фаррел возмутился:

— Сэр, этот вопрос некорректен.

Гринберг покраснел:

— Прошу прощения. Но мне нужно разобраться. Вы понимаете, что это существо уникально? Несмотря на то, что оно натворило или насколько оно может быть опасным (хотя могу поклясться, что это не так), интересы науки требуют, чтобы оно осталось в живых. Можете ли вы заверить меня, что оно не подвергнется уничтожению?

— Молодой человек, вы вынуждаете меня ранее вынести решение по этому делу или хотя бы части его. Ваше поведение выходит за рамки, оно совершенно некорректно!

Шериф Дрейзер выбрал далеко не самое лучшее время, чтобы ворваться в разговор:

— Судья, я вас обыскался. Начнется наконец слушание? Я привел семь человек, которые...

О'Фаррел прервал его:

— Шериф, это мистер Посланник Гринберг. Мистер Посланник — наш шеф полиции.

— Рад познакомиться с вами, шериф.

— Добрый день, мистер Гринберг! Джентльмены, так вот об этом слушании. Я хотел бы знать...

— Шериф, — резко прервал его судья, — пере-

дайте моему бейлифу, чтобы он подготовился. А теперь, будьте любезны, оставьте нас.

— Но...

Судья повернулся, оставив шерифа объясняться с растерянным полицейским, подошел к Гринбергу.

Во время этой мизансцены у Посланника было время прийти в себя и понять, что личным эмоциям здесь не место.

— Я снимаю свой вопрос, судья, — вежливо сказал он. — У меня не было намерения посягнуть на прерогативы суда. — Он улыбнулся. — При других обстоятельствах я, пожалуй, был бы обвинен в неуважении к суду.

О'Фаррел улыбнулся в ответ:

— Возможно.

— Тюрьма у вас хорошая? Я с удовольствием провел бы в ней месяцев семь, чтобы меня никто не беспокоил.

— Не изматывайте себя работой, молодой человек. Я лично всегда нахожу время порыбачить, независимо от того, сколько дел лежит у меня на столе. Время, проведенное за удочкой, аллах не засчитывает человеку в отпущенное время жизни.

— Приятное времяпрепровождение. Но мне необходимо решить одну проблему. Вы понимаете, что я должен настаивать на отсрочке, пока я не проконсультируюсь с Департаментом.

— Конечно. Вполне возможно, что вы должны. Но ваши намерения не повлияют на мою точку зрения.

— Ни в коем случае. Я согласен с вами, отсрочка в последнюю минуту достаточно досадна. — Он продолжал думать, как бы ему добраться до Департамента, чтобы посоветоваться с мистером Кику об этом странном деле... и услышал раздраженные и ехидные замечания Заместителя Секретаря об «инициативе» и «ответственности», и «бога ради, неужели никто в этом сумасшедшем доме не может принять самое простое решение?». Гринберг задумался. — Впрочем, я думаю, Департамент предпочтет продолжить начатое. Во всяком случае, не будет возражений против предварительного слушания.

О'Фаррел широко улыбнулся:

— Я так и думал, что вы согласитесь. Я предвидел это, слушая вас. Я понимаю, что вы в Департаменте

Межзвездных Дел иногда имеете дело с самыми неожиданными уложениями и законами.

— В самом деле? Надеюсь, нас минет чаша сия. Хотел бы, чтобы хватило знаний юридического колледжа Гарварда.

— Гарварда? Да ведь и я оттуда! Вы все еще ругались с Рейнхарлтом?

— Во всяком случае, когда я там учился, так оно и было.

— Ну и мал же этот мир! Жаль, что случай свел меня с однокашником именно на таком деле; боюсь, оно будет жечь, как печеный картофель.

— Разве у вас есть другие дела? Ладно, давайте разжигать костер. Почему бы нам не сесть рядком? Так и так придется кончать с этим делом.

Они направились к зданию суда. Шериф Дрейзер, который подпрыгивал от нетерпения в нескольких шагах поодаль, понял, что судья забыл о нем. Он было кинулся за ним, как вдруг заметил, что мальчишка Стюартов и Бетти Соренсен все еще находятся в клетке Луммокса. Они стояли, тесно сблизив головы и, казалось, не замечали отсутствия двух важных лиц. Дрейзер двинулся к ним.

— Эй! Эй вы там, внутри! Джонни Стюарт! Вам надо было быть в суде уже двадцать минут тому назад.

Джон Томас изумился:

— А я думал... — начал он и вдруг заметил, что судьи и мистера Гринберга уже нет рядом с ними. — Ох! Подождите минутку... Я должен кое-что сказать Луммоксу.

— Ты ему уже больше ничего не скажешь. Давай двигай.

— Но, шериф...

Мистер Дрейзер схватил его за руку и потянул за собой. Поскольку он весил больше Джона Томаса примерно на сотню фунтов, Джон Томас потащился за ним.

— Декан Дрейзер! — вмешалась в ситуацию Бетти. — Что за неприличная манера поведения!

— Я сыт вами по горло, молодая леди, — ответил Дрейзер. Он направился к зданию суда, волоча Джона Томаса за собой на буксире. Бетти не оставалось ничего другого, как замолчать и последовать за ними.

По пути она решила было еще раз сцепиться с шефом полиции, но подумав, отказалась от этой мысли.

Джон Томас подчинился тому, чего нельзя было избежать. В последнюю минуту он хотел сказать Луммоксу, что тот должен вести себя тихо и спокойно, оставаться на месте и не есть стальные брусья. Но мистер Дрейзер не дал ему такой возможности. Джон Томас пришел к выводу, что большинство пожилых людей в мире заняты лишь тем, чтобы никого не слушать.

Луммокс не заметил его исчезновения. Лишь несколько погодя он встал, заполнив своим телом все отведенное ему пространство, и посмотрел, куда уходит Джон Томас, размышляя, что ему дальше делать. Брусья крякнули, когда он облокотился на них. Бетти оглянулась и крикнула:

— Луммокс! Жди нас! Мы скоро вернемся!

Луммокс остался стоять, глядя им вслед и размышляя над сказанным. Указание от Бетти в общем-то не было приказом. Или было? В прошлом бывали такие случаи, которые сейчас ему надо обдумать.

А пока он снова улегся.

IV. ПЛЕННИК СТАЛЬНОЙ КЛЕТКИ

Как только О'Фаррел и Гринберг вошли в зал суда, бейлиф объявил: «Встать! Суд идет!» Говор стих, и посетители стали занимать места. Молодой человек в шляпе, увешанный фотоаппаратурой, преградил путь двум судьям.

— Минуту! — сказал он и щелкнул затвором. — Еще разок... Улыбнитесь нам, судья, и сделайте вид, будто Посланник сказал вам что-то смешное.

— Хватит и одного раза. И снимите свою шляпу. — О'Фаррел прошел мимо. Молодой человек пожал плечами, но шляпы не снял.

Секретарь суда привстал, когда судья и Гринберг вошли в зал. У него было красное и потное лицо, а по всему судейскому столу были разбросаны бумаги.

— Извиняюсь, судья, — сказал он. — Пол-секунды... — Он придвинул к себе микрофон и забубнил в него. — Проверка... один, два, три, четыре... Цин-

цинатти... шестьдесят шесть... Ну, и намучился я с этим микрофоном сегодня.

— Надо было раньше проверить его.

— Будь я проклят, судья, если что-то окажется не в порядке. А когда в десять минут десятого я включил микрофон, что-то там сломалось, и мы из сил выбились, пока нашли неисправность.

— Хорошо, хорошо, — примиряюще ответил судья, смущенный присутствием высокопоставленного гостя. — Освободите мое место.

— Если вам все равно, — торопливо сказал Гринберг, — я бы предпочел не занимать места судьи. Мы могли бы сесть все вместе за большой стол. Я думаю, это ускорит ход дела.

О'Фаррел выглядел донельзя расстроенным:

— Я всегда стараюсь соблюдать древние традиции суда. Я думаю, они имеют смысл.

— Вполне возможно. Не могу не согласиться, что те из нас, которым приходится рассматривать самые разнообразные дела и в самых разных условиях, приобретают некоторую неряшливость в привычках. Но с этим ничего не поделаешь. Возьмите для примера Минатар. Как там обращаются с судьями... пока судья не вынесет решение, его оставляют без еды и питья. Честно говоря, я не принимаю такое отношение. А вы?

Судья О'Фаррел ощутил определенное неудобство лишь при одной мысли о том, что этот бойкий молодой человек может усмотреть определенное сходство между столь ясными и понятными ритуалами его суда и практикой этих язычников. Со смущением он припомнил три куска мясного пирога, обильно политых соусом, и омлет, с которых он начал свой день.

— Ну... другие времена, другие обычаи, — пробормотал он.

— О, несомненно. И благодарю вас, что вы откликнулись на мою просьбу. — Гринберг кивнул на служителей суда, двое из которых уже начали составлять вместе столы, превращая их в один большей, — и лишь сейчас судья сообразил, что все это время подбирал выражение повесомее. Но пока суть да дело, пятнадцать человек уже уселись за этот стол, и Гринберг отослал бейлифа на поиски пепельницы. Затем он повернулся к технику, который, надев наушники, уже

склонился над индикаторами контрольной панели в той неудобной позе, которая почему-то свойственна всем электронщикам. — Ваше хозяйство в порядке?

Техник сложил колечком большой и указательный пальцы:

— Как часы.

— Отлично. Суд готов.

Техник взял микрофон, четко назвал время, место и дату суда, изложил суть рассматриваемого дела и подчиненность суда, затем он назвал имя и звание специального посланника, сбившись в произношении имени Гринберга, но тот не поправил его. Появился бейлиф с охапками пепельниц в руках и торопливо провозгласил: «Внимание! Внимание! Все, кто имеет отношение к этому делу...»

— Все это неважно, — прервал его Гринберг. — Благодарю вас... Данный суд собрался на предварительное слушание, в ходе которого предстоит разобрать все детали событий, случившихся в прошлый понедельник, причиной которых было внеземное существо, постоянно проживающее здесь и известное под именем «Луммокс». Я имею в виду то огромное животное, которое в данный момент находится в клетке позади здания суда. Бейлиф, если у вас есть снимки этого существа, размножьте их.

— Будет сделано, ваша честь.

— Суд хотел бы довести до всеобщего сведения, что слушание может превратиться в судебное заседание с правом вынесения решения, если суд в силу объективных причин сочтет это необходимым. Другими словами, будьте предельно откровенны перед судом; возможно, вы будете в нем всего один день. Ах, да... суд принимает как письменные заявления, так и устные по поводу вышеупомянутого внеземного существа.

— У меня вопрос, ваша честь.

— Да?

— Мой клиент и я не возражаем против предварительного рассмотрения дела. Но я хотел бы осведомиться у суда: можем ли мы вернуться к привычной процедуре, если в этом появится необходимость.

— Данный суд, действующий в пределах Федерации и руководствующийся сводом законов, именуемых «Правила Цивилизации», а также опирающийся на

соглашения, договоры, прецеденты и так далее между двумя или более планетами, входящими в Федерацию, или с другими цивилизациями, с которыми какая-либо из планет Федерации имеет дипломатические отношения, не связан местными законами. Цель данного суда — установить правду и, кроме того, провозгласить равенство... равенство всех перед законом. Суд не может слепо придерживаться местных законов и обычаев, особенно в случаях, когда они в корне противоречат высшим законоположениям. Там, где местные обычаи носят сугубо ритуальный характер, суд может игнорировать формальности и приступать непосредственно к делу. Понимаете меня?

— Э-э-э... думаю, что да, сэр, — смущенно сказал говоривший, небольшой человек средних лет. — Я хотел бы внести дополнения позже.

— Каждый участник процесса может внести их в любое время и может быть уверен, что его выслушают. Кроме того, вы можете обжаловать и мое решение. Хотя... — Гринберг тепло улыбнулся. — Сомневаюсь, чтобы это пошло вам на пользу. До сих пор мои решения не подвергались сомнению.

— Я отнюдь не утверждаю, — поспешно сказал человек, — что суд не в состоянии...

— О, конечно, конечно. Давайте к делу. — Гринберг придвинул к себе пачку бумаг. — Итак, перед нами гражданское дело. «Торговая корпорация «Бон Марше» против «Луммокса», Джона Томаса Стюарта Одиннадцатого... (Это имя не дает мне покоя, — шепнул Гринберг судье О'Фаррелу)... Мэри Брендли Стюарт и... Интересы «Бон Марше» представляет Западная страховая компания. Здесь есть еще один иск, предъявленный мистером К. Ито и его страховой компанией, и еще один от города Вествилла... а также иск от миссис Изабеллы Донахью. А также несколько обвинений уголовного характера... одно за содержание опасного животного, другое за халатность в присмотре за ним, и еще одно за создание общественных беспорядков.

Джон Томас был мертвенно бледен. Гринберг посмотрел на него и сказал:

— Навалили на тебя, сынок? Держись бодрее... после приговора всегда появляется аппетит.

Джон Томас ответил кривой улыбкой. Бетти нащупала под столом его колено и потрепала.

В стопке была еще одна бумага; Гринберг, не зачитывая, сунул ее среди прочих. Это было прошение, подписанное шефом полиции, от имени жителей Вествилла, взывающее к суду о необходимости уничтожения «опасного животного, именуемого Луммокс». Вместо этого Гринберг оглядел собравшихся и сказал:

— Итак, кто есть кто? Вот вы, сэр?

Человек, к которому он обратился, был адвокатом, интересовавшимся работой суда; он представился Альфредом Шнейдером и заявил, что представляет интересы Бон Марше и Западной страховой:

— А этот джентльмен рядом со мной — мистер Де Грасс, управляющий магазином.

— Отлично. Будьте любезны, следующий. — Таким образом Гринберг установил, что все главные действующие лица на месте: кроме самого Гринберга, список включал еще судью О'Фаррела, Джона Томаса, Бетти, шерифа Дрейзера, миссис Донахью и ее адвоката мистера Бенфилда, мистера Ломбарда, советника вествиллского муниципалитета, адвоката страховой компании мистера Ито (представляющего интересы своего отца), служащих полиции Карнеса и Мендозу (свидетели) и мать Джона Томаса со своим адвокатом мистером Постлом.

— Я считаю, — сказал Гринберг мистеру Постлу, — что вы действуете и в интересах мистера Стюарта?

— О господи, конечно, нет, — прервала его Бетти. — В интересах Джонни действую я.

Гринберг поднял брови:

— А я как раз собирался спросить, что вы здесь делаете? Никак вы его адвокат?

— Н-н-ну... я его советник.

Судья О'Фаррел наклонился вперед:

— Это невозможно, мистер Посланник, — прошептал он. — Конечно, она никакой не юрист. Я знаю эту девочку. Она мне нравится... но, откровенно говоря, я совершенно не уверен, что она справится с этим делом. Бетти, вам тут нечего делать, — строго добавил он. — Идите отсюда и перестаньте валять дурака.

— Но, видите ли, судья...

— Одну минуту, молодая леди, — вмешался Гринберг. — Обладаете ли вы достаточной квалификацией, чтобы действовать в качестве советника мистера Стюарта?

— Конечно. Я стала его советником, потому что он этого хочет.

— Мда, весьма убедительно. Тем не менее, этого недостаточно. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы согласны?

— Да, сэр.

— Не делай этого, сынок, — прошептал судья О'Фаррел. — Ты об этом пожалеешь.

— Это то, чего я и боюсь, — тем же тоном сказал ему Гринберг. Нахмурившись, он обратился к мистеру Постлу: — Готовы ли вы представлять интересы и матери, и сына?

— Да.

— Нет! — возразила Бетти.

— Что? Вы все же считаете, что сможете лучше защитить интересы мистера Стюарта.

Джон Томас покраснел и выдавил из себя:

— Я его не хочу...

— Почему?

Джон Томас упрямо замолчал, а Бетти ехидно сказала:

— Потому что его мать не любит Луммокса, вот почему. И...

— Это неправда! — резко вмешалась в разговор миссис Стюарт.

— Правда... как и то, что это древнее ископаемое, Постл, играет с ней в одну дудку. Они хотят избавиться от Лумми, они оба!

О'Фаррел поднес ко рту носовой платок и натужно закашлялся. Постл побагровел.

— Молодая леди, — серьезно сказал Гринберг, — вам придется встать и извиниться перед мистером Постлом.

Бетти посмотрела на Посланника, моргнула и встала:

— Мистер Постл, — печально сказала она. — Простите, что вы древнее ископаемое. То есть, я имела в виду, простите меня за то, что я назвала вас древним ископаемым.

— Садитесь, — торжественно сказал Гринберг. — И впредь следите за своими манерами. Мистер Стюарт, никто не собирается навязывать вам советника без вашего на то желания. Но вы ставите нас перед дилеммой. В сущности, вы еще подросток; и вот вы выбираете себе в советники такого же подростка. Вся эта ситуация выглядит не лучшим образом. — Он потер подбородок. — Не собираетесь ли вы... или ваш советник... или вы оба... внести дезорганизацию в работу суда?

— Ни в коем случае, сэр, — с подчеркнутой убедительностью сказала Бетти.

— Хммм...

— Ваша честь...

— Да, мистер Ломбард?

— Все это кажется мне достаточно смешным. Эта девочка не имеет статуса юриста. Она не является членом коллегии адвокатов. Очевидно, она никогда не выступала в суде. Я далек от мысли указывать суду, что ему надлежит делать, но совершенно ясно, что ее надо выставить с этого места и назначить официального советника. Могу ли я сообщить вам, что данное лицо находится здесь и готово приступить к своим обязанностям?

— Можете. Это все?

— Э-э-э... да, ваша честь.

— Хотел бы напомнить вам, что суд также находит вряд ли допустимым указывания на то, что ему надлежит делать; надеюсь, что этого больше не повторится.

— Э-э-э... да, ваша честь.

— Данный суд вполне в состоянии делать свои собственные ошибки. В соответствии с правилами, которыми руководствуется данный суд, отнюдь нет необходимости, чтобы советник имел формальный статус... пользуясь вашими словами, «был членом коллегии адвокатов», дипломированным юристом... Если вы находите данное правило не совсем обычным, разрешите заверить вас, что паства с Дефлая, где обязанности юристов возлагаются на священников, пришла бы от такого требования просто в изумление. Тем не менее, я благодарен вам за внесенное предложение. Здесь ли названное вами лицо?

— Здесь, ваша честь. Цирус Эндрю.

— Благодарю вас. Готовы ли вы принять участие в слушании?

— Да. Мне был бы нужен перерыв, чтобы посоветоваться с моим доверителем.

— Естественно. Ну, мистер Стюарт? Может ли суд считать мистера Эндрю вашим советником?

— Нет! — снова вмешалась Бетти.

— Мисс Соренсен, я обращался к мистеру Стюарту. Итак?

Джон Томас посмотрел на Бетти:

— Нет, ваша честь.

— Почему?

— Я отвечу на это, — перехватила слово Бетти. — Я говорю быстрее, чем он; вот поэтому я и стала его советником. Мы не хотели бы пользоваться услугами мистера Эндрю, потому что советник муниципалитета настроен против нас из-за глупостей, которые наделал Луммокс... а мистер Эндрю и советник муниципалитета — деловые партнеры; так что их спор в суде будет чистым жульничеством!

Гринберг повернулся к Эндрю:

— Так ли это, сэр?

— Видите ли, сэр, у нас в самом деле есть юридическая консультация. Вы должны понимать, что в таком небольшом городе...

— Я вполне понимаю вас. Так же, как понимаю возражения мисс Соренсен. Благодарю вас, мистер Эндрю. Садитесь.

— Мистер Гринберг?

— Что еще, молодая леди?

— Я хотела бы обратить ваше внимание вот еще на что. У меня есть смутные подозрения, что кое-кто из тех, кто любит вмешиваться в чужие дела, хотел бы отвести меня от участия в деле. Поэтому я хотела бы предупредить такое намерение. Я — полувладелица.

— Полувладелица?

— Луммокса. Посмотрите. — Бетти вынула бумагу из своей сумочки и протянула ее. — Квитанция об уплате... все правильно и законно. Все, как и должно быть.

Гринберг просмотрел документы:

— Составлены они по форме. Датированы вчерашним числом... что дает вам право в данном гражданском деле, при наличии желания, защищать свои интересы. Но это не относится к обвинениям уголовного характера.

— Фу! Здесь нет никакой уголовщины.

— Это нам и предстоит выяснить. И не употребляйте выражения «Фу»: оно не относится к применяемым терминам. Но теперь мы должны установить, кто владелец Луммокса.

— Как кто? Джонни! Так сказано в завещании его отца.

— Вот как? Это оговорено, мистер Постл?

Предварительно пошептавшись с миссис Стюарт, мистер Постл поднялся:

— Оговорено, ваша честь. Существо, именуемое «Луммокс», является движимым имуществом Джона Стюарта Томаса-младшего. Миссис Стюарт владеет им косвенно, лишь через посредство сына.

— Очень хорошо. — Гринберг протянул квитанцию об уплате налога клерку. — Присовокупите к документам.

Бетти успокоилась:

— Как хотите, ваша честь... можете назначать кого угодно. Но по крайней мере, теперь у меня есть право голоса.

Гринберг вздохнул:

— Для вас это так важно?

— Думаю, что теперь нет.

— В протоколе будет зафиксировано, что вы двое, несмотря на то, что суд настаивал и предупреждал вас, продолжали настаивать, чтобы вы оставались советником. Суд с сожалением снимает с себя обязанность по защите ваших прав перед законом.

— О, не огорчайтесь, мистер Гринберг, мы вам доверяем.

— Предпочел бы, чтобы было наоборот, — мрачно сказал Гринберг. — Но давайте продолжать. Вон тот джентльмен внизу... кто вы?

— Вы мне, судья? Я репортер из Галактик-пресс. Фамилия — Хови.

— Вот как? Секретарь суда подготовит сообщение для прессы. Я был бы признателен, если бы интервью

состоялось несколько позже — если оно кому-нибудь понадобится. Моих снимков рядом с Луммоксом не будет. Есть тут кто-нибудь еще из прессы?

Встали двое.

— Бейлиф подготовит для вас место рядом с барьером.

— Да, судья. Но, во-первых...

— Прошу вас — только за барьером. — Гринберг огляделся. — Похоже, что все... нет, есть еще один джентльмен внизу. Ваше имя, сэр?

Человек, к которому был обращен вопрос, встал. Он был одет в строгий пиджак, полосатые брюки и держал себя со сознанием собственного достоинства:

— Имею честь предстать перед высоким судом: мое имя, сэр, Т. Омар Эсклунд, доктор философии.

— Обращение в свой адрес суд не воспринимает ни как честь, ни наоборот, доктор. Имеете ли вы отношение к данному делу?

— Да, сэр. Я представляю здесь amicus curiae, я друг суда.

Гринберг нахмурился:

— Суд предпочитает сам выбирать себе друзей. Изложите сущность своего дела, доктор.

— С вашего разрешения, сэр. Я исполнительный секретарь Лиги «Сохраним Землю для Человечества». — Гринберг застонал, но доктор Эсклунд не обратил на него внимания, так как углубился в лежащую перед ним большую рукопись. — Как хорошо известно, начало безбожной практики космических путешествий, обрушившихся на нашу родную Землю, данную нам божьим соизволением, привело к тому, что мы стали затоплены существами... точнее говоря, животными... чье происхождение весьма сомнительно. И тлетворные последствия данной развратной практики ныне видны каждому...

— Доктор Экслунд!

— Сэр?

— Что привело вас в данный суд? Представляете ли вы здесь кого-нибудь по одному из исков?

— Дело значительно проще, ваша честь. В широком смысле, я адвокат всего человечества. Общество, которое я имею честь...

— Имеете ли вы *что-нибудь* заявить? Подать жалобу, например?

— Да, — торжественно ответил Экслунд. — У меня есть жалоба.

— Представьте ее.

Экслунд порылся в своих бумагах, вынул одну из них и протянул Гринбергу, который даже не взглянул на нее.

— А теперь кратко, для протокола, изложите суть вашего заявления. Говорите в ближайший микрофон, четко и ясно.

— Ну... если суд будет настолько любезен. Общество, административным лицом в котором я имею честь состоять... лига, которая, если можно так выразиться, выражает интересы всего человечества, просит... нет, настаивает, чтобы сие исчадие ада, которое своей яростью чуть не уничтожило сей райский уголок, было уничтожено. Это деяние предусмотрено и санкционировано — да, да! — тем святым...

— Таково ваше заявление? Хотите, чтобы суд вынес решение об уничтожении внеземного существа, известного как Луммокс?

— Совершенно верно! И, более того, я имею в своем распоряжении тщательно подобранные документы... неопровержимые аргументы, могу сказать, которые...

— Минутку. Вы употребили слово «настаивает»; имеется ли оно в вашем заявлении?

— Нет, ваша честь, оно вырвалось из моего сердца, от полноты возмущения...

— Ваше сердце полно неуважения к суду. Желаете ли вы изменить формулировку?

Эсклунд помолчал, а затем сказал с явной неохотой:

— Я беру назад свои слова. У меня не было намерения оскорблять суд.

— Очень хорошо. Ваше заявление получено и приобщено к делу. Решение по нему будет вынесено позже. Теперь относительно речи, которую вы собираетесь произнести: судя по величине рукописи, я предполагаю, что она займет не менее двух часов?

— Я предполагаю, что этого будет достаточно, ваша честь, — явно смягчившись, сказал Эсклунд.

— Ясно. Бейлиф!

— Да, ваша честь.

— Прекрасно. Вынесите его на лужайку. Доктор Эсклунд, все мы уважаем свободу речи... так же, как

и вас. Ящик из-под мыла в полном вашем распоряжении на два часа.

Лицо доктора Эсклунда стало цвета баклажана:

— Вы еще о нас услышите!

— Не сомневаюсь.

— Мы знаем таких, как вы! Предатели человечества! Ренегаты! Фигляр!..

— Выведите его.

Ухмыляясь, бейлиф подчинился приказанию. Один из репортеров последовал за ним.

— Итак, все в порядке, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами несколько исков, но, в сущности, все они излагают одни и те же факты. Перед нами выбор: мы можем слушать доказательства по всем вместе или же по каждому в отдельности. Есть ли возражения?

Адвокаты переглянулись. Затем адвокат мистера Ито сказал:

— Ваша честь, мне кажется, что было бы предпочтительнее рассматривать их каждый в отдельности.

— Возможно. Но в таком случае мы будем сидеть здесь до рождества. Я не могу себе позволить, чтобы так много занятых людей выслушивали одно и то же. Но требовать отдельного рассмотрения фактов — ваше право... тем более, что ваши доверители понимают, что они должны будут оплачивать каждый день судоговорения.

Сын мистера Ито потянул адвоката за рукав и что-то прошептал ему. Тот кивнул и сказал:

— Мы признаем необходимость совместного рассмотрения... как факт.

— Очень хорошо. Есть еще возражения?

Таковых не последовало. Гринберг повернулся к О'Фаррелу:

— Скажите, в данном зале имеется ли измеритель истины?

— А? Да, конечно. Правда, я редко им пользуюсь.

— А мне он нравится. — Гринберг повернулся к остальным. — Измеритель истины мы повесим вот здесь. Никто не обязан представать перед ним, так же, как никого нельзя заставить приносить присягу. Но данный суд имеет право оценивать с юридической точки зрения все сказанное, а также тот факт, если кто-либо откажется от использования измерителя истины.

— Смотри, осторожнее, Червячок, — прошептал Джон Томас на ухо Бетти.

— За меня-то ты не беспокойся, — прошептала она в ответ. — Следи лучше за собой.

— Нам понадобится некоторое время, чтобы откопать его, — судья О'Фаррел сказал Гринбергу. — Не сделать ли перерыв для ленча?

— Ах, да, ленч. Прошу общего внимания... суд не будет делать перерыва для ленча. Я попрошу бейлифа дать указание принести кофе и сандвичи для всех желающих, пока секретарь разыскивает измеритель. Мы перекусим здесь же, на месте. И... есть тут у кого-нибудь спички?

А на лужайке, Луммокс, размышляя над непростым вопросом о праве Бетти приказывать ему, был вынужден прийти к выводу, что она обладает особым статусом. Все, с кем Джон Томас знакомил его в течение жизни, были похожи на Бетти; таким образом, в данном случае имело смысл прислушиваться к ее словам, поскольку в них не было ничего тревожного. Он снова лег и погрузился в сон, оставив бодрствовать лишь сторожевой глаз.

Сон был тревожен, поскольку Луммокса мучительно терзал ароматный запах стали. Спустя какое-то время Луммокс проснулся и потянулся, отчего клетка затрещала по швам. Ему пришла в голову мысль, что столь долгое отсутствие Джона Томаса не вызвано необходимостью. Это во-первых. А во-вторых, ему не понравился образ действия мужчины, который уволок Джона Томаса... нет, он ему явно не понравился. Луммокс задумался, что он должен был бы делать? И что сказал бы Джон Томас, будь он здесь?

Проблема оказалась слишком сложной. Луммокс снова лег и лизнул один из брусьев своей клетки. Нет, он не прикусил его; он просто попробовал его на вкус. Слегка суховато, решил он, но неплохо.

В суде шериф Дрейзер закончил свое выступление перед судом и уступил место Карнесу и Мендозе. Их рассказы были логичны и последовательны, и

измеритель истины не шелохнулся; мистер Де Грасс выступил с требованием расширить доказательную базу. Адвокат мистера Ито признал, что доверитель стрелял в Луммокса; сын мистера Ито представил снимки последствий визита Луммокса. И чтобы завершить историю Л-дня, осталось выслушать лишь показания миссис Донахью.

Гринберг повернулся к ее адвокату:

— Мистер Бенфилд, вы хотите сами допросить своего клиента или предпочитаете, чтобы это сделал суд?

— Прошу вас, ваша честь. Возможно, я задам один или два вопроса.

— Это ваше право. Расскажите нам, миссис Донахью, что произошло.

— Это я и собираюсь сделать. Ваша честь, друзья, уважаемые посетители, хотя я и не привыкла к публичным выступлениям, тем не менее, заверяю вас, что мой безупречный образ жизни...

— Все это неважно, миссис Донахью. Только факты. Итак, полдень прошлого понедельника...

— Да, тогда это и было!

— Очень хорошо, продолжайте. И не волнуйтесь.

Миссис Донахью:

— Ну, как раз тогда я прилегла на несколько минут, решив отдохнуть... Я изнемогаю от своих обязанностей: клуб, благотворительный комитет, а также...

Гринберг наблюдал за измерителем истины над ее головой. Стрелка беспокойно колебалась, но не переходила красную черту, после которой должен был раздаться предупреждающий сигнал. И он решил, что пока нет смысла останавливать свидетельницу.

— ...как внезапно я была поражена чудовищным ужасом.

Стрелка прыгнула далеко за красную черту, зажегся рубиновый сигнал, и зуммер издал громкий тревожный звук.

Кое-кто захихикал, и Гринберг торопливо сказал:

— Порядок в зале! Бейлифу дано указание вывести каждого, кто будет нарушать порядок работы суда.

Когда зуммер зазвучал, миссис Донахью сразу же остановилась. Мистер Бенфилд, помрачнев, тронул ее за локоть и сказал:

— Не обращайте внимания, моя дорогая. Просто

расскажите суду о тех звуках, что вы услышали, что вы увидели и что вы делали.

— Он подсказывает свидетелю, — возразила Бетти.

— Ничего подобного, — сказал Гринберг.

— Но...

— Возражение не принимается. Свидетель может продолжать.

— И... ну, словом, я услышала эти звуки и подумала, что никогда в жизни не слышала ничего подобного. Я выглянула и увидела это огромное свирепое животное, которое носилось взад и вперед...

Зуммер снова зазвучал; несколько слушателей расхохотались.

— Выключит ли кто-нибудь эту глупую трещотку? — гневно сказала миссис Донахью. — Неужели кто-то может рассказать о том, что происходило, лучше меня?

— Порядок в зале! — провозгласил Гринберг. — Если будут еще какие-то нарушения, суд сочтет необходимым принять соответствующие меры. — Он повернулся к миссис Донахью. — Если свидетель выразил согласие на использование измерителя правды, его решение не может быть изменено. Но показания измерителя носят чисто информативный характер; суд не обязан подчиняться им. Продолжайте.

— В жизни еще не сказала ни слова лжи.

Зуммер не издал ни звука.

Гринберг прикинул, что это должно было произвести на миссис Донахью впечатление.

— Я имею в виду, — добавил он, — что у суда есть свое собственное мнение. И никакая машина не вынесет приговор вместо членов суда.

— Мой отец всегда говорил, что подобные штучки — проделки дьявола. Он говорил, что честный деловой человек никогда не должен...

— Прошу вас, миссис Донахью.

Мистер Бенфилд наклонился к ее уху. Миссис Донахью стала говорить тише:

— Словом, у меня в саду оказалось э т о... это ужасное животное, что живет у мальчишки в соседнем дворе. Оно ело мои розовые кусты.

— А что сделали вы?

— Я не знала, что мне делать. Я схватила первое,

что мне попалось под руку... кажется, это была метла... и бросилась к дверям. Зверюга рявкнула на меня и...

Бзззззззззззз!

— Не могли бы вы повторить то, что сказали, миссис Донахью?

— Оно кинулось прочь, это трусливое создание, и покинуло мой двор. Я не знаю, куда оно направилось. Но мой любимый садик... о, он весь был в руинах. — Игла качнулась, но зуммер не прозвучал.

Гринберг повернулся к адвокату:

— Мистер Бенфилд, оценивали ли вы размеры убытка, нанесенного миссис Донахью?

— Да, ваша честь.

— Будьте любезны, сообщите нам вашу оценку.

Мистер Бенфилд решил, что он скорее потеряет клиента, чем позволит, чтобы эта коварная штука зазвучала при его словах.

— Съедено пять кустов, ваша честь. Небольшие повреждения нанесены лужайке и в узорной ограде проломана дыра.

— В какую сумму все это оценивается?

— Мы предпочитаем, чтобы вы сами оценили сумму предполагаемого ущерба, — осторожно сказал мистер Бенфилд.

— Вы рискуете, мистер Бенфилд.

Мистер Бенфилд пожал плечами и вытянул из под рук миссис Донахью листок с перечислением ущерба.

— Имуществу нанесен ущерб примерно на пару сотен, ваша честь. Но суд должен учесть те неудобства и расстройства, которые повлекло за собой данное происшествие...

Миссис Донахью всхлипнула:

— Это невероятно! Мои призовые розы!

Игла дернулась, но вернулась обратно столь быстро, что зуммер не успел отреагировать.

— Что за розы, миссис Донахью? — участливо спросил Гринберг.

— Речь идет, — вмешался ее адвокат, — о широко известных розах миссис Донахью, не имеющих себе равных. И я счастлив сообщить, что ее мужественное поведение сберегло бесценные растения.

— Имеете ли вы что-либо добавить?

— Думаю, нет. Кроме заверенных фотоснимков.

— Очень хорошо.

Миссис Донахью бросила взгляд на своего адвоката:

— А у меня есть, что добавить! Я настаиваю, слышите, настаиваю, чтобы это опаснейшее, кровожадное чудовище было уничтожено!

Гринберг повернулся к Бенфилду:

— Можем ли мы считать эти слова официальным заявлением, мэтр? Или имеет смысл отнести их на счет риторики?

Бенфилд смущенно повел плечами:

— Мы подали такую жалобу, ваша честь.

— Суд рассмотрит ее.

Бетти вскочила:

— Эй, подождите минуту! Все, что Лумми сделал — это съел ее несколько паршивых, старых...

— Потом, мисс Соренсен.

— Но...

— Прошу вас, потом. У вас будет такая возможность. В настоящий момент суд считает необходимым рассматривать лишь факты, имеющие отношение к делу. Есть ли какие-нибудь новые факты у кого-либо? Возможно, кто-нибудь хочет задать дополнительные вопросы свидетелям? Или вызвать дополнительного свидетеля?

— Мы хотим, — сразу же сказала Бетти.

— Что вы хотите?

— Вызвать дополнительного свидетеля.

— Очень хорошо. Он находится здесь?

— Да, ваша честь. Снаружи. Это Луммокс.

Гринберг задумался:

— Должен ли я понимать ваши слова в том смысле, что предлагаете Луммоксу занять свидетельское место и выступить в свою собственную защиту?

— А почему бы и нет? Он может говорить.

Один из репортеров, пошептавшись со своими коллегами, выскочил из помещения. Гринберг закусил губу.

— Это я знаю, — признал он. — Я обменялся с ним несколькими словами. Но способность говорить не идентична возможности выступать в роли компетентного свидетеля. Ребенок порой умеет говорить еще до того, как ему минет год, но исключительно редко можно полагаться на показания малыша... Ну,

скажем, до пяти лет. Данный суд имеет право считать, что представители негуманоидных рас... негуманоидных в биологическом смысле, могут давать показания. Но ничто пока не убедило нас в том, что данное внеземное существо может исполнять эти обязанности.

— Видите ли, мистер Посланник, — обратилась Бетти к Гринбергу, — вы произнесли ужасно много слов, но что, в сущности, они Означают? Вы готовитесь произнести приговор относительно Луммокса... и не хотите задать ему ни одного вопроса. Вы говорите, что он не может давать достаточно убедительные показания. Здесь я видела и тех, кто тоже не может этого делать. И я держу пари: если Луммокс предстанет перед измерителем правды, тот не издаст ни звука. Конечно, он делал вещи, которые не должен был делать. Он съел несколько старых трухлявых кустов роз и капусту мистера Ито. Ну и что страшного? Ведь вы тоже, когда были маленьким, таскали пирожные, когда были уверены, что вас никто не видит. — Бетти перевела дыхание: — И вот теперь представьте себе, что в тот момент, когда вы тянетесь за пирожным, кто-то бьет вас метлой по голове. Или стреляет в вас из пушки. Неужели вы не испугаетесь? Не кинетесь бежать? Лумми полон дружелюбия. Все вокруг знают об этом... по крайней мере, любой человек, если он не старается казатся глупее и раздражительнее, чем он есть на самом деле. Но пытался хоть кто-нибудь поговорить с ним, успокоить его? Увы, нет! На него кидались, били его, в него стреляли, запугали до смерти и наконец загнали под мост. Вы говорите, что Лумми ничего не понимает. А кто понимает? Все эти люди, которые травили его? А теперь добиваются его смерти. Укради маленький мальчик пирожное, они оторвали бы ему голову — только, чтобы он впредь не сделал ничего подобного. Да есть тут хоть один нормальный человек? Что за комедия разыгрывается здесь?

Она остановилась, сглатывая слезы, катившиеся по ее щекам. Искусству в нужный момент вызывать слезы Бетти научилась в школьном драматическом кружке; но сейчас, к своему удивлению, убедилась, что слезы подлинные.

— У вас все? — спросил Гринберг.

— Вроде да. По крайней мере, пока.

— Должен сказать, что ваше выступление было довольно трогательным. Но суд не может руководствоваться эмоциями. Правильно ли я понял ваши слова, что большая часть разрушений... включим сюда и кусты роз, и капусту... возникла из-за неправильных действий людей, и таким образом не может быть вменена в вину Луммоксу или его владельцу?

— Оцените ситуацию сами, ваша честь. Как правило, хвост следует за собакой, а не наоборот. Почему бы вам самому не спросить Луммокса, как он смотрит на все случившееся?

— До этого мы еще доберемся. Теперь второе: я не могу считать ваши аналогии достаточно весомыми. Мы имеем дело не с маленьким мальчиком, а с животным. И если мы примем решение о необходимости его уничтожения, мы не будем руководствоваться ни местью, ни наказанием, потому что животному недоступны такие понятия. Цель данного решения будет сугубо предупредительной, так как мы не можем допустить, чтобы потенциальная опасность обрела силу и причинила вред жизни, здоровью или имуществу любого члена общества. Вашего маленького мальчика может схватить за руку няня... а здесь мы встречаемся с созданием весом в несколько тонн, способным уничтожить человека одним неосторожным движением. Так что у него нет ничего общего с шаловливым малышом, который крадет печенье.

— Ах вот как? Ничего общего? А вам не приходит в голову, что маленький мальчик может вырасти, нажать маленькую аккуратную кнопочку — и снести с лица земли целый город? Так давайте ему голову долой — до того, как он вырастет! Не спрашивайте его, почему он стащил пирожное, вообще ничего не спрашивайте — оторвите ему голову и живите спокойно.

Гринберг опять невольно закусил губу:

— Значит, вы хотите, чтобы мы допросили Луммокса?

— Я уже сказала об этом.

— Было не совсем ясно, что вы, в сущности, сказали. Суд принимает к сведению...

— У меня возражение, ваша честь, — торопливо сказал мистер Ломбард. — Если этот экстраординарный...

— Прошу вас, придержите ваши возражения. Суд удаляется на десять минут. Всем оставаться на местах. — Гринберг встал и вышел. Вытащив из кармана сигареты, он поискал спички и, не обнаружив, сунул сигареты обратно в карман.

Черт бы побрал эту девчонку! Он уже прикидывал, как половчее разделаться с этой историей, так чтобы Департамент был доволен и ни у кого не было бы претензий... разве что у мальчишки Стюарта, но тут уж ничего не поделаешь... у мальчишки и его чудовищного питомца, которого он пригрел на своей груди.

Он не может позволить, чтобы это уникальное создание было уничтожено. Но добиться этого надо достаточно тонко... отвергнуть жалобу, с которой этот старый дурак, словно с алебардой наперевес, бросился на него (а ведь жалоба продиктована ничем иным, как злобой и раздражением), а затем уговорить шефа полиции забрать все остальные претензии. На жалобу «Спасти-Мир-От-Неандертальцев» можно не обращать внимания. Но поскольку эта дерзкая девчонка получила право присутствовать при судоговорении, она может повернуть дело так, что высокий суд, за которым наблюдает сам Межзвездный Департамент, будет вынужден выслушивать всякий сентиментальный антропоморфный бред! Ох, эти ее невинные голубые глазки!

Может статься, его еще обвинят в том, что он поддался их чарам. Ах, как плохо, что дети не сидят по домам!

Потери и убытки должен нести владелец животного; имеются тысячи прецедентов со «зверями на привязи», в которых это правило действовало неукоснительно, — тем более, что мы не на планете Тенкора. Все эти разговоры, что действия Луммокса объясняются неправильными действиями тех лиц, которые напугали его, — детский лепет. Но данный экземпляр неземного существа может представлять такой интерес для науки, что он, интерес этот, далеко перекроит нанесенные убытки; кроме того, решение суда не должно нанести мальчику большой финансовый ущерб.

Гринберг поймал себя на том, что мысли его откло-

нились далеко в сторону от рамок законодательства. Способен ответчик оплатить нанесенный ущерб или нет — не должно волновать суд.

— Простите, ваша честь. Я попросил бы вас не баловаться с этими вещами.

Гринберг в ярости обернулся и увидел, что к нему обращается секретарь суда. Тут он обнаружил, что в рассеянности перебирал выключатели и тумблеры на панели. Он отдернул руку:

— Прошу прощения.

— Человек, который не разбирается в этом, — извиняющимся тоном сказал секретарь, — может наделать неприятностей.

— Вы правы. К сожалению, вы совершенно правы. — Гринберг резко встал. — Суд продолжает заседание. Снова сев, он сразу же повернулся к Бетти:

— Суд пришел к выводу, что Луммокс не может быть свидетелем.

Бетти вздохнула:

— Ваша честь, вы делаете большую ошибку.

— Возможно.

Она задумалась на несколько секунд:

— Мы хотели бы, чтобы дело рассматривалось в другом судебном округе.

— Откуда вы набрались этих слов? Куда бы вы не забрались, Департамент будет контролировать это дело. Тем и кончится. Так что о переносе дела помалкивайте.

Бетти побагровела:

— Вы должны сами себе дать отвод!

Гринберг напрягся, стараясь сохранить присущее ему олимпийское спокойствие. Тем не менее ему пришлось сделать три глубоких вдоха и выдоха:

— Молодая леди, — отчетливо произнес он, — весь день вы пытаетесь помешать работе суда. Теперь вы можете помолчать; вы и так сказали достаточно много. Ясно?

— Я еще не все сказала и я еще буду говорить!

— Что? Повторите, пожалуйста!

Бетти посмотрела на Посланника:

— Ну уж нет. Лучше я возьму свои слова обратно... а то вы еще обвините меня в неуважении к суду.

— Нет, нет. Я просто хотел бы запомнить их. Не думаю, что мне когда-либо приходилось слышать

столь смелое заявление. Впрочем, неважно. Держите язык за зубами. Если только вы знаете, как это делается. Вам будет дано слово позже.

— Да, сэр.

Он повернулся к остальным:

— Суд уже объявлял, что, если мы не уложимся в установленный срок, об этом будет сделано соответствующее оповещение. Но суд не видит причин для такого решения. Есть ли возражения?

Адвокаты помялись и обменялись вопросительными взглядами. Гринберг обратился к Бетти:

— Ваше мнение?

— Мое? Я думала, что лишена права голоса.

— Можем ли мы закончить слушание дела сегодня — ваше мнение.

Бетти взглянула на Джона Томаса и мрачно сказала:

— Не возражаю, — а затем склонилась к нему и шепнула: — Ох, Джонни, я так с т а р а л а с ь!

Под столом он нащупал ее руку и потрепал по ладошке:

— Ты выкладывалась изо всех сил, Червячок.

Гринберг сделал вид, что ничего не слышал.

— Суд рассмотрел прошение, — сказал он холодным официальным тоном, — об уничтожении внеземного существа Луммокса на том основании, что он опасен и не поддается контролю. Факты не подтверждают эту точку зрения: прошение отклоняется.

Бетти с всхлипом глотнула воздух. Джон Томас с изумлением огляделся, а затем в первый раз за день улыбнулся.

— Соблюдайте порядок, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами еще одно прошение о том же самом, но на другом основании. — Он приподнял листок бумаги из Лиги «Сохраним Землю для человечества». — Суд считает для себя невозможным следовать положениям данного документа. Прошение отклоняется. Из четырех исков уголовного характера я отклоняю все четыре. Суд считает...

Советник городского муниципалитета не мог сдержать удивления:

— Но ваша честь...

— Если у вас есть иная точка зрения, придержите ее при себе. Никаких преступных намерений не обна-

ружено, следовательно, из этого вытекает, что не было и преступления. Конструктивный подход должен проявляться в тех случаях, когда закон требует от человека принимать все необходимые меры предосторожности для защиты окружающих, и именно с этой точки зрения должны рассматриваться все представленные иски. Исходя из опыта... из опыта, который мы приобрели в прошлый понедельник, суд считает, что принятые меры должны быть достаточными. — Повернувшись, Гринберг обратился непосредственно к Джону Томасу. — Я имею в виду, молодой человек, следующее: можно считать, что вы сделали все, что могли. Но если ваш питомец снова вырвется на свободу, вам крепко достанется.

Джонни сглотнул комок в горле:

— Да, сэр.

— Остались гражданские иски о возмещении ущерба. Критерии здесь могут быть различными. Воспитатель малолетнего ребенка или хозяин животного отвечает за ущерб, нанесенный этим ребенком или животным, и суд считает, что в данном случае тяжесть закона должен почувствовать воспитатель или хозяин, а не невинная третья сторона. И кроме одного момента, который я пока оставлю в стороне, ситуация подпадает под данное правило. Первым делом должен отметить, что во всех исках говорится о преднамеренном нанесении ущерба. Что же касается его возмещения, то, поскольку Межзвездный Департамент призван действовать в интересах общества, он берет это возмещение на себя.

— Как хорошо, — шепнула Бетти, — что мы успели назвать Луммокса нашим имуществом. Ты только посмотри на этих стервятников из страховых компаний.

— Теперь о том пункте, который я пока оставил в стороне, — продолжил Гринберг. — Вопрос этот возник косвенным образом и связан с тем, что Луммокс, возможно, не животное... и тем более не имущество... а мыслящее существо, подпадающее под действие «Законов Цивилизации»... — так же, как и его хозяин. — Гринберг помолчал; теперь важно было выбрать правильную линию поведения. — Мы давно покончили с рабством. Ни одно мыслящее существо не может принадлежать другому. Но как поступить, если Луммокс в самом деле — мыслящее существо?

Может ли он находиться в чьем-то личном пользовании? И в таком случае является ли его так называемый хозяин его фактическим владельцем и несет ли он за него ответственность? Словом, все сказанное сводится вот к чему: Луммокс — имущество или свободное существо?

Данный суд в какой-то мере выразил свое мнение, когда пришел к выводу, что Луммокс не имеет права присутствовать перед судом... в настоящее время. Но суд не обладает достаточной эрудицией, чтобы прийти к окончательному решению — пусть даже суд будет полностью убежден, что Луммокс всего лишь животное.

Суд вернется к рассмотрению этого вопроса в дальнейшем, когда будет окончательно установлен статус Луммокса. А пока местные власти возьмут на себя заботу о Луммоксе и его безопасности, а также о безопасности общества. — Гринберг замолчал и сел.

Муха могла залететь в открытые рты присутствующих. Первым опомнился мистер Шнейдер, представитель Западной страховой компании.

— Ваша честь? А что же делать нам?

— Не знаю.

— Но... видите ли, ваша честь, давайте обратимся к фактам. Миссис Стюарт не имеет какой-либо недвижимости или накоплений, которые могли бы быть описаны; она пользуется лишь процентами с капитала по завещанию. То же самое и с мальчиком. Мы надеялись выручить определенную сумму непосредственно за животного; соответствующий покупатель может дать за него неплохую цену. А теперь вы, если позволите мне так выразиться, опрокидываете тележку с яблоками. Если эти научники... м-м-м, простите, ученые, начнут свои бесконечные тесты и испытания, может быть, пройдут годы. То же произойдет, если они подвергнут сомнению его статус как имущества... и что же мы получим в возмещение? Должны ли мы возбуждать дело против городских властей?

Едва Шнейдер кончил, тут же вскочил на ноги Ломбард:

— Ну нет, город здесь ни при чем! Город — одна из пострадавших сторон. С этой точки зрения...

— Призываю вас к порядку, — сухо сказал Гринберг. — Ни на один из этих вопросов нельзя дать

немедленного ответа. Рассмотрение всех гражданских исков откладывается до окончательного выяснения статуса Луммокса. — Он посмотрел на потолок. — Есть и другая возможность. Имеются все основания подозревать, что это создание прибыло на Землю с «Летающим Лезвием». Если мне не изменяет память, все существа, доставленные данным кораблем, являются собственностью государства. Даже если Луммокс будет признан движимым имуществом, все равно он не может находиться в частном владении. В таком случае, вопрос о возмещении потерь и убытков станет предметом долгого судебного разбирательства.

Мистер Шнейдер остолбенел, мистер Ломбард был преисполнен гнева, Джон Томас смутился и прошептал Бетти:

— Что он там говорит? Луммокс принадлежит мне.

— Тс-с-с, — прошептала Бетти. — Я же говорила тебе, что мы выкарабкаемся. Ох, мистер Гринберг просто душка!

— Но...

— Заткнись! Мы на коне!

Все время, за исключением дачи свидетельских показаний, сын мистера Ито хранил молчание. Наконец он встал:

— Ваша честь!

— Да, мистер Ито.

— Ничего я тут не понимаю. Я простой фермер. Но я хотел бы знать одно. Кто заплатит за садовый домик моего отца?

Джон Томас вскочил.

— Я, — коротко сказал он.

Бетти дернула его за рукав:

— Идиот! Садись!

— Сама помолчи, Бетти. Вы тут много чего говорили, — Бетти поперхнулась и замолчала. — И мистер Гринберг, и все остальные. Могу я наконец сказать?

— Давайте.

— Весь день я только и делал, что слушал. Тут старались доказать, что Луммокс опасен, хотя это вовсе не так. Его старались убить, просто из-за... да, я вас имею в виду, миссис Донахью!

— Обращайтесь к суду, — тихо сказал Гринберг.

— И вы тоже много чего сказали. Все я не помню,

но, простите меня, сэр, кое-что показалось мне ужасно глупым. Простите меня.

— Я понимаю, что вы не собирались меня оскорблять.

— Ну... взять хотя бы вот это — является ли Луммокс движимым имуществом или нет. Или хватит у него мозгов, чтобы голосовать. У Луммокса-то мозгов хватит, и думаю, никто, кроме меня, не знает, как он умен. Но он ничему не учился и нигде не был. Но все это не имеет никакого отношения к тому, кому он принадлежит. Он принадлежит м н е. Так же, как я принадлежу ему... Мы вместе выросли. Теперь... я знаю, что несу ответственность за все, что в прошлый понедельник сделал Луммокс... да помолчи ты, Бетти! Сразу я не могу заплатить все, но заплачу обязательно. Я...

— Минутку, молодой человек. Суд не разрешает вам брать на себя ответственность без предварительной консультации с вашим советником. И если таково ваше намерение, суд вынужден обратиться к советнику.

— Вы сказали, что могу говорить сам.

— Продолжайте. Отметьте в протоколе, чтобы это не вносили.

— Нет, пусть вносят, потому что я собираюсь поступить именно так. Скоро я получу деньги по страховке за мое образование и смогу покрыть все расходы. Я надеюсь, что смогу...

— Джон Томас! — резко оборвала его мать. — Ты этого не сделаешь!

— Мама, тебе бы лучше не вмешиваться. Я хотел просто сказать...

— Ты ничего не будешь говорить. Ваша честь, он...

— К порядку! — призвал Гринберг. — В протокол ничего не заносите! Пусть мальчик говорит.

— Спасибо, сэр. Я уже кончаю. Но я хотел кое-что сказать и вам, сэр. Лумми очень застенчив. Я могу общаться с ним, потому что он мне доверяет. Но если вы думаете, что я позволю посторонним тыкать его и щупать, и задавать ему глупые вопросы, и гонять его по лабиринтам и все такое прочее, то вы глубоко ошибаетесь, потому что я не позволю этого. Сейчас Лумми себя плохо чувствует. Он нахлебался развлечений по горло. Бедняга, он...

Луммокс ждал Джона Томаса дольше, чем ему хотелось бы, потому что он не знал, куда тот делся. Он видел, как Джон Томас исчез в толпе, но не был уверен, вошел ли он в большое здание по соседству. Проснувшись в первый раз, Луммокс, было, пытался заснуть снова, но был вынужден окончательно проснуться, потому что вокруг толпилась масса людей.

Наконец, Луммокс решил, что пришло время выяснить, куда делся Джон Томас, и отправиться домой. Образно говоря, он нарушил приказ Бетти, но ведь Бетти — это не Джон Томас.

Луммокс настроил все свои органы чувств на «поиск» и начал разыскивать Джонни. Слушал он долго, несколько раз слышал голос Бетти — но она его не интересовала. Он продолжал прислушиваться.

Наконец объявился и Джонни! Луммокс напряг свой слух до предела. Хозяин находился в большом доме, и с ним все было в порядке. О! Джонни говорил точно так, будто он спорил со своей матерью. Луммокс повернулся в сторону здания суда и попытался понять, что происходит.

Люди говорили о вещах, в которых он не разбирался. Но одно было ясно: кто-то спорил с Дожнни. Кто? Его мать? Да, он слышал ее голос, он знал, что у нее есть право спорить с Джонни, так же, как Джонни мог спорить с ним — все это было не важно. Но здесь был кто-то другой... точнее, другие, и ни у кого из них не было такого права.

Луммокс решил, что пришло время действовать. Он поднялся на ноги.

Едва Джон Томас дошел в своей речи до слов «Бедняга, он...», как снаружи раздался скрип и скрежет; все присутствующие в зале суда поспешно повернулись. Звуки стремительно приближались, и Гринберг уже собирался послать бейлифа выяснить, что там произошло, как внезапно в этом отпала необходимость. Дверь, ведущая в суд, выпятилась, затем крякнула и сорвалась с петель. Передняя половина туловища Луммокса вдвинулась в помещение, таща на себе часть стены, а дверной косяк украсил Луммокса как воротничок. Луммокс открыл рот и радостно пискнул:

— Джонни!

— Луммокс! — закричал его друг. — Стой на месте! Стой там, где ты стоишь! Не двигайся!

Все присутствующие, включая Специального Посланника Гринберга, с перекошенными лицами застыли от изумления.

V. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Высокочтимый мистер Кику, помощник Секретаря по Межзвездным Делам, открыл ящик стола и окинул взглядом свою коллекцию пилюль. Сомнений больше не было: снова начиналась изжога. Он выбрал одну из таблеток и нехотя вернулся к работе.

Перед ним лежало распоряжение Инженерного Бюро Департамента, предписывающее всем Межпланетным кораблям класса «Пеликан» оставаться на земле, пока не будет закончена очередная модификация. Мистер Кику не стал затруднять себя, вчитываясь в соответствующее инженерное обоснование, а просто черкнул на документе «К немедленному исполнению» и кинул бумаги в корзину для исходящих. Техническое обеспечение безопасности в космосе входило в обязанности этого бюро: сам Кику ничего не знал о технических тонкостях его деятельности, да и не хотел знать; он всецело полагался на мнение своего главного инженера — в противном случае он давно бы его выгнал и взял другого.

Но он догадывался, что финансовые лорды, которым принадлежали корабли класса «Пеликан», скоро примутся обрабатывать Секретаря... и тот, вынырнув из глубин своего интеллекта и преклоняясь перед политическим влиянием, которым обладают данные обаятельные джентльмены, смахнет все эти бумаги в мусорную корзину.

Он начал размышлять о новом Секретаре, но его сомнения так и не обрели законченную форму.

Следующая порция бумаг несла информацию, предназначенную только для Кику, и была направлена на его стол в соответствии с установившимся порядком, по которому все, предназначенное для Секретаря, должно было предварительно попадать к помощнику Секретаря, независимо от содержания. Содержание

казалось банальным и неинтересным: как видно было из резюме, организация, именующая себя «Друзья Луммокса» и возглавляемая миссис Бейлой Мургатройд, хотела попасть на прием к Секретарю по Межзвездным Делам и была направлена к Специальному Помощнику Секретаря (по Общественным Отношениям).

Дальше мистер Кику читать не стал. Вес Роббинс может целоваться с этими Друзьями до упаду, но пусть его и Секретаря оставят в покое. Он было развеселился при мысли, какой шок испытает Секретарь, натрави он миссис Мургатройд на него, но оставил эту пустую фантазию; время Секретаря в самом деле должно быть посвящено только укладке краеугольных камней, а не общению с обществами любителей битых горшков. А все эти организации, именующие себя «Друзья Того-то и Сего-то», как правило, состоят из тех, кто только и ждет случая поточить на ком-то зубы, плюс обычный набор дураковкисельные уши и профессиональных деляг. Но такие компании могут доставлять беспокойство... впрочем, бог с ними.

Кику засунул бумаги в соответствующую папку и принялся за меморандум из Экономбюро: в районе Сан-Луиса вирус поразил большие дрожжевые плантации и, похоже, это могло привести к сокращению протеина и введению более жесткого рациона. Даже возможность голода на Земле не входила в круг непосредственных интересов мистера Кику. Но пока данные, считанные со слайдов, не превратились в его мозгу в несколько четких понятий, он сидел, задумавшись. Затем вызвал помощника:

— Вонг, вы видели документ из Экономбюро АУ-ноль-четыреста двадцать восемь?

— Вроде, да, босс. История с дрожжами в окрестностях Сан-Луиса?

— Да. Что вами сделано?

— Э-э-э... ничего. Я думаю, то не моя епархия.

— Ах, вы думаете? Наши внешние станции разве не твое дело, а? Посмотри загрузку своих кораблей на предстоящие восемнадцать месяцев, сверься с АУ-ноль-четыреста двадцать восемь и действуй. Закупи наконец овец в Австралии. Мы не можем позво-

лить, чтобы наши люди голодали, потому что какой-то идиот в Сан-Луисе уронил в чан с дрожжами свой носок.

— Да, сэр.

Мистер Кику вернулся к работе, с сокрушением подумав, что был слишком резок с Вонгом. Он знал, что его состояние объяснялось не ошибками Вонга, а мыслями о докторе Фтаемле.

Впрочем, и со стороны доктора Фтаемла не было никаких ошибок... Ошибки были его собственные! Он знал, что не может позволить себе никаких расовых предрассудков, во всяком случае, на этой работе. Интеллект подсказывал ему, что он относительно свободен от предубеждений, которые могут возникнуть из-за разницы в цвете кожи, формы волос или контуров лица, по той единственной причине, что для такого загадочного существа, как доктор Фтаемл, различия в человеческих особях, могут показаться совершенно несущественными.

И все же от этого никуда не деться... в глубине души он испытывал к Фтаемлу смутную неприязнь. И тут он был бессилен.

Куда ни шло, если бы этот-как-его носил тюрбан... вместо того, чтобы разгуливать с грязным клубком змей на голове, копошащихся, как куча червей. Но нет! Для раргиллиан прическа была предметом гордости. Во всех их манерах сквозило убеждение, что никто, кроме них, не достоин звания разумного существа.

Хотя... в общем-то Фтаемл неплохой парень. Кику черкнул себе, что надо, не откладывая, пригласить Фтаемла на обед. Кроме того, он, Кику, может подвергнуться глубокой гипнотической обработке, что сделает обед не таким уж трудным мероприятием. Но при одной мысли об обеде изжога снова дала себя знать.

Кику ничего не имел против раргиллианина, поставившего перед утомленными сотрудниками Департамента неразрешимые проблемы: решать такие ситуации было привычным делом. Просто... черт возьми, почему бы этой образине не сделать нормальную прическу?

Представив себе доктора Фтаемла причесанным «а ля лорд Честерфилд», мистер Кику невольно улыб-

нулся и почувствовал себя значительно лучше. Следующая подборка бумаг — отчет о командировке... ах, да! Сергей Гринберг. Хороший мальчик. И еще не кончив читать, Кику потянулся за карандашом, чтобы поставить утверждающую визу.

Но вместо этого он застыл примерно на полсекунды, а затем нажал на кнопку:

— Полный отчет о командировке мистера Гринберга! О той, из которой он вернулся несколько дней назад.

— Не помните ли вы его номер, сэр?

— Найдете. Хотя подождите... ага, РТ-ноль-четыреста одиннадцать, за субботу. Жду!

Мистер Кику успел пробежать лишь пару абзацев, как пневматическая почта всхлипнула, и узкий цилиндр шлепнулся на стол. Кику засунул его в машину и расслабился, держа палец на тумблере, с помощью которого регулировал скорость появления текста на экране.

Меньше чем через семь минут он имел не только представление о процессе, но и прочел отчет Гринберга обо всем, что произошло. С помощью машины мистер Кику мог проглатывать не менее двух тысяч слов в минуту. Выслушивать многословные доклады и давать интервью Кику не любил и оставлял эти занятия на долю тех, кто не ценит время. Но в данном случае возникла необходимость в устном докладе. Наклонившись к микрофону, он нажал тумблер:

— Гринберг!

Гринберг мгновенно появился на экране:

— Привет, босс.

— Будь-ка любезен, иди сюда. — Мистер Кику, не утруждая себя любезностью, отключился.

Гринберг решил, что желудок босса снова дает о себе знать. Но было уже слишком поздно сочинять какое-нибудь неотложное дело вне Департамента; поспешив наверх, он предстал пред шефом со своей обычной веселой улыбкой.

— Доброе утро, — буркнул мистер Кику. — Я читал твой отчет.

— И?

— Сколько тебе лет, Гринберг?

— Мне? Тридцать семь.

— Хм-м-м. И в каком ты сейчас звании?

— Сэр? Я дипломатический офицер второго класса... но действую по первому.

«Какого черта! Дядя Генри все это прекрасно знает... ему даже известен номер моей обуви».

— Хватает, чтобы обладать мозгами, — задумчиво пробормотал Кику. — Да и по званию мог быть послом... или исполнительным советником по политическим вопросам при посольстве. Сергей, почему ты бываешь так непростительно туп?

На скулах Гринберга вздулись желваки, но он ничего не ответил.

— Ну?

— Сэр, — холодно ответил Гринберг, — вы старше и значительно опытнее меня. Могу ли я осведомиться, чем вызвана ваша грубость?

Мистер Кику пожевал губами, но удержался от улыбки:

— Прекрасный вопрос. Мой психиатр говорит, что я анархист, занимающийся не своим делом. А теперь садись, и мы поговорим о том, чем вызвана твоя тупоголовость. Сигареты в ручке кресла. — Гринберг сел, выяснил, что у него нет, чем прикурить, и попросил огонька.

— Не курю, — сказал Кику. — Сигареты — сплошное искушение. А как ты думаешь?

— Так оно и есть, — ответил Гринберг, прикуривая.

— Ясно. Сергей, я вижу, что глаза и уши тебе ни к чему. Если этот зверь способен говорить, ты должен был сразу же отложить процесс, пока мы не получили бы о нем всю информацию.

— М-м-м... я так и собирался сделать.

— Он с о б и р а л с я! Сынок, подсознательная тревога должна была оглушить тебя звоном своего колокола. А получилось, что ты оказался втянутым в это дело, и когда ты думал, что процесс окончен, все только и началось. И все из-за этой девчонки, просто ребенка! Слава богу, что я не читал протокол, держу пари, что вот там-то я бы посмеялся.

Гринберг вспыхнул. Он-то все читал.

— А теперь, когда она поймала тебя в ловушку, ты потерял ориентировку, вместо того, чтобы принять ее вызов и встретить его... Чем встретить? Первым

делом, отсрочить процесс, назначить дополнительное расследование, с чего ты должен был начать и...

— Но я назначил его.

— Не прерывай меня. Я хочу, чтобы ты рассмотрел ситуацию со всех точек зрения. Ты вынес решение, равного которому не было с тех пор, как Соломон приказал разделить ребенка на две части. Где ты изучал право?

— В Гарварде, — мрачно ответил Гринберг.

— М-да... Ну ладно, не буду больше драить тебя; ты и так находишься в затруднительном положении. Но во имя семидесяти семиглазых богов Сарванчилла, скажи, что ты собираешься делать? Первым делом, ты отклонил прошение местных властей об уничтожении этого создания... потом ты дал задний ход, удовлетворил просителей и сказал им, что они могут избавиться от него... Исходя из того, что Департамент подмахнет это решение. И все за десять минут. Сынок, я не думаю, что ты хотел выглядеть дураком, но зачем надо было втягивать в эту петрушку и Департамент?

— Босс, — смиренно признался Гринберг, — я сделал ошибку. И когда я понял ее, то предпринял единственное, что мне оставалось: я дал задний ход. Зверь в самом деле опасен, и Вествилл не в состоянии держать его под контролем. И если бы это не было свыше моих сил, я бы приказал уничтожить его немедленно, не дожидаясь санкции Департамента... и вашей лично.

— Фу!

— Вы не были на моем месте, сэр. Вы не видели, как рушились массивные стены здания суда. Вы не видели, как он разметал их.

— Не старайся поразить меня. Ты когда-нибудь видел город, который одна бомба сравняла с землей? Что там стены в вашем суде... может быть, на них нажился какой-то вороватый подрядчик.

— Но, босс, вам надо было видеть клетку, которую он разворотил. Сваренные стальные первосортные брусья. Он переломил их как соломинки.

— Я не сомневаюсь, что ты их тщательно осмотрел. Но почему ты не обратил внимания, что его в ней заперли, и он не мог выйти?

— А? Ну, это не дело Департамента проверять тюрьмы.

— Сынок, все факторы, хоть каким-то боком касающиеся понятия «Вне», имеют самое прямое отношение к нашему Департаменту. И ты это знаешь. Но когда ты будешь помнить это во сне и наяву, чистя ботинки или разливая супы на благотворительном базаре, ты поймешь, что это суть нашей работы. И ты будешь держать ушки на макушке и ловить носом все, что может быть названо «особыми ситуациями». А теперь расскажи мне об этом существе. Я читал твой отчет, я видел его снимки, но я не чувствую его.

— Ну, он относится к многоногому, не сбалансированному типу. Восемь ног, примерно семь футов в холке. Оно...

Кику выпрямился:

— Восемь ног? А руки?

— Руки? Их нет.

— Какие-нибудь любые органы для манипуляций? Видоизмененные конечности?

— Ничего, шеф... будь что-то подобное, я бы сразу же приказал провести полное и всестороннее обследование. Ноги у него как бочонки, но двигается он с изяществом. Но чего ради вы...

— Неважно. Что еще? Продолжай.

— Он напоминает нечто среднее между риноцеросом и трицератопсом, хотя артикуляция у него весьма своеобразная.

Молодой хозяин зовет его Луммоксом[1], и это имя ему подходит. Обаятельное, но глупое существо. В этом и кроется опасность: он настолько огромен и могуч, что из-за своей неповоротливости и несообразительности может причинить человеку вред. Он разговаривает, но это речь примерно четырехлетнего ребенка... голос у него такой, словно он проглотил маленькую девочку.

— Почему ты считаешь его глупым? Из твоего исторического отчета я понял, что владелец считает это существо достаточно сообразительным.

Гринберг улыбнулся:

— Ему очень хочется, чтобы это было так. Я говорил с ним, босс. Оно в самом деле глупо.

— Не вижу, из чего ты сделал такой вывод. Счи-

[1] Луммокс — Увалень.

тать, что внеземное существо глупо только потому, что оно не может разговаривать на языке землян — то же самое, что считать итальянцев неграмотными лишь потому, что они говорят на ломанном английском. Одно не вытекает из другого.

— Но, видите ли, босс, у него нет рук. Высший уровень его интеллекта не превышает обезьяний. Может быть, собачий. Но не больше.

— Могу допустить, что ты придерживаешься ортодоксальных взглядов в теории ксенологии. Но когда-нибудь твое предубеждение станет подавляющим и превратится в оскорбление для классической ксенологии. Мы обнаружили цивилизацию, которая развивается вне нашей системы понятий и не нуждается в них...

— Хотите пари?

— Нет. Где сейчас данные об этом «Увальне»?

Гринберг несколько смутился:

— Босс, я отдал все материалы в лабораторию для микрофильмирования. С минуту на минуту они будут на вашем столе.

— О'кей, ты расторопен. Изложи-ка устно...

— У меня установились добрые отношения с местным судьей, и я попросил его держать меня в курсе дела. Конечно, они не могут содержать эту гору в местной Бастилии; в сущности, у них нет таких запоров, которые могли бы остановить его... в чем они убедились на горьком опыте. И выстроить они тоже ничего не успеют... уж поверьте мне, та клетка, что он разворотил, была что надо. Но шеф полиции напряг мозги: у них есть пустой бетонный резервуар со стенками высотой в девять футов, часть противопожарной системы. Они возвели рампу, подняли по ней Луммокса, спустили его в резервуар и убрали рампу. Похоже, так они выкрутятся из положения: эта зверюга не умеет прыгать.

— Звучит неплохо.

— Да, но это не все. Судья О'Фаррел сообщил мне, что шеф полиции так взбудоражен, что решил не ждать одобрения Департамента и немедленно приступить к экзекуции.

— Что?

— Разрешите мне кончить. Он никому ничего не сказал — но входной клапан вроде бы случайно

оказался открытым, и за ночь резервуар наполнился до краев. К утру Луммокс оказался на дне. Шериф Дрейзер решил, что его «забывчивость» принесла успех, и Луммокс потонул.

— Ах, вот как?

— Но Луммокс совершенно не пострадал. Находился под водой несколько часов, но когда ее спустили, он проснулся, встал и сказал «С добрым утром».

— Возможно, двоякодышащее. Какие действия ты предпринял, чтобы остановить это своеволие?

— Минутку, сэр. Дрейзер знал, что огнестрельное оружие и взрывчатка бесполезны... вы читали об этом... во всяком случае, в том объеме, который можно пускать в ход в черте города. Он решил прибегнуть к яду. Ничего не зная об этом существе, он взял полдюжины сортов и разновидностей яда в количестве достаточном, чтобы отправить на тот свет целый полк и смешал их с разной пищей.

— Ну и?

— Луммокс слопал все подчистую. Его даже в сон не потянуло; в сущности, это угощение лишь подхлестнуло его аппетит, ибо следующим блюдом для него стал тот самый входной клапан, и резервуар снова стал наполняться. Они должны были остановить насосную станцию.

Кику фыркнул от смеха:

— Он начинает мне нравиться, этот Луммокс. Ты говоришь, он съел этот клапан. Из чего тот был сделан?

— Не знаю. Думаю, обычный сплав.

— Х-хм-м... Похоже, его диета несколько суховата. А может быть, у него зоб, как у птиц.

— Я бы не удивился.

— Что шериф сделал потом?

— Пока еще ничего. Я попросил О'Фаррела предупредить Дрейзера, что он кончит в исправительной колонии в тридцати световых годах от Вествилла, если попытается свалить вину на Департамент. И сейчас он ломает себе голову, как решить эту проблему. Последняя его идея — залить Луммокса бетоном и оставить подыхать. Но О'Фаррел поставил на этом проекте крест как на бесчеловечном.

— Таким образом, Луммокс все еще сидит в резервуаре, ожидая, что мы предпримем, не так ли?

— Думаю, так, сэр. Во всяком случае, вчера он еще был там.

— Ладно, он может подождать. Пока они не придумают что-нибудь еще. — Мистер Кику взял краткий отчет Гринберга и его рекомендации.

— Могу ли я понимать, что вы не одобряете мои действия, сэр? — спросил Гринберг.

— Нет. С чего ты это взял? — он подписал санкцию на уничтожение Луммокса, которую тут же поглотила корзинка для исходящих бумаг. — Если я отменяю чьи-то распоряжения... мне остается только выгнать такого работника... а у меня есть другая работа для тебя.

— Ох, — сказал Гринберг, испытав смутное сожаление; он бы с облегчением воспринял решение шефа отсрочить приведение смертного приговора Луммоксу в исполнение. Что ж... очень жаль... но зверь в самом деле был опасен.

— Ты боишься змей? — продолжил беседу мистер Кику.

— Нет. Они мне даже нравятся.

— Прекрасно! Хотя не могу представить, как они могут нравиться. Я всегда до смерти боялся их. Еще когда я был мальчишкой в Африке... впрочем, неважно. Ты когда-нибудь работал вместе с Раргиллианинами? Я что-то не припоминаю.

Гринберг внезапно вспомнил:

— У меня был переводчик с Раргиллиана в деле Веги-четыре. Мы неплохо сработались.

— Надеюсь, что так. Сергей, на мне висит дело, в котором участвует посредник с Раргиллиана, доктор Фтаемл. Ты должен был слышать о нем.

— Да, конечно, сэр.

— Должен сказать, что когда он появляется... — Кику издал звук, напоминающий сдавленное проклятье. — Впрочем, с Фтаемлом все в порядке. Но его участие связано с каким-то запахом тревоги... и боюсь, моя личная фобия не позволяет моему носу достаточно точно улавливать этот запах. Так что я назначаю тебя моим ассистентом по вынюхиванию.

— Вы так доверяете моему носу, босс?

— Мы сейчас в положении, когда слепой ведет слепого, если ты позволишь вольное обращение с

метафорой. Но, между нами, что-то мы должны выяснить.

— Пусть будет так, сэр. Могу я осведомиться, в чем сущность вашего поручения?

— Дело в том... — Но прежде, чем мистер Кику закончил, на пульте вспыхнул огонек, и голос секретаря сказал:

— Явился ваш психотерапевт, сэр.

Кику взглянул на часы:

— Как летит время... Проводи его в мой гардероб. Я сейчас буду. — Он повернулся к Гринбергу. — Фтаемл будет здесь через тридцать минут. Я должен привести себя в форму. Все, что нужно, ты найдешь в моей папке «К исполнению»... дел хватит! — Мистер Кику бросил взгляд в корзину входящих бумаг, которая за время их разговора успела наполниться до краев. — Да, пяти минут будет маловато. Не пожалей времени, чтобы разобраться с этими ворохами. Визируй моим именем, а все, что, как ты считаешь, я должен просмотреть, оставляй... но лучше, чтобы таких бумаг было не больше полдюжины — иначе я пошлю тебя обратно в Гарвард!

Мистер Кику торопливо вышел, и заглянув к секретарю, дал указание фиксировать все, что будет происходить в течение следующего получаса... Он хочет посмотреть, как парень справится с делами. Мистера Кику давно уже беспокоила мысль о преемнике, и он хотел быть уверенным, что Гринберг сможет занять его место. И пока этого не произошло, он должен безжалостно натаскивать мальчишку.

Заместитель Секретаря направился в свою гардеробную; откатившись в сторону, дверь мягко захлопнулась за ним, и Гринберг остался один. Едва только он потянулся за папкой, в которой лежали документы, требующие срочного исполнения, как в корзину входящих скользнула очередная бумага, а на панели мигнул красный огонек и зажужжал зуммер.

Он подхватил бумагу, быстро пробежал ее глазами до середины, но едва успел понять, что она срочная, как комбинация свет-звук на панели, сообщила, что его вызывают по внутридепартаментской связи. На засветившемся экранчике Гринберг узнал шефа бюро систем связи:

— А где босс? — возбужденно спросил тот.

Гринберг перекинул тумблер двухсторонней связи:

— Я за него, — сказал он. — Грею его кресло. Я получил твою памятную записку, Стен, и читаю ее.

Ибаньес раздраженно дернулся:

— Не в этом дело. Дай мне босса.

Гринберг помедлил. Проблема Ибаньеса относилась к числу простых, но достаточно занудных. На каждом корабле, регулярно совершающем рейсы Земля—Венера, врач является представителем бюро общественного здоровья. Но вот «Ариэль», уже готовящийся к посадке в Порт-Либия, внезапно был поставлен своим врачом на карантин и теперь томился в ожидании на предпосадочной орбите. На его борту был венерианский министр иностранных дел... что было как нельзя некстати, так как ожидалось, что Венера поддержит позицию Земли против Марса на предстоящей тройственной конференции.

Гринберг мог отложить решение проблемы до появления босса; мог взвалить ее решение на его плечи; мог обратиться через голову босса непосредственно к Секретарю (что, впрочем, предполагало, что он придет к нему с уже готовым решением и получит на него санкцию); или... он мог действовать сам, используя авторитет мистера Кику.

Мистер Кику не предполагал, что возникнет острая ситуация... но у босса была досадная привычка бросать щенят на глубокое место и смотреть, как они выплывают.

Гринберг быстро собрался с мыслями:

— Прости, Стен, — сказал он, — с боссом поговорить тебе не удастся. Я действую от его имени.

— С каких пор?

— Только пока он отсутствует.

Ибаньес нахмурился:

— Слушай, парень, тебе бы лучше найти босса. Может быть, ты шлепаешь его фамилию на обыкновенные бумаги... но это дело не из таких. Мы должны спешно посадить этот корабль. Тебе крепко намылят шею, если ты возьмешь на себя право отмены такой базовой установки, как карантинная политика. Пошевели мозгами.

Нарушить карантин? Гринберг вспомнил Большую Чуму 51-го года, когда все биологи были безмятежно

уверены, что все живое на планете надежно защищено от инфекций из других миров.

— Карантин мы нарушать не будем.

Ибаньес болезненно сморщился:

— Сергей, мы можем поставить конференцию под угрозу... Что я говорю? Поставить под угрозу? Мы не можем допустить, чтобы работа десяти лет пошла насмарку лишь потому, что у кого-то из механиков легкая лихорадка. Карантин должен быть нарушен. Но я не хочу, чтобы ты брал это на себя.

Гринберг помедлил:

— Босса ждет тяжелая работа, и он под глубоким гипнозом. Ты сможешь увидеть его не раньше, чем через пару часов.

Ибаньес побледнел:

— Я попытаюсь убедить Секретаря. Мы не можем ждать два часа. Эта священная корова с Венеры в таком состоянии, что может приказать своему шкиперу рулить домой... и мы не можем рисковать.

— С другой стороны, мы не можем допустить возможность эпидемии. Вот что ты сделаешь. Вызови министра и скажи, что ты лично отправляешься за ним. Возьми десантную шлюпку. Посади его к себе на борт и оставь «Ариэль» на карантинной орбите. Как только он окажется на борту шлюпки... и не раньше... скажи ему, что вы оба, он и ты, примут участие в конференции, не выходя из скафандров. В скафандрах своя опрессованная система подачи воздуха; они используются при посещении планет, чья болезнетворная флора еще не исследована. Конечно, команда шлюпки должна будет тоже направиться в карантин.

— Скафандр! О, он будет в восторге! Куда лучше отменить конференцию. Такое унижение может настроить его против нас — это почти точно. Такие деятели жутко самолюбивы.

— Конечно, он будет в восторге, — объяснил Гринберг, — когда ты объяснишь ему, в чем дело. «Безопасность выдающейся личности», «нежелание рисковать благополучием нашей возлюбленной сестры» и так далее. Если у него еще будут какие-то сомнения, свяжи его с кем-нибудь из отдела общественных отношений. И позаботься, чтобы во время конференции рядом с ним был врач... в белом халате и пара сестер.

Во время перерывов, чтобы он мог отдыхать, в Зале Героев, рядом с конференц-залом, организуй ему чуть ли не больничную палату с отлаженной системой коммуникаций. Пусть он думает, что даже на краю гибели он мужественно исполняет свои обязанности. Понял? Как-то подведи его к этой мысли... еще до того, как шлюпка приземлится.

— Думаешь, это сработает? — нерешительно спросил Ибаньес.

— Зависит от тебя. Я спущу твой меморандум, прикажу соблюдать карантин, но одновременно дам тебе указание проявить инициативу, чтобы обеспечить его присутствие на конференции.

— Ну что ж... ладно. — Ибаньес внезапно улыбнулся. — Черт с ним, с меморандумом. Берусь за дело. — И отключился.

Гринберг вернулся к столу, чувствуя радостное возбуждение от мысли, что он сыграл роль господа бога. Интересно, подумал он, что бы на моем месте сделал босс?.. Могло быть много правильных решений, он выбрал одно из них и чувствовал, что не ошибся. Сергей снова обратился к папке с неотложными делами.

Внезапно он остановился. Что-то подсознательно угнетало его. Он чувствовал, что боссу не хотелось утверждать смертный приговор Луммоксу. Черт возьми, босс же говорил ему, что он *не прав*, что следовало бы провести полное расследование. Но босс, уважая право подчиненного на самостоятельные решения, не стал настаивать на своем.

Но теперь он сам сидел в кресле босса. И что? Чего ради босс сунул его на это место? Не для того ли, чтобы он получил возможность исправить свои собственные ошибки? Вряд ли. Шеф проницателен, но не всезнающ; он не мог предположить, что Гринберг решит пересмотреть свои действия.

И все же... Он позвонил личному секретарю босса.

— Милдред?

— Да, мистер Гринберг?

— Это краткое резюме о вмешательстве, где я участвовал... номер РТ-ноль-четыреста одиннадцать. Оно прошло пятнадцать минут назад. Я хочу вернуть его.

— Оно должно быть уже отправлено, — с сомне-

нием сказала Милдред. — Отдел отправки завершил все свои операции семь минут назад.

— Нужно поторопиться. Если бумага уже покинула здание, вышлите ее аннулирование и подтверждение оного, ясно? И верните мне оригинал.

Наконец Сергей добрался до папки неотложных дел. Как мистер Кику и говорил, отделение с пометкой «Фтаемл» не отличалось полнотой. Он обнаружил на обложке надпись «Чудовище и Красавица» и удивился. Босс не был обделен чувством юмора... но оно менялось столь стремительно, что люди, пытавшиеся следовать за ним, нередко попадали в трудное положение.

Внезапно брови Гринберга поползли кверху. Эти неутомимые переводчики, маклеры, посредники и истолкователи, эти раргиллиане, как правило, появлялись на сцене лишь во время переговоров между двумя расами. Присутствие доктора Фтаемла на Земле дало понять Гринбергу, что какие-то негуманоиды встревожены... Негуманоидами их можно было назвать лишь условно: психология этих существ настолько отличалась от человеческой, что общение было довольно затруднительным. Но Гринберг не ожидал, что ученый доктор будет представлять расу, о которой он ничего не слышал... «Хрошии».

Вполне возможно, что Гринберг просто забыл о существовании народа с именем, напоминающим чихание; они могли представлять совершенно незначительную популяцию, находящуюся на низком культурном уровне, с неразвитой экономикой, не способную к самостоятельным космическим путешествиям. Или же они могли быть приняты в Сообществе Цивилизаций, пока Гринберг был занят делами вне Солнечной системы. Как только человечество начало устанавливать контакты с другими расами, тоже совершающими межзвездные путешествия, семья тех, кто по праву мог считаться «гуманоидами» стала пополняться так быстро, что их всех было трудно удержать в памяти. Чем больше человечество расширяло свои горизонты, тем труднее было держать эти горизонты в поле зрения.

Или, может быть, он знал о хрошии под каким-то другим именем? Гринберг повернулся к универсаль-

ному справочнику мистера Кику и ввел в него это имя.

Машина проглотила имя, а затем на экране дисплея вспыхнуло: «ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

Гринберг с трудом перевел дыхание при мысли, что информация о хрошии могла как-то исчезнуть... или ее вообще не существует.

Он расширил круг поисков. Универсальный справочник Британского Музея был осведомлен не более, чем компьютер в оффисе Заместителя Секретаря, хотя его хранилище информации занимало огромное здание в другой части Столицы, и целая армия кибернетиков, семантиков и энциклопедистов, не покладая рук, кормила фактами его ненасытное чрево. Теперь Гринберг мог быть уверен, что, откуда бы хрошии не явились, Федерация о них ничего не знала.

Что само по себе было удивительно.

Поизумлявшись не более секунды, Гринберг продолжил чтение. Он выяснил, что хрошии были рядом, в пределах досягаемости передач — на круговой орбите, в пятидесяти тысячах миль от Земли. Теперь он удивлялся целых две секунды, выяснив, что ничего не слышал об этих пришельцах лишь потому, что доктор Фтаемл настоятельно советовал мистеру Кику воздержаться от посылки патрульного корабля на орбиту и от попытки войти на борт чужеземцев.

Вскоре Гринберга отвлекло возвращение бумаг по делу Луммокса, среди которых было и утвержденное мистером Кику решение. Подумав несколько мгновений, Сергей дополнил резолюцию следующим образом: «Решение утверждаю.., но оно не должно быть проведено в жизнь до завершения полного научного исследования данного существа. Местные власти по рекомендации Бюро Ксенологии должны обеспечить приемлемые условия существования данного существа, которые позволят произвести его транспортировку, а также оценку стоимости».

Гринберг удостоверил приписку подписью Кику и отправил бумаги обратно, не без смущения отметив, что ныне распоряжение имеет несколько странный вид... ибо ясно, что на Луммокса наложил руки какой-то ксенобиолог, чего босс никогда бы не допустил. Тем не менее, на сердце у него полегчало. Все,

что он делал до сих пор, было неправильно, но тут он был п р а в.

Внимание его снова вернулось к хрошии... и снова брови его поползли кверху. Хрошии явились сюда не для того, чтобы установить какие-то отношения с Землей; они висят над планетой, чтобы найти какую-то из своих соотечественниц. Исходя из того, что сообщил доктор Фтаемл, они уверены, что Земля держит ее в плену и намерены требовать ее освобождения.

Гринберг почувствовал себя участником дурной мелодрамы. Эти существа с именем, напоминающим астматический хрип, избрали себе явно не ту планету для таких игр. На Земле негуманоидное существо без паспорта, без досье, находящегося в их Департаменте, без веских и санкционированных причин для посещения Земли столь же беспомощно, как невеста, потерявшая церковь, где она должна венчаться. В свое время его, конечно, обнаружат... что за идиотизм! Ведь оно даже не пройдет карантина.

Чего ради босс не сказал, чтобы они собирали свои пожитки и отправлялись домой.

Кроме того, как они представляют себе приземление? Пешком? Или на крыльях лебедя? Межзвездный корабль не может садиться на Землю; его обслуживают «челноки». Неужели они считают, что их соотечественница пробралась на Землю на одном из них: «Простите меня, сэр, но я спасаюсь от своего мужа, который вон в той части Галактики. Вы не против, если я залезу под сиденье и таким образом проникну на вашу планету?»

«Бог подаст» — вот что могут ей сказать. На «челноках» терпеть не могут зайцев; Гринберг чувствовал это каждый раз, предъявляя свое дипломатическое удостоверение.

Что-то все время не давало ему покоя... наконец он вспомнил, как босс допытывался: есть ли руки у Луммокса? Он понял, что босс должен был удостовериться, не является ли Луммокс пропавшим хрошии, хотя последние, судя по словам Фтаемла, имеют восемь ног. Гринберг присвистнул. Луммокс не мог ни построить космический корабль, ни управлять им. И у него не было родственников. Естественно, бос не

видел Луммокса и не представляет, насколько он страховиден.

И кроме того, Луммокс на Земле уже больше сотни лет. Что-то поздновато для розысков.

Главный вопрос заключался в том, что делать с хроши, раз уж мы вошли в контакт с ними. Все, что имело отношение к «Вне», было интересным, познавательным и полезным для человечества, как только с ним удавалось познакомиться поближе и проанализировать... а та раса, которая была способна на самостоятельные межзвездные перелеты, без сомнения, относилась к таковым явлениям. Гринберг не сомневался, что босс постарается поводить их за нос, пока не присмотрится, что сулит будущее. Отлично — и Гринбергу остается лишь поддержать его.

Сергей пробежал оставшуюся часть сообщения. Все, что нужно, он почерпнул из краткого резюме; все остальное было цветистыми оборотами Фтаемла.

Мистер Кику объявился над его плечом и сказал:

— Корзина полна, как всегда.

— Привет, босс. Но подумайте, сколько в ней было бы, если бы каждые две секунды я не опустошал ее, не читая бумаг.

Гринберг освободил кресло.

Мистер Кику кивнул:

— Я знаю. Порой я шлепаю «согласен» на всех без разбору.

— Как самочувствие?

— Готов хоть обниматься с ним. И что в этих змеях, что я не могу их выносить?

— Это относится к области духа.

— Доктор Морган знает свое дело. Если у тебя когда-нибудь разойдутся нервы, можешь обратиться к нему.

Гринберг ухмыльнулся:

— Босс, единственное, что меня беспокоит, это бессонница в рабочее время. Никак не могу уснуть за столом.

— Это самый первый симптом. Ты еще вспомнишь о нервах. — Мистер Кику взглянул на часы. — Наш друг с шевелящимися волосами уже давал о себе знать?

— Нет еще. — Гринберг рассказал о карантине на

«Ариэле» и о том, что он сделал. Мистер Кику кивнул, что было равнозначно благодарности на плацу у развернутого полкового знамени. Гринберг ощутил прилив теплого счастья и взялся рассказывать как он начал пересматривать решение о Луммоксе; он был самокритичен, но в допустимых пределах.

— Знаете, босс, когда сидишь в этом кресле, у тебя появляется совершенно особый угол зрения.

— Это я понял довольно давно.

— Ага. И пока я тут сидел, все думал об этой истории с посещением.

— Ну и что? Нам придется иметь с ними дело.

— Так я и думал. И тем не менее... хотя... — он выпалил, какую он наложил резолюцию относительно Луммокса, и застыл в ожидании.

Мистер Кику снова кивнул. Он решил было сказать Гринбергу, что его действия помогли ему сберечь лицо, но воздержался. Вместо этого он наклонился к панели:

— Милдред? Что-нибудь слышно от доктора Фтаемла.

— Только что прибыл, сэр.

— Хорошо. Западный конференц-зал, пожалуйста. — Он отключился и повернулся к Гринбергу. — А теперь, сынок, будем очаровывать змей. Флейта у тебя с собой.

VI. КОСМОС ГЛУБОК, ЭКСЕЛЛЕНЦ

— Доктор Фтаемл, это мой коллега, мистер Гринберг.

Раргиллианин склонился в глубоком поклоне. Двойные коленные суставы его ног и странная для человеческого глаза жестикуляция изобразили какой-то ритуальный танец:

— Я знаю о высокой репутации достопочтенного мистера Гринберга из уст моих компатриотов, которым выпало счастье работать с ним. Я польщен, сэр.

Гринберг ответил в том же стиле вежливых преувеличений, который был избран для космолингвы.

— Я давно таил надежду почерпнуть опыта в общении со столь высокоученой персоной, как доктор Фтаемл, но никогда не предполагал, что моя надежда

распустится таким пышным цветом. Ваш слуга и ученик, сэр.

— Хм-м-м! — прервал их мистер Кику. — Доктор, то деликатное дело, в котором вы взяли на себя миссию посредника, столь важно, что до недавнего времени я со своим обычным штатом не мог уделить ему столько времени, сколько оно заслуживает. Мистер Гринберг является чрезвычайным послом и полномочным министром, выделенным в мое распоряжение Федерацией специально для этой цели.

Гринберг удивленно моргнул при этих словах босса, но сохранил каменное выражение лица. Он уже раньше обратил внимание, что босс сказал «коллега» вместо «помощник», но счел эту оговорку обычной уловкой, чтобы повысить престиж стороны, участвующей в переговорах — но он не ожидал, что ему будет выдан такой щедрый патент на следующий чин. Интересно, скажется ли это на его зарплате?

Доктор Фтаемл снова поклонился:

— Я бесконечно благодарен, что имею возможность сотрудничать с вашим превосходительством.

Гринберг подозревал, что им не удалось одурачить раргиллианина; тем не менее, благодарность Фтаемла была искренней, так как он сам был в ранге посла.

Пока секретарша расставляла угощение, они перевели дыхание. Фтаемл выбрал французское вино, а Гринберг и Кику, как им посоветовал Хобсон, раргиллианский напиток — нечто, названное «вином» лишь из-за бедности языка и напоминающее хлеб, разболтанный в молоке и отдающий серной кислотой. Пока напиток не коснулся его губ, Гинберг поторопился изобразить редкостное удовольствие.

Он с уважением отметил, что босс рискнул попробовать жидкость.

Пока ритуальная церемония, которой придерживались от семи до десяти цивилизаций, шла своим чередом, Гринберг получил время присмотреться к Фтаемлу. Медузоид был одет в дорогую пародию на земной мундир: кургузый фрак, кружевное жабо и полосатые брюки. Данное одеяние помогало скрывать тот факт, что хотя сейчас на напоминал обыкновенного гуманоида с двумя ногами, двумя руками и продолговатой головой, в сущности, в нем не было ничего человеческого.

Но Гринберг вырос в обществе Великих Марсиан и имел дело с многими различными существами; он не считал, что «человек» должен иметь только человеческое обличье и не отдавал никакого предпочтения чисто человеческим формам. С точки зрения самого Фтаемла, он был обаятелен и грациозен. Его сухая хитиновая кожа, оранжевая с зелеными подтеками, была ничуть не хуже декоративной леопардовой шкуры. Отсутствие носа ничуть не портило впечатления и компенсировалось подвижным чувствительным ртом.

Гринберг решил, что Фтаемл должен прятать свой хвост, оборачивая его вокруг туловища под одеждой, дабы избежать ненужных намеков, что он похож на кого-то из земных существ, к которым раргиллиане очень чувствительны: до сих пор им была памятна та история в Риме, когда на приеме один из них смахнул хвостом свечу. Другие раргиллиане, с которыми Гринбергу приходилось сотрудничать, старались вообще не пользоваться одеждой и носили свои хвосты гордо вздернутыми вверх, как мартовские коты. Так было, например, на Веге-VI, воспоминания о которой заставили Гринберга содрогнуться.

Он посмотрел на вибриссы медузоида. Они отнюдь не напоминали змей. Босс явно относился к ним с излишней нервностью. Конечно, они были с фут длиной и толщиной с его большой палец, но у них не было ни глаз, ни пасти, ни зубов — это были просто вибриссы, усики, и не больше. У многих других рас тоже есть такие усики. А что такое наши пальцы, как не короткие усики?

Мистер Кику и доктор Фтаемл опустили свои бокалы на стол почти одновременно.

— Доктор, консультировались ли вы со своими доверителями?

— Сэр, мне была оказана такая честь. И могу ли я выразить вам благодарность за десантную шлюпку, которую вы столь любезно предоставили в мое распоряжение, чтобы я имел возможность, покидая поверхность вашей очаровательной планеты, снестись с теми, кого я имею честь здесь представлять. И отдавая должное тем выдающимся личностям, которым я ныне служу, должен сказать, что она куда больше

подходит для моей конституции, нежели аналогичное устройство их корабля.

— Не стоит благодарности. Мы всегда рады услужить нашим друзьям.

— Вы исключительно любезны, мистер Заместитель Секретаря.

— Итак, что же они сказали?

Доктор Фтаемл содрогнулся всем телом:

— Я искренне сокрушаюсь при необходимости сообщить вам, что они непоколебимы. Они настаивают, что их малыш (он женского пола) должен быть возвращен им без промедления.

Мистер Кику нахмурился:

— Я не сомневаюсь, вы объяснили им, что мы никогда не слышали о нем, что у нас есть весомые основания считать, что он никогда не посещал нашу планету, и еще более весомые основания считать, что он... то есть, она никогда не жила на нашей планете.

— Все это я сделал. Надеюсь, вы простите мою невежливость, если я передам их ответ в выражениях грубых, но точных. — Он смущенно повел плечами. — Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не возразил, зная, что когда раргиллиане исполняют роль посредника, они не вкладывают в эти обязанности ничего личного и действуют как телефон.

— Было бы куда лучше, если бы я в самом деле лгал. Тогда в конце концов я мог бы поймать их пострела и с делом все было кончено.

— Лично я верю вам, — внезапно сказал доктор Фтаемл.

— Благодарю вас. Почему?

— Потому что вы употребляете сослагательное наклонение.

— Ах, вот как. Сообщили ли вы им, что здесь есть более семи тысяч разновидностей внеземных существ, пребывающих на нашей планете, каждая из которых представлена сотнями и тысячами индивидуумов? Что из них примерно тридцать тысяч — разумные существа? Но что из них только очень немногие обладают физическими характеристиками, отдаленно смахивающими на ваших хрошии, и относительно всех их мы знаем, откуда они родом, с какой планеты?

— Я раргиллианин, сэр. Я сказал им все это и

даже больше, используя их собственный язык и изложив факты гораздо яснее, чем вы могли это объяснить какому-нибудь землянину.

— Я вам верю. — Мистер Кику хлопнул по крышке стола. — У вас есть какие-то предложения?

— Минутку, — вмешался Гринберг. — Нет ли у вас изображения типичного хрошии? Оно могло бы помочь.

— Хрошиу, — поправил Фтаемл. — Или в данном случае, хрошиа. Прошу простить. Они не употребляют символику типа изображений. К сожалению, у меня нет возможности выполнить вашу просьбу.

— Раса безглазых?

— Нет, экселленц. Выглядят они вполне прилично и даже изящно. Но их глаза и нервная система несколько отличаются от наших. То, что они называют изображением, было бы для вас совершенной бессмыслицей. Даже я нахожу это довольно затруднительным, хотя общепризнано, что моя раса наиболее приспособлена для интерпретации абстрактных символов. Если раргиллианин... — Он замолчал и принялся прихорашиваться.

— Ну хорошо... опишите нам одного из них. Используйте все свои широкоизвестные семантические способности.

— С удовольствием. Корабль, созданный хрошии, относится к боевому классу и...

Мистер Кику прервал его:

— К боевому классу? Доктор, вы хотите сказать, что это военное судно? Вы мне этого не говорили.

Доктор Фтаемл изобразил боль и сокрушение:

— Я считал, что этот факт общеизвестен и достаточно непригляден.

— И я того же мнения. — Мистер Кику задумался, не стоит ли ему поднять по тревоге Генеральный Штаб Федерации. Не сейчас, решил он. Мистер Кику всегда был настроен резко отрицательно к вмешательству военной мощи в процесс переговоров, ибо он был уверен, что демонстрация силы служит признанием неудачи со стороны дипломатов, а также практически сводит на нет шансы достичь соглашения в будущем. Свое мнение он мог обосновать, но предпочитал держать его на уровне эмоций. — Продолжайте, пожалуйста.

— Хрошии-военные являются трехполыми; разница между ними не бросается в глаза и у нас нет необходимости в уточнениях. Мои доверители, руководящие экспедицией на данном корабле, примерно на шесть дюймов выше этого помещения и вдвое тяжелее вас. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки у них маленькие, но сильные и исключительно ловкие. По-моему, хрошии отличаются необычной красотой и функционируют с редкой грацией. Они с большим искусством работают с машинами, инструментами и совершают очень тонкие манипуляции.

Пока Фтаемл говорил, Гринберг слегка расслабился. До этого намеки раггиллианина все же беспокоили его: вдруг это создание «Луммокс» окажется одним из хрошии... но теперь он понял, что опасения его основывались всего лишь на случайном совпадении числа ног... точно так же страуса можно было бы спутать с человеком, потому что у него две ноги! Мысленно Сергей упорно пытался определить Луммокса в какую-нибудь категорию существ, но ни одна из известных ему пока не подходила.

Доктор Фтаемл продолжал:

— ...но эти выдающиеся характеристики хрошии не исчерпываются простыми данными о размерах, весе, строении тела и функциях, ибо самое потрясающее впечатление производит их интеллектуальная мощь. — Медузоид причмокнул в восхищении. — Я почти уже пришел к решению отказаться от профессионального вознаграждения и считать мою службу не обязанностью, а привилегией.

Вот это уже произвело на Гринберга впечатление. Эти хрошии в самом деле что-то представляют из себя; насколько бы честным посредником раггиллианин не был, он может позволить человеку умереть от жажды, но не скажет ему ни слова об источнике воды прежде, чем гонорар не будет у него в руках.

— Единственное, — добавил Фтаемл, — что остановило меня от подобного решения, — это понимание, что кое в чем я их превосхожу. Они не лингвисты. Их речь богата и выразительна, но, кроме нее, они не владеют никаким языком. Даже вы талантливее их в лингвистическом отношении. — Фтаемл вытянул свои гротескные руки чисто галльским жестом (или по крайней мере искусно изобразил его) и

закончил: — Таким образом, я пересмотрел отношение к себе и потребовал двойной оплаты.

Он замолчал. Мистер Кику молча смотрел в стол, а Гринберг просто ждал. Наконец Кику сказал:

— Что вы предлагаете?

— Мой уважаемый друг, есть только один путь, которого вы не избежите. Хрошиа, которую они ищут, должна быть найдена.

— Но у нас ее нет.

Фтаемл изобразил глубокий вздох:

— Достойно сожаления. — Гринберг внимательно присмотрелся к нему; вздох не содержал в себе осуждения. Он чувствовал, что раргиллианин приберег что-то из ряда вон выходящее... что было смешно; приняв на себя роль посредника, раргиллианин был больше, чем кто-либо другой, озабочен успехом переговоров: любой их исход, кроме успешного, вызывал у них потерю самоуважения.

— Доктор Фтаемл, — сказал он, — когда вы принимали на себя миссию посредничества с хрошии, предполагали ли вы, что мы будем в состоянии удовлетворить их требование и доставить эту хрошиа?

Ноздри собеседника внезапно опали. Гринберг вздернул бровь и сухо сказал:

— Я вижу, что нет. Могу ли я осведомиться, почему в таком случае вы все же взяли на себя роль посредника?

Фтаемл ответил медленно и без своей обычной доверительности:

— Сэр, никто не может отказаться от сотрудничества с хрошии. Поверьте мне, — никто.

— Хм-м-м... эти мне хрошии. Доктор, надеюсь, вы простите меня, если я скажу вам, что из ваших слов нам так и не удалось составить полное представление об этих созданиях. Вы сказали, они обладают такой интеллектуальной мощью, что даже лучшие умы столь высокоразвитой расы, как ваша... я имею в виду вас... полностью подавляются ими. Вы дали понять, что они сильны и в других областях... И даже вы, гордый, свободный народ, вынуждены повиноваться их желаниям. Сейчас они прибыли к нам в единственном корабле, который висит над планетой столь могущественной, что она была способна установить свою полную и всепоглощающую гегемонию в этом

секторе космоса... и все же вы говорите, что «достойно сожаления», если мы не удовлетворим их неисполнимое требование, — сказал Кику.

— Все так оно и есть, — осторожно сказал Фтаемл.

— Когда раргиллианин говорит, исполняя свои профессиональные обязанности, я не могу ему не верить. Это-то и вызывает у меня тревогу. Эти сверхсущества... почему мы никогда раньше не слышали о них?

— Космос глубок, экселленц.

— Да, да. Не сомневаюсь, — сказал Кику, — что есть тысячи великих рас, которых мы никогда не встречали и не встретим. Но неужели и для вас это тоже первый контакт с хрошии?

— Нет. Мы давно знаем о них... дольше, чем о вас.

— Что? — Гринберг кинул на Кику быстрый взгляд. Тот продолжил:

— Что за отношения между Раргиллом и хрошии? И почему Федерации о них ничего не известно?

— Должен ли я считать ваш последний вопрос упреком? Если да, то могу сказать, что я не отвечаю за действия своего правительства.

— Мы просто интересуемся, — заверил его Гринберг. — Федерация стремится постоянно расширять свои дипломатические связи. И я удивлен, узнав, что ваша раса, которая всегда декларировала дружбу с нами, зная о существовании могучей цивилизации, не поставила Федерацию об этом в известность.

— Не могу не отметить, экселленц, что я удивлен вашим удивлением. Космос глубок и неисчерпаем... а моя раса испокон веков была известна, как нация путешественников. Может быть, Федерация не догадалась правильно сформулировать вопрос? Что же касается остального, то мои соотечественники не имеют с могущественными хрошии ни дипломатических, ни каких-либо иных отношений. Они — существа, которые, как вы выражаетесь, заняты своими собственными делами, и мы очень рады... рады тому, что не имеем к ним отношения. Корабли хрошии не появлялись в нашем небе уже более пяти, ваших, столетий, но вот хрошии прилетели и потребовали от нас определенных услуг...

— Чем больше я узнаю, — сказал Гринберг, —

тем больше ничего не понимаю. Значит, они остановились на Раргилле, чтобы взять посредника, вместо того, чтобы направиться прямо сюда?

— Не совсем так. Появившись в нашем пространстве, они осведомились, слышали ли мы когда-нибудь о вас. Мы сказали, что да, мы знаем о вас... ибо когда хрошии спрашивают, им нельзя не ответить! Мы указали им, где находится ваше светило, и на мою долю выпала редкая удача представлять их. — Он пожал плечами. — Вот я и здесь.

— Минутку, — сказал Гринберг. — Значит, они наняли вас, двинулись к Земле, затем сообщили вам, что ищут пропавшую хрошиа. И должно быть, именно тогда вы и решили, что их миссия не увенчается успехом. Почему?

— Разве это не очевидно? Мы, раргиллиане, используя вашу любимую и довольно точную идиому, самые большие сплетники в космосе. Из вежливости вы можете называть нас «историками», но я предпочитаю более жизненное выражение. Сплетники. Мы всюду бываем, всех знаем, говорим на всех языках. Мне не нужно «поднимать документы», дабы удостовериться, что люди с Земли никогда не были в средоточии звездной системы хрошии. Окажись вы там, вы, конечно, не обошли бы их своим вниманием, результатом чего была бы война. Она могла бы превратиться в «переполох в курятнике»... кстати, интересное выражение, и я хотел бы побывать в курятнике, коль скоро я уж здесь. И эта война бы породила массу анекдотов и интересных историй, которые рассказывались бы всюду, где собирались бы два раргиллианина. Поэтому я понял, что они должны ошибаться; им не удастся найти то, что они ищут.

— Иными словами, — подвел итог Гринберг, — вы указали им не ту планету... и взвалили все проблемы на нас.

— Нет! Нет! — запротестовал доктор Фтаемл. — Идентифицировали мы вас совершенно точно. Дело было не столько в вашей планете, поскольку хрошии не знали, откуда вы пришли, сколько в вас самих. Существа, которых они хотели разыскать, были люди с Земли — до мельчайших деталей, вплоть до ногтей на руках и расположения внутренних органов.

— И тем не менее, вы знали, что они ошибаются.

Доктор, я не так искушен в семантике, как вы. Но я вижу здесь определенное противоречие... или парадокс.

— Разрешите, я вам объясню. Мы, для которых слова являются профессиональным оружием, лучше других знаем их никчемность. Парадокс может существовать только в словах, а не в фактах, которые отображаются этими словами. Как только хрошии точно описали людей с Земли и как только я понял, что люди не имеют представления о хрошии, я пришел к тому выводу, к которому я и должен был прийти — что в этой Галактике есть еще одна раса, похожая на вашу как две горошины из одного стручка. Или бобы? Вам больше нравятся бобы?

— Хватит и горошины, — сказал серьезно мистер Кику.

— Благодарю вас. У вас очень богатый язык; пока я нахожусь здесь, я постараюсь освежить свои знания. Поверите ли, человек, у которого я брал первые уроки, дал мне идиомы, совершенно неприемлемые в вашем изысканном обществе. Вот как, например...

— Да, да, — поспешно сказал мистер Кику. — Я вам верю. Некоторые из наших соотечественников обладают весьма странным чувством юмора. Значит, вы считаете, что в нашем звездном скоплении есть раса, похожая на нашу, как братья-близнецы? Оценивая возможность такого совпадения, я нахожу данный факт весьма м-м-м... забавным.

— Просторы космоса, мистер Заместитель Секретаря, с точки зрения юмора, достаточно неприглядны. Тем не менее, мы на Раргилле всегда считали создателя изрядным юмористом.

— Вы познакомили с этим выводом ваших клиентов?

— Да... и впоследствии в беседах с ними я, тщательно аргументировав, излагал его не раз. Но результат можно было предсказать.

— Что вы имеете в виду?

— У каждой расы есть свои таланты, свои слабости. Когда мощный интеллект хрошии приводит их к какому-то выводу, они не отказываются с легкостью от него. Вы называете таких людей «упрямыми».

— Тупоголовыми, доктор Фтаемл, тупоголовыми!

— Прошу вас, мой дорогой сэр! Я надеюсь, что вы сможете держать себя в рамках. Если мне будет позволено, я сообщу, что вы оказались не в состоянии найти их сокровище, хотя вы провели тщательные и всеохватывающие поиски. Я ваш друг... и не надо считать, что эти переговоры завершатся неудачей.

— Я еще в своей жизни не проигрывал переговоров, — кисло ответил мистер Кику. — Если вам не удастся переспорить какого-нибудь типа, порой вы можете пережить это. Но я не вижу, что еще мы можем им предложить. Правда, есть одна возможность, о которой мы говорили в прошлый раз... вы захватили с собой координаты их планеты? Или они отказались их дать?

— Они со мной. Говорю вам, что хрошии совершенно не боятся, что какая-то другая раса будет знать, где их найти... их это просто не волнует. — Доктор Фтаемл открыл маленький плоский чемоданчик, который был такой искусной имитацией земной работы, что казалось, будто он произведен здесь же. — Тем не менее, все выяснить будет не просто. Координаты сначала должны были быть переведены из их системы единиц в те, которые в ходу на Раргилле, который считает себя центром мироздания; для этой цели мне пришлось убеждать в целесообразности такой работы, а затем соотносить их космическое время с раргиллианским. А теперь я со стыдом должен признаться, что не знаком с вашей методикой оценки космических величин, что необходимо для перевода наших мер.

— Вам нечего стыдиться, — ответил мистер Кику, — я сам ничего не знаю о наших методах астронавигации. Для таких целей мы используем специалистов. Минутку. — Он нажал кнопку, вмонтированную в стол. — Мне Астро-бюро.

— Они все ушли домой, — ответил бесплотный женский голос, — кроме дежурного офицера по астронавигации.

— Он-то мне и нужен. Подать его сюда!

— Доктор Вернер, — быстро отозвался мужской голос, — дежурный офицер.

— Здесь Кику. Доктор, вы можете переводить космические координаты из одной системы в другую?

— Конечно, сэр.

— Имели ли вы дело с раггиллианской системой единиц?

— Раггиллианской? — дежурный офицер присвистнул. — Это не простая штука, сэр. Тут вам нужен доктор Сингх.

— Ну-ка быстренько доставьте его.

— Так он уже ушел домой, сэр. Он будет только утром.

— Я не спрашиваю, где он; я сказал, доставьте его сюда... и побыстрее. Пусть полиция обшарит город. Можете поднять армию, если необходимо. Он нужен мне немедленно.

— Э-э-э... да, сэр.

Мистер Кику повернулся к доктору Фтаемлу:

— Я надеюсь, что смогу доказать тот факт, что ни один корабль с Земли не посещал планету хрошии. К счастью, у нас есть астронавигационные данные по каждому межзвездному путешествию. И мое мнение таково: настало время, когда обе стороны должны встретиться для переговоров лицом к лицу. С вашей неоценимой помощью мы сможем доказать им, что нам нечего скрывать, что все достижения нашей цивилизации к их услугам и что мы были бы рады помочь им в поисках их младенца... но ее здесь нет. А затем, если у них есть, что предложить, мы могли бы... — Дверь в дальнем конце комнаты отворилась, и мистер Кику остановился, а затем сказал ровным тоном:

— Как поживаете, мистер Секретарь?

Высокочтимый мистер Рой Макклюр, Секретарь Межзвездного Департамента Федеративного Союза Цивилизаций, вошел в помещение. При виде мистера Кику его взор загорелся:

— Вот вы где, Генри! А я уж обыскался. Эта глупая девчонка не знает, куда вы делись, но я прикинул, что вы еще не покидали помещение. Вы должны...

Мистер Кику решительно взял его за локоть и громко сказал:

— Мистер Секретарь, разрешите мне представить доктора Фтаемла, посланника де-факто могущественных хрошии.

— Как поживаете, доктор? Или вы предпочитаете

титул «Ваше превосходительство»? — У Макклюра хватило ума не отводить глаз.

— «Доктор» звучит как нельзя лучше. Благодарю вас, я чувствую себя прекрасно. Могу ли осведомиться о вашем здоровье?

— О, неплохо, неплохо... если бы не навалилось все сразу. В связи с этим... позволите ли мне похитить у вас моего заместителя? Я приношу свои извинения, но возникла неотложная необходимость.

— Конечно, мистер Секретарь. Я полон искреннего желания сделать все для вашего удовольствия.

Мистер Макклюр с подозрением взглянул на медузоида, но пришел к выводу, что не в состоянии прочесть выражение на его лице... если оно вообще может иметь выражение, уточнил он про себя.

— Э-э-э... надеюсь, о вас позаботились, доктор?

— Да, благодарю вас.

— Отлично. Право, я очень извиняюсь, но... Генри, можно вас?

Мистер Кику поклонился раргиллианину и вышел из-за стола, с маской такой невозмутимости на лице, что Гринберг содрогнулся. Он подошел к Макклюру, и они стали переговариваться шепотом, который Гринберг смог уловить:

— Да, да! Но это исключительно важно, я уверяю вас, Генри, чего ради вы вздумали посадить этот корабль, не посоветовавшись предварительно со мной?

Ответ мистера Кику расслышать не удалось. Макклюр продолжил:

— Чепуха! Вы должны были просто выйти и встретит их. Вы не могли...

Мистер Кику резко отвернулся от собеседника:

— Доктор Фтаемл, намеревались ли вы вернуться к хрошии сегодня вечером?

— Спешить нет оснований. Я всецело в вашем распоряжении, сэр.

— Вы очень любезны. Могу ли оставить вас на попечении мистера Гринберга? Мы побеседуем попозже.

Раргиллианин поклонился:

— Почту за честь.

— Я предвкушаю удовольствие увидеть вас завтра.

Доктор Фтаемл еще раз поклонился:

— До завтра, мистер Секретарь. Ваш слуга, мистер Заместитель Секретаря.

И Секретарь и Заместитель Секретаря покинули зал. Гринберг не знал, что ему делать; то ли плакать, то ли смеяться. Ему было стыдно за все человечество. Медузоид молча наблюдал за ним.

Гринберг криво усмехнулся и сказал:

— Доктор, есть ли ругательства в раргиллианском языке?

— Сэр, я могу богохульствовать более, чем на тысяче языков... например, сравнение с тухлым яйцом имеет сотни разновидностей. Не желаете ли с моей помощью освежить некоторые из них?

Гринберг сел и от души рассмеялся:

— Доктор, вы мне нравитесь. Нет, вы мне в самом деле нравитесь... безотносительно к тому, что мы должны проявлять обоюдную вежливость.

Фтаемл сложил свои губы в гримасу, которая неплохо напоминала улыбку:

— Благодарю вас, сэр. Я испытываю к вам такие же чувства... и благодарю вас. Могу ли я откровенно сказать, что мое мнение по поводу всего происходящего таково, что ко всему надо относиться философски.

— Я понимаю. Извините. Большинство из моих соотечественников искренне убеждены, что предрассудки, которые они вынесли из своего городка, санкционированы самим господом богом. Я хотел бы, чтобы это было не так.

— Вам нечего стыдиться. Уверяю вас, сэр, такие же предрассудки свойственны всем расам и распространены повсеместно... включая и мою собственную расу. Если бы вы знали языки... Все они несут в себе портрет их владельца, а сквозь все идиомы прослеживается одна настойчивая мысль: «Он чужеземец и поэтому варвар».

Гринберг мрачно усмехнулся:

— Ничего приятного, не так ли?

— Неприятного? Почему, сэр? Это очень забавно. Это единственная шутка, которую господь бог не перестает повторять, потому что чувство юмора никогда не покидает его. — И медузоид добавил. — Каковы ваши намерения, сэр? Продолжим исследования данной темы? Или вы хотите просто поболтать, протянуть время до возвращения вашего... коллеги?

Гринберг понял, что раргиллианин со всей возмож-

ной вежливостью дал ему понять, что он, Гринберг, не может действовать без Кику. Спорить не имело смысла... и, кроме того, он был голоден. — Мне кажется, что сегодня мы уже поработали достаточно, доктор. Не окажете ли мне честь отобедать вместе со мной?

— Я буду в восторге! Но... вы знаете особенности нашей диеты.

— Конечно. Ведь я провел несколько недель с одним из ваших соотечественников. Мы можем отправиться в отель «Универсал».

— Да, конечно, — без особого энтузиазма согласился доктор.

— Но, может быть, есть нечто лучшее?

— Я слышал, что у вас есть рестораны с варьете.... это возможно? Или это?..

— Ночной клуб? — Гринберг задумался. — Да! «Космик»! Кухня такая же, как в «Универсале».

Они уже собрались уходить, как дверь приоткрылась и в нее заглянул невысокий смуглый человек:

— О, простите. Я думал, мистер Кику здесь.

Гринберг немедленно вспомнил, что шеф искал специалиста по релятивистской математике:

— Минутку. Вы, должно быть, доктор Сингх?

— Да.

— Мистеру Кику пришлось выйти. За него я.

Он познакомил математика с раргиллианином и объяснил, в чем суть проблемы. Доктор Сингх проглядел расчеты раргиллианина и кивнул:

— Потребуется время.

— Могу ли я помочь вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— В этом нет необходимости. Ваших записей вполне достаточно. — И получив это заверение, Гринберг и Фтаемл направились в город.

Варьете в «Космике» включало в себя жонглеров, которые восхитили Фтаемла, и девочек, которые понравились Гринбергу. Было уже довольно поздно, когда Гринберг оставил Фтаемла в одном из специальных номеров, резервированных Межзвездным Департаментом в «Универсале» для негуманоидов. Спускались вниз в лифте. Гринберг не мог сдержать зевоты, но решил, что с точки зрения хороших отношений, вечер отнюдь не был потерян. Несмотря на

усталость, он все же остановился около Департамента. В ходе вечера Фтаемл выболтал нечто, о чем шефу стоило бы знать... если Кику нет на месте, он хотя бы оставит ему на столе записку. Наслаждаясь мастерством жонглеров, раргиллианин все же высказал сожаление, что, увы, все должно скоро кончиться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гринберг.

— Когда могущественная Земля превратится в прах... — начал было медузоид, но осекся.

Гринберг пристал к Фтаемлу, как с ножом к горлу, но медузоид отговорился, что пошутил.

Гринберг не был уверен, что слова Фтаемла значили что-то существенное. Но раргиллианский юмор обычно отличался тонкостью. И Сергей решил как можно скорее сообщить боссу об этом разговоре.

Может быть, это странное судно нуждается в обработке парализующими частотами или в ударе вакуумной бомбой.

У дверей Сергея остановил ночной стражник:

— Мистер Гринберг, мистер Заместитель Секретаря искал вас полчаса тому назад.

Он поблагодарил стражника и поспешил наверх. Гринберг обнаружил своего шефа за столом; корзинка для входящих была, как обычно, набита до краев, но он не обращал на нее никакого внимания.

— Добрый вечер, Сергей, — взглянув на Гринберга, тихо сказал Кику. — Посмотри эти бумаги.

В бумагах был результат обсчета доктором Сингхом заметок доктора Фтаемла. Гринберг быстро просмотрел геоцентрические координаты и подвел итог:

— Больше девятисот световых лет! — сказал он. — И в том направлении. Не удивительно, что мы не принимали их в расчет.

— Не в этом дело, — сказал Кику. — Не в цифрах. Эти выкладки подтверждают утверждения хрошии о том, когда и где их планету посещал один из наших кораблей.

Гринберг еще раз просмотрел расчеты и почувствовал, как у него зашевелилась кожа на лбу. Повернувшись к компьютеру, он хотел набрать код вопроса, но Кику остановил его:

— Не трудись. Твое предположение совершенно верно. «Летающее лезвие». Второй полет.

— «Летающее лезвие» — тупо повторил Гринберг.

— Да. Мы никогда в точности не знали, где они были, и поэтому не могли ничего и предполагать. Но мы совершенно точно знаем, когда был совершен этот полет. Все сходится. И это куда проще, чем гипотеза доктора Фтаемла о двух расах-близнецах.

— Конечно. — Сергей посмотрел на босса. — Значит, это — Луммокс?

— Да, это Луммокс.

— Но этого не может быть. У Луммокса нет рук. Он глуп. Глуп, как кролик.

— Да, этого не может быть. Но это есть.

VII. «МАМА ЗНАЕТ ЛУЧШЕ»

В резервуаре Луммокса уже не было. Он устал и отправился домой. Для этого надо было сделать пролом в стенке, чтобы без хлопот выбраться наружу, и Луммокс постарался проломить стену как можно аккуратнее, с минимальным ущербом для резервуара. О таких пустяках он даже не собирался спорить с Джоном Томасом — о чем тут говорить?

Кое-кто из людей всполошился, когда Луммокс выбрался наружу, но он не обратил на них внимания. Главным для него было ни на кого не наступить, и двигался он с горделивым достоинством. Даже когда пожарники стали поливать Луммокса из брандспойтов, он уже не стал реагировать так, как в тот день, когда вышел на прогулку; он просто прижмурил глаза, закрыл ноздри, опустил голову и затрусил домой.

Джон Томас встретил Луммокса на полпути, ибо его взбудоражили чьи-то истерические крики о помощи. Луммокс остановился, и после взаимных приветствий Джон Томас вскарабкался ему на спину и они отправились домой.

Шериф Дрейзер был непоколебим:

— Разворачивай животное, — рявкнул он, — гони его обратно!

— Сами попробуйте, — мрачно сказал Джон Томас.

— Я с тебя шкуру спущу! Я... я...

— А что я сделал?

— Ты... лучше бы ты ничего не делал. Эта зверюга вырвалась и...

— Я там даже не был, — сказал Джон Томас.

Луммокс продолжал двигаться неторопливой рысью.

— Да, но... все равно! Он на свободе. Твоя обязанность — оказать содействие закону и водворить его обратно. Джон Стюарт, тебя ждут крупные неприятности!

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Вы его у меня забрали. Вынесли ему приговор и сказали, что он мне больше не принадлежит. Вы пытались убить его, не дожидаясь, пока правительство утвердит приговор. Если он принадлежит мне, я должен подать на вас в суд. Если он мне не принадлежит, то меня ни капельки не волнует, как Луммокс выбрался из той идиотской банки. — Джон Томас наклонился и посмотрел вниз. — Почему бы вам не залезть в свою машину, шериф, вместо того, чтобы с вашей одышкой бегать вокруг нас?

Вряд ли шерифу Дрейзеру пришелся по душе этот совет, но он влез в машину и приказал шоферу гнать вперед. Едва придя в себя, он высунулся из окна:

— Джон Стюарт, — прорычал он, — я не бросаю слов на ветер. И не твое дело, что я делаю или что я собираюсь делать. Горожане возложили на меня обязанность поддерживать мир и покой в общине. Я обращаюсь к тебе официально — и учти, магнитофон в машине включен — ты должен мне помочь вернуть это животное в резервуар.

— И после этого я могу идти домой? — с невинным видом спросил Джон Томас.

— А? Конечно.

— Спасибо, шериф. А как вы представляете себе — долго ли будет Луммокс торчать в резервуаре после того, как я водворю его туда и пойду домой? Или вы планируете дать мне постоянную должность в вашей полиции?

Шериф Дрейзер задумался. Луммокс тем временем продолжал двигаться к дому.

Тем не менее, Дрейзер решил, что столкнулся лишь с временным затруднением; настойчивость, которая сделала его хорошим полицейским офицером, была его врожденной чертой. Он должен был признать, что в округе станет куда спокойнее, если зверь будет

находиться под присмотром дома, пока он не найдет безошибочный способ покончить с ним. Распоряжение Заместителя Секретаря Межзвездного Департамента, разрешающее ему уничтожение Луммокса было у него на руках, и он чувствовал себя достаточно уверенно... хотя старый судья О'Фаррел лишь саркастически ухмылялся, когда он хватался за пистолет.

Отмена же этого приказа и последующее распоряжение, откладывающее уничтожение Луммокса, не попали к нему. Новый клерк из бюро связи Департамента, сделал маленькую ошибочку, всего лишь переставив один символ. Отмена приговора пошла на Плутон... и все последующие бумаги под тем же шифром последовали за ней.

Дрейзер сидел в своей конторе, крутя в руках смертный приговор Луммоксу и размышлял, как лучше привести его в исполнение. Электроток? Может быть... но он не знал, какое напряжение потребуется в данном случае. Перерезать Луммоксу горло? Шериф никак не мог представить, какой придется подбирать нож и что будет делать в это время зверь.

Ни взрывчатка, ни огнестрельное оружие тут не подойдут. Хотя подождите! Если заставить чудовище как можно шире открыть пасть, тогда можно зашвырнуть ему в глотку заряд, который выпотрошит его дочиста. Так точно, сэр — оно сразу же подохнет! Броню носят многие животные — черепахи, крокодилы, например — но у всех она снаружи, а не внутри. И эта зверюга не исключение; шериф несколько раз заглядывал ему в пасть, когда пытался скормить яд. Броневые плиты у Луммокса только снаружи; а внутри все розовое, влажное и мягкое, как и у всех.

Значит, так: он скажет, чтобы мальчишка Стюарт приказал зверюге открыть пасть, и... нет, тоже не пойдет. Мальчишка увидит, что я собираюсь делать, и тогда... еще одна вдова полицейского будет получать пенсию. Мальчишка совершенно от рук отбился... просто удивительно, как мальчик из хорошей семьи катится по наклонной плоскости прямиком в тюрьму.

Нет, мальчишку надо под каким-нибудь предлогом отправить вниз в город и в его отсутствие все сделать.

Они могут предложить животному какую-нибудь вкусн
нятину и сказать: «Ах, какая прелесть!», а оно откроет
пасть...

Он посмотрел на часы. Сегодня? Нет, ему еще надо выбрать оружие и кое с кем переговорить, чтобы все шло, как часы. Завтра рано утром... лучше всего убрать мальчишку сразу же после завтрака.

Луммокс был счастлив очутиться дома, всем своим видом показывая — кто старое помянет, тому глаз вон. Он ни словом не обмолвился о шерифе Дрейзере и, если даже знал, что кто-то к нему настроен неблагожелательно, то делал вид, что все в порядке. Его прекрасное настроение выражалось в том, что он то и дело старался водрузить свою голову Джонни на колени, чтобы тот поласкал его. Прошло много времени с тех пор, как он был достаточно мал для таких игр; теперь он просто клал переднюю часть морды Джонни на колени, держа тяжесть тела на весу, пока Джонни чесал ему нос осколком кирпича.

Джонни был счастлив, но не совсем. С возвращением Луммокса он чувствовал себя значительно лучше, но знал, что ничего еще не решено; шериф Дрейзер обязательно предпримет попытку убить Луммокса. И Джонни постоянно, до головной боли, думал, что предпринять.

А тут еще и мать подлила масла в огонь, издав громкий вопль, когда увидела, что «это животное!» возвращается в дом Стюартов. Джон Стюарт пропустил мимо ушей ее крики, угрозы и приказания, а стал кормить и поить своего друга. Несколько позже шторм продолжался уже в доме, когда мать заявила что позвонит шерифу Дрейзеру. Джонни ждал шторма, но был совершенно уверен, что ничего не произойдет... Так оно и случилось, мать осталась дома Джонни погрузился в размышления; опыт долгих лет жизни бок о бок с матерью научил его обходиться с ней, уступая и повинуясь. Вступать с ней в конфликт было для него гораздо мучительнее, чем для нее. Каждый раз, когда его отец улетал или возвращался, он говорил Джонни: «Заботься о своей матери, сынок. Не причиняй ей горя...»

Ну что ж, он п ы т а л с я... он в самом деле сделал

все, что мог. Но совершенно ясно, отец никогда не мог себе представить, что мать постарается избавиться от Луммокса. А уж она-то должна была знать: она выходила замуж за отца, прекрасно понимая, что Луммокс — неотъемлемая часть их жизни. Так что же она?..

Вот Бетти никогда бы так не поступила.

Или и она тоже?..

Женщины вообще очень странные существа. Может быть, он и Луммокс должны собрать свои пожитки и попробовать пожить самостоятельно. Он размышлял обо всем этом до самого вечера, пока возился с Луммоксом и играл с ним. Припухлости Лумми по-прежнему беспокоили его. Одна из них, похоже, была готова лопнуть. Может, эту припухлость надо вскрыть? Но никто не знал о предмете его беспокойства больше самого Джонни, а он сам ничего не знал.

Не хватало, чтобы ко всему Лумми еще заболел!

Обедать Джонни не пошел. И в конце концов мать пришла во двор с подносом.

— Я думаю, ты можешь позавтракать здесь вместе с Луммоксом, — мягко сказала она.

Джонни подозрительно посмотрел на нее:

— Спасибо, мама. В самом деле, и... словом, спасибо.

— Как Лумми?

— О, с ним все в порядке.

— Это хорошо.

Она ушла, и Джонни посмотрел ей вслед. Плохо, когда мать сердится, но его еще больше обеспокоило ее мягкое, ласковое обращение и этот хитрый кошачий взгляд. Тем не менее, обед был отличным, и Джонни съел его подчистую — после завтрака у него крошки во рту не было. Мать вернулась через полчаса:

— Ты поел, дорогой?

— Да... все было отлично, спасибо, мама.

— И тебе спасибо, дорогой. Не можешь ли ты отнести поднос? И будь, пожалуйста, дома; к восьми часам должен прийти мистер Перкинс, который хочет поговорить с тобой.

— Мистер Перкинс? Кто это? — Но мать уже скрылась за дверью.

Джонни нашел ее в холле, где, расположившись в

кресле, она штопала его носки. Улыбнувшись, она сказала:

— Ну? Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Скажи, мама, что это за мистер Перкинс? Почему он хочет встретиться именно со мной?

— Он позвонил и попросил о встрече. Я сказала ему, что он может подойти к восьми.

— Он сказал, что ему надо?

— М-м-м... он что-то там говорил, но я считаю, что мистер Перкинс должен объясниться непосредственно с тобой.

— Насчет Луммокса?

— Перестань меня допрашивать. Скоро ты сам все узнаешь.

— Но, видишь ли, я...

— Давай больше не будем говорить об этом. Сними ботинки, дорогой. Я хочу примерить тебе носки.

Сбитый с толку, он стал снимать обувь, но внезапно остановился:

— Мама, не надо мне штопать носки.

— В чем дело, дорогой? Но маме нравится что-то делать для тебя.

— Да, но... Видишь ли, я не люблю штопаных носков. Они мне натирают ногу, и я уже много раз показывал тебе.

— Не говори глупости! Как могут мягкие шерстяные носки натирать тебе ногу? Знал бы ты, сколько приходится платить за носки из натуральной шерсти и ручной вязки! Любой сын был бы только благодарен!

— Но я же тебе сказал, что они мне не нравятся!

— Иногда, сынок, я прямо не знаю, что с тобой делать, честное слово. — Мать вздохнула и отложила в сторону вязание. — Иди вымой руки... и лицо тоже. Причеши волосы. Мистер Перкинс будет с минуту на минуту.

— Скажи, этот мистер Перкинс...

— Поторопись, дорогой. Матери и так трудно...

Мистер Перкинс оказался сама любезность; несмотря на все подозрения, Джону Томасу он понравился. После обмена вежливыми общими словами за ритуальным столиком с кофе он перешел к делу.

Перкинс представлял лабораторию Экзотических

Форм Жизни Музея Натуральной Истории. И услышав об истории Луммокса, увидев его изображения и узнав о процессе... Музей решил купить Луммокса.

— К моему удивлению, — добавил он, — просматривая архивы музея, я выяснил, что мы уже пытались купить это существо... у вашего дедушки, насколько я понимаю. Все данные совпадают. Известно ли вам...

— Это был мой пра-пра-прадедушка, — прервал его Джонни. — И скорее всего, это был мой дедушка, у которого пытались купить Луммокса. Но он не продавался тогда — не продается и сейчас!

Миссис Стюарт подняла глаза от вязания и сказала:

— Будь поумнее, мой дорогой. У тебя сейчас не то положение.

Джон Томас упрямо молчал. Мистер Перкинс продолжал с мягкой улыбкой:

— Я уважаю ваши чувства, мистер Стюарт. Но прежде, чем я поехал сюда, наш юридический отдел исследовал суть дела, и я знаком с вашими насущными проблемами. Поверьте, я прибыл не для того, чтобы усложнять их; у нас есть предложение, в результате которого ваш питомец окажется под защитой, а ваше беспокойство будет устранено.

— Я не буду продавать Луммокса, — настойчиво сказал Джон Томас.

— Почему? А если это будет единственный выход из положения?

— Ну... потому что я не могу. Если бы даже хотел. Он достался мне не для продажи, еще до того, как я появился на свет... еще до моей матери. Вот в чем дело. — Джонни строго посмотрел на мать. — Мама, я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Хватит об этом, — тихо сказала она. — Мама знает, что лучше для тебя.

Джон Томас помрачнел, и мистер Перкинс ловко сменил тему разговора:

— Во всяком случае, раз уж я проделал такой путь, не мог бы я познакомиться с вашим питомцем? Мне очень интересно...

— Почему же нельзя, — Джон Томас медленно поднялся на ноги и пошел к выходу.

Увидев Луммокса, мистер Перкинс сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух:

— Восхитительно! — Он обошел вокруг Луммокса, изумляясь на каждом шагу. — Просто потрясающе! Уникально! Это самое большое внеземное существо, которое я когда-либо видел! Ума не приложу, как его доставили на Землю!

— Ну, с тех пор он немного подрос, — признал Джон Томас.

— Понимаю. Я слышал, он немного подражает человеческой речи. Не могли бы вы попросить его произнести несколько звуков?

— Чего? Он не подражает... он говорит.

— В самом деле?

— Конечно. Эй, Лумми, мальчик мой, как ты поживаешь?

— Отлично, — пискнул Луммокс. — А что ему надо?

— Да ничего особенного. Он просто хочет посмотреть на тебя.

— Он говорит! — Мистер Перкинс в изумлении вылупил глаза. — Мистер Стюарт, лаборатория просто обязана получить этот образец!

— Я уже сказавл вам — с этим покончено.

— Я с самого начала был готов выложить приличную сумму, а теперь, когда я увидел... и услышал его.

Джон Томас почувствовал, что сейчас взорвется, но сдержался и сказал:

— Мистер Перкинс, вы женаты?

— Да. А что?

— И дети есть?

— Девочка. Ей всего пять лет. — Лицо Перкинса смягчилось.

— Я предлагаю вам сделку. Давайте обменяемся. И без всяких вопросов. И пусть каждый делает со своим «образцом» все, что захочет.

Перкинс залился румянцем, а затем улыбнулся.

— Туше! Я сражен наповал. Но, — продолжал он, — давайте не будем торопиться. Вы не представляете, какое искушение представляет это существо для человека науки. В самом деле. — Он с тоской посмотрел на Луммокса и спросил: — Не вернуться ли нам?

Когда они вошли, миссис Стюарт взглянула на них. Мистер Перкинс отрицательно качнул головой. Они

расположились в креслах, и мистер Перкинс сложил кончики пальцев:

— Миссис Стюарт, вы предупреждали меня, что разговор будет нелегким, но если я скажу директору Лаборатории, что мы даже не смогли договориться, я буду выглядеть просто глупо. Могу ли я рассказать вам конкретнее о предложениях музея... просто ради информации?

— Ну что ж... — Джон Томас нахмурился. — Я думаю, беды в этом не будет.

— Спасибо. Я должен сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать расходы на дорогу. Разрешите мне проанализировать ситуацию. Это создание... ваш друг Луммокс... или лучше «наш друг Луммокс», ибо я влюбился в него, как только увидел... наш друг Луммокс под угрозой смертного приговора, не так ли? Таково было решение суда.

— Да, — вынужден был признать Джон Томас. — Но приговор еще не утвержден Межзвездным Департаментом.

— Я знаю. Но полиция уже готовится привести его в исполнение, не дожидаясь формального утверждения. Так?

Взглянув на мать, Джон Томас удержал ругательства, готовые сорваться с языка:

— Тупые идиоты! Но как бы там ни было, им не удастся убить Луммокса, они слишком глупы.

— Я согласен с вашей оценкой... в частном порядке. Этот буйвол, шеф полиции... Но ведь они все же могут уничтожить совершенно уникальное создание! Непостижимо!

Откашлявшись, миссис Стюарт сказала:

— Шериф Дрейзер — прекрасный джентльмен.

Мистер Перкинс повернулся к ней:

— Миссис Стюарт, я не собирался порочить вашего приятеля. Но я должен сказать прямо: у шерифа нет прав самолично решать эту проблему. Такое отношение нетерпимо со стороны любого гражданина, тем более — представителя закона.

— Он должен думать о безопасности общества, — настойчиво сказала миссис Стюарт.

— Совершенно верно. Возможно, у него есть какие-то смягчающие обстоятельства. Я беру обратно свои

слова. В данном случае я не настаиваю на своей точке зрения.

— Я рада слышать, что вы не собираетесь продолжать эту тему. Но можем ли мы вернуться к предмету разговора?

Джон Томас почувствовал, что в нем начинает просыпаться теплое чувство к ученому — мать обошлась с Перкинсом точно так, как не раз поступала с ним. И кроме того, Перкинсу нравился Луммокс.

— В любую минуту, завтра или даже еще сегодня, Межзвездный Департамент санкционирует уничтожение Луммокса и...

— А вдруг они откажутся...

— Можете ли вы класть на чашу весов жизнь Луммокса, а на другую — столь слабую надежду? Шеф полиции снова возьмется за дело — и на этот раз он обязательно доберется до Луммокса.

— Нет! Он не знает, как это сделать! И мы посмеемся над ним!

Мистер Перкинс печально покачал головой:

— Это голос не разума, а сердца. Шериф не будет терять времени даром. Он только выглядит глупым; второй раз он не попадется впросак. Если он сам не догадается, то обратится к экспертам, специалистам. Мистер Стюарт, любой биолог, лишь посмотрев на Луммокса, сможет прикинуть два или три верных способа, как покончить с ним быстро и эффектно. Даже я, лишь увидев его, подумал об одном.

Джон Томас с тревогой посмотрел на ученого:

— Но ведь вы не станете подсказывать шерифу Дрейзеру?

— Конечно, нет! Я скорее себе язык откушу. Но есть тысячи других, которые с удовольствием придут ему на помощь. Или он может нащупать путь сам. И будьте уверены: если вы будете ждать утверждения или отмены смертного приговора, будет слишком поздно.

Джон Томас не нашелся, что ответить. Миссис Стюарт тихо добавила:

— Ты не можешь в одиночку выступать против всех. И ты должен понять: твое упрямство приведет к гибели Луммокса.

Джон Томас вцепился зубами в костяшки сжатого кулака.

— Что же я могу сделать? — еле слышно сказал он.

— Многое, если вы позволите мне помочь вам. Прежде всего, давайте внесем ясность. Если вы доверите нам своего питомца, никто не сможет причинить ему вред. Вы, наверное, слышали разговоры о вивисекциях и всем таком прочем... так вот — забудьте их Наша цель — создать для животного среду, как нельзя больше похожую на ту, в которой он жил на своей родной планете, и изучать его. Мы хотим, чтобы животные были здоровы и счастливы, и прилагаем немало усилий, чтобы достичь этого. И когда в конце концов Луммокс умрет естественной смертью, его скелет и шкура займут свое место на нашей постоянной выставке.

— А вы бы хотели, чтобы вас выпотрошили и выставили? — резко спросил Джон Томас.

— Что? — Перкинс сначала удивился, а потом рассмеялся. — Меня лично это не волнует; я уже завещал свой скелет медицинскому колледжу моей альма матер. Да и Луммокса это не будет волновать. Суть дела в том, чтобы вырвать его из лап полиции... и чтобы он мог в спокойствии дожить до своих преклонных лет.

— Подождите. Ведь если вы его купите, он никуда не денется отсюда. Так и так они доберутся до него и убьют. Разве не так?

— И да, и нет. Скорее, нет. Продажа его Музею не означает отмену приговора, но, верьте мне, он никогда не будет приведен в исполнение. Я консультировался с нашим юридическим отделом. Во-первых, вы дадите мне расписку в получении денег, и это сразу же обеспечит Музею легальное положение. Должен сказать, что сегодня вечером я уже беседовал с вашим судьей и получил временное распоряжение, откладывающее приведение приговора в исполнение на несколько дней. Это решение он принял сам, дабы наконец выяснилась ситуация с окончательным владельцем. Теперь, если в этом возникнет необходимость, мы можем прямиком отправиться к Секретарю Межзвездного Департамента... и я обещаю вам, что как только права Музея будут обеспечены, Луммокс будет в полной безопасности.

— Вы уверены в этом?

— Достаточно, чтобы рисковать деньгами Музея. Если я ошибаюсь, меня просто выгонят с работы. — Перкинс улыбнулся. — Но я не ошибаюсь. Как только я получил временное распоряжение, я позвонил в Музей, чтобы сделать его постоянным. Следующим моим шагом будет устранение всех опасностей. Средств для этого хватит... и они произведут соответствующий эффект. Как только это будет сделано, против нас останется один шериф полиции... и если в вас он еще видит препятствие, с которым может справиться, он никогда не сможет противостоять той силе, которую в случае необходимости, выдвинет против него наш Музей. И все будет в порядке, все будут счастливы! — Перкинс снова улыбнулся. — Все продумано!

Джон Томас прошелся по комнате, сел и уставился в потолок:

— Видите ли, мистер Перкинс, я понимаю, что должен что-то делать для спасения Луммокса. Но сегодня я не вижу никакого пути... и, наверное, у меня не хватает смелости посмотреть фактам в лицо.

— Значит, вы согласны?

— Прошу вас, не торопитесь! Во всем этом нет ничего хорошего. Лумми будет тосковать в одиночестве. Он никогда не привыкнет к нему. Ему лучше умереть, чем быть пожизненно заключенным. Не знаю... но ему, наверно, в самом деле лучше умереть, чем мучиться от одиночества, в окружении чужих существ, которые будут тыкать и тормошить его и приставать с разными тестами. Но я не могу спросить его, чего он хочет, потому что он просто не понимает, что такое смерть. Но он знает, что такое чужаки.

Мистер Перкинс закусил губу и подумал, что с этим молодым человеком очень трудно сговориться:

— Мистер Стюарт! А устроит ли вас, если вы отправитесь к нам вместе с Луммоксом?

— Что? Как?

— Думаю, что могу обещать вам должность при животных... Во всяком случае в моем отделе есть вакансия; я могу оформить вас на работу тотчас же, а бюрократическими формальностями займемся позже. Кроме того, неплохо, если экзотическими животными будет заниматься человек знающий.

Но прежде, чем Джонни ответил, подала голос его мать:

— Нет!

— Простите, что вы сказали, миссис Стюарт?

— Это не тема для разговоров, мистер Перкинс. Я надеялась, что вы найдете приличный способ помочь нам выпутаться из этой дурацкой ситуации. Но с вашим последним предложением согласиться не могу. Мой сын должен поступить в колледж. Я не позволю, чтобы он тратил свою жизнь, убирая в клетках за животными... как мусорщик! Ни за что!

— Мама, но ведь если...

— Джон Томас! Прошу тебя! Все разговоры кончены!

Мистер Перкинс перевел взгляд с опечаленного лица мальчика на суровое выражение его матери.

— Хочу уточнить, — сказал он, — что для Музея это не представляет трудности. Разрешите я вам все объясню, миссис Стюарт. Я буду держать это место... ну, скажем, месяцев шесть... о, прошу вас, миссис Стюарт! Примет ли ваш сын мое предложение или нет — это ваши проблемы... и я уверен, что вы не нуждаетесь в моих советах. Я только хотел бы уверить вашего сына, что Музей отнюдь не собирается разлучать его с питомцем. Разве в этом есть что-то плохое?

Спицы миссис Стюарт пощелкивали как отлаженный механизм.

— Думаю, что нет, — признала она.

— Мистер Стюарт?

— Подождите. Мама, ты же не думаешь, что я...

— Прошу вас, мистер Стюарт. Музей Естественной Истории не интересуют ваши семейные отношения. Вы знаете наше предложение. Принимаете ли вы его?

— Мне кажется, вы не упоминали о финансовой стороне вопроса, мистер Перкинс, — вмешалась миссис Стюарт.

— О, в самом деле! Ну, скажем, двадцать тысяч...

— Чистыми?

— Чистыми? Вряд ли... сумма включает в себя и накладные расходы.

— Чистыми, мистер Перкинс, — твердо сказала она.

Перкинс пожал плечами:

— Хорошо.
— Договорились.
— Отлично.
— Эй, постойте! — запротестовал Джон Томас. — Ни о чем еще мы не договорились. Нам надо еще кое-что уладить. Я не позволю, чтобы Луммокса...
— Тихо! Дорогой мой, я терпела, сколько могла, но всему есть предел. И глупостям тоже. Мистер Перкинс, он согласен. Бумаги у вас с собой?
— Мы еще не договорились!
— Минуту! — Мистер Перкинс поднялся. — Мадам, правильно ли я понял вас, что должен получить подпись вашего сына на платежных документах?
— Вы ее получите.
— Хм-м-м... Ну, мистер Стюарт?
— Я ничего не буду подписывать, пока мы не договоримся, что я буду вместе с Луммоксом.
— Миссис Стюарт?
— Это смешно.
— Я тоже так думаю. Но тут уж я бессилен. — Мистер Перкинс встал. — Спокойной ночи, мистер Стюарт. Благодарю вас за то, что дали возможность изложить мое предложение, и за то, что я увидел Луммокса. Нет, нет, не провожайте меня; дверь я найду.

Перкинс двинулся к выходу. Мать и сын не смотрели друг на друга. У дверей он остановился:
— Мистер Стюарт?
— Да, мистер Перкинс.
— Не можете ли вы сделать мне одолжение? Сделайте как можно больше снимков Луммокса. Если можете, в цвете, стерео, в движении, со звуками. Я мог бы вызвать сюда профессионалов... но, думаю, у нас уже нет времени. Вы понимаете, о чем я говорю Мы не оберемся стыда, если для науки не останется никаких следов от него. Поэтому сделайте все, что в ваших силах. — И он снова двинулся к выходу.

Джон Томас сглотнул комок в горле и выскочил из кресла.
— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

Через несколько минут он уже подписывал бумаги. Буквы подрагивали, но подпись была четкой и разборчивой.
— А теперь, миссис Стюарт, — мягко сказал

Перкинс, — будьте любезны подписаться внизу, там, где слово «опекун»... благодарю вас! Ах, да! Всей суммы у меня нет с собой: я приехал уже после закрытия банка. Поэтому сейчас вы получите то, что у меня в наличии, а остальное — до того, как мы перевезем Луммокса.

— Нет, — сказал Джон Томас. — Я забыл вам сказать. Музей может возмещать свои расходы, как хочет, но я не возьму никаких денег. Я буду чувствовать себя Иудой.

— Джон Томас! — резко сказала мать. — Я запрещаю тебе...

— Ты лучше помолчи, мама, — вспыхнул он. — Ты же знаешь, что бы обо всем этом сказал отец.

Мистер Перкинс громко откашлялся:

— Мне надо еще привести в порядок кое-какие дела. Времени у меня маловато: судья О'Фаррел сказал, что ложится в десять часов. Миссис Стюарт, Музей считает себя связанным моим предложением. Мистер Стюарт, я оставляю вас улаживать отношения с матушкой, как вы найдете удобным. Спокойной вам ночи! — Он положил документы в карман и быстро вышел.

Через час они все так же сидели в гостиной, и на лицах их были усталость и раздражение. Мать заставила Джонни согласиться на предложение, что деньги будут лежать нетронутыми, пока он не даст на то своего согласия. «Я должен был пойти на это, подумал он, взамен разрешения на работу с Луммоксом».

Мать покачала головой:

— Мы забыли еще об одном вопросе. Кроме всего прочего, ты должен поступить в колледж. И ты не можешь взять с собой это животное. Так что у тебя нет оснований предполагать, что ты вечно будешь с ним.

— Да? Но я помню, что ты обещала заботиться о нем... ты обещала отцу.

— Оставь отца в покое! Теперь-то я могу тебе сказать, что давным-давно решила, что в тот день, когда ты кончишь школу, зверюга отправится в зоосад. Эта история опередила мое решение всего на несколько дней.

Он смотрел на нее, не в состоянии что-либо сказать.

— Джонни... Мой дорогой Джонни...

— Да?

— Посмотри на меня, дорогой. Мы наговорили друг другу немало горьких слов, и я жалею, что они были сказаны... я уверена, что ты не хотел их говорить. Но ты понимаешь, что мама думает только о том, чтобы тебе было хорошо? Не так ли?

— Ну... я надеюсь.

— Мама только об этом и думает... чтобы ее большому мальчику было хорошо. Ты еще молод, а когда человек молод, некоторые вещи кажутся ему куда более важными, чем они есть на самом деле. Но когда ты вырастешь, ты поймешь, что мама все знала лучше. Разве ты этого не понимаешь?

— Мама... вот насчет той работы. Если бы я только мог...

— Прошу тебя, дорогой. У мамочки ужасно болит голова. Мы больше не будем говорить на эту тему. Иди выспись, а завтра все станет на свои места. — Миссис Стюарт потрепала Джонни по щеке, наклонилась и поцеловала. — Спокойной ночи, дорогой.

— Ага...

После того, как она ушла, Джонни еще долго сидел в холле, пытаясь понять, что происходит. Он знал, что должен чувствовать себя победителем... ведь кто, как не он, спас Лумми?

Но спокойствия не было; он чувствовал себя, как зверь, который спасаясь от капкана, отгрыз себе лапу... боль и ужас, а не спасение и облегчение.

Наконец он встал и пошел посмотреть на Луммокса.

VIII. БЛАГОРАЗУМНЫЕ ПОСТУПКИ

С Луммоксом Джон Томас пробыл недолго, потому что правду он ему сказать не мог, а больше говорить им было не о чем. Луммокс чувствовал, что Джон Томас чем-то расстроен, и все время задавал ему вопросы; наконец Джон Томас обнял его, шлепнул по боку и сказал:

— Да все в порядке! Замолчи и спи! И дай мне слово, что ты никуда не уйдешь со двора, а то я тебе ноги переломаю.

— Честное слово, Джонни. Наружи мне не нравится. Люди такие странные.

— Вот запомни это и больше не повторяй того, что ты делал.

— Не буду, Джонни. Лопни мое сердце.

Расставшись с Луммоксом, Джон Томас залез в постель. Но ему не спалось. Полежав, он кое-как оделся и полез на чердак. Дом был очень старый и у него был самый настоящий чердак, куда надо было взбираться по лестнице и затем лезть через люк в потолке. Мансарда принадлежала только Джону Томасу. Хотя уборка своей комнаты входила в его обязанности (впрочем, он делал это с охотой), мать иногда «прибирала» в ней. И тогда могло произойти все, что угодно. Кое-какие бумаги могли исчезнуть, затеряться, или мать, уверенная, что между родителями и детьми не должно быть никаких секретов, могла прочесть их.

Поэтому все, что Джонни считал нужным хранить в тайне, он держал на чердаке; мать никогда не поднималась сюда — на лестничке у нее кружилась голова. Чердак представлял собой маленькую, душную и захламленную комнату, нечто вроде семейного склада. На самом же деле чердачная комната предназначалась для самых разных целей: несколько лет назад он выращивал на чердаке змей; здесь же хранилось несколько книг, которые каждый мальчишка читает, но не считает нужным ставить о них в известность своих родителей. На чердаке у Джонни был даже телефон, который он сам сделал с помощью инструментов, хранившихся в спальне. Телефон был результатом его занятий курсом физики и прекрасно работал, хотя Джон Томас позаботился, чтобы мать не догадалась о его существовании, после чего к ним обязательно явился бы техник с телефонной станции.

В этот вечер он не стал ни с кем говорить, тем более, что было слишком поздно звонить в общежитие, где жила Бетти. Ему хотелось побыть одному... и снова перелистать кое-какие бумаги, в которые он уже давно не заглядывал. Нырнув под свой рабочий стол, он нажал потайную защелку, и в стене открылась панель. На полке лежали кое-какие книги и бумаги. Он вынул их.

Вот блокнот из тонкой бумаги — дневник его

прадедушки, который он вел во время второго исследовательского полета «Летающего лезвия». Бумагам было более ста лет, и чувствовалось, что они прошли через много рук. Джон Томас перечитывал дневник десятки раз и подозревал, что его отец и дедушка делали то же самое. Страницы были хрупкими и многие почти рассыпались в руках.

Осторожно перелистывая страницы, Джонни скорее проглядывал их, чем вчитывался. Его глаза остановились на запомнившихся строчках:

«...Кое-кто из ребят в панике, особенно женатые. Но они должны были думать обо всем раньше, прежде, чем поставили свою подпись. Теперь известны границы, к которым мы стремимся; мы сделаем рывок и вынырнем где-то далеко от дома. Кто знает, что нас ждет. Мы уходим в дальнее плавание».

Джон Томас перевернул еще несколько страниц. Историю «Летающего Лезвия» он знал почти наизусть, и теперь она не вызывала в нем ни благоговения, ни трепета. Один из первых межзвездных кораблей — и его команда уходила в неизвестность с теми же чувствами, с которыми пускались в плавание по загадочным морям моряки золотого пятнадцатого века, под ногами которых была шаткая дощатая палуба их суденышек. «Летающее Лезвие» и его братья двинулись в тот же путь, одолели эйнштейновский барьер, надеясь, что не упустят своих шансов на возвращение. Джон Томас Стюарт VIII был на борту «Летающего Лезвия» во время второго путешествия, вернулся домой, женился, произвел на свет сына и стал устраиваться... именно он пристроил чердак на крыше дома.

А затем в одну ночь он услышал клич диких гусей, вечных бродяг, и снова подписал контракт. И уже не вернулся.

Джон Томас нашел первое упоминание о Луммоксе.

«Эта планета как нельзя лучше напоминает добрую старую Землю, и мы поистине отдыхаем после последних трех, хаос которых бросился нам в глаза еще до посадки. Но эволюция, которая приучила нас к парности, пошла здесь по другому пути... похоже, что все сущее вокруг имеет по восемь ног. Здешняя «мышь» похожа на сороконожку, кроликоподобное создание с шестью короткими ногами и двумя толчковыми, когда

взлетает вверх, то достигает высоты жирафа. Одного такого малыша я поймал (если так можно выразиться... в сущности, он сам подошел ко мне и вскарабкался на колени) и за это время так привязался к нему, что попытаюсь взять его с собой, как талисман. Он напоминает мне щенка, только несколько ловчее. Постараюсь протащить его на борт, чтобы его никто не увидел, и пуще всего — биологи».

В событиях следующего дня Луммокс не упоминался, потому что автор был занят более серьезными вещами.

«Это неожиданно, как горшок с полки, свалилось нам на голову... Цивилизация. Наши офицеры в таком восторге, что потеряли головы. Одного из представителей господствующей расы я видел на расстоянии. То же обилие ног, но, с другой стороны, не можешь не думать, что станет с нашей бедной Землей, если эти динозавры соберутся к нам в гости».

И дальше...

«Я все время ломал себе голову, чем кормить Сосунка. Но беспокоиться не о чем. Он любит все, что я для него таскаю... но он может сгрызть все, что не привинчено и не приклепано. Недавно он съел мое вечное перо, что заставило меня немного поволноваться. Не думаю, чтобы чернила отравили его, но вот как насчет металла и пластика? Он же как ребенок: все, до чего может дотянуться, тащит себе в рот.

Сосунок развивается с каждым днем. Похоже, эта маленькая дворняжка пытается разговаривать; общаясь со мной, он поскуливает, а я ему отвечаю тем же образом. Затем он взбирается ко мне на колени и откровенно сообщает, что очень любит меня. И провалиться мне сквозь землю, если я отдам его биологам, даже если они застукают меня. Эти умники готовы распотрошить любое живое существо, лишь бы посмотреть, что там у него внутри тикает. А малыш мне доверяет, и я никого не подпущу к нему».

Джон Томас-юниор никогда не пускался в дальнее плавание. Он погиб при аварии этажерки, которая только-только получила название «аэроплана». Это было как раз перед первой мировой войной.

Д. Т. Стюарт III погиб, стремясь к более высокой цели: подлодка, на которой он был артиллеристом, проникла в Цусимский пролив, но так и не вернулась.

Джон Томас Стюарт IV нашел свой конец во время первого броска на Луну.

Джон Томас V эмигрировал на Марс. Его сын, самая известная личность династии — Джонни вспомнил, как его утомляли, пока он рос, постоянные упоминания, что он носитель того же имени, что и генерал Стюарт, первый губернатор Марсианской Общины после революции. Джонни подумал, чтобы случилось с его пра-пра-прадедушкой, если бы революция не увенчалась успехом? Наверно, его повесили бы... а теперь ему ставят статуи.

Много страниц и строк были посвящены попыткам дедушки Джона обелить имя своего собственного дедушки — сын генерала Стюарта отнюдь не был героем в глазах общества: последние пятнадцать лет своей жизни он провел в исправительной колонии на Тритоне. Его жена вернулась к своей семье на Землю и взяла девичью фамилию, которую унаследовал и ее сын.

Но он подрос, и настал день, когда ее сын гордо предстал перед судом, чтобы сменить свою фамилию с «Карлтон Джиммидж» на Джон Томас Стюарт VIII» Именно он притащил Луммокса на Землю и потратил все наградные за второе путешествие «Летающего Лезвия», чтобы восстановить старое благосостояние семьи. Он много говорил своему сыну о неприятной истории, случившейся в его семье; в его записках ей было посвящено немало страниц.

Защищая свое имя, дедушка Джонни стал своим собственным адвокатом. В записках коротко упоминалось, что Джон Стюарт IX ушел в отставку и никогда больше не был в космосе; но Джонни знал, что поступил он так не по собственной воле, а по приговору суда; отец рассказывал ему об этом.., но кроме того, он сообщил, что дедушка мог полностью обелить себя, будь у него на то желание. «Джонни, — добавил отец, — я бы предпочел, чтобы ты был всегда верен своим друзьям, нежели бы у тебя грудь была в наградах».

В то время старик был еще жив. Позже, при случае, когда отец нес патрульную службу, Джонни попытался дать ему знать, что он кое о чем осведомлен

Дед пришел в ярость.

— Болтун! — рявкнул он. — Он меня в гроб загонит!

— Но папа сказал, что шкипер был одним из тех, кто...

— Твой папа не был там. Капитан Доминик был лучшим шкипером из тех, кто когда-либо задраивал за собой люк... пусть его душа почиет в мире. Расставь лучше шашки, сынок. Я сейчас разложу тебя на лопатки.

После того, как дедушка умер, Джонни попытался все выяснить до конца, но отец уходил от ответа на прямые вопросы:

— Твой дедушка был сентиментальным романтиком, Джонни.

Джонни спрятал книги и бумаги, уныло подумав, что воспоминания о предках не дали ему ничего хорошего; Луммокс по-прежнему не выходил из ума. Джонни решил, что надо бы спуститься вниз и немного поспать.

Он уже двинулся к выходу, как загорелась лампочка вызова на телефоне; он схватил ее прежде, чем зазвучал сигнал, ибо не хотел, чтобы проснулась мать.

— Да?

— Это ты, Джонни?

— Ну да. Я не могу тебя увидеть, Бетти: я на чердаке.

— Не только поэтому. Я отключила видео. В холле темно, как в могиле, и мне не разрешают звонить так поздно. А твоя графиня не подслушивает?

— Нет.

— Тогда я быстренько. Мои шпионы донесли, что Дрейзер получил одобрение своим действиям.

— Нет!

— Да. Что нам теперь делать? Мы не можем сидеть сложа руки.

— Ну, я уже кое-что сделал.

— Что именно? Надеюсь, никаких глупостей. Не надо было мне сегодня уезжать.

— Тут я с мистером Перкинсом...

— Перкинсом? С этим типом, который сегодня вечером виделся с судьей О'Фаррелом?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Слушай, давай не будем терять времени. Я все знаю. Рассказывай, чем кончилось.

— Ну... — Смущаясь, Джон Томас все рассказал. Бетти слушала его молча, что придало ему бодрости; он поймал себя на том, что излагает, скорее, точки зрения матери и мистера Перкинса, чем свою. — Вот так нынче обстоят дела, — грустно закончил он.

— Значит, вот что ты им сказал. Хорошо. Следующий наш шаг. Если это может сделать Музей, значит, и мы можем. Все дело в том, чтобы уговорить дедушку О'Фаррела на...

— Бетти, ты не понимаешь. Я продал Луммокса.

— Что? Ты продал Луммокса?

— Да. У меня не было другого выхода. Если бы я не...

— Ты продал Луммокса.

— Бетти, я ничего не...

Но она отключилась.

Он попытался созвониться с ней снова, но услышал только голос автоответчика: «Аппарат отключен до восьми часов утра. Если вы хотите что-то сообщить, то...» — Он повесил трубку.

Джонни сидел, поникнув головой, и думал, что ему было бы лучше умереть. Хуже всего, что Бетти права. Он позволил себя загнать в угол и сделал ошибку. Просто потому, что ему показалось: ничего другого он не может сделать.

Но Бетти вокруг пальца не обведешь. Может быть, ее намерения тоже ничего бы не дали... но она, по крайней мере, знала — надо что-то предпринять.

Так он сидел, мучась и не зная, где выход. И чем больше он размышлял, тем больший гнев охватывал его. Он позволил, чтобы ему втолковывали какие-то глупости... потому что глупости эти выглядели столь рассудительными... столь логичными... столь полными здравого смысла.

Черт побери этот здравый смысл! Никто из его предков не придерживался этого проклятого здравого смысла, никто! И кто он такой, чтобы изменять их традициям?

Никто из предков не был благоразумен. Взять хотя бы его пра-пра-прадедушку... когда дела перестали ему нравиться, он вверг планету в кровавый хаос семи лет войны. Да, теперь его называют героем... Но

началась бы революция, если бы он руководствовался только здравым смыслом?

Или взять... Проклятье, взять любого из них! Пай-мальчиков среди них не было. Неужели дедушка мог бы продать Луммокса? Да он бы весь этот суд разнес голыми руками. Будь дед здесь, он бы встал с кольтом рядом с Луммоксом — и будь против него хоть весь мир, он не позволил бы тронуть и волосок на спине Лума.

Нет, он не притронется ни к одному центу из грязных денег Перкинса: это он знал точно.

Но что ему делать?

Улететь на Марс? В соответствии с Законом Лафайетта, он является его гражданином и может претендовать на участок земли. Но как попасть туда? И, что хуже всего, как ему переправить Луммокса?

В этом все и дело. Надо все обдумать на спокойную голову.

Наконец, Джонни набросил план, в котором была лишь одна ценность: здравый смысл не присутствовал; и в равной мере были перемешаны глупость и риск. И Джонни решил, что дедушка был бы доволен.

IX. ОБЫЧАИ, ПРАВИЛА И ГАДКИЙ УТЕНОК

Джонни спустился вниз и постоял, прислушиваясь, у дверей в комнату матери. Он не ожидал услышать ничего тревожного; действие это было скорее инстинктивным. Затем он вернулся к себе и стал спешно собираться, начав с того, что натянул походное обмундирование и горные ботинки. Спальный мешок лежал в ящике стола; Джонни вытащил его оттуда, приторочил к рюкзаку и засунул в боковой карман мешка маленькую силовую установку. Все остальное, необходимое для бродячей жизни под открытым небом, он рассовал по остальным карманам и клапанам.

Подсчитав наличность, Джонни тихо присвистнул: все его деньги лежали на срочном вкладе и не было никакой надежды раздобыть их оттуда. Ну что ж,

ничего не поделаешь... он стал спускаться вниз, но вспомнив нечто важное, вернулся к своему столу.

«Дорогая мама, — написал он. — Пожалуйста, скажи мистеру Перкинсу, что наши с ним дела кончены. Ты можешь использовать деньги, отложенные на мой колледж, чтобы расплатиться с пострадавшими. Мы с Лумом уходим, и искать нас не стоит. Прости меня, но я должен это сделать». — Пробежав записку, Джонни решил, что добавлять к ней ничего не стоит, приписал «С любовью» и подписался.

Он начал набрасывать записку к Бетти, порвал ее, попытался написать снова и наконец сказал себе, что отправит ей письмо, когда у него будет что сказать. Джонни спустился вниз, положил записку на обеденный стол и направился в кладовую за припасами. Через несколько минут, таща большой мешок, набитый пакетами и банками, он вошел в домик Лумкокса.

Его друг спал. Сторожевой глаз узнал Джонни, и Луммокс не пошевелился. Джон Томас подошел к Луммоксу и шлепнул изо всей силы:

— Эй, Лум! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза, сладко зевнул и потянулся.

— Здравствуй, Джонни, — пискнул он.

— Поднимайся. Мы уходим в путешествие.

Луммокс вытянул ноги и встал. По его спине, от ушей до копчика пробежала сладкая дрожь.

— Хорошо.

— Сделай мне сиденье и возьми вот это. — Джонни подхватил мешок с припасами. Луммокс повиновался без комментариев. Джонни закинул припасы Луммоксу на спину и влез сам. Скоро они уже были на дороге, которая вела от дома Стюартов.

При всей импульсивности своих действий, Джон Томас понимал, что скрыться и спрятать Луммокса — дело почти неосуществимое; в любом месте Луммокс будет привлекать к себе внимание, как турецкий барабан в ванной. И все же во всех действиях Джона Томаса была толика логики: как ни странно, в окрестностях Вествилла были места, где можно спрятать Луммокса.

Город лежал в открытой долине между горами; сразу к востоку от равнины хребты поднимались в небо. В нескольких милях от городка над ним простирались тысячи квадратных миль девственных лесов, которые выглядели точно так же, как в те времена, когда индейцы встречали Колумба. В течение короткого охотничьего сезона леса кишели охотниками в красных камзолах, которые гоняли оленей, лосей и другую живность, но большую часть года в лесах было тихо и безлюдно.

Если он с Луммоксом сможет незамеченным добраться до этих мест, вполне возможно, что они и спасутся от погони — по крайней мере, пока у него хватит припасов. А когда они кончатся... что ж, он будет жить так, как Луммокс... питаться тем, что ему удастся раздобыть, может быть, олениной. Или, скажем, он спустится в город без Луммокса и ни за что не скажет, где тот находится, пока его не согласятся выслушать. Сейчас он не хотел прикидывать, как развернутся события; пока главной заботой было укрыть Луммокса от преследования, а потом уже обдумывать их положение... словом, надо было засунуть Луммокса куда-нибудь, где старый хорек Дрейзер его не найдет.

Джон Томас решил повернуть Луммокса к востоку и через долину направиться к горам. Луммокс мог идти по любой почве, будучи зависимым от нее не более, чем танк... но на мягкой земле он оставлял следы столь же отчетливые, как тот же танк. Для движения надо было найти твердое покрытие.

Джон понял, что делать. Столетие назад трансконтинентальная трасса пересекала эти места к югу от Вествилла и, извиваясь, уходила еще выше к Большому Каньону. Она была проложена задолго до появления энергетических дорог, которые прорезали горы вместо того, чтобы карабкаться по ним. Но старая дорога, заброшенная и местами заросшая, покрытие которой растрескалось от морозов и жары, все же сохранилась... и вполне годилась для могучей поступи Луммокса. Они обогнули дом, пересекли три мили открытого пространства и достигли того места, где экспресс-трасса ныряла в первый туннель и где от нее, поднимаясь в гору, ответвлялся старый путь. Джонни направился не прямо к развилке, а, остано-

вившись в сотне ярдов от нее, замаскировал Луммокса, строго наказав ему не шевелиться, и отправился на разведку. Он не хотел рисковать, неосмотрительно переводя Луммокса через экспресс-трассу.

Память его не подвела: петля развилки ныряла под трассу. Дорога в этом месте была утрамбована гранитной крошкой, и Джонни понадеялся, что даже тяжелые ноги Луммокса не оставят на ней следов. Вернувшись, он обнаружил, что Луммокс меланхолично доедает какое-то объявление. Поругав его, он отнял объявление, но затем, решив, что лучше не оставлять следов, вернул его Луммоксу. И когда тот перестал чавкать, они тронулись в путь.

Джонни расслабился только на старой дороге. Первые несколько миль дорога была в хорошем состоянии. Но сквозного движения по ней не было, поскольку она кончалась тупиком. Пару раз над ними пролетали аэрокары, доставляя домой припоздневшихся посетителей театров, но если водители и заметили огромное животное, трусившее по дороге внизу, то не подали виду.

Дорога, извивавшаяся по краю каньона, вынырнула на равнину, где их встретил барьер поперек трассы: «ДОРОГА ЗАКРЫТА... ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Джонни слез со спины Луммокса и осмотрелся.

Шлагбаум представлял собой обыкновенный брус, поддерживавшийся противовесом.

— Лумми, ты можешь перешагнуть через это бревно, не притрагиваясь к нему?

— Конечно, Джонни.

— Отлично. Давай — только помедленнее. Ты не должен его ронять. Даже не прикасайся к нему.

— Не буду, Джонни. — Вместо того, чтобы переступить через барьер, подобно лошади, перешагивающей через небольшое препятствие, Луммокс подобрал все свои ноги и перелетел через препятствие.

Джонни ожидал его, присев за барьером.

— Я и не знал, что ты можешь так.

— Я тоже.

Дорога круто пошла вверх. Джонни остановился, чтобы покрепче примотать груз. Веревку он пропустил под брюхом Луммокса, а оставшуюся бухту положил себе на колени.

— Все в порядке, Лумми. Ну-ка, прибавь скорости. Но только не прыгай, я не хочу свалиться.

— Держись, Джонни! — Луммокс ускорил шаг, не меняя, впрочем, его обычного порядка. Перешел на быструю рысь. Джонни почувствовал, что крепко притомился и духом и телом. Теперь, когда он понял, что здесь, вдалеке от домов и оживленных дорог они в безопасности, он позволил усталости овладеть им. Он прилег на спину, почувствовав, как Луммокс устраивает для него удобное ложе. Мерное движение и ровный топот могучих ног усыпили его.

Луммокс продолжал уверенно прокладывать себе путь по каменному крошеву. Сейчас он пользовался ночным зрением и шел, не опасаясь, что споткнется. Он знал, что Джонни спит, и старался двигаться как можно более плавно. Наконец и он притомился и решил подремать. Все то время, что Луммокс провел вне дома, ему не удалось как следует выспаться... вокруг творились разные глупости и он, кроме того, беспокоился, не зная, где Джонни. Поэтому теперь он вытаращил свой сторожевой глаз, прикрыл остальные и переключился на задний мозг, который располагался около крестца. Луммокс продолжал двигаться в глубоком сне, оставив бодрствовать лишь небольшую часть мозга, которая вела его по правильному пути, предупреждала о препятствиях на дороге и обеспечивала ровную неутомимую работу восьми огромных ног.

Джон Томас проснулся, когда звезды уже начали меркнуть в утреннем небе. Передернувшись от холода, он потянулся. Вокруг стояли высокие горы, дорога вилась вокруг одной из гор, а затем ныряла к реле далеко внизу. Джонни приподнялся:

— Эй, Лумми!

Ответа не последовало. Джонни снова окликнул друга. Луммокс ответил сонным голосом:

— В чем дело, Джонни?

— Да ты спал!

— А ты не говорил, что нельзя, Джонни.

— Ну ладно... Мы на той же самой дороге?

Луммокс проконсультировался со своим вторым мозгом.

— Конечно. А ты хотел на другую дорогу?

— Нет. Но нам надо сойти с нее. Становится светло.

— Почему?

Джон Томас не знал, что ответить; попытка объяснить Луммоксу, что над ним висит смертный приговор и поэтому они вынуждены скрываться, не увенчалась бы успехом.

— Надо, вот почему, — сказал он. — А сейчас продолжай идти. Я скажу, где свернуть.

Русло потока поднималось им навстречу; пройдя милю или около того, они обнаружили, что дорога лежит всего лишь в нескольких футах над стремниной. Вскоре вышли к месту, где речная долина, заваленная валунами, расширялась.

— Здесь! — крикнул Джонни.

— Будем завтракать? — осведомился Луммокс.

— Еще нет. Видишь эти скалы внизу?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты прошел между ними. Только не ступай своими лапами туда, где мягко. Иди между скалами по булыжникам. Понял меня?

— И не оставлять никаких следов? — недоверчиво спросил Луммокс.

— Совершенно верно. Если кто-нибудь спустится и увидит следы, тебе придется отправиться обратно в город — потому что по следам нас могут найти. Понимаешь?

— Я не буду оставлять следов, Джонни.

Луммокс сполз вниз в сухое русло, извиваясь, как гигантский червяк. Спасаясь от падения, Джон Томас одной рукой схватился за веревку, а другой — за мешок с припасами и завопил.

Луммокс остановился:

— С тобой все в порядке, Джонни? — спросил он.

— Да. Просто ты удивил меня. Спустись пониже и оставайся на камнях.

Затем подошли к потоку, нашли брод и перебрались на другую сторону. Скоро они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. День стоял во всей красе, и Джонни обеспокоился, как бы их не заметили с воздуха, хотя вряд ли тревога могла подняться так быстро.

Впереди и вверху сосны спускались к берегу. Сосняк был достаточно густ, даже чтобы скрыть

Луммокса, хотя с высоты он выглядел как огромный горный валун. Но искать лучшего места уже не было времени.

— Вверх и под те деревья, Лум. Только не обвали берег. Ступай аккуратнее.

Они вошли под сень ветвей и остановились. Джонни спрыгнул на землю. Луммокс оборвал охапку веток и стал жевать их. Джон Томас вспомнил, что тоже давно уже не ел, но он настолько устал, что не ощущал голода. Он хотел спать, только спать... потому что всю дорогу он, придерживаясь за веревку, дремал в полглаза.

Но Джонни боялся, что если он пустит Луммокса пастись, пока спит, то этот большой увалень может выбраться на открытое место, откуда его легко можно засечь.

— Знаешь что, Лумми? Давай вздремнем перед завтраком.

— Зачем?

— Ну, видишь ли, Джонни смертельно устал. Ты просто приляг здесь, а я пристрою рядом с тобой мой спальный мешок. А потом, когда встанем, мы поедим.

— А пока не встанем, есть не будем?

— Не будем.

— Что ж... ладно, — печально сказал Луммокс.

Джон Томас вытащил из укладки спальный мешок. Раздернув легкую мембрану, он сунул внутрь силовую установку и, включив нагреватель, принялся надувать матрац. Разряженный горный воздух заставил его запыхаться; надув матрац лишь наполовину и подрагивая от холодного воздуха, Джонни скользнул внутрь и задернул мембрану, оставив лишь дырочку для носа.

— Спок-ночи, Лумми.

— Спок-ночи, Джонни.

Мистер Кику спал плохо и рано поднялся. Позавтракал он сам, решив не будить жену, и отправился в Межзвездный Департамент. В огромном здании еще было совершенно тихо и пусто, только несколько ночных дежурных. За столом мистер Кику пытался погрузиться в размышления.

Всю ночь подсознание не давало ему покоя, застав-

ляя вспоминать, что же такое важное он упустил из виду. Мистер Кику относился к своему подсознанию с большим уважением, придерживаясь теории, что подлинный процесс мышления происходит отнюдь не в коре больших полушарий, которые всего лишь окошко дисплея, на котором высвечивается ответ.

Молодой Гринберг что-то говорил... что-то относительно того, что раргиллианин верит в серьезную опасность, которую несет для Земли даже единственный корабль хрошии. Мистер Кику оценил это утверждение как неуклюжую попытку хитрого мальчишки оправдать собственную слабость. Но теперь переговоры практически закончены... осталась лишь одна деталь, которая еще имела отношение к хрошии.

Однако подсознание так не считало.

Он наклонился к панели видеофона и вызвал ночного дежурного:

— Говорит Кику. Дайте мне отель «Универсал». Найдите в нем доктора Фтаемла, раргиллианина. Как только он закажет завтрак, свяжите меня с ним. Нет, не будите его, пусть отдыхает.

Сделав то, что необходимо было сделать, Кику вернулся к рутинной работе по расчистке накопившихся бумаг.

В первый раз за несколько дней его корзина входящих полностью опустела, а здание только начало оживать, когда на панели вспыхнул красноватый огонек срочного вызова.

— Кику.

— Сэр, — на экране появилось встревоженное лицо, — я относительно этого звонка в отель «Универсал». Доктор Фтаемл не заказывал завтрака.

— Наверно, поздно лег. Это его право.

— Нет, сэр. Я думаю, он вообще отказался от завтрака. Он направляется в космопорт.

— Как давно он выехал?

— Пять-десять минут тому назад. Мне только что это стало известно.

— Отлично. Вызови космопорт, скажи им, чтобы они не торопились с его кораблем. Дай им понять, что речь идет о дипломатических тонкостях и что они должны пошевелить мозгами... а не просто нацарапать разрешение на старт, и снова завалиться спать. Затем найди доктора Фтаемла и передай, что я

приветствую его и осведомляюсь, не окажет ли он мне честь подождать меня несколько минут? Я отправляюсь в космопорт.

— Да, сэр.

— Моя просьба имеет особое значение и для вас... поняли, Знедов? Приложите все усилия, и я посмотрю, на что вы способны.

— Понял вас, сэр.

Мистер Кику отключился и вызвал транспортный отдел:

— Говорит Кику. Я вылетаю в космопорт, как только поднимусь на крышу. Обеспечьте мне «молнию» и полицейский эскорт.

— Есть, сэр!

Мистер Кику остановился только, чтобы сказать своему секретарю, куда он направляется, и взлетел на крышу.

В космопорте доктор Фтаемл ждал его у прохода для пассажиров, наблюдая за взлетным полем и пытаясь раскурить сигару. Мистер Кику подошел и поклонился:

— Доброе утро, доктор. Очень любезно с вашей стороны, что вы дождались меня.

Раргиллианин широким жестом отвел сигару в сторону:

— Это честь для меня, сэр. Отправляться в путь, провожаемым особой вашего ранга, столь занятой... — Он закончил пожатием плеч, выражавшим и изумление и удовольствие.

— Долго я вас не задержу. Но я не хотел лишать себя удовольствия увидеть вас сегодня и не знал, что вы собираетесь нас покинуть.

— Это моя вина, мистер Заместитель Секретаря. Я собирался обернуться туда и обратно и завтра ожидать удовольствия встречи с вами.

— Ясно. Ну что же, возможно, уже завтра я смогу представить вам на рассмотрение приемлемое решение проблемы.

Фтаемл был несколько удивлен:

— Успешное?

— Надеюсь. Данные, которые вы вчера нам предоставили, дали ключ к ее решению.

— Должен ли я понимать, что вы нашли пропавшую хрошиа?

— Возможно. Знаете ли вы сказку о гадком утенке?

— О гадком утенке? — У раггиллианина стал такой вид, словно он спешно перелистывает свое досье. — Да, мне знакома эта идиома.

— Используя данный вами ключ, мистер Гринберг напал на след гадкого утенка. И если он окажется тем лебедем, которого мы ищем, то...

Казалось, раггиллианин с трудом верил в сказанное:

— И это... тот самый «лебедь», мистер Заместитель Министра?

— Увидим. Логика говорит, что он должен быть им, но так ли это, трудно сказать.

— М-м-м... могу ли я сообщить эти сведения моим клиентам?

— Я бы предпочел подождать, пока я не свяжусь с мистером Гринбергом. Он покинул Столицу с целью провести расследование. Могу я проводить вас до шлюпки?

— Конечно, сэр.

— Доктор... есть еще кое-что.

— Да, сэр?

— Прошлой ночью в разговоре с мистером Гринбергом вы обронили несколько странных слов... возможно, это была шутка... или, может быть, он вас неправильно понял. Вы сказали что-то вроде того, что Земля может «испариться».

Несколько мгновений раггиллианин молчал. Но, заговорив, он ушел от темы разговора:

— Скажите, сэр, какое логическое умозаключение подвело вас к мысли, что гадкий утенок окажется лебедем?

Мистер Кику тщательно обдумал свой ответ:

— Один земной корабль посетил некую странную планету в то время, которое совпадает с вашими данными. Главенствующей расой там были хрошии; идентификация доказывает это. Одна из форм жизни была доставлена на Землю. Прошло около ста двадцати лет, но она до сих пор жива; мистер Гринберг хочет доставить ее для опознания вашим доверителям.

— Должно быть, все так и есть, — мягко сказал доктор Фтаемл. — Я не верю, но так должно быть. — Он заговорил громче и веселее. — Сэр, вы доставили мне огромное счастье.

— В самом деле?

— Огромное. В то же время вы дали мне возможность говорить совершенно открыто.

— За время нашего сотрудничества вы всегда могли говорить совершенно свободно. Правда, я не знаю, что за инструкции вы получили от ваших клиентов.

— Они не накладывали никаких ограничений на мою речь. Но... Обращали ли вы внимание, как обычаи той или иной расы находят отражение в ее языке?

— Пару раз у меня была возможность отметить данный факт, — осторожно ответил мистер Кику.

— Я был в этом уверен. Когда вы посещаете своего друга в больнице и знаете, что он должен умереть, а вы ничем не можете ему помочь, — неужели вы будете с ним говорить о его беде?

— Нет. Во всяком случае, пока он сам не заговорит об этом.

— Совершенно верно! Общаясь с вами и мистером Гринбергом, я был вынужден приспосабливаться к вашим обычаям.

— Доктор Фтаемл, — медленно сказал мистер Кику, — давайте будем совершенно откровенны. Правильно ли я вас понял? Вы уверены, что этот единственный корабль представляет серьезную опасность для нашей планеты, которая в данном случае обладает достаточными средствами защиты?

— Я буду совершенно откровенен, сэр. Как только хрошии придут к выводу, что в результате действий данной планеты или же отдельных ее обитателей их соплеменник умер или же исчез навсегда, Земле не будет причинен какой-либо вред; Земля будет просто уничтожена.

— Этим одним кораблем?

— Одним единственным.

Мистер Кику покачал головой:

— Доктор, я убежден, что вы верите в правоту своих слов. Я — нет. Всеобъемлющая защитная мощь основной планеты Федерации вряд ли известна вам во всей полноте. Я не могу предположить, что ваши доверители столь глупы и не представляют, что у нас есть зубы.

У доктора Фтаемла был печальный вид:

— Даже используя языки всех цивилизованных народов, я не смогу найти слов, чтобы убедить вас. Но

верьте мне... все, что вы можете им противопоставить, будет столь же беспомощно, как камешки против ваших ракет.

— Увидим. Или, к счастью, не увидим. Мне не нравится оружие, доктор; это последний довод, который пускает в ход примитивная дипломатия. Говорили ли вы с ними, что Федерация была бы не против принять их в Сообщество Цивилизаций?

— Мне было очень нелегко объяснить им сущность вашего предложения.

— Неужели они настолько воинственны?

— Они совершенно не воинственны. Как бы мне это объяснить вам? Считаете ли вы себя воинственным, когда вы гоняете... шлепаете... давите мух? С вашей точки зрения, да и с моей, хрошии практически бессмертны. Они настолько неуязвимы для обычных опасностей, что они ведут себя, как... что за идиома у вас?.. да, олимпийцы... они смотрят на нас с олимпийских высот. Они не видят никакого смысла в общении с низшей расой; поэтому ваше предложение не было воспринято всерьез, хотя, верьте мне, я приложил все усилия...

— Они сущие идиоты, — мрачно сказал Кику.

— Отнюдь, сэр. Они совершенно точно оценивают и вашу расу, и мою. Они понимают, что любая культура, овладевшая межзвездными путешествиями, обладает хотя бы определенным уровнем способностей. К тому же они знают, что вы считаете себя довольно могущественными. Именно поэтому они рассматривают возможность применения силы как средства убедить вас, что вы должны вернуть им их хрошиа... они считают, что это будет чем-то вроде стрекала для быка: указание, которое он способен понять.

— Х-м-м... И вам известно, как они собираются это продемонстрировать?

— Известно. Этим утром я направлюсь к ним с целью убедить их помедлить. Они собираются, так сказать, легонько притронуться к поверхности вашего спутника, оставив на нем выжженную полосу длиной примерно в тысячу миль, дабы убедить вас, что они... м-м-м... не собираются шутить.

— На меня это не произвело бы впечатления. Мы можем отдать нашему флоту соответствующий

приказ и оставить такой же знак. Но мы этого не собираемся делать.

— Неужели вы можете сделать это всего лишь одним кораблем, за несколько секунд, без всяких приготовлений и с дистанции в четверть миллиона миль?

— А вы считаете, они могут?

— Я уверен в этом. Всего лишь небольшая демонстрация. Мистер Заместитель Секретаря, в этой части небосклона появилась новая звезда, у которой нет аналогов в природе.

Мистер Кику помедлил. Если все это правда, то тогда ситуация, при которой хрошии покажут свои когти, может служить и его собственным целям. Потеря нескольких бесполезных лунных гор ничего не значит... но эвакуировать даже нескольких обитателей этих мест будет довольно трудно.

— Вы говорили им, что наша Луна обитаема?

— Их хрошиа там не обитает — и это все, что имеет для них значение.

— М-да... я понимаю. Доктор, могли бы вы сообщить им, что, во-первых, мы практически обнаружили их хрошию, и, во-вторых, она находится на одном из спутников, что и объясняет столь затянувшиеся поиски?

Раргиллианин изобразил широкую человеческую улыбку:

— Сэр, я восхищаюсь вами. Я буду счастлив доставить подобное известие. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Доброго вам здоровья, доктор. Я буду на связи с вами.

— И доброго вам здоровья, сэр.

На обратном пути мистер Кику обнаружил, что присутствие медузоида уже не производит на него отталкивающего впечатления... то есть, внешность Фтаемла была столь же ужасна, но доктор Морган в самом деле оказался умелым психотерапевтом.

Корзина для бумаг, как обычно, была полна до краев. Кику выкинул всех этих хрошии из головы и с наслаждением погрузился в работу. Несколько позже полудня отдел связи оповестил его, что с ним хочет поговорить мистер Гринберг.

— Давайте его сюда, — сказал мистер Кику, чув-

ствуя, что, куски головоломки, наконец, складываются в законченную картину.

— Босс? — начал Гринберг.

— Да, Сергей. Какого черта ты выглядишь таким расстроенным?

— Потому что я ломаю себе голову, как мне наняться рядовым во Внешний Легион.

— Кончай бродить вокруг и около. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Хотел бы я знать. Скорее всего, в леса к западу от Вествилла.

— Тогда чего ради ты тратишь время на болтовню со мной? Отправляйся и доставь мне ее.

Гринберг вздохнул:

— Мне бы вашу уверенность. Видите ли, босс, эти заросли покрывают примерно десять миллионов квадратных акров — высокие деревья, огромные горы и ни одной тропинки. А местный шеф полиции со своей всей командой наступает мне на пятки. Он отдал приказ стрелять во все, что движется, и такой же приказ получили все разведывательные корабли.

— Что?

— То, что я сказал. Пришла ваша роспись на приговоре суда; а отмена его где-то затерялась... как, я не знаю. А шериф — ископаемое с психологией мелкого клерка. Он тычет пальцем в приказ и его ни в чем не убедить... он даже не позволил мне использовать полицейскую систему связи. И поскольку наше вмешательство не предусмотрено, я не могу сдвинуть его ни на йоту.

— И ты с этим смирился? — едко спросил мистер Кику. — Скоро дождешься, что тебя будут бить по физиономии.

— Близко к этому. Я дозвонился до мэра — его нет в городе. До губернатора — он на сессии. Сунулся к главному лесничему... похоже, он в отпуске. После нашего разговора я пойду выламывать руки этому деятелю, пока у него в глазах не потемнеет и...

— Тебе давно надо было это сделать.

— Я не трачу времени зря. Я позвонил вам, чтобы вы поддали им жару. Мне нужна помощь.

— Ты ее получишь.

— Да, но не только для того, чтобы дозвониться

до губернатора и обеспечить ваше вмешательство. Даже, когда я доберусь до этого полицейского идиота и уговорю его отозвать своих псов, мне все равно нужна будет помощь. Босс, десять миллионов квадратных акров сплошных гор... это означает люди и корабли, много людей и много кораблей. Это работа не для одного человека с дипломатом. Нет, я все-таки завербуюсь во Внешний Легион.

— Мы оба туда пойдем, — хмыкнул Кику. — Ладно, давай. Двигай.

— Как приятно было поговорить с вами.

Отключившись, мистер Кику начал стремительно действовать, обеспечивая вмешательство Департамента: он послал сверхсрочные телеграммы губернатору штата, мэру Вествилла и в Вествиллский окружной суд. Совершив все необходимое, он несколько секунд сидел в неподвижности, перебирая в памяти, что ему еще надо было бы сделать... затем отправился к Секретарю предупредить его, что, может быть, потребуется помощь военной мощи Федерации.

X. ЗАКОН СИГНИ

Проснувшись и вспомнив, где он находится, Джон Томас ощутил беспокойство. В спальном мешке было тепло. Чувствовал Джонни себя хорошо отдохнувшим и расслабленным. Постепенно перед его глазами всплыли картины окружающей местности; вспомнив как и почему он здесь очутился, Джонни высунул нос из спальника. Солнце стояло уже высоко и вокруг разливалось приятное тепло. Луммокс бродил поблизости.

— Эй, Лумми!

— Хей, Джонни! Ты долго спал. И храпел.

— Неужто? — Выбравшись наружу, Джонни собрал одежду, скатал спальный мешок. Сделав это, он повернулся в сторону Луммокса — и застыл.

— Что это?

Рядом с Луммоксом лежал мертвый медведь гризли — расплющенный в лепешку. Изо рта и носа зверя тянулись струйки засохшей крови.

— Это завтрак, — повернувшись, объяснил Луммокс.

Джонни с отвращением посмотрел на то, что осталось от медведя.

— Только не для меня. Где ты его раздобыл?

— Я поборол его, — сказал Луммокс и смущенно улыбнулся.

— Не поборол, а поймал.

— Но я в самом деле поборол его. Он хотел добраться до тебя, и мы с ним поборолись.

— Ну ладно. Спасибо тебе. — Джон Томас снова посмотрел на медведя, отвернулся и открыл мешок с припасами.

Вынув банку, где была яичница с ветчиной, он отвинтил крышку и стал ждать, пока содержимое банки согреется.

Луммокс воспринял его действия как сигнал, что настало время позавтракать и для него, что он немедленно и сделал — первым делом запихнул в пасть медведя, затем пару сосенок и пустую банку от завтрака. Когда они спустились к воде, Джонни осторожно оглядел небосклон, а Луммокс запил свой завтрак чистой горной водой. Встав на колени, Джонни тоже напился и, вымыв лицо и руки, вытер их подолом рубашки.

— Что мы теперь будем делать, Джонни? — спросил Луммокс. — Пойдем гулять? Может быть, еще кого-нибудь поборем?

— Нет, — отрезал Джонни. — Мы вернемся под эти деревья и будем лежать там до темноты. Ты должен вести себя, точно камень. — Джонни поднялся на берег в сопровождении Луммокса. — Садись, — приказал он. — Я хочу посмотреть на твои опухоли.

Луммокс повиновался, и его хозяин начал осмотр. Ощупывая опухоли, Джонни чувствовал растущую тревогу. Опухоли заметно увеличились, и Джонни пытался припомнить, к чему это может привести. Кожа на них воспалилась и натянулась, заметно утончившись и теперь ничем уже не напоминала могучую броню, прикрывавшую тело Луммокса. На ощупь опухоли были сухими и горячими. Джонни осторожно ощупал левую: Луммокс отпрянул.

— Беспокоит? — с тревогой спросил Джонни.

— Я так больше не могу, — запротестовал

Луммокс. — Он вытянул ноги, поднялся и, подойдя к сосне, стал тереться об нее опухолью.

— Эй! — крикнул Джонни. — Не делай этого! Ты повредишь себе...

— Но оно зудит, — сказал Луммокс, продолжая чесаться.

Твердо намереваясь добиться своего, Джон Томас подошел к другу. И в тот же момент опухоль лопнула. Джонни в ужасе отпрянул.

Что-то непонятное, мокрое и темное, облепленное клочьями разодранной кожи, вывалилось из опухоли, повисло, а затем развернулось как змея, повисшая на лианах в джунглях. В эти ужасные мгновения Джонни пришло в голову, что он видит нечто... нечто вроде гигантского червя, который, паразитируя, поедает изнутри своего хозяина. С запоздалым раскаянием он вспомнил, как заставлял Лумми карабкаться в гору... когда эта штука грызла его.

Луммокс облегченно потянулся и вздохнул:

— Ух! — сказал он с удовлетворением. — Теперь мне куда лучше.

— Луммокс! Ты в порядке?

— А что со мной должно быть, Джонни?

— Но... но что это такое?

— Что? — Луммокс огляделся: странное образование свисало вниз и Луммокс посмотрел на него. — Ах, это... — небрежно сказал он.

Оконечность отростка развернулась, как распустившийся цветок, и Джонни увидел, что это было.

Луммокс вырастил Руку.

Скоро рука высохла, обрела окраску и начала твердеть. Луммокс не обращал на нее особого внимания, но Джон Томас следил, как она обретает законченную форму. У руки были два сустава, типа локтевых, и кисть с пальцами. Пальцев было пять, каждый состоял из семи фаланг, и средний палец был более длинным и гибким, напоминая маленький слоновый хобот. От человеческой кисти рука эта отличалась, но не было никаких сомнений в ее предназначении — во всяком случае, если сначала фаланги пальцев двигались довольно беспомощно, то постепенно их движения становились все увереннее.

Луммокс не возражал против того, чтобы Джон Томас изучал его руку, но не проявлял особого интереса к ее развитию; он вел себя так, словно с ним после завтрака всегда случалось нечто подобное.

— Дай я посмотрю на вторую опухоль, — сказал Джонни. Нарост с правой стороны набух еще больше. Как только Джон Томас притронулся к нему, Луммокс отпрянул и направился к соседнему дереву. — Подожди! — окликнул его Джон Томас. — Постой!

— Но мне надо почесаться.

— Ты изувечишь себя. Стой тихонько. Я кое-что попробую сделать.

Луммокс неохотно повиновался; из ножен на поясе Джонни вынул клинок и сделал осторожный надрез в центре опухоли.

Разрез стремительно расширился и вылетевшая правая рука Луммокса едва не шлепнула Джонни по лицу. Он отпрянул.

— Спасибо, Джонни!

— Всегда пожалуйста. — Джонни спрятал нож и задумчиво посмотрел на новорожденную руку.

Он не мог еще представить, что Луммокс будет делать со своими так неожиданно появившимися новыми органами. Но он понимал, что они меняют дело. Каким образом, Джонни еще не знал. Может быть, теперь ему не придется заботиться о Лумми так, как прежде. С другой стороны, теперь за ним надо присматривать, потому что Лумми обязательно сделает что-то, чего делать не должен. Джонни с сокрушением вспомнил поговорку, гласящую: Слава богу, что у кошек нет рук... А Луммокс был любопытнее любого котенка.

Но как бы там ни было, без колебаний решил Джонни, одного это не меняет: шериф Дрейзер до них не доберется!

Сквозь ветви он оглядел небо, прикидывая, можно ли их заметить сверху.

— Лум...

— Да, Джонни?

— Подогни ноги. Пора стать похожим на скалу.

— Ой, давай лучше погуляем, Джонни.

— Мы пойдем гулять вечером. А пока не стемнеет, я хочу, чтобы ты оставался на месте и не шевелился.

— Ой, Джонни!

— Слушай, ты же не хочешь снова отправиться в город, не так ли? Так что перестань болтать.

— Что ж, если ты так считаешь... — Луммокс опустился на землю. Джон Томас сел рядом, прислонился к нему и задумался.

Возможно, он как-то выкрутится, и они с Лумми смогут зарабатывать себе на жизнь... например, будут участвовать в карнавалах. Ни один карнавал не обходится без В.З.-существ — даже если половина из них всего лишь чучела — а Луммокс самый что ни на есть настоящий внеземной. Возможно, Джонни научит его делать какие-нибудь штуки своими руками, играть там или что-то еще. Может быть, в цирк им пойти?..

Нет, все это не годится для Лумми; в присутствии толпы он начинает нервничать. Черт, как бы им заработать... не говоря уж о том, что должна улечься вся эта шумиха! Заняться фермерством? Луммокс сильнее любого трактора, а с руками он может делать любые работы на ферме. Может, в этом и есть выход, хотя, честно говоря, он никогда серьезно не думал о работе на земле.

Джонни представил перед своим мысленным взором себя и Луммокса, обрабатывающими землю... колосья ржи... грядки с овощами... и не заметил, как уснул.

Пробудил его странный звук, и он смутно припомнил, что уже слышал нечто подобное. Открыв глаза, он огляделся и увидел, что лежит рядом с Луммоксом. Тот оставался на старом месте... но во всю размахивал руками. Одну, с зажатым в кисти камнем, он занес над головой. Раздался тот же самый звук... и небольшая осинка неподалеку внезапно рухнула. Несколько других осин уже лежали на земле.

Джон Томас вскочил на ноги.

— Эй, прекрати!

Луммокс остановился.

— В чем дело, Джонни? — обиженно спросил он. Перед ним лежала куча булыжников, за одним из которых он потянулся.

— Перестань бросать камни в деревья.

— Но ты это сам делаешь, Джонни.

— Да, но я не ломаю их. Можешь есть их на здоровье, но не надо выдирать их с корнем.

— Тогда я пойду есть их.

— Отлично. — Джонни огляделся. Уже смеркалось, через несколько минут солнце должно было закатиться. — Иди и подкрепись. Хотя подожди минутку. — Он осмотрел руки Луммокса. Они уже были такого же цвета, как и остальное тело и начали заметно твердеть. Но самое удивительное, что руки стали примерно вдвое толще, чем при появлении, и теперь достигали объема бедра Джонни. Кожа с них почти вся слезла, а оставшаяся шелушилась, Джонни ободрал ее. — Ладно, давай.

Пока Джонни готовил себе еду, Луммокс расправился с обломанными осинками и закусил на сладкое консервной банкой. Стемнело. Они выбрались на дорогу.

В эту вторую ночь происшествий было еще меньше, чем в первую. Чем выше они взбирались, тем холоднее становилось; наконец, Джонни засунул силовую установку прямо под свитер. Скоро он согрелся и перестал дрожать.

— Лум. Если я засну, разбуди меня, когда начнет светать.

— О'кей, Джонни, — Луммокс переадресовал приказ своему заднему мозгу — просто так, на всякий случай. Холод Луммокса не беспокоил, он его просто не чувствовал, потому что терморегуляция тела у него была гораздо эффективнее, чем у Джонни, эффективнее даже, чем у силовой установки.

Джон Томас дремал, просыпался и снова проваливался в дремоту. В таком состоянии он находился, когда первые лучи солнца коснулись далеких вершин, и Луммокс окликнул его. Джонни сел и стал оглядываться в поисках места, которое могло бы дать им приют. На этот раз счастье от них отвернулось: они были прямо на открытом месте, которое кончалось глубоким мрачным провалом. По мере того, как шли минуты и становилось все светлее, его охватывала паника.

Ничего другого не оставалось, кроме как идти дальше вперед. Далеко над ними прошел стартоплан. Он услышал лишь рев его моторов, но самого корабля не увидел, понадеявшись, что он не послан на их розыски. А через несколько минут, оглядевшись, он заметил лишь пятнышко в небе, смахивающее на орла.

Но очень быстро ему пришлось убедиться, что над ними висит на крыльях одинокая человеческая фигурка.

— Стоп, Луммокс! Замри, как камень.

— Как камень, Джонни?

— Заткнись и делай, что тебе говорят! — Луммокс замолчал и повиновался. Джон Томас скользнул вниз и скорчился под головой Луммокса, стараясь стать как можно меньше. Он надеялся, что флаер пролетит мимо.

Но флаер в знакомом залихватском стиле сделал петлю и пошел на посадку. Джонни с облегчением вздохнул, увидев, что на пятачок, который он приметил впереди, садится Бетти Соренсен.

— Привет, Лумми! — крикнула она, затем повернулась к Джонни, уперла руки в бока и сказала: — Ну! Хорош! Удрал, не сказав мне ни слова!

— Да я... я хотел, Червячок, честное слово. Но у меня не получилось... извини меня.

Гневное выражение исчезло с ее лица и она улыбнулась:

— Ну, ладно. Раньше я думала о тебе куда хуже. Наконец-то ты что-то сделал, Джонни. Я уж боялась, что ты сам станешь таким же увальнем, как Луммокс, который только и ждет, чтобы его кто-то растолкал.

Джон Томас был слишком обрадован ее появлением, чтобы спорить.

— Слушай,.. а как ты нас нашла?

— Чего? Ты, умная голова, две ночи уходил от города, а находишься всего лишь на расстоянии одного короткого перелета... как было тебя не найти?

— Понимаю, но как ты вычислила, где надо нас искать?

Она пожала плечами:

— Старое правило: я представила себя упрямым ослом и пошла прямо, куда глаза глядят. Я прикинула, что ты обязательно пойдешь по этой дороге, поэтому и крутилась над ней. А если ты не хочешь, чтобы тебя через несколько минут заметили, тебе надо побыстрее убираться отсюда куда-то под прикрытие. Так что давай! Лумми, старина, включай свою машину.

Она протянула руку, Джонни помог Бетти взобраться на спину Луммокса, и они двинулись в путь.

— Я хотел уйти с дороги, — волнуясь, объяснил Джонни, — но мы так и не нашли подходящего места.

— Вижу. Теперь выпусти пары... за этим поворотом — водопад Адама и Евы, и мы можем сойти с дороги как раз над ним.

— Вот мы где оказались!

— Да. — Бетти наклонилась вперед, тщетно пытаясь рассмотреть дорогу из-за поворота скалы. И в это время она впервые увидела руки Луммокса. — Джонни! — воскликнула она, схватив его за плечо. — На Луммокса напал боа-конструктор!

— Что? Не глупи. Это всего лишь его правая рука.

— Его что? Джонни, ты с ума сошел!

— Успокойся и перестань меня тискать. Я сказал «рука»... помнишь те опухоли? Так вот, в них были руки.

— Опухоли... руки? — Бетти вздохнула. — Я встала слишком рано и еще не позавтракала. И тут еще такое потрясение. Ладно, скажи ему, чтобы он остановился. Я хочу посмотреть на них.

— А как быть с укрытием?

— Ах, да! Ты прав. Ты всегда прав — правда, с опозданием на две-три недели.

— Не заводись. Вот и водопад.

Они подошли к воде поближе, подножье каньона поднималось к их ногам, как бы встречая путешественников. Здесь была единственная возможность сойти с дороги и разбить бивуак в месте, напоминающем их предыдущую стоянку. Джонни чувствовал себя гораздо спокойнее, когда Луммокс был укрыт под густой сенью деревьев.

Пока Джон Томас готовил завтрак, Бетти изучала новорожденные конечности Луммокса.

— Луммокс, — укоризненно сказала она, — ты ничего не говорил маме о них.

— А ты не спрашивала меня, — возразил Луммокс.

— Прошу прощения! Ну ладно, а что ты можешь делать своими руками?

— Я могу бросать камни. Джонни, я хорошо бросаю камни?

— Нет! — торопливо сказал Джонни. — Бетти, ты будешь пить кофе с молоком?

— Обыкновенное, — ответила Бетти, продолжая изучать руки Луммокса. Что-то не давало ей покоя, и Бетти надеялась, что скоро сообразит, в чем тут дело. Но теперь — первым делом завтрак.

После того, как они скормили пустые банки Луммоксу, Бетти откинулась на спину.

— Имеешь ли ты представление, невинное дитя, — сказала она Джону Томасу, — какую бурю ты вызвал своим исчезновением?

— Я думаю, шерифу Дрейзеру пришлось побегать.

— Не сомневайся. Ты совершенно прав. Но оставь его в покое; есть еще кое-что.

— Мистер Перкинс?

— Точно. Еще?

— Конечно, ма.

— Естественно. Она разрывается между рыданиями по поводу ее исчезнувшего ребенка и угрозами в твой адрес, криками, что ты ей больше не сын.

— Представляю, — невесело согласился Джонни. — Я знаю свою маму. Ладно... я знал, что доставлю всем беспокойство. Но я был должен...

— Конечно, ты должен, мой дорогой упрямец, хотя ты проделал все с грацией гиппопотама. Но я не о них вела речь.

— Что?

— Джонни, в штате Джорджия есть маленький городок... ну, скажем, Адриан. Он так мал, что в нем нет даже отделения полиции, всего лишь один констебль. Знаешь ли ты, как его зовут?

— Чего? Конечно, нет.

— Очень плохо. Ибо, насколько я смогла выяснить, этот констебль является единственным полицейским в Америке, который не разыскивает тебя. Поэтому я и полетела разыскивать тебя — хотя как ты мог, подлое животное, исчезнуть, не потрудившись поставить меня в известность?

— Я же говорил тебя, что извиняюсь!

— И я простила тебя. Я буду тебя прощать не меньше десяти лет.

— Что за глупости с этим констеблем? И почему

все должны меня разыскивать? Мне вполне хватает одного шерифа Дрейзера.

— Он объявил общую тревогу и назначил награду за Луммокса, живого или мертвого... желательно мертвого. Они серьезно взялись за дело, Джонни... очень серьезно. Поэтому какие бы планы ты ни строил, мы должны их отбросить и продумать новый, получше. Что ты об этом думаешь? И думаешь ли вообще?

— Ну... я думал продержаться таким образом ночь-другую, — побледнев, медленно ответил Джонни, — пока мы не найдем места для укрытия.

Бетти покачала головой:

— Не годится. Если идти таким путем, они без труда догадаются, в каком месте поблизости от Вествилла есть место, где может укрыться такое создание, как Луммокс. И...

— Да мы уйдем с дороги!

— Конечно. И они будут прочесывать этот лес, дерево за деревом. Они в самом деле собираются это сделать.

— Ты не дала мне кончить. Знаешь старую урановую шахту? Власть и Славу? Ты идешь наверх по дороге Мертвого Волка, потом берешь к северу на гравийную дорогу. Вот там мы и спрячемся. Большой туннель вполне подходит, чтобы скрыть Луммокса.

— Проблеск здравого смысла в этом есть. Но его не хватает, чтобы противостоять всем...

Бетти замолчала. Джонни поерзал и сказал:

— Ну, ладно. Если это не годится, что делать?

— Умолкни. Я думаю. — Бетти лежала на спине, глядя в синее небо над горами. — Твоя мысль о шахте «Власть и Слава» не так уж плоха; пока я не придумаю чего-нибудь лучшего, она вполне годится.

— Не понимаю, как они смогут там обнаружить. Шахта расположена так далеко...

— Поэтому не сомневайся, ее обыщут. Хотя это может ввести в заблуждение шерифа Дрейзера; я уверена, что он свою собственную шляпу не возьмется искать без ордера на обыск. Но он организовал воздушную разведку, которая пригодилась бы небольшой армии, и они уверены, что обнаружат вас. В полиции знают, что ты взял спальник и припасы; это значит, что ты будешь останавливаться на дневки. Нашла я тебя, найдут и они. Я обнаружила тебя, потому что

знала, как ты будешь действовать, а они прибегнут к логике, которая срабатывает медленнее. Но безошибочно. Они найдут вас... и это будет конец для Луммокса. Шансов вам они не оставят... может быть, разбомбят его.

Джон Томас живо представил себе столь мрачное будущее:

— Тогда какой смысл прятать его в шахте?

— Чтобы протянуть день-другой, потому что я еще не готова вытащить его оттуда.

— Как?

— Вот так. Мы спрячем его в городе.

— Что? Червячок, на тебя действует высота.

— В городе и под крышей... единственное место в большом-пребольшом мире, где его не будут искать, может быть, в домике мистера Ито, — добавила она.

— Что? Нет, я теперь ясно вижу, что ты сошла с ума.

— А тебе известно более безопасное место? Сын мистера Ито ничего не имеет против тебя; не далее, как вчера мы с ним очень душевно поговорили. Я пошла прямо к нему и все ему объяснила. Один из его садовых домиков вполне подойдет... может, домик и неказистый, но подключен к электропитанию. Никому не придет в голову, что за его матовыми окнами скрывается Лумми.

— Не понимаю, как мы все это сделаем.

— Предоставь это мне. Если я не доберусь до садового домика, а я доберусь... тогда я раздобуду какой-нибудь пустой сарай или что-то вроде этого. Сегодня вечером мы отведем Лумми к шахте, а я улечу и все организую. Завтра вечером я с Лумми отправлюсь в город и...

— Что ты несешь? Нам потребовалось две ночи, чтобы дойти сюда и остается еще хороший кусок вечера, чтобы добраться до шахты. Ты не сможешь доставить его обратно за одну ночь.

— Как быстро Лумми может двигаться, если постарается?

— Но никто не усидит на нем, когда он идет галопом. Даже я.

— А я и не собираюсь ехать на нем верхом; я буду лететь над ним, указывая дорогу и помогу ему осто-

рожно спуститься с кручи. Три часа, примерно так?.. и еще час, чтобы укрыть его в садовом домике.

— Ну... разве что так.

— Так, потому что ничего лучшего нет. А потом ты даешь себя поймать.

— Чего ради?

— Мы их поводим за нос. Они поймают тебя, а ты скажешь, что отправился на поиски урановых залежей... я снабжу тебя счетчиком Гейгера. Где Луммокс, ты не знаешь; ты поцеловал его на прощание и ушел себе, оставив его там, где он был, а теперь вернулся, потому что не хочешь больше ни с кем ссориться. Ты должен убедить их... ни в коем случае не позволяй, чтобы использовали измеритель истины.

— Да, но... Слушай, Червячок, а какой в этом смысл? Луммокс не может вечно оставаться в садовом домике.

— Мы просто тянем время. Как только они его увидят, они прикончат его... И они это сделают. Поэтому мы будем скрывать его, пока не сможем изменить положение вещей.

— А я-то думал, что смогу его спасти, продав Музею, — грустно сказал Джонни.

— Нет! Твой внутренний голос был совершенно прав, Джонни, хотя у тебя самого мозгов не больше, чем в дверной ручке. Слушай... ты помнишь Закон Сигни?

— Закон Сигни? Мы проходили что-то такое, когда изучали основы Обычаев Цивилизации.

— Совершенно верно. Припомни его.

— Как там было? — Сдвинув брови, Джон Томас стал копаться в памяти. — Ага! «Факт владения речью и манипуляторами должен восприниматься таким образом, что их владелец является мыслящим существом и, следовательно, обладает всеми неотъемлемыми человеческими правами — пока не будет убедительно доказано обратное». — Джонни вскочил. — Вот оно что! Они не могут теперь убить Луммокса!.. У него есть руки!

XI. «СЛИШКОМ ПОЗДНО, ДЖОННИ»

— Шевели мозгами, — сказала Бетти. — Ты знаешь историю об одном типе, которого адвокат уверял, что за это его в тюрьму не посадят?

— За что «за это»?

— Неважно. А клиент ответил: «Но ваша милость, пока мы об этом только говорим». Суть дела в том, что Закон Сигни — это только теория; пока мы не заставим суд изменить свою точку зрения, мы должны спрятать Луммокса.

— Ну да, понятно. Наверное, ты права.

— Я всегда права, — с достоинством признала Бетти. — Джонни, я прямо умираю от жажды: думать — очень утомительная работа, и у меня всегда горло пересыхает. Ты захватил воды из ручья?

— Нет.

— Ведра не было?

— Где-то оно есть. — Джонни порылся в мешке, нашел складное ведро и расправил.

— Дай мне его, — сказала Бетти. — Я хочу размять ноги.

— Следи за флаерами!

— Поучи свою бабушку. — Взяв ведро, Бетти, держась в тени деревьев, побежала по склону, пока не достигла берега. Джонни смотрел, как ее стройная фигура мелькает в лучах солнца, пробивающихся меж сосен, и думал, какая она симпатичная... С головы до ног настоящий товарищ, лучше любого парня. И не будь у нее этого дурацкого стремления командовать, которым вообще отличаются все женщины, Бетти была хоть куда...

Осторожно неся пластиковое ведро, Бетти поднялась наверх:

— Пей!

— Ты первая.

— Я уже напилась из ручья.

— Ну ладно. — Джонни жадно припал к ведру. — Знаешь, Бетти, не будь у тебя коленки вывернуты, ты была бы ничего.

— У кого коленки вывернуты?

— А мордашка симпатичная, — невозмутимо продолжал Джонни. — Не будь этого небольшого недостатка, ты бы...

Он не успел закончить — Бетти поднырнула и сшибла его на землю. Вода облила Джонни с головы до ног. Они продолжали возиться, пока Джонни не перехватил и не зажал Бетти руки:

— Говори «Прошу пощады!» — посоветовал он.

— Черт бы тебя побрал, Джон Стюарт! Ладно, прошу пощады. А теперь дай мне встать.

— Идет.

Джонни поднялся. Бетти осталась сидеть, поджав ноги. Взглянув на Джонни снизу вверх, она рассмеялась. Оба они были в грязи и царапинах, которые кое-где переходили в синяки, но чувствовали себя как нельзя лучше. Луммокс наблюдал за их шутливой борьбой не без интереса, но спокойно, поскольку Джонни и Бетти никогда не дрались по-настоящему.

— Джонни весь мокрый, — прокомментировал Луммокс исход поединка.

— Конечно, Лумми, — он самый мокрый из нас. — Бесси оглядела приятеля сверху донизу. — Будь у меня две прищепки, я бы подвесила тебя на дереве. За уши, естественно.

— Сегодня такой день, что мы высохнем через пять минут.

— Я не промокла, ведь я в комбинезоне. А ты выглядишь, как драный кот.

— Ну и пусть. — Джонни прилег, нашел сосновую иголку и задумчиво прикусил ее. — Какие здесь прекрасные места, Червячок. Может, нам не стоит идти в шахту?

— Знаешь что — после того, как вся эта неразбериха кончится, перед школой мы вернемся сюда и разобьем здесь на несколько деньков лагерь. И Луммокса возьмем... пойдешь с нами, Лумми?

— Конечно, — согласился Луммокс. — Буду ловить. Бросать камни. Весело.

— И что бы о нас говорил весь город?

— Не капризничай. Мы здесь — и это главное.

— Это исключительный случай.

— Беспокоишься о своей высоконравственной репутации?

— Ну, кто-то же должен думать и о таких вещах.

Мать говорит, что мальчишкам не нравится, если девочки проявляют уж очень большую активность. Она говорит, что все должно быть наоборот.

— Конечно, так было — и будет. — Бетти задумалась. — Но, Джонни, ты уделяешь слишком много внимания словам матери.

— Наверное, так оно и есть.

— Старайся жить своим умом. А то ни одной девочке не придет в голову выйти за тебя.

Джонни улыбнулся:

— Я этим и страхуюсь.

Бетти моргнула и покраснела:

— Я не говорю о себе! Ты-то мне и даром не нужен!..

Джонни решил сменить предмет разговора.

— Честно говоря, — сказал он, — когда человек привыкает к чему-то, ему трудно жить по-другому. Вот, например, ты помнишь мою тетю Тесси? Она верит в астрологию.

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. А ведь она выглядит вполне нормальной, не так ли? Но с ней ничего не поделаешь, и я прямо схожу с ума, потому что она только об этом и говорит, а мать настаивает, чтобы я был с тетей вежливым. Скажи я ей, что у нее что-то с головой не в порядке, на нее это не подействует. Куда там! Я должен выслушивать ее бред и делать вид, что тебя совершенно нормальна, хотя она может сосчитать до десяти только на счетах.

— Счеты?

— Ну, такие прутики с нанизанными костяшками. Ей нравится, чтобы ее слушали, открыв рот, а я должен доставлять ей это удовольствие.

— А ты не доставляй, — внезапно сказала Бетти. — Не обращай внимания на то, что говорит мать.

— Червячок, ты оказываешь на меня плохое влияние.

— Конечно, Джонни, — согласилась Бетти. — Я рассказывала тебе, почему я развелась с моими родителями?

— Нет, никогда. Это были ваши дела.

— Так оно и есть. Но я подумала, если я тебе расскажу, ты будешь лучше понимать меня. Наклонись. — Притянув Джонни за мочку уха, Бетти стала

что-то шептать. По мере того, как она говорила, на лице Джона Томаса появилось выражение искреннего изумления.

— В самом деле?

— Факт. Они этого никогда не оспаривали, поэтому я никому и не должна была говорить. Но так оно и было. Я пришла в суд и развелась, и мне дали профессионального опекуна без всяких нудных идей. Но, понимаешь, Джонни, я не для того все это рассказывала, чтобы ты хлопал глазами. То, что тебе досталось в наследство, еще далеко не все; ты сам должен быть личностью, индивидуальностью. Ты — это не твои родители. Не мать, и не отец. Но ты слишком поздно стал понимать это. — Бетти выпрямилась. — Так что будь самим собой и имей смелость принимать собственные решения. И никому не подражай.

— Червячок, когда ты говоришь обо всех этих вещах, ты выглядишь такой... такой рассудительной.

— Потому что я всегда такая. А теперь я хотела бы заняться твоими припасами. Очень проголодалась.

— Ну прямо, как Луммокс. Мешок с припасами наверху.

— Перекусим? — встрепенулся Луммокс, услышав свое имя.

— М-м-м... Бетти, я бы не хотел, чтобы он обламывал деревья, особенно днем. Сколько им потребуется времени, чтобы засечь меня?

— Думаю, что не больше трех дней.

— Ладно. Я захватил еды дней на пять, просто на всякий случай. — Джонни отобрал двенадцать консервных банок и дал их Луммоксу. Открывать он их не стал, потому что Луммокс любил проглатывать их целиком и потом ощущать, как в животе у него внезапно становится тепло. Луммокс покончил со своей порцией консервов раньше, чем Бетти вскрыла свою банку.

После еды Джонни вернулся к старой теме.

— Бетти, ты в самом деле думаешь, что... — Он оборвал себя. — Ты что-нибудь слышишь?

Бетти прислушалась и серьезно кивнула.

— Как далеко?

— Не больше двухсот.

Джонни кивнул:

— Они прощупывают. Луммокс! Замри!

— Замру, Джонни. А почему я должен замереть?

— Молчи!

— Не сходи с ума, — сказала Бетти. — Скорее всего, они просто прочесывают все подряд. Они не смогут обнаружить нас под этими деревьями даже в телескоп. — Но теперь и Бетти выглядела встревоженной. — Как бы я хотела, чтобы Луммокс уже был в туннеле. Если у кого-то хватит ума просканировать нашу дорогу, пока мы здесь... ну, тут уже ничего не поделаешь.

Джон Томас не слушал ее. Он весь наклонился вперед, приставив ладони к ушам, как рупоры.

— Т-с-с! — прошептал он. — Бетти! Они возвращаются!

— Не паникуй. Это просто нас захватило другое крыло поисков.

Но говоря эти слова, Бетти уже знала, что ошибается. Звук прошел над ними, взмыл и превратился в ровный стон. Они посмотрели вверх, но плотность крон и высота не дали им ничего увидеть.

Внезапно в глаза им ударила вспышка света такой яркости, что, когда она погасла, свет солнца, казалось, поблек. Бетти сглотнула комок в горле:

— Что это?

— Сверхчувствительная аппаратура. Ультрафлешь, — мрачно ответил Джонни. — Теперь они приглядываются к тому, что разглядели в телескоп.

Звук у них над головами стал еще выше, а затем почти исчез; снова сверкнула ослепляющая вспышка.

— Стереоснимок сделали, — с такой же мрачностью объяснил Джонни. — И если раньше они только подозревали, то теперь-то они нас точно увидят.

— Джонни, мы должны уводить Луммокса отсюда!

— Как? Пустить его вверх по дороге, чтобы его разбомбили? Нет, девочка, наша единственная надежда, что они примут его за большой валун — слава богу, что я заставил его стоять, не шевелясь. И мы не должны двигаться, — добавил он. — Может, они уйдут.

Но и эта последняя надежда исчезла. Они услышали, как один за другим подошли еще четыре корабля. Джонни вычислял, как движутся аппараты:

— Один занял позицию с юга. Третий, похоже,

пошел к северу. Теперь они закрывают запад... сукины дети. Они нас взяли в коробочку, Червячок.

Когда Бетти посмотрела на Джонни, лицо у нее было мертвенно-бледным:

— Что нам делать, Джонни?

— Что делать? Скорее всего, ничего... Хотя подожди. Ныряй между деревьями вниз, к ручью. Возьми с собой крылья. Затем вниз по потоку, уйди подальше — и в воздух. Держись пониже, пока не вырвешься из-под их зонтика. Тебя они выпустят — ты им не нужна.

— А что ты будешь делать?

— Я? Я остаюсь здесь.

— И я тоже.

Джонни вышел из себя:

— У меня и так хватает забот, Червячок. Ты должна уже быть в пути!

— Как ты думаешь, что они могут сделать? У тебя нет даже оружия.

— Есть, — ответил Джон Томас, притрагиваясь к ножу, висевшему у него на поясе. — А Луммокс может кидать камни.

Бетти посмотрела на Джонни, а затем истерически расхохоталась.

— Что? В самом деле — камни! Ох, Джонни...

— Во всяком случае, голыми руками они нас не возьмут. А теперь удирай отсюда — и быстро!

— Нет!

— Слушай, у нас нет времени спорить. Все ясно и понятно. Я остаюсь с Луммоксом, это мое право. Он мой.

Бетти залилась слезами:

— А ты — мой, ты, большой глупый дурачок!

Джонни попытался ответить ей и не смог. Лицо его исказилось спазмой, как у человека, который пытается сдержать слезы. Луммокс переступил с ноги на ногу:

— В чем дело, Джонни?

— А? — хрипло переспросил Джонни. — Ничего. — Он встал и потрепал своего друга по спине. — Ничего, старина. Джонни с тобой. Все в порядке.

— В порядке, Джонни.

— Да, — еле слышно подтвердила Бетти. — Все в порядке. Это будет быстро, Джонни? — прерываю-

щимся шепотом спросила она. — Мы ничего не почувствуем?

— Я надеюсь! Эх, всего полсекунды мне не хватило, чтобы дать тебе по загривку и спихнуть вниз... и все бы у тебя было в порядке!

Бетти спокойно покачала головой, и на лице ее теперь не было ни гнева, ни страха:

— Слишком поздно, Джонни. И ты это знаешь. Не ругай меня... только держи меня за руку.

— Но... — Джонни остановился. — Слышишь?

— Их становится все больше.

— Точно. Скорее всего, они строят вокруг нас восьмиугольник... чтобы мы уж точно не ушли от них.

Внезапный громовой раскат избавил Бетти от необходимости отвечать. Стало ясно, что один из кораблей снижается, и вот они уже могли его увидеть в тысяче футов над их головами. Затем оттуда раздался металлический голос чудовищной силы:

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходи на открытое место!

Джонни вырвал нож из ножен, закинул голову и крикнул:

— Приходи и возьми меня!

Бетти вся просияла, она с гордостью посмотрела на Джонни и вцепилась ему в рукав.

— Скажи им, Джонни! — шепнула она. — Мой Джонни!

По всей видимости, человек с металлическим голосом имел микрофон направленного действия:

— Ты нам не нужен, — ответил он, — и мы никому не хотим причинять вреда. Выходи!

Джонни выплюнул односложное ругательство и крикнул:

— Мы не выйдем!

Громовой голос продолжал:

— Последнее предупреждение, Джон Стюарт. Выходи с пустыми руками. Мы высылаем за тобой шлюпку.

— Высылайте! — крикнул в ответ Джонни. — Мы взорвем ее! Собери побольше камней, Лумми! — хрипло приказал он Луммоксу.

— А? Конечно! Можно, Джонни?

— Еще нет. Я скажу когда.

Голос молчал. Ни одно судно не спускалось к ним.

Вместо этого другой, не командирский корабль приблизился и завис в ста футах над вершинами сосен и примерно на таком же расстоянии сбоку от них. Медленно, с черепашьей скоростью, он начал описывать круг вокруг них.

Немедленно снова раздался режущий уши грохот, и гигантское дерево рухнуло навзничь. За ним последовало другое. Словно гигантская невидимая рука, протянувшаяся с зависшего корабля, проламывала просеку, отжимая их в сторону, но скоро круговая просека обложила их со всех сторон.

— Почему они это делают? — прошептала Бетти.

— Это судно лесной службы. Они выживают нас.

— Но зачем? Почему бы им разом не покончить со всем этим? — Бетти начала бить дрожь, и Джонни обхватил ее за плечи.

— Не знаю, Червячок. Здесь они командуют.

Судно завершило круг и зависло прямо перед ними, похоже, собираясь совершить посадку. С осторожностью зубного врача, выдирающего зуб, оператор, опускаясь, нацелился на одно дерево, выдернул его из земли и отбросил в сторону. Затем другое — и еще одно. Постепенно сквозь мачтовый сосняк пролегла широкая тропа, которая вела как раз к их убежищу.

Им не оставалось ничего, кроме как ждать. Корабль, в котором, как понимал Джонни, уже ждали встречи с ними рейнджеры, отбросил последнее дерево, которое еще как-то скрывало их, и пополз к ним, заставив их задрожать, а Луммокса взвизгнуть от страха. Джон Томас ласково шлепнул Луммокса по боку:

— Спокойнее, мальчик. Джонни с тобой.

Он подумал было, что они могли бы куда-нибудь отступить с той прогалины, которая окружала их, но понял, что смысла в этом уже нет.

Теперь на атакующую позицию вышло другое судно. Оно внезапно вынырнуло из-за лесного танка и резко спикировало в конце коридора. Джонни сглотнул и сказал:

— Давай, Лумми! В любого, кто только высунется из этого корабля — и без промаха!

— Держу пари, Джонни! — Луммокс набрал в обе руки по пригоршне боеприпасов.

Но ему не пришлось пустить их в ход. Джон Томас почувствовал, что словно опускается в мокрый бетон, который поднялся ему до груди. Рядом хрипло дышала Бетти и вскрикивал Луммокс. Затем он пискнул:

— Джонни! Вязну...

— Все в порядке, мальчик, — попытался выдавить из себя Джон Томас. — Не сопротивляйся. Спокойней, Бетти, как ты?

— Не могу дышать, — прохрипела она.

— Не сопротивляйся. Они нас взяли.

Из открытой двери люка показалось восемь фигур. В них не осталось почти ничего человеческого, с головы до ног были покрыты тяжелой металлической чешуей. На каждом шлем, напоминающий маску фехтовальщика, а за спиной — горб полевого антигравитатора. По двое нападавшие осторожно выдвинулись на открытое пространство прохода между деревьями и замедлили шаги; что-то заискрило, и каждого из них окружил фиолетовый ореол, после чего солдаты продолжили движение.

Вторая четверка тащила большой цилиндр из металлической сетки, в вышину и ширину по размерам человека. Они легко вели его по воздуху. Мужчина во главе группы приказал:

— Растягивайтесь пошире, подальше от зверя. Сначала вытащим ребят, а потом займемся им. — Командовал он четко и весело. Стараясь держаться подальше от Луммокса, команда приблизилась к странной троице. — Полегче! Давай этих двух! — приказал командир. Продолговатая клетка нависла над Бетти и Джоном Томасом, медленно опускаясь им на головы; командир щелкнул каким-то тумблером — сетра заискрила и, упав, накрыла обоих.

— Неплохая шумовка, чтобы вытащить вас из патоки, а?

У Джонни дрожал подбородок, но он посмотрел прямо на командира, и, напрягая все мускулы, чтобы высвободить ноги, выкрикнул оскорбление в его адрес.

— Ну, ну, — мягко ответил офицер. — Не стоит себя так вести. Вы нас сами к этому вынудили. — Он посмотрел на возвышавшегося над ним Луммокса. — Ну и создание! В самом деле громадина!

Вот уж с кем не хотел бы встретиться на лесной тропинке и без оружия.

Джонни почувствовал, что слезы хлынули потоком, и он не может сдержать их.

— Ну, давай! — крикнул он прерывающимся голосом. — Кончайте, наконец!

— Что?

— Он никому не приносил вреда! Поэтому убейте его побыстрее... не надо играть с ним в кошки-мышки. — Джонни опустился на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. Бетти обхватила его за плечи и рыдала вместе с ним.

Офицер растерянно огляделся:

— О чем ты говоришь, сынок? Мы здесь не для того, чтобы причинять ему вред. У нас приказ доставить его без царапинки — пусть даже я потеряю своих людей. Самый идиотский приказ, который я когда-либо получал.

XII. И ТУТ ПРИШЛА ПИГГИ-ВИГГИ

Мистер Кику чувствовал себя прекрасно. Завтрак не лежал горячим комом у него в желудке, прибегать к таблеткам не было необходимости — так же, как углубляться в созерцание его будущего поместья. Трехсторонняя конференция прошла как нельзя лучше, и даже марсианская делегация наконец взялась за ум. Не обращая внимания на мерцающие желтые огоньки на своей панели, он принялся распевать: «Франки и Джонни любили друг друга... ах, ребята, как они любили друг друга... и в верности клялись...»

Мистер Кику обладал приятным баритоном и полным отсутствием слуха.

Больше всего его радовало, что эта глупая, ни с чем несообразная история с хрошиа наконец подошла к концу... и никто себе не поломал шеи на ней. Старый добрый доктор Фтаемл намекнул, что имеются неплохие шансы на установление дипломатических отношений, ибо хрошии были предельно обрадованы, обнаружив наконец свою пропавшую соотечественницу.

Да, дипломатические отношения с такой могучей расой, как хрошии, были бы весьма полезны... они должны стать нашими союзниками, хотя это не так просто, скорее всего, придется подождать какое-то время. Возможно, не очень долго, прикинул Кику, пока они перестанут сходить с ума от Луммокса; они его... или ее прямо обожествляют.

Вспоминая все происшедшее, можно понять их реакцию. Кто мог предположить, что существо величиной в полдома и возрастом в сто пятьдесят лет все еще ребенок? Или что у представителей этой расы руки появляются лишь тогда, когда ребенок становится достаточно взрослым, чтобы пользоваться ими? Интересно, почему эта хрошиа значительно крупнее, чем ее соотечественники? Именно ее размеры смутили Гринберга, да и его самого сбили с толку. Интересно, в чем тут дело... надо посоветоваться с ксенологами.

Хотя не стоит. Наконец Луммокс отправился... точнее, отправилась на корабль хроший. Без шума, без хлопот, без особых церемоний. Опасность позади. Неужели они в самом деле могли испепелить, испарить Землю? Хорошо, что мы так и не выяснили это. Все хорошо, что хорошо кончается. Кику снова замурлыкал.

Мистер Кику продолжал напевать, когда тревожно замерцал сигнал «срочный вызов», и промурлыкал последние строфы прямо в лицо Гринбергу: «...пока будут звезды сиять, мы..»

— Сергей, ты можешь петь тенором? — спросил он.

— Чего ради вас это волнует, босс? Никогда не пробовал.

— Ты просто завидуешь. В чем там дело, сынок? Все в порядке?

— Видите ли, босс... тут маленькая заминка. Со мной доктор Фтаемл. Можем ли мы с вами встретиться?

— В чем дело?

— Поговорим, когда будем одни. Годится комната для совещаний?

— Приходи в офис, — мрачно сказал мистер Кику. Отключившись, он открыл ящик стола и потянулся за таблетками.

Гринберг и медузоид явились тотчас же; Гринберг, демонстрируя крайнее изнеможение, сразу же шлепнулся в кресло, вытащил из кармана сигареты, но обронил их. Вежливо поприветствовав доктора Фтаемла, мистер Кику сразу же обратился к Гринбергу:

— Ну?

— Луммокс не хочет трогаться с места.

— Что?

— Отказывается. Хрошии носятся с места на место, как муравьи, буквально выходят из себя. Пришлось поставить заграждения, и теперь та часть космопорта, где они сели, блокирована. Что-то надо делать.

— Чего ради? Тут есть чему удивляться, но я отказываюсь считать, что это наше дело. А почему она отказывается грузиться?

— Ну... — Гринберг беспомощно посмотрел на Фтаемла.

— Разрешите мне разъяснить ситуацию, — вежливо сказал раргиллианин. — Видите ли, сэр, хрошиа отказывается идти на борт судна без своего хозяина.

— Хозяина?

— Без мальчика, босс. Без Джона Томаса Стюарта.

— Совершенно верно, — согласился Фтаемл. — Хрошиа утверждает, что она растила и воспитывала «Джонов Томасов» долгое время, и она отказывается возвращаться домой без Джона Томаса. И тут она непоколебима.

— Вижу, — согласился мистер Кику. — Иными словами, мальчик и хрошиа привязаны друг к другу. Ничего удивительного; они вместе росли. Но Луммоксу придется примириться с этой разлукой — так же, как Джону Томасу. Насколько я помню, он доставил нам немало хлопот; пришлось сказать ему, чтобы он держал язык за зубами, и отправить его домой. Вот что должны они сделать: сказать ей, чтобы она помалкивала, запихнуть ее, если понадобится, силой на корабль и отправляться восвояси. В конце концов ради этого они и явились к нам.

— Разрешите сказать вам, сэр, — ответил раргиллианин, — что используя привычные термины, вы ошибаетесь, оценивая существо проблемы. Я говорил с ней на ее собственном языке.

— Что? Неужели она успела так быстро выучить его?

— Она давно уже знает его. Хрошии, мистер Заместитель Секретаря, знают собственный язык с колыбели. Это инстинктивное знание языка служит объяснением того, почему им так трудно осваивать другие языки и пользоваться ими. Хрошиа говорят на вашем языке примерно на уровне четырехлетнего ребенка, хотя, насколько я понимаю, она познакомилась с ним довольно давно. Но на своем собственном языке она говорит совершенно бегло... и достаточно резко, что с сожалением вынужден я признать.

— Ах вот как? Ну что ж, изложите. Слова не могут нас задеть.

— Она сказала... она отдала командиру экспедиции приказ немедленно найти ее любимца. Немедленно. В противном случае, заявила она, она останется здесь и будет растить «Джонов Томасов».

— И, — добавил Гринберг, — командир предъявил нам ультиматум: немедленно представить Джона Томаса... или же...

— И это «или же» означает то, что я предполагал? — медленно сказал Кику.

— То самое, — просто сказал Гринберг. — И после того как я увидел их корабль, я не сомневаюсь в их возможностях.

— Вы должны понять, сэр, — серьезно добавил Фтаемл, — что командир расстроен так же, как и вы. Но он должен приложить все усилия, чтобы удовлетворить желание хрошии. Определенное сочетание генов было запланировано более двух тысяч ваших лет назад; и они не могут столь легко отказаться от него. Он не может позволить ей остаться... и не может заставить ее силой отправиться в путь. Он очень встревожен.

— Так же, как и мы, не так ли? — Мистер Кику взял еще две пилюли. — Доктор Фтаемл, у меня есть послание вашим доверителям. Прошу вас передать его совершенно точно.

— Будет исполнено, сэр.

— Передайте им, пожалуйста, что мы с возмущением отвергаем их ультиматум. Я прошу вас...

— Сэр! Я вас умоляю!

— Я прошу вас точно следовать моим указаниям. Не пытайтесь смягчить то, что я скажу. Скажите, что мы устали всемерно помогать им. Что мы добились

успехов, но не приемлем, когда на нашу любезность нам отвечают угрозами. Скажите, что их поведение нетерпимо среди цивилизованных существ и что мы отзываем свое предложение вступить в Сообщество Цивилизаций. Скажите, что я плюю им в физиономии... найдите столь же выразительную идиому. Скажите им, что свободный человек может умереть, но никогда не подчинится силе.

Широко ухмыляясь, Гринберг похлопал в ладоши, изображая древний знак одобрения. Казалось, что внешняя хитиновая оболочка доктора Фтаемла покрылась смертельной бледностью.

— Сэр, — сказал он, — я выражаю огромное сожаление в связи с тем, что вынужден доставить ваше послание.

Мистер Кику холодно усмехнулся:

— Передайте все, что я сказал. Но прежде, чем вы это сделаете, найдите возможность поговорить с этой хрошна... с Луммоксом. Можете вы это сделать?

— Могу вас заверить в этом, сэр.

— Скажите ей, что командир экспедиции, одержимый непомерным рвением, собирается убить этого человека, Джона Томаса Стюарта. Проследите, чтобы она точно поняла, в чем смысл угрозы.

Раргиллианин растянул ротовое отверстие в широкой улыбке: — Простите меня, сэр, я вас недооценивал. Оба послания будут доставлены — именно так, как вы и сказали.

— Это все.

— Желаю вам доброго здоровья, сэр. — Раргиллианин, повернувшись к Гринбергу, обнял его за плечи свободной рукой. — Брат мой, Сергей, в каком бы лабиринте мы с вами не оказались, мы всегда найдем тот или иной выход — не так ли?

— Совершенно правильно, док.

Фтаемл покинул их. Кику повернулся к Гринбергу и сказал:

— Доставь мне сюда этого мальчишку, Стюарта. Сам, лично — и поскорее. М-м-м... захвати и его мать. Ведь он еще несовершеннолетний?

— Да. Босс, что вы планируете? Вы же не хотите передать его этим?.. особенно после того, как они получили от вас хорошую зуботычину?

— Конечно, хочу. Но на моих собственных условиях. Ни в коем случае я не дам этому зверинцу основания думать, что они могут диктовать нам условия Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих собственных целей. А теперь отправляйся!

— Иду.

Мистер Кику остался сидеть за столом, рассеянно перебирая бумаги, пока его подсознание решало проблему Луммокса. Он подозревал, что прилив достиг высшей точки... для людей. Надо было прикинуть, каким образом удастся справиться с ситуацией. Он как раз обдумывал эту проблему, когда дверь открылась и вошел досточтимый мистер Рой Макклюр:

— Вот вы где, Генри! Собирайтесь и пойдем... Бейла Мургатройд будет ждать встречи с вами.

— Бейла — кто?

— Бейла Мургатройд. Та самая Бейла Мургатройд.

— Я должен ее знать?

— Что? Человече, неужели вы никогда не смотрите стереовидение?

— Если я могу избежать этого — никогда.

Мистер Макклюр осуждающе покачал головой:

— Генри, вы заработались. Вы похоронили себя в этих четырех стенах, вы лишь нажимаете свои кнопки и даже не знаете, что делается в мире.

— Возможно.

— Так оно и есть. Вы стали неприкасаемым... хотя это хорошая штука, если вам не приходится иметь дело с людьми.

Мистер Кику позволил себе беглую усмешку:

— Я тоже так думаю, сэр.

— Ставлю три против одного, что вы даже не подозреваете, кто выигрывает в Мировых Сериях.

— Мировые Серии? Бейсбол, что ли? Прошу прощения, но в свое время я не мог даже следить за матчами по крикету.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду?.. Если вы могли спутать крикет с бейсболом... впрочем, неважно. Раз не знаете, кто такая знаменитая Бейла Мургатройд, я вам скажу. Она, так сказать, мать Пигги-Вигги.

— Пигги-Вигги? — непонимающе откликнулся мистер Кику.

— Я сойду с вами с ума. Она придумывает для детей истории с Пигги-Вигги. Ну, вы же знаете — «Пигги-Вигги на Луне», «Пигги-Вигги отправляется на Марс», «Пигги-Вигги и пираты космоса».

— Боюсь, что не знаю.

— Трудно поверить. Разве у вас нет детей?

— Трое.

Мистер Макклюр продолжил тираду:

— Теперь она подняла Пигги-Вигги на такую высоту, что это в самом деле нечто. Естественно, для детей, но все это так уморительно, что и взрослые смотрят. Видите ли, Пигги-Вигги — кукла, примерно с фут величиной. Она летает в космос, спасает людей, борется с пиратами, она воспевает добрые старые времена... и детям она очень нравится. А в конце каждого выпуска появляется миссис Мургатройд, они берут по стакану «Ханки» и очень мило болтают. Вам нравится «Ханки»?

Мистер Кику пожал плечами:

— Нет.

— Ну, есть-то вы его ели. Это самая сногсшибательная реклама завтраков, все ее знают.

— Это так важно?

— Важно? Человече, знаете ли вы, сколько людей едят завтрак по утрам?

— Нет, не знаю. Надеюсь, что не так много. Во всяком случае, я не завтракаю.

Мистер Макклюр посмотрел на свои часы:

— Мы должны спешить. Техники уже готовят аппаратуру. Она сможет быть здесь каждую минуту.

— Техники?

— Разве я не сказал вам? Миссис Мургатройд будет интервьюировать нас, а на коленях у нее будет сидеть Пигги-Вигги и принимать участие в разговоре. Затем они вставят наш с вами разговор в передачу. Прекрасная реклама для Департамента.

— Нет!

— Что? Мистер Кику, правильно ли я вас понял?

— Мистер Секретарь, — сдерживаясь, сказал Кику. — Скорее всего, я не смогу участвовать... Я... я испытываю страх перед публичными выступлениями.

— Что я слышу? Это абсурд! Вы помогали мне открывать Трехстороннюю Конференцию. Вы говорили без малейших записей полчаса.

— Это другое дело. Это был деловой разговор между профессионалами.

Секретарь нахмурился:

— Я терпеть не могу настаивать, тем более если это заставляет вас нервничать. Но миссис Мургатройд специально попросила, чтобы вы участвовали. Видите ли... — Макклюр слегка смутился. — ...Пигги-Вигги выступает за расовую терпимость и все такое. Под разной кожей все мы братья... словом, такие штуки, за которые все мы ратуем, не так ли?

— Простите, — твердо сказал мистер Кику. — И тем не менее.

— Да перестаньте, Генри! Вы ведь, конечно, не хотите, чтобы я настаивал?

— Мистер Секретарь, — тихо ответил Кику, — вы без труда можете выяснить, что мои рабочие обязанности не требуют участия в качестве актера в стереовизионных передачах. Если вы дадите мне письменное распоряжение, я буду вынужден представить его на рассмотрение в соответствующую инстанцию, которая и даст вам официальный ответ.

Мистер Макклюр нахмурился:

— Генри, каким упрямым маленьким созданием вы можете иногда быть! Могу только удивляться, каким образом вам удалось так высоко взобраться?

Мистер Кику промолчал, а Макклюр продолжал:

— Я не хочу, чтобы вы подсовывали мне книгу приказов; я слишком стар, чтобы играть роль лисы, которая загоняет кроликов. Я должен сказать, что никогда не предполагал, что вы можете поставить меня в такое положение.

— Простите, сэр. Мне в самом деле неудобно.

— И мне тоже. Я все же попытаюсь убедить вас, что это очень важно для нашего Департамента... хотя мы не можем приказывать его работникам делать то или то. Видите ли, Бейла Мургатройд выражает интересы «Друзей Луммокса». Таким образом...

— «Друзей Луммокса»?

— Я знал, что теперь вы посмотрите на это по-другому. Кроме того, вся эта суматоха заварилась не без вашей помощи. И отсюда следует...

— Ради всех святых, что это значит — «Друзья Луммокса»?

— Участвуя в интервью, вы можете задать этот вопрос им самим. И если бы я не был вынужден спешить на ленч с Весом Роббинсом, мы с вами оказались бы в одной лодке.

— Я должен заняться бумагами. Как всегда.

— Миссис Мургатройд — это не *как обычно*, я все время пытаюсь вам это доказать. Ваши мальчики погрязли в своих протоколах и прецедентах и потеряли всякий контакт с людьми. И если вы не учтете мои слова, вам никогда не забраться на самый верх.

— Меня это меньше всего интересует, — вежливо сказал мистер Кику.

— Да? — Секретарь слегка смутился. — Я имел в виду, туда, где обитают самые обычные политики вроде меня, которые держат руку на пульсе... хотя, должен признать, у меня нет ваших способностей. Понимаете?

— В этой работе найдется применение талантам любого из нас, сэр. Но продолжим. Упоминание о «Друзьях Луммокса», возможно, проскочило мимо меня, не оставив следа в памяти.

— Возможно. Я ни в коем случае не критикую ваше отношение к работе. Что говорить, она достаточно тяжела... космос требует постоянного внимания. Но что касается истории с этим «Д. Л.» — мы были вынуждены принять участие в какой-то глупой истории на западной окраине. Вы должны знать о ней, потому что посылали туда кого-то из своих ребят — и дело это было связано с какой-то... м-м-м... хорушией Луммокс. Приговор суда... то есть, *наш* приговор, можете вы уточнить, требовал уничтожить животное. Кстати, Генри, добьетесь ли вы когда-нибудь дисциплины от своих работников?

— Нет, сэр.

— В чем дело?

— Он не проявил недисциплинированности, сэр. Исходя из имеющихся данных, он был совершенно прав.

— Я смотрю на это по-другому... Лучше перешлите это дело в мой офис. Я хочу лично ознакомиться с ним.

— Сэр, — мягко спросил Кику, — не думаете ли

вы упрекнуть меня в пренебрежении административной дисциплиной?

— Что? Я всего лишь хочу просмотреть дело.

— Ибо в таком случае вы можете тотчас же получить мое прошение об отставке. Если я не могу больше исполнять свои обязанности...

— Что вы имеете в виду? Генри, не торопитесь. — Секретарь побарабанил пальцами по столу мистера Кику. — Успокойтесь, человече, и давайте откровенно поговорим друг с другом. Я понимаю, что ваши ребята, стоит вам захотеть, представят любое дело так, как вам выгодно... и завтра мне уже в политике делать будет нечего. Но пока я тащу этот груз, я буду настаивать на соблюдении дисциплины. Имею я на это право?

— Да... право вы имеете.

— Не говоря уж об ответственности. Возможно, вы и правы относительно этого работника, кто бы он ни был... вы обычно правы, в противном случае, у нас бы все застопорилось. Но когда я считаю необходимым ознакомиться с каким-то делом, это мое право. Если я считаю, что вы должны подписать какой-то документ, вы его подписываете, потому что я прошу вас это сделать. Если же не прошу, то держитесь в определенных рамках. Я достаточно ясно выразился?

— Яснее некуда. Я поторопился, мистер Секретарь. Досье с делом будет на вашем столе.

— И во-вторых, не волнуйтесь. Если речь идет об одном из ваших любимчиков...

— У меня нет любимчиков, мистер Макклюр. Я ко всем отношусь одинаково, невзирая на личности.

— Иногда мне кажется, что вы ненавидите сами себя. Итак, на чем мы остановились? Ах, да! Так вот, когда мы оказались впутаны в эту ужасную историю с хорушиями, миссис Мургатройд увидела шанс для неплохого дела. Конечно, она увидела в нем и возможность оживить свою собственную программу, но это к делу не относится. Так или иначе, Пигги стала рассказывать всем малышам об этих ужасах и обратилась к ним с просьбой писать и вступать в ряды Друзей Луммокса. В первые двадцать четыре часа было получено три миллиона посланий. А теперь половина ребятишек нашего континента и бог знает сколько еще во всех остальных местах входят в число

«Друзей Луммокса» и умоляют спасти его от преследований.

— Ее, — поправил мистер Кику.

— Что?

— Прошу прощения. Думаю, что в данном случае ни одно из местоимений не является верным. У хрошии шесть различных полов. Вы можете звать Луммокса «он» или «она», но, в сущности, нам нужно какое-то новое слово. Но имеет ли это значение?

— Во всяком случае, не для меня, — согласился Макклюр. — Но если бы мы в самом деле вынесли Луммоксу смертный приговор, я верю, что эти детишки начнут революцию. Честное слово. Я уже не говорю просто о поклонниках, о фанах Пигги-Вигги. Но Бейла Мургатройд хочет во что бы то ни стало нам помочь. Значит, она проинтервьюирует нас, и я отвечу на основные вопросы, а вы уточните детали. Ну, словом, все, касающееся того, как Департамент защищает права наших негуманоидных друзей и о том, что все обязаны проявлять терпимость... наша обычная линия. Потом Пигги-Вигги спросит вас, что случилось с Луммоксом, а вы расскажете малышам, что Луммокс на самом деле оказался заколдованным принцем... или принцессой... и как Луммокс улетит к себе домой в небо. Это будет сногсшибательно. Это все, что вы должны будете сделать, — добавил Макклюр. — Они сделают снимок, как Луммокс поднимается в корабль и делает на прощание ручкой. А мы съедим по тарелке «Ханки» — не беспокойтесь, я уж позабочусь, чтобы ваша тарелка была пуста! — а Пигги-Вигги споет своего «Жаворонка». Конец. Займет все это не больше двадцати минут, но мы сделаем большое дело для Департамента. О'кей?

— Нет.

— Ну, Генри... Ладно, вы можете не есть эти «Ханки».

— Нет.

— Генри, вы невозможный человек. Разве вы не согласны, что это наше прямое дело — помогать детям осознавать их ответственность и учить, как правильно поступать в наш сложный век, век Сообщества Цивилизаций?

— Нет, сэр, не согласен. Это дело родителей и учителей, а не правительства. Департамент делает

больше, чем в его силах. Перед лицом растущих ксенологических проблем. — И про себя мистер Кику добавил: даже, если бы я согласился, все равно бы не ел эти «Ханки»!

— Хм-м-м... Довольно узкий подход, Генри. Бюрократический, позволю себе сказать. Вы прекрасно знаете, что во всей этой истории мы чувствовали себя, как на горячей сковородке, тем более, что нас подогревали со всех сторон — вопило «Общество за Сохранение Статус-Кво», а Лига «Сохраним Землю для Людей» прямо накидывалась на нас. Совету пришлось нелегко. И вот у нас появляется возможность настроить общественное мнение против этих любителей бить горшки, а вы отказываетесь нам помогать. Вам никогда не приходилось иметь дело с типами из Статус-Кво и шутами из «Земли для Людей» — потому что именно я оберегал вас.

— Простите, сэр. Но вам не стоит тратить на них время. Вне всякого сомнения, вы знаете, что за спинами этих шумных организаций кроются чисто денежные интересы. Пусть с ними борются люди и организации, придерживающиеся противоположной экономической ориентации — импортеры, владельцы транспортных линий, ученые. Наше дело — международные отношения. Если на нас будут оказывать давление различные группы, мы выпустим на них группы специалистов по общественному мнению; для этого они и существуют.

— А кто же я, как не тот самый высококвалифицированный специалист? — гневно спросил Макклюр. — И у меня нет никаких иллюзий относительно этой чертовой работы.

— Неправда, сэр. Вы берете на себя политическую ответственность. Я же стараюсь держаться в стороне от нее — насколько мне позволяет моя работа.

— Ха! Политикой заправляете именно вы. А потом пришпориваете меня. Я начинаю это понимать.

— Простите, сэр. Насколько я понимаю, все занимаются политикой... даже швейцар в пределах своих возможностей. Это неизбежно. Я стараюсь делать свою работу.

Личный секретарь мистера Кику обратился к нему:

— Мистер Кику, у вас ли Секретарь? Его ждет миссис Бейла Мургатройд.

— Сейчас буду, — отозвался мистер Макклюр.

— Милдред, — тихо добавил мистер Кику, — посмотрите, чтобы ею занялись. Мы немного задерживаемся.

— Да, сэр. Помощник Секретаря позаботится о ней.

— Отлично.

— Задерживаться мы не будем, — сказал Макклюр мистеру Кику. — Не хотите, как хотите... хотя вы меня разочаровали. Но я не могу заставлять ее ждать.

— Садитесь, мистер Секретарь.

— Что?

— Садитесь, сэр. Есть вещи, из-за которых даже могущественная миссис Мургатройд должна подождать. Большая беда свалилась нам на голову. Вы должны предстать перед Советом, зная о ней... возможно, нам придется собрать специальную сессию уже сегодня вечером.

— Что? Почему вы мне ничего не говорили?

— Я как раз прикидывал, как вам сообщить об этом, когда вы вошли. И последние несколько минут я уже не раз пытался дать вам понять, что у Департамента есть куда более важные дела, чем продавать «Ханки».

Секретарь посмотрел на него, затем подошел к столу Кику. — Милдред! — вызвал он секретаря. — Это я. Скажи коммодору Мэрти, что я задерживаюсь по неотложному делу и что он должен из кожи вон вылезти, но развеселить миссис Мургатройд.

— Да, мистер Секретарь.

Макклюр вновь повернулся к Кику:

— Итак, Генри. Прекратите читать мне лекции и приступайте к сути.

Мистер Кику исчерпывающе изложил состояние дел с новым кризисом. Мистер Макклюр слушал молча, без комментариев. Когда мистер Кику подошел к тому пункту, как он отверг ультиматум, снова ожила связь.

— Шеф? Здесь Мэрти. Миссис Мургатройд ждет еще одно свидание.

— Она спешит?

— Конечно, сэр.

— Слушай, Джек, я буду через несколько минут, займись ею.

— Но...

— Обольсти ее, если понадобится. А теперь отклю-

чайся. Я занят! — Нахмурившись, Макклюр повернулся к мистеру Кику. — Генри, вы снова повесили меня на гвоздик. Вы не оставили мне ничего другого, кроме как играть в ваши игры.

— Могу ли осведомиться, что вы можете сделать?

— М-м-м? — Макклюр снова нахмурился. — Думаю, что могу повторить только то, что вы сказали... только в более крепких выражениях. Признаю, что, скорее всего, и не предполагал вмешиваться в эту историю с Луммоксом. Вы проявили находчивость.

— Понимаю, сэр. Перед лицом того факта, что мы отвергли их ультиматум, что в предварительном порядке может предпринять Секретарь? Я должен добавить, что хотел бы избежать необходимости от имени Департамента намекать Совету, что необходимо привести в боевую готовность наши станции на внешних планетах.

— О чем вы говорите? Ничего такого не понадобится! Я могу приказать Внутренней Гвардии приблизиться и вышвырнуть их в небо — на мою ответственность. Кроме того, они в нашей внутренней защитной зоне... это будет простая полицейская акция.

Это то, что, как я и предполагал, он собирается сделать, подумал мистер Кику...

— Вы предполагаете, — сказал он, — что их корабль кубарем улетит в небеса... а если наоборот?

— Что? Это абсурд!

— Мистер Секретарь, единственная вещь, которую я усвоил за сорок лет работы на этом посту — это то, что когда вы имеете дело с тем, что «Вне», такие слова употреблять не стоит.

— Ну, я бы... Генри, а ведь вы серьезно верите, что они могут угрожать нам. Вы по-настоящему напуганы. — Он всмотрелся в лицо мистера Кику. — Вы что-то недоговариваете? У вас есть доказательство того, что они могут привести в исполнение свои абсурдные угрозы?

— Нет, сэр.

— Ну и?

— Мистер Макклюр, в моей стране более трехсот лет назад существовало могучее и мужественное племя. Кучка европейцев чего-то потребовала от них... какие-то налоги, как они их называли. Вождь племени был очень храбр, его окружали многочисленные опыт-

ные воины. Он знал, что у чужеземцев есть оружие, но свое оружие было и у них. Но полагался он, главным образом, на храбрость своих воинов и на их численность. Он умно продумал план боя и завлек врагов в каньон.

— И что дальше?

— Люди племени никогда не слыхали о пулеметах. Знакомство с ними было последним, что они узнали в жизни — потому что они были очень смелыми и шли на врага стройными рядами. Племени больше не существует, ни одного человека.

— Если вы хотите запугать меня, то... впрочем, неважно. Но свидетельств вы мне так и не представили. Кроме того, мы отнюдь не какое-то племя дикарей. Ничего общего.

— Возможно. Но пулеметы тех лет были лишь немногим лучше обыкновенного оружия. Да, у нас есть то, по сравнению с чем пулемет будет чем-то вроде перочинного ножа. И тем не менее...

— Вы имеете в виду, что эти хорушии обладают оружием, которое способно превратить все наши достижения в металлолом. Честно говоря, мне не хочется верить в это, и я не верю. Выше мощи атомного ядра в космосе нет ничего. Вы знаете это и я знаю это. У нас оно есть. Не сомневаюсь, что у них оно есть тоже, но нас больше в миллионы раз и мы на своей земле.

— Так думал и вождь племени.

— Совершенно разные вещи.

— Может быть, — устало ответил мистер Кику. — Я не запугиваю вас каким-то таинственным оружием, которое лежит вне пределов нашего понимания; просто я каждый раз удивляюсь, видя, как незначительное усовершенствование может преобразить известное оружие... а возможности для такого подхода предоставляет любая теория. Конечно, я не знаю точно...

— В общем-то и я, но уверен, что... Вот что, Генри, я сейчас же отдам приказ начать полицейскую акцию.

— Да, сэр.

— Ну! Да не сидите же с каменным лицом — «Да, сэр!» Вы же не знаете — так? Так почему я должен знать?

— Я не осуждаю вас, сэр. Вам потребуется прямая

связь? Или вы предпочитаете, чтобы командир базы прибыл сюда?

— Генри, вне всякого сомнения, на всех семнадцати планетах вы самый ужасный человек. Я спрашиваю вас, почему я не должен этого делать?

— Причин к тому я не вижу, сэр. Я могу только изложить свои соображения, почему я не рекомендую вам так поступать.

— Ну?

— Потому что я не знаю. Потому что я чувствую только страх перед гуманоидами, которые могут быть и куда более контактными, чем мы сами, но которые, руководимые суеверным страхом, могут наделать массу бед. И пока я не буду знать, я не собираюсь играть в русскую рулетку, ставя на карту судьбу своей планеты. Я предпочитаю использовать словесное оружие, доколе это возможно. Итак, вы хотите отдать приказ, сэр? Должен ли я позаботиться о дальнейших деталях?

— Перестаньте меня доводить! — Макклюр, побагровев, посмотрел на своего заместителя. — Думаю, что сейчас вы будете угрожать мне отставкой.

Мистер Кику позволил себе легкую улыбку:

— Мистер Макклюр, я никогда не подаю прошения об отставке дважды в течение одного дня. Я подожду с ним до окончания полицейской акции, — добавил он. — И если оба мы останемся живы и я должен буду признать, что ошибался в главном, моя отставка станет необходима. Я надеюсь, сэр, что вы окажетесь правы. Я предпочту доживать свой век не у дел, но в мире и покое, чем посмертно доказывать свою правоту.

Макклюр пожевал губами, но не ответил. Мистер Кику продолжал тихим голосом:

— Могу ли я в рамках моих обязанностей внести предложение?

— Конечно. Вы отвечаете только перед законом. Говорите.

— Можем ли мы начать атаку через несколько минут? Стремительность поможет нам компенсировать то, что мы потеряли при задержке. Астробюро может дать элементы орбиты вражеского корабля. — Кику наклонился к панели.

Она ожила прежде, чем он прикоснулся к ней:

— Шеф? Это Мэрти. Я лезу из кожи вон, но она...
— Скажи ей, что я не могу встретиться с ней!
— Сэр?
— Ну... подольстись к ней. Ты знаешь, как это делается. А теперь заткнись и не мешай мне.
— Понял, сэр.
Мистер Кику снова вызвал Астробюро:
— Главного баллистика... и немедленно. А, Картье... подбивайте итоги — и побыстрее. Словом, мне нужны элементы...
Макклюр потянулся и прервал связь.
— Ладно! — гневно сказал он. — Будем считать, что вам удалось взять меня на пушку.
— Я не брал вас на пушку, сэр.
— Хорошо, хорошо, вы меня убедили, что у вас на плечах мудрая голова. Я не более, чем вы, хочу вслепую рисковать пятью миллиардами жизней. Ну, хотите, я встану перед вами на колени?
— Ни в коем случае, сэр. Но я испытываю большое облегчение. Благодарю вас.
— Ах, это вы испытываете облегчение? А как насчет меня? А теперь скажите, как вы собираетесь распутывать этот клубок? Я в полных потемках.
— Я понял вас, мистер Секретарь. Первым делом, я послал за этим мальчишкой Стюартом...
— За Стюартом? Зачем?
— Надо убедить его ехать. Мне нужно его согласие.
Секретарь посмотрел на мистера Кику так, словно он не верил своим ушам:
— Должен ли я понимать вас, мистер Кику, так, что после того, как вы отвергли их ультиматум, вы собираетесь капитулировать — и это все, что вы можете предложить?
— Вы неправильно поняли меня.
— Меня не интересуют ваши дипломатические выражения. Мы никогда не уступим им мальчишку. Я не хочу рисковать вслепую, но это другое дело. Какое бы на меня ни оказывалось давление, я никогда не отдам ни единого человека... и могу вас уверить, что Совет согласится со мной. Есть такое понятие, как человеческое достоинство. Должен добавить, что я изумлен... и возмущен.

— Могу я продолжать, сэр?

— Ну что ж... продолжайте. Излагайте свои мысли.

— Мысль о том, чтобы отдать мальчика, не приходила мне в голову. Наука дипломатического умиротворения давно уже разработана теорией. И собирайся я принести мальчика в жертву, я должен был бы аплодировать вашему возмущению.

— Но вы сказали...

— Прошу вас, сэр. Я знаю, что я сказал. Я послал за мальчиком, чтобы получить представление о его собственных желаниях. Вполне возможно, что и он хочет быть вместе с Луммоксом, даже страстно желает этого.

Макклюр покачал головой:

— Даже если парень настолько сошел с ума, мы все равно не можем ему позволить делать это. На расстоянии девятисот световых лет от любого человеческого существа? Я бы скорее предпочел отравить ребенка...

— Это не совсем верная картина, сэр. Если я заручусь его согласием, я не собираюсь выкладывать на стол этот факт во время переговоров... а буду вести игру с тузом в рукаве. И тут нам будет о чем поторговаться.

— Например?

— Их наука. Их торговля. Новые горизонты в космосе. Остальные возможности даже я с трудом могу проследить.

Макклюр обмяк:

— Я в этом не уверен, но что нам делать, только атаковать? Человек должен быть готов к риску. Раздавить гадину, которая нам угрожает... но мне это не нравится.

— Мистер Секретарь, если мой план не сработает... или же не получит вашего одобрения, я вместе с вами брошу вызов небу. Но мы должны попробовать заключить сделку... не забывая о своем человеческом достоинстве.

— Ну что ж... начинайте. Держите меня в курсе дела, — вздохнул Макклюр.

XIII. «НЕТ, МИСТЕР СЕКРЕТАРЬ»

На следующее утро жена мистера Кику разбудила его очень поздно. Она делала это время от времени, резонно полагая, что нет такого кризиса, из-за которого человек не мог бы поспать, если ему надо отдохнуть. Поднявшись в свой офис, он обнаружил там Весли Роббинса, специального помощника Секретаря по связям с общественностью, который спал в его кресле. Роббинс был далеко не дипломатом, не собирался им быть и демонстрировал это при каждом удобном случае.

— Доброе утро, Вес, — мягко сказал мистер Кику.

— Как вам это нравится? — Вес бросил на стол Заместителя Секретаря пачку «Столичной газеты». — Это вы видели?

— Нет, — мистер Кику развернул газету.

— Двадцать три года имею дело с газетами... и меня обошли как мальчишку.

«ИНОЗЕМНЫЕ ЗАХВАТЧИКИ УГРОЖАЮТ ВОЙНОЙ!!! Вражеский вызов!

Столица. 12 сент... Секретарь по делам космоса Макклюр сообщил сегодня, что иноземные пришельцы, именуемые «хрошии», приземлившиеся в космопорту Столицы, угрожая военными действиями, выдвинули требование, чтобы Федерация...»

Кику просмотрел заметку, отметив, что искажение его ответа хрошии и сам ответ были приписаны Макклюру и что нигде не упоминалась возможность мирного соглашения. Анонс оповещал, что, по мнению Генерального Штаба, у всех планет Федерации нет ни малейшего повода беспокоиться из-за наглого вызова пришельцев. Сенатор из Южной Азии обратился с запросом, какие шаги предпринимаются... Кику просмотрел все полосы, отбросив 90 процентов их содержания, включая взрыв возмущения со стороны Лиги «Сохраним Землю для Людей» и редакционную колонку «Мы стоим на распутье». Было здесь и

интервью с миссис Мургатройд, но у Кику не было времени выяснить, на чьей стороне Пигги-Вигги.

— Что за суматоха? — спросил Роббинс. — Где вы прячете сигареты?

— Похоже, что мы слишком щедро тратим бумагу, — согласился Кику. — Сигареты в ручке кресла для гостей.

— И как вам все это нравится? Я застигнут врасплох. Почему никто мне ничего не сказал?

— Минутку. — Мистер Кику наклонился к панели на своем столе. — Отдел безопасности? А, это вы, О'Нейл... разместить дополнительные специальные полицейские силы вокруг корабля хрошни!..

— Уже сделано, босс. Но почему нас никто не поставил в известность?

— Прекрасный вопрос. Какие бы силы вы не использовали, пусть их будет как можно больше. Не должно быть не только волнений; мы не можем допустить ни малейшего инцидента. Наскребите как можно больше специалистов по умиротворению толпы, обратитесь к другим агентствам. Затем обратите особое внимание на организацию лунатиков... и всех ксенофобов, я имею в виду. Что вас еще беспокоит?

— Ничего, с чем бы мы не могли справиться. Но я ничего не обещаю. Все же я думаю, что кто-то должен выступить и...

— Конечно. Держите со мной связь, — Кику повернулся к Роббинсу. — Как появилось это интервью?

— Разве я имею к нему отношение? Он отправлялся на обед, посвященный Трехсторонней Конференции, спокойный, как сейф. Речь, которую я ему подготовил, он одобрил. Я вручил ему одну копию, а остальные роздал ребятам, намекнув, как лучше ее обыгрывать. Все были спокойны и счастливы. Утром я проснулся, как ни в чем ни бывало, а после того, как выпил кофе, уже кипел и булькал. Если бы кто-нибудь знал, чем мне приходится заниматься! Нет, уйду и буду валяться на пляже.

— Разумная мысль. Вес, разрешите мне ввести вас в курс дела. Ничто не предвещало такого развития событий, но теперь... — Кику кратко обрисовал последний кризис.

Роббинс кивнул:

— Я понимаю. И Номер Первый выдернул из-под вас одеяло. Ловко сработано.

— Надо с ним увидеться. Он здесь?

— Да. Я вас дожидался, старина. Вы его придержите, пока я ему врежу. Или придумаем что-то другое?

— Все, что хотите. Двинулись?

Секретарь был у себя; о них было доложено, и Макклюр встал, чтобы усадить их. После того, как все уселись, Роббинс помедлил, ожидая, что слово возьмет мистер Кику, но тот сидел с невозмутимым лицом, напоминая статую из черного дерева.

Макклюр начал нервничать:

— Ну, Генри! Нелегкое утречко выдалось... я уже завяз по горло с...

— Я предполагал, что вы хотите проинструктировать нас, мистер Секретарь?

— Насчет чего?

— Вы просматривали утренние газеты, сэр?

— М-м-м... да.

— Наша политика изменилась. Помощник Секретаря Роббинс и я хотели бы получить инструкции относительно новой политики.

— Какой новой политики?

— Вашей новой политики, касающейся хрошии, мистер Секретарь. Или газеты ошибаются?

— А? Ну, это не совсем точно. Они, конечно, несколько преувеличили. Но политика не меняется. Я просто сказал людям то, что они должны знать.

— То, что они должны знать. — Мистер Кику сцепил пальцы рук. — Ах, да. В правительстве, действующем на основе свободного волеизъявления свободных людей, это действительно так. А некий старый бюрократ, подобный вашему покорному слуге, иногда забывает эту фундаментальную истину. Спасибо, что вы мне ее напомнили. — На минуту он потерял свое космическое спокойствие, а затем добавил: — Думаю, что сейчас самое время исправить мое упущение и сказать людям все.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, всю историю целиком, мистер Секретарь. Как из-за нашего пренебрежения и неуважения к правам других существ и сейчас, и в прошлом, мы покитили члена цивилизованной расы. Как только

слепой случай сохранил этого инопланетянина в живых. Как в результате этих действий мы поставили нашу собственную планету на грань уничтожения — и как высокоинтеллектуальные личности, представляющие дружественную нам силу (я имею в виду доктора Фтаемла), дали нам понять, что эти хрошии могут в самом деле уничтожить нас. Необходимо также сообщить человечеству, что вчера лишь несколько минут отделяли нас от того, чтобы отдать приказ о нападении на этих инопланетян — но у нас сдали нервы, и мы решили поторговаться, так как не имели точного представления об их силе, кроме трезвого мнения доктора Фтаемла. Да, вы должны это сказать.

Во время этой тирады рот Макклюра был открыт так же широко, как его глаза.

— Силы небесные, Генри! Вы что — хотите вызвать бунт!

— Сэр! Я уже принял все меры, чтобы предотвратить бунт... ксенофобия всегда готова вспыхнуть, а это... — он указал на газеты, — может сыграть роль детонатора. Но пусть вас это не останавливает. Мы, бюрократы, страдаем патерналистским отношением, когда проще делать то, что нам кажется благом, и потом уже сообщать об этом... скажем о том, как мы раздумывали, вступить ли в переговоры или же взорвать корабль. Мистер Секретарь, помните ли вы, что этот Секретариат, членом которого вы являетесь, несет ответственность не только перед Северо-Американским Союзом, не только перед людьми Земли, но и перед всеми суверенными членами Федерации, и на Земле, и где бы то ни было?

— Ну, и что с того? Главная сила — это мы.

— Что вы имеете в виду, говоря «мы»? Конечно, не мою маленькую страну. Я думаю сейчас, что если эта проблема будет вынесена на голосование в Совет, сможет ли он проголосовать за то, чтобы отдать одного малозначащего гражданина, дабы избежать риска межзвездной войны? И как, интересно, проголосует Марс?

Секретарь встал и стал мерить шагами свой кабинет. Кабинет занимал большое помещение, куда больше, чем у Кику. Остановившись в дальнем его конце, Макклюр стоял и смотрел на Башню Трех Планет, на Зал Цивилизаций. Кику сидел молча. Вес

Роббинс заворочался в кресле, вытянув перед собой длинные ноги. Он полировал ногти карманным ножом; длинные и черные, они давно уже нуждались в уходе.

Макклюр внезапно повернулся к Кику:

— Видите ли, Генри, если бы вы не играли словами, мне не пришлось бы оказаться в таком положении.

— В таком положении?

— Да, именно. О, я знаю ваше искусство говорить витиевато и запутанно, но я не вчера родился. Вы отлично знаете, что если бы мы сообщили прессе все эти несущественные детали... все эти глупости, которыми вас снабдил доктор Фатима... или как там его имя... это раггиллианское чудовище... да, и вы угрожаете сообщить прессе, что я недрогнувшей рукой был готов отдать приказ о нападении... о чем я впервые слышу!.. эти шакалы получили бы все, что им необходимо, и в Совете поднялся бы такой шум, что он был бы слышен отсюда и до Плутона! Все правительства снабдили бы своих делегатов специальными инструкциями и, возможно, блок Земли был бы забаллотирован. И как раз во время этой сложной Трехсторонней Конференции... это было бы гибельно! Да, именно так... г и б е л ь н о. — Макклюр перевел дыхание. — Нет, вы так просто не уйдете! Вы уволены... понимаете меня? У в о л е н ы! Я позабочусь, чтобы найти подходящий предлог или уволить вас на пенсию, но это будет сделано — и незамедлительно! Я увольняю вас. Можете отправляться домой.

— Очень хорошо, мистер Секретарь, — бесстрастно сказал мистер Кику и, встав, направился к дверям, ведущим в его кабинет.

В тишине громко щелкнул складной ножик Веса Роббинса. Роббинс встал:

— Подождите, Генри! Мак...

Мистер Макклюр оглянулся:

— Что? А в а м что тут делать? И я вам не «Мак»; здесь официальное учреждение. Здесь я Секретарь, как только что дал понять Кику.

— Да, пока еще вы Секретарь — на ближайшие два часа, не больше.

— Что? Не будьте смешны! Вес, вы вынуждаете

меня уволить и вас, если вы будете говорить подобным образом. Мистер Кику, вы можете идти.

— Не уходите, Генри! И перестаньте лезть из кожи, Мак. Вы не можете уволить меня; я ушел со службы десять минут тому назад. Мак, вы в самом деле ничего не понимаете? Вспомните, я знал вас еще тогда, когда вы были свежеиспеченным сенатором, мечтающим, чтобы ему посвятили пять строчек в колонке светских сплетен. Тогда вы мне нравились. У вас было чисто звериное чутье, которое так редко встречается. А теперь вы готовы выбросить меня на свалку, и вы мне больше не нравитесь. Но в память старых дней, скажите мне: почему вы так стремитесь перерезать собственное горло?

— Что? Ну, уж только не мое. Я не из тех, кто позволяет перерезать себе горло. Я видел, как это делалось... но Кику не на того напал.

Роббинс медленно покачал головой:

— Мак, вы сами пускаете себя ко дну. Вам лучше отрезать Генри язык прежде, чем газетчики доберутся до него. Можете использовать мой нож.

Макклюр потерял дар речи. Повернувшись, он рявкнул:

— Мистер Кику! Вы не имеете права говорить с прессой. Это приказ!

Роббинс откусил заусеницу, сплюнул и сказал:

— Ради бога, Мак! Вы не можете одновременно увольнять его и запрещать ему говорить...

— Секреты Департамента...

— Эти департаментские секреты — мое больное место! Может быть, в соответствии с ними, вы имеете право назначить ему какое-то особое выходное пособие, но неужели вы думаете, что это его остановит? Генри — человек, у которого нет страхов, нет надежд, нет иллюзий; и вы не можете дотянуться до него. И, если все, что он может рассказать репортерам, вы окрестите «секретами», это принесет вам куда больше вреда, чем, если вы не будете дурачить их.

— Могу я сказать несколько слов? — вставил Кику.

— А? Пожалуйста, мистер Кику.

— Благодарю вас, мистер Секретарь. Я не собираюсь сообщать прессе аспекты этого дела. Я просто хотел доказать, доводя ситуацию до абсурда, что пра-

вило, по которому народ должен быть информирован... может, как и каждое правило... привести к неприятным результатам, если его применять слепо. Я вижу, что вы действовали непродуманно, сэр. Я хотел удержать вас от дальнейших необдуманных поступков, пока мы не выработаем меры, которые смогут предотвратить неприятности.

Макклюр внимательно посмотрел на Кику:

— Что вы имеете в виду, Генри?

— Я всегда имею в виду только то, что говорю. Это экономит время.

Макклюр повернулся к Роббинсу:

— Вы видите, Вес? Не на то дерево вы лаете. Генри благородный человек, если даже мы и расходимся с ним во мнениях. Видите ли, Генри, я поторопился. Я решил, что вы мне угрожаете. Давайте забудем все, что я говорил относительно вашей отставки и принимайтесь за дело. Ну?

— Нет, сэр.

— Что я слышу? Хватит, человече, не будьте ребенком. Я был вне себя. Я был оскорблен, я сделал ошибку. Я извиняюсь. Кроме того, мы не должны забывать о благе общества.

Роббинс оскорбительно хмыкнул. Мистер Кику был вежлив:

— Нет, мистер Секретарь, на меня это не действует. После того, как я один раз был вами уволен, я не могу больше пользоваться тем вашим доверием, которого требует работа под вашим руководством. Дипломат может действовать, только если ему доверяют; часто это его единственное оружие.

— М-м-м... ну, я готов признать, что ошибался. В самом деле.

— Я верю вам, сэр. Могу ли я высказать последнее и совершенно неофициальное предположение?

— Что за вопрос, конечно, Генри.

— Кампф будет самым подходящим человеком для обыденной работы, пока вы не подберете новую команду.

— Да, да, конечно. Если вы так считаете, так оно и должно быть. Но, Генри... он будет исполнять эти обязанности только временно, пока вы все не обдумаете. Потом мы скажем, что он плохо себя чувствует или что-то в этом роде.

— Нет, — холодно ответил мистер Кику и направился в свой офис.

Но прежде чем он сделал несколько шагов, Роббинс гаркнул:

— Вы, двое, успокойтесь. Ничего еще не решено. Макклюр! Вы сказали, что Генри благородный человек. Но вы кое-что забыли.

— Да? Что именно?

— Генри всегда играет строго по правилам. Что же касается меня, я вырос на заднем дворе и меня все эти тонкости не интересуют. Я соберу ребят и все им выложу. Я им расскажу, где собака зарыта, кто тележку опрокинул и кто кладет ноги на стол.

— Если вы сообщите такие непроверенные сведения, — гневно сказал Макклюр, — не рассчитывайте, что вам когда-нибудь удастся получить работу при нынешней администрации!

— Не угрожайте мне, вы, перезревшая тыква! Карьера меня не интересует, и без работы я не останусь. После того, как я спою свою песенку, меня ждет работа в «Столице — от и до», где я буду вести колонку и с удовольствием рассказывать читателям, как живут наши супермены.

Макклюр воззрился на Роббинса:

— Вам совершенно чужды всякие понятия о верности и благородстве.

— В ваших устах, Мак, это звучит поистине прекрасно. А чему верны вы? Только стремление сберечь свою политическую физиономию?

— Это в самом деле не совсем благородно, Вес, — мягко вмешался мистер Кику. — Секретарь совершенно твердо высказался относительно того, что мальчик не должен быть принесен в жертву.

Роббинс кивнул:

— О'кей, Мак, запишем это на ваш счет. Но вы хотели принести в жертву сорок лет беспорочной службы Генри, чтобы спасти свою собственную отвратную физиономию. И не беспокойтесь: что касается меня, я позабочусь, чтобы она украсила первые полосы всех газет. Мак, больше всего газетчики терпеть не могут тех, кто рвется в заголовки. В стремлении человека видеть свое имя набранным большими буквами есть что-то омерзительное и отвратное. Я не могу переделывать вас, да и не хочу, но будьте уве-

рены, что ваше имя будет вынесено во все заголовки, вот такими буквами... но это будет в последний раз, пока...

— Что вы имеете в виду?.. «пока»?

— Пока мы не соберем Шалтая Болтая опять.

— Ах, вот как? Смотрите, Вес, я ни с чем не посчитаюсь.

— Конечно, вы так и будете действовать, — Роббинс нахмурился. — Яснее ясного. Можно преподнести голову Генри на блюде. Взвалить на него всю ответственность за вчерашнее интервью. Он дал вам неправильный совет. Он уволен — все довольны и ликуют.

Мистер Кику кивнул:

— Так я и предполагал. И я буду рад помочь... советом, как завершить всю эту историю с хрошии.

— Но вы не радуйтесь, Мак, — рявкнул Роббинс. — Это вполне приемлемое решение и оно сработает... потому что Генри мыслит гораздо шире, чем вы, и не изменяет своим взглядам. Но это не то, что мы собираемся делать.

— Но если сам Генри согласен, то ради высших интересов...

— Бросьте! На блюде будет голова не Генри, а ваша.

Их взгляды встретились. Наконец Макклюр сказал:

— Если вы собираетесь так действовать, можете убираться. Если вы хотите драки, вы ее получите. И первая история, которая получит огласку, будет о том, как я уволил вас обоих за нелояльность и некомпетентность.

Роббинс нахально ухмыльнулся:

— Надеюсь, вы так и поступите. Вот тогда-то я и посмеюсь. Хотите послушать, как пойдут дела?

— Ну что ж... попробуйте.

— Так или иначе, с вами все ясно. А теперь помолчите и дайте мне сказать! С вами покончено, Мак. Я не специалист по ксенологии, но даже я вижу, что может дать цивилизации ваш подход. Вы действуете как сельский судья в таком тонком и деликатном деле, как отношения с негуманоидными расами. Именно поэтому вы дошли до точки. Вопрос стоит так: хватит ли у вас сил выбрать нелегкий путь? Или вы изберете

путь полегче, чтобы заработать пару напыщенных фраз в учебнике истории?

Макклюр был мрачен, но не прерывал Роббинса:

— Я вынужден выложить то, что мне известно, — продолжил Вес. — Произойдет одно из двух. Или же Генеральный Секретарь вышвырнет вас к чертовой матери или же он рискнет вернуть вас и быть готовым к тому, что Совету будет выражено недоверие. Так оно и будет. Марсианская Община с визгом и воплями ударится в паническое бегство, Венера последует за ней, а внешние колонии и присоединившиеся к нам ксенокультуры примкнут к ним. И в конце концов вы обнаружите, что большинство народов Земли требуют, чтобы Северо-Американский Союз выдал виновную личность, чтобы избежать окончательного банкротства Федерации. Единственное, что вы должны сделать — это толкнуть первую костяшку домино; остальные упадут сами собой... и вы будете погребены под ними. Вас не выберут даже ловцом бродячих собак и кошек. Но есть и более простой путь. Вы уходите в отставку... но мы не сообщаем об этом примерно в течение двух недель... Генри, как вы думаете, двух недель хватит?

— Должно хватить, — серьезно сказал мистер Кику.

— В течение этого времени вы и нос не высунете без разрешения Генри. Слова не скажете, пока я это слово не одобрю. Затем на вершине славы, после окончания Дела Хрошии, которое увенчает вашу карьеру, вы уйдете в отставку. Может быть, со временем появится возможность дать вам какую-нибудь должность попышнее... если только вы будете хорошим мальчиком. А, Генри?

Мистер Кику кивнул.

Макклюр перевел взгляд с беспристрастного лица Кику на Роббинса.

— Вы двое устроили заговор против меня, — горько сказал он. — А как вы посмотрите на то, если я вас обоих пошлю к дьяволу?

Роббинс зевнул:

— Поверьте мне, это ничего не изменит. После того, как администрация рухнет, новый Генеральный Секретарь вернет Генри из отставки, на ваше место сядет надежный человек, и Генри начнет выкручиваться с

хрошии. Будет потеряно три дня или того меньше. Отмыть вас добела почти невозможно, но мы хотим дать вам шанс. Так, Генри?

— Так будет лучше всего. Не будем выносить сор из избы. Грязное белье не стоит перетряхивать на людях.

Макклюр пожевал губами:

— Я должен все это обдумать.

— Отлично! Я подожду, пока вы с этим справитесь. Генри, почему бы вам не вернуться к работе. Держу пари, что эта чертова панель светится как рождественская елка.

— Очень хорошо, — мистер Кику покинул помещение.

Его панель в самом деле напоминала праздничный фейерверк, в котором выделялись три красных огонька и дюжина желтых. Он справился с самыми срочными вызовами, быстро разделался с остальными и принялся разгребать свою корзину, стремительно подписывая все, что ему попадалось.

Едва он задробил выездную визу весьма выдающегося лектора, вошел Роббинс и бросил на стол бумагу:

— Его отставка. Надо сразу же показать ее Генеральному Секретарю.

Мистер Кику взял документ:

— Я это сделаю.

— Я не хотел, чтобы вы присутствовали при том, как я ему выкручивал руки. Без свидетелей легче говорить «Ой, дяденька!» Понимаете?

— Да.

— И не роняйте слез. С нас хватит. А теперь я отправлюсь писать речь, которую он произнесет перед Советом. Затем я постараюсь найти ребят, с которыми он говорил прошлой ночью, и ради блага нашей старой милой планеты, к которой мы все так привыкли, убедить их в дальнейшем придерживаться правильной линии. Им это не понравится.

— Думаю, что нет.

— Но им придется с этим смириться. Нам, людям, надо держаться вместе, ведь нас так мало.

— Это я всегда чувствовал. Спасибо, Вес.

— Не стоит благодарности. Я не сказал ему одну вещь...

— А именно?

— Я не сказал ему, что мальчика зовут Джон Томас Стюарт. Я не уверен, что Марсианская Община проглотила бы, не разжевывая, этот факт. Кроме того, Совет мог поддержать Мака... и тогда у нас был бы шанс убедиться, держит ли свое слово хрошианская леди.

Кику кивнул:

— Я тоже думал об этом. Не нашлось времени высказать сомнения.

— Это точно. Так много возможностей держать язык за зубами, что... Чему вы улыбаетесь?

— Я думаю, — объяснил мистер Кику, — как хорошо, что хрошии не читают наших газет.

XIV. «СУДЬБА? ЧУШЬ!»

Миссис Стюарт газеты читала. Гринберг выбился из сил, убеждая ее отправиться в столицу вместе с сыном. Он не имел права объяснить ей, в чем дело. Но убедил ее встретиться с ним на следующее утро. И в конце концов он добился своего, миссис Стюарт согласилась поехать в столицу на следующее утро.

Когда же он явился за ними, то выяснил, что он уже «персона нон грата». Миссис Стюарт была вне себя от ярости и просто сунула ему газеты в лицо.

— Ну и что? Я просмотрел ее в отеле. Сущая ерунда.

— Это я и хотел сказать маме, — мрачно сказал Джон Стюарт, — но она меня не слушает.

— Вам бы лучше помолчать, Джон Томас. Ну, мистер Гринберг? Что вы теперь скажите?

Гринберг не мог подобрать нужных слов. Как только он увидел интервью Секретаря, сразу же попробовал созвониться с мистером Кику, но Милдред сказала, что босс и мистер Роббинс у Секретаря и их нельзя беспокоить. Он сказал ей, что позвонит позже, смутно догадываясь, что хлопот у него еще хватит.

— Миссис Стюарт, вы, конечно, знаете, что газетные сообщения бывают преувеличены. Не было и речи о заложниках и кроме того...

— Что вы мне рассказываете, когда здесь все сказано совершенно ясно! Это интервью, которое дал Секретарь по делам космоса. Кто знает лучше? Вы? Или Секретарь?

У Гринберга было свое мнение на этот счет, но он предпочел придержать его при себе.

— Прошу вас, миссис Стюарт. Газетные сообщения нельзя принимать на веру. Бывает, что они не имеют ничего общего с действительностью. Я просто прошу вас прибыть в Столицу для спокойного разговора с Заместителем Секретаря.

— Ничего подобного! Если Заместитель Секретаря хочет видеть меня, пусть он приезжает сюда.

— Мадам, если это будет необходимо, он непременно приедет. Мистер Кику — джентльмен, придерживающийся старомодных воззрений, и он никогда бы не заставил леди ехать к нему, если бы это не было связано с общественными делами. Вы же знаете, что сейчас идет межпланетная конференция?

— Я взяла за правило, — чопорно ответила миссис Стюарт, — никогда не интересоваться политикой.

— Кое-кто из нас должен этим заниматься. — Гринберг вздохнул. — Из-за этой конференции мистер Кику не может прибыть сюда. Но мы надеемся, что вы пойдете ему навстречу.

— Мистер Гринберг, я дала свое согласие с большой неохотой. Теперь я выяснила, что вы обманывали меня. Почему я должна верить вам? Вы готовите какой-то фокус? Заговор, чтобы отдать моего сына этим чудовищам?

— Мадам, клянусь честью офицера Федерации и заверяю вас...

— Избавьте меня, мистер Гринберг. А теперь вы должны извинить меня...

— Миссис Стюарт, я прошу вас. Если вы только...

— Мистер Гринберг, не заставляйте меня проявлять невежливость по отношению к гостю. Мне нечего больше сказать.

Гринберг ушел. На пороге он огляделся, надеясь увидеть мальчика, но Джон Томас тихонько исчез. Гринберг вернулся в отель. Он не собирался возвращаться в столицу, не завершив свою миссию, но он понимал, что сейчас, пока миссис Стюарт не остыла, говорить с ней бесполезно.

В надежде избежать репортеров, он попросил водителя аэротакси опуститься на крышу отеля, но репортер с диктофоном уже ждал его там:

— Полминутки, мистер Посланник. Мое имя Хови. Нельзя ли несколько слов относительно заявления мистера Макклюра?

— Комментариев не будет.

— Иными словами, вы согласны с ним?

— Комментариев не будет.

— Значит, не согласны?

— Комментариев не будет. Я спешу. — Это было правдой; он торопился позвонить и выяснить, во имя всех голубых галактик, что же там в самом деле произошло.

— Простите, одну секунду. Вествилл — довольно отдаленное место, и я хотел бы узнать все из первых уст прежде, чем из центральной конторы приедет тяжеловес, который меня просто задвинет в угол...

Гринберг задумался... как бы он не относился к прессе, парень прав; Сергей знал, как это бывает, когда кто-то постарше отнимает у тебя из-под носа тему.

— О'кей. Но давайте побыстрее. Я в самом деле спешу. — Он вынул сигареты. — Огонька не найдется?

— О, конечно! — Они закурили, и Хови продолжил. — Люди говорят, что эта бомба Секретаря — всего лишь дымовая завеса и что вы явились сюда, чтобы заполучить мальчишку Стюарта и передать его этим типам хрошии. Как насчет этого?

— Комментариев не... Впрочем сделаем так: точно процитируйте меня. Никто из граждан Федерации не был и не будет выдан заложником кому бы то ни было.

— Это официальное заявление?

— Официальное, — твердо сказал Гринберг.

— Тогда что вы здесь делаете? Я понимаю, что вы хотите доставить Стюарта и его мать в Столицу. Но анклав Столицы не является легальной частью Северо-Американского Союза, не так ли? Если они окажутся там, наши местные и национальные власти будут не в состоянии защитить их.

Гринберг гневно вздернул голову:

— Каждый гражданин Федерации находится у себя

дома в Анклаве. Он обладает теми же правами, что и у себя на родине.

— Чего ради они нужны там?

Гринберг соврал легко и без запинки:

— Джон Томас Стюарт знает психологию хрошии лучше других людей. И поскольку мы имеем с ними дело, мы нуждаемся в его помощи.

— Вот это да! «Мальчик из Вествилла становится дипломатическим послом». Как вам такой заголовок?

— Звучит отлично, — одобрил Гринберг. — Ну, хватит с вас? Я спешу.

— Вполне, — согласился Хови. — Растяну на тысячу слов. Спасибо, Посланник. Увидимся позже.

Спустившись, Гринберг запер двери и направился к телефону, твердо решив дозвониться до Департамента, но его опередили. С экрана ожившего аппарата на него смотрел шериф Дрейзер.

— Мистер Посланник Гринберг...

— Как поживаете, шериф?

— Неплохо, благодарю вас. Но мистер Гринберг... мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да? — Гринберг ощутил острое желание съесть одну из пилюль своего шефа.

— Мистер Гринберг, мы всегда старались относиться к вам по-джентльменски.

— Неужели? — едко отпарировал Гринберг. — Неужели, когда вы пытались уничтожить хрошиа, не дожидаясь утверждения решения, это тоже было джентльменским отношением?

Дрейзер побагровел:

— Это было ошибкой. Но это не имеет ничего общего с тем, что я должен вам сказать.

— Например?

— Сын миссис Стюарт исчез. Она считает, что он должен находиться у вас.

— Вот как? Она ошибается. Я не знаю, где он.

— Это правда, мистер Посланник?

— Шериф, я не привык, чтобы меня называли лжецом.

Но Дрейзера уже понесло:

— Извиняюсь. Но вот что я должен добавить. Миссис Стюарт не хочет, чтобы ее сын покидал город. И полиция дала ей стопроцентную гарантию в этом.

— И правильно сделала.

— Не сбивайте меня с толку, мистер Посланник. Вы очень важное официальное лицо — но если вы выходите за рамки своих полномочий, вы становитесь обыкновенным гражданином. Я читал это сообщение в газете, и оно мне не нравится.

— Шериф, если вы считаете, что я делаю что-то недозволенное, прошу вас выполнять свои обязанности.

— Так я и буду действовать, сэр. Именно так.

Отключившись, Гринберг стал снова названивать, но потом задумался. Будь у босса новые инструкции, он обязательно выслал бы их... но Кику терпеть не мог тех полевых агентов, которые, едва их просквозит неожиданным ветерком, начинают кричать «мама!». Он должен переубедить миссис Стюарт — или сидеть ему здесь до зимы.

Пока он предавался размышлениям, аппарат снова ожил; ответив, он обнаружил, что смотрит на Бетти Соренсен. Она улыбнулась и сказала:

— Это мисс Смит.

— М-м-м... как поживаете, мисс Смит?

— Хорошо, спасибо. Но к делу. У меня есть клиент, мистер Браун. Он спешно хочет отправиться в путешествие. И вот что он хочет знать: в том городе, куда он намеревается отправиться, у него есть друг; и если он решится на путешествие, сможет ли он увидеть своего друга?

Гринберг быстро обдумал ситуацию. Хрошии кишат вокруг Луммокса как мухи; отпустить к ним мальчика было бы опасно, и мистер Кику никогда бы не стал настаивать на этом.

Но ведь, если необходимо, полиция может окружить космопорт непроходимой «липучкой»! А хрошии отнюдь не сверхсущества:

— Сообщите мистеру Брауну, что он увидит своего друга.

— Благодарю вас. Скажите, может ли ваш пилот взять нас на борт?

Гринберг помедлил с ответом:

— Для мистера Брауна лучше отправиться в путешествие на коммерческой линии. Минутку. — Он нашел расписание полетов, которое висело в каждой комнате отеля. — Корабль отправляется примерно через час. Он успеет?

— О, да. Но... видите ли, вопрос упирается в деньги.

— Не позволите ли предоставить вам небольшой заем? Вам, а не мистеру Брауну.

Бетти расплылась в улыбке:

— Это было бы прекрасно!

— Не подскажите ли, как я могу его вам передать?

Бетти подсказала — в закусочной «Шоколадный бар», напротив Центральной школы. Через несколько минут Гринберг ждал ее там, потягивая кофе с молоком. Бетти влетела в кафе: он передал ей конверт и она исчезла. Сергей оставался, пока не опустошил стакан, а затем вернулся в отель.

Подождав пару часов, он позвонил миссис Стюарт:

— Я только что получил сообщение, что ваш сын самостоятельно отправился в Столицу.

Подождав, пока она успокоилась, он добавил:

— Миссис Стюарт, пока я еще в Вествилле, не собираюсь лететь в Столицу. Не хотите ли отправиться вместе со мной? Мой корабль быстрее, чем коммерческие линии.

Через полчаса они приземлились в Столице.

Первым с Джоном Томасом встретился мистер Кику. Достаточно старый, чтобы быть его дедушкой, он встретил Джона Томаса как равного и, поблагодарив за приезд, предложил закусить и освежиться. Затем он сжато рассказал ему, в чем дело: Луммокс отказывается возвращаться домой без Джона Томаса.

— А для хрошии исключительно важно, чтобы Луммокс оказался дома. Важно это и для нас — но по другим причинам.

— Вы хотите сказать, — прямо спросил Джон Томас, — что если я не соглашусь, они угрожают нам войной? Так сказано в газете.

Какое-то мгновение мистер Кику помедлил.

— Они могут пойти на это. Но я хотел посоветоваться с вами не только поэтому. Я сомневаюсь, что они решатся на что-то, если ваш друг Луммокс будет против этого. А Луммокс, конечно же, возмутится, если что-то будет угрожать вам смертью, например, нападение на нашу планету.

— В этом-то я уверен. Но чего ради они будут слушать его? Он что — королевская персона или что-то в этом роде?

— Возможно, именно так, хотя мы пока не разобрались в их обычаях. Но во всяком случае, желания Луммокса очень важны для них.

Джон Томас в изумлении покачал головой:

— Смешно. А я его еще учил все время...

— Во всяком случае, я не прошу вас спасти нас от возможного военного столкновения. Я прошу лишь об одной услуге, которая принесет только пользу, а не вред: мы хотим установить с ними дружественные отношения. И я пригласил вас сюда, чтобы услышать ваши намерения. Если бы я счел возможным, чтобы вы отправились с Луммоксом на эту планету — они называют ее Хрошииюд — что бы вы сказали? Хорошенько подумайте, не торопитесь с ответом.

Джон Томас сглотнул:

— Мне не надо обдумывать. Я поеду.

— Не торопитесь.

— Я не тороплюсь. Я необходим Лумми. С чужими он никогда не будет счастлив. Кроме того, он мне тоже нужен. Вы же не думаете, что я его брошу?

— Нет, не думаю. Но это серьезное решение. Вам придется отправиться примерно за тысячу световых лет от дома.

Джон Томас пожал плечами:

— Там был мой пра-прадедушка. Почему я не могу?

— М-м-м... да. Я запамятовал, чей вы потомок. Не хотите ли поинтересоваться, кто еще из людей отправится вместе с вами? Или вам все равно?

— Что? — Джон Томас задумался. — Это решится само по себе. Такие детали — не мое дело.

— Мы тщательно проработали их, — ответил мистер Кику. Он встал. — Спасибо, что пришли.

— Не стоит благодарности, сэр. И... когда я смогу увидеть Луммокса?

Мистер Кику задумчиво закусил губу:

— Не сразу; первым делом кое-что еще надо отрегулировать. Пока у вас есть время, повеселитесь. Я выделил специального человека, который будет сопровождать вас и оплачивать ваши расходы. Кроме того, он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? Чего ради? Я уже вырос.

— Без сомнения. Но, кроме всего прочего, мне бы

не хотелось, чтобы вас донимали репортеры. Понимаете? Конечно, я могу вас только просить об этом.

— О да, мистер Кику... если это вам нужно.

— Нужно.

Джона Томаса мистер Кику принимал в своем кабинете; миссис Стюарт — в роскошно убранном помещении рядом с конференц-залом, обстановка которого была тщательно продумана психологом с целью произвести впечатление на посетителей. Мистер Кику понимал, что ему предстоит нелегкая встреча.

Он вежливо предложил ей чай, придерживаясь вначале разговора общих мест:

— Очень любезно с вашей стороны, мадам, что вы откликнулись на приглашение. Сахару? Лимона?

— Благодарю вас, не надо. Мистер Кику, первым делом я хочу внести ясность...

— Попробуйте эти маленькие пирожные. Удобно ли устроил вас мистер Гринберг?

— Что? Ах, да, прекрасный номер, с великолепным видом на Небесный Сад. Но, мистер Кику...

— Прошу прощения, что вынудил вас явиться ко мне. Но я узник своих обязанностей. Понимаете, в каком я положении? — Он беспомощно вскинул руки. — Я никак не могу покинуть Столицу.

— Да, я это понимаю, но...

— Я ценю вашу отзывчивость. Вы можете оставаться здесь в качестве нашего официального гостя, сколько вам заблагорассудится. В Столице есть что посмотреть, даже если вы бывали в ней не раз... в чем я не сомневаюсь. Уверен, что магазины доставили вам много радости.

— Ну, строго говоря, раньше я здесь не бывала. Что касается магазинов, то некоторые из них в самом деле выглядят интригующе.

— Так пусть они доставляют вам удовольствие, моя дорогая леди. Нет никакого смысла из-за дел лишать себя радости. Что же касается дела, я беседовал с вашим сыном.

— Мистер Кику...

— Прошу прощения. Я буду короток. Мы готовим на планету хрошии обширную миссию с культурными и научными целями. Я хочу включить в ее состав вашего сына, как специального посла. Он согласен. — Мистер Кику помедлил, ожидая взрыва.

— Это немыслимо! Это даже не подлежит обсуждению.

— Почему миссис Стюарт?

— Мистер Кику, неужели вы настолько бесчеловечное существо? Я знаю, что вы имеете в виду... вы намереваетесь отдать моего сына, моего единственного сына в качестве заложника этим чудовищам. Невероятно!

Кику покачал головой:

— Мадам, вас, скорее всего, ввели в заблуждение эти дикие газетные статьи. Но видели ли вы последнюю? Речь Секретаря в Совете?

— Нет, но...

— Я подготовлю для вас экземпляр. Там объяснено, как это глупое недоразумение проникло в печать. И там же подчеркнуто, что Федерация придерживается своей древней и неизменной политики. «Все За Одного...» — если даже необходимо встать против всей Галактики. В данном случае, ваш сын и есть этот «Один»; за ним стоит много планет. Но главное в том, что ваш сын будет участником мирной миссии, направляющейся к дружественной расе. Он поможет строить мост культуры между двумя цивилизованными, но очень разными расами.

— Хм-м-м! В газетах сказано, что эти хрошии потребовали от вас, чтобы вы немедля доставили им моего сына. Объясните мне это, если сможете!

— Тут виноваты трудности перевода. Да, они говорили конкретно о вашем сыне, называя его по имени, но выражая желание видеть его от имени того, кто в течение долгих лет жил у вас, Луммокса. Потому что Луммокс глубоко привязан к вашему сыну. Эта дружба между двумя существами, столь разными по форме, по образу мышления, по конструкции — одна из самых величайших удач, которая выпала на долю нашей расы с тех пор, как выяснилось, что мы не единственные избранники Всевышнего. Это стечение обстоятельств позволит нам одним махом перекинуть мост через пропасть взаимного непонимания, преодоление которой обычно связано с годами заблуждений и трагических ошибок. — Он помолчал. — Я не могу не думать о вашем сыне, как о подарке судьбы.

Миссис Стюарт фыркнула:

— Судьбы? Чушь!

— Вы в этом уверены, мадам?

— В этом-то я могу быть уверена: мой сын *никуда* не отправится. На следующей неделе он проследует в свой колледж.

— Вас беспокоят проблемы его образования, мадам?

— Что? Да, конечно. Я хотела бы, чтобы он получил хорошее образование. Его отец специально для этого оставил средства; и я настаиваю на том, чтобы выполнить его волю.

— Я могу успокоить вас. Вместе с посольством мы высылаем миссию по вопросам культуры, экономики и торговли, научную миссию и много других специалистов самого высшего класса. Ни один колледж не может собрать у себя такое созвездие талантов. Это представило бы трудности даже для больших институтов. Ваш сын будет проходить обучение, и не от случая к случаю, а систематически. Если он получит ученую степень, она будет утверждена... м-м-м, ну, скажем, в Институте Внешних Наук. — Он улыбнулся. — Это вас устроит?

— Господи, в жизни не слышала такого глупого предложения. Кроме того, институт — это не колледж.

— Степени он присуждать может. Но это не самое важное, мадам. Суть дела в том, что ваш сын получит высшее образование, не имеющее себе равных. Я знаю, что он хочет изучать ксенологию. Не только у его учителей будут для этого прекрасные возможности, но и он, в сущности, будет жить в подлинной ксенологической лаборатории и принимать участие в исследованиях. Мы так мало знаем о хрошии; ваш сын будет работать на переднем фронте науки.

— Он *не будет* изучать ксенологию.

— Вот как? А он говорил мистеру Гринбергу, что хотел бы...

— Да, у него есть эти глупые идеи, но я не намерена поддерживать их. Он будет изучать какую-нибудь настоящую профессию — юриспруденцию, например.

Брови мистера Кику поползли вверх.

— Прошу вас, миссис Стюарт, — мягко сказал он. — Я сам юрист. И он может оказаться на моем месте.

Миссис Стюарт подозрительно взглянула на Кику. Он продолжал:

— Не можете ли вы сказать мне, почему вы собираетесь помешать ему?

— Но я не... Я не вижу причин, почему я должна. Мистер Кику, эта дискуссия не имеет смысла.

— Думаю, вы ошибаетесь, мадам. Могу ли я вам рассказать одну историю. — Получив согласие, Кику продолжил рассказ. — Эти хрошии совершенно не похожи на нас. То, что привычно для нас, вызывает у них удивление и так далее. Единственное, что нас сближает — это то, что обе расы разумны.

Их недружелюбие по отношению к нам настолько непреодолимо, что я бы впал в отчаяние, если бы не одна вещь. Вы не догадываетесь, какая?

— Откуда? Не могу себе представить.

— Ваш сын и Луммокс. Их отношения доказывают, что мы можем многого добиться, если очень постараться. Но я отвлекся. Много лет назад, больше сотни, молодая хрошиа, встретив приятного незнакомца, последовала за ним. Вы знаете нашу половину истории. Разрешите, я поведаю вам ее продолжение, я услышал его с помощью переводчика и наших ксенологов. Маленькая хрошиа была очень важна для своих соплеменников; они сбились с ног в ее поисках. У них для продолжения рода необходимо сплетение шести различных генетических разновидностей... словом, в этих тонкостях надо долго разбираться.

Своя роль была у маленькой хрошиа, роль, предназначенная ей две тысячи лет назад, во времена Иисуса Христа. Ее участие было необходимым звеном в огромном мероприятии для расы, которая должна была развиваться. Развитие ее длилось, должен сказать, тридцать восемь тысяч лет, наших лет. Можете ли вы представить себе это, миссис Стюарт? Мне лично трудно. План этот реализовывался в те времена, когда кроманьонец спорил с неандертальцем за нашу планету... но, может быть, мое беспокойство объясняется тем, что мы самая недолговечная раса из тех, что встретились нам в космосе.

Что бы сделали мы, если бы наш ребенок пропал и о нем ничего не было бы слышно более ста лет? Не стоит даже говорить об этом; но наши возможные действия не имеют ничего общего с поведением хро-

шии. Ее благополучие не очень беспокоило их; не думали они о ней, как о мертвой... они считали, что она находится в другом месте — и все. Так просто они не умирают. Даже голодая, они не умирают. Может быть, вы слышали о плоских червях? Об эйпланариях?

— Я никогда не проявляла интереса к ксенобиологии, мистер Кику.

— Мне было свойственно то же заблуждение, мадам. Я всегда спрашивал: «А что это за планета?» Эйпланарии — наши родственники; на Земле гораздо больше плоских червей, чем людей. Но их характеризует нечто общее с хрошии: и те, и другие особи растут, когда их кормят, и усыхают в периоды голодовки... что делает их практически бессмертными, если исключить несчастные случаи. Я все время удивлялся, почему Луммокс значительно больше остальных хрошии. Тайны здесь нет... вы кормили Луммокса слишком хорошо.

— Сколько раз я говорила об этом Джону Томасу!

— Ничего страшного не произошло. Они уже пытаются вернуть ее к нормальным размерам. И похоже, хрошии не гневаются на нас за кражу, или похищение, или умыкание их младенца. Они знали, что ее порода характеризуется живостью и любовью к приключениям. Но она была нужна им, и они искали ее год за годом, исходя из того, что она могла исчезнуть лишь с помощью определенной группы визитеров из космоса; они знали, как те выглядят, но не знали, из какой части космоса они явились.

Такая неопределенность могла бы обескуражить нас... но только не их. Я лишь смутно представляю себе, как в течение ста лет они просеивали слухи, задавали вопросы, исследуя одну странную планету за другой — для них это время прошло, как для нас несколько месяцев. Наконец они нашли ее. Они не проявили в наш адрес ни гнева, ни благодарности; они просто не брали нас в расчет.

Это может быть нашим единственным контактом с благородными хрошии, если мы не используем представившуюся нам возможность для развития отношений. Хрошиа, ныне выросшая до столь внушительных размеров, но продолжающая оставаться ребенком, отказывается покидать Землю без своего друга,

своего чудовища — с их точки зрения. Они находятся в ужасном положении, но они не могут ее заставить. И я прошу вас представить, какое горькое разочарование они испытывают в настоящий момент... все готово для продолжения рода, запланированного в те времена, когда Цезарь завоевывал Галлию, все остальные генетические разновидности, полные сил, готовы к исполнению своих функций... а Луммокс отказывается возвращаться домой. Она не проявляет никакого интереса к своему предназначению... учтите, она еще очень молода: наши собственные дети в таком возрасте так же далеки от понятия социальной ответственности. Во всяком случае, она не двинется с места без Джона Томаса Стюарта. — Мистер Кику простер руки. — Понимаете ли вы сложность положения, в котором они находятся?

Миссис Стюарт поджала губы:

— Простите, но меня это не касается.

— Понимаю. В таком случае, самое простое, что мы можем сделать, это вернуть Луммокса домой... к вам домой, я имею в виду... и...

— Что? О, нет!

— Мадам?

— Вы не имеете права возвращать это животное! Я не позволю.

Мистер Кику потер подбородок:

— Я не понимаю вас, мадам. У Луммокса есть дом; он был им задолго до того, как стал вашим. Луммокс, как я прикидываю, прожил в нем в пять раз дольше вас. И если мне не изменяет память, он принадлежит не вам, а вашему сыну. Не так ли?

— Я не хочу иметь с ним ничего общего! Вы не имеете права навязывать мне это животное!

— Суд может решить, что за него отвечает ваш сын. Но к чему так осложнять? Я все время пытаюсь понять, почему вы столь явно противитесь благополучию вашего сына?

Миссис Стюарт сидела молча, с трудом переводя дыхание, и мистер Кику не прерывал ее молчания. Наконец она сказала:

— Мистер Кику, я потеряла в космосе мужа, я не позволю сыну идти по тому же пути. Я настаиваю на том, чтобы он оставался и жил на Земле.

Кику печально покачал головой:

— Миссис Стюарт, сыновей мы теряем, едва только они появляются на свет.

Вынув платок, миссис Стюарт приложила его к глазам:

— Я не могу позволить ему уйти в космос... он всего лишь маленький мальчик!

— Он мужчина, миссис Стюарт. На поле битвы умирали те, кто были моложе его.

— Неужели, по вашему мнению, это единственный удел мужчин?

— Я не знаю лучшей доли. Я зову моих помощников «мальчиками», — продолжал он, — потому что я стар. Вы считаете своего сына мальчиком, потому что вы относительно немолоды. Простите меня. Но считать, что мальчик становится мужчиной после определенного дня рождения — это заблуждение. Ваш сын — мужчина; и у вас нет морального права относиться к нему, как к ребенку.

— Вы говорите ужасные вещи! Это неправда: я всего лишь стараюсь помочь ему и уберечь от неверных шагов.

Мистер Кику печально усмехнулся:

— Мадам, самое распространенное заблуждение, свойственное нашей расе, — это способность рационально объяснять своекорыстные интересы. Я повторяю, у вас нет права ломать его характер.

— У меня больше прав, чем у вас! Я его мать.

— Неужели «родитель» означает то же, что и «владелец»? В любом случае, мы на разных полюсах: вы стараетесь подавить его, я же стараюсь помочь ему делать то, что он хочет делать.

— Исходя из самых низменных мотивов!

— Ни ваши, ни мои не являются таковыми. — Кику встал. — Если вам нечего больше сказать, дальнейший разговор представляется мне бесплодным. Приношу свои извинения.

— Я не пущу его! Он еще маленький... у меня есть право!

— Ограниченное право, мадам. Он может разойтись с вами.

Миссис Стюарт вздрогнула:

— Он не посмеет! Со своей родной матерью!

— Отчего же? Наш суд по вопросам детства давно пришел к выводу о необходимости арбитражного

рассмотрения в тех случаях, когда авторитет родителей превращается в давящее препятствие, мешающее человеку выбирать свой собственный путь; и обычно все эти дела решаются однозначно. Миссис Стюарт, я думаю, что лучше всего принять все случившееся с искренней благодарностью. Не препятствуйте ему, иначе вы потеряете его окончательно. Он улетит.

XV. НЕДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Мистер Кику вернулся в свой офис, когда его желудок начали сжимать голодные спазмы, но он не позволил себе помедлить, успокоить его. Вместо этого, он, наклонившись над панелью, сказал:

— Сергей! Немедленно ко мне!

Войдя, Гринберг положил на стол две катушки записанной пленки:

— С удовольствием избавляюсь. Фу!

— Сотри их, пожалуйста. А также забудь, что когда-нибудь слушал их.

— Буду счастлив. — Гринберг кинул кассеты с пленками в открывшуюся полость. — Неужели вы не могли дать ему что-нибудь успокаивающее?

— К сожалению, нет.

— Вес Роббинс был ужасно груб с ним. Я чувствовал себя, словно подглядываю в замочную скважину. Чего ради вы пожелали, чтобы я там присутствовал и все слышал? Я не хочу иметь с этим дела. Или я обязан?

— Нет. Но тебе полезно знать, как это делается.

— М-м-м... Босс... хотели ли вы остаться, когда он выгонял вас?

— Не задавай глупых вопросов.

— Простите. А как вы завершили другое нелегкое дело?

— Она его не пускает.

— Вот как?

— Но он улетит.

— Она будет сходить с ума.

— Она сама этого хотела. — Мистер Кику снова наклонился над панелью. — Все?

— Мистер Роббинс на похоронах венерианского министра иностранных дел, — ответил женский голос, — вместе с Секретарем.

— Ах да. Попросите его связаться со мной, когда он вернется.

— Да, мистер Кику.

— Спасибо, Шицуки, — Заместитель Секретаря повернулся к Гринбергу. — Сергей, твой ранг, когда вы приступили к этому делу был дипломатический офицер Первого класса?

— Был.

— Совершенно верно. Теперь ты будешь действовать в роли старшего дипломатического офицера. Но я не буду оповещать об этом три месяца, чтобы никто не совал сюда носа.

Гринберг оставался невозмутимым.

— Прекрасно, — сказал он. — Но чем я заслужил? Тем, что регулярно чищу зубы? Или кому-то нравится, что мой атташе-кейс всегда отполирован?

— Ты отправишься на Хрошиюд как представитель и глава миссии. Мистер Макклюр будет послом, но я сомневаюсь, что он сможет выучить язык... Это потребует от тебя дополнительных усилий по исполнению и его обязанностей. Поэтому ты должен освоить их язык хотя бы в рабочих пределах. Понимаешь меня?

Гринберг прикинул, что его ждет: Макклюр будет говорить с хрошии через него, что сделает Макклюра полностью зависимым и заставит его ходить по струнке.

— Да, — задумчиво ответил он. — но как насчет доктора Фтаемла? Посол будет использовать его как переводчика куда чаще, чем меня.

Мысленно Сергей добавил: не делайте этого; если рядом будет Фтаемл, Макклюр обойдется без меня... и я останусь на бобах в девятистах световых годах от Земли, без всякой помощи.

— Ты уж прости меня, — ответил Кику, — но я не могу уступить тебе Фтаемла. Я предпочту видеть его здесь как переводчика при миссии хрошии, которую они оставляют здесь. Он согласен.

— Если мне придется иметь дело с хрошии, — нахмурился Гринберг, — я буду с грустью вспоминать

его ум. Но когда они успели обо всем договориться? Или я что-то проспал? Или когда я был в Вествилле?

— Они еще не договорились. Но договорятся.

— Я преклоняюсь перед вашей уверенностью, босс. Пока вы вели бои с миссис Стюарт, Фтаемл рассказал, что хрошии продолжают настаивать на прибытии мальчишки Стюарта. Теперь, когда вы знаете, что с ним все в порядке, может быть, стоит их успокоить? Фтаемл уже нервничает. Он говорит, что единственная вещь, которая удерживает их от того, чтобы задать нам жару, это опасение разгневать нашего старого приятеля Луммокса.

— Нет, — сказал Кику, — мы ничего не будем им говорить. И Фтаемлу тоже. Я хочу, чтобы он сам все понял.

Гринберг принялся грызть костяшки пальцев:

— Босс, — медленно сказал он, — не напрашиваемся ли мы на неприятности? Или вы считаете, что у них нет подавляющего преимущества над нами? И если нам придется помериться с ними, может, мы выиграем?

— Я серьезно сомневаюсь в этом. Но Стюарт — моя козырная карта.

— Так я и думал. Я далек от мысли подсказывать вам, как и что надо делать... но если риск так велик, не вправе ли люди знать, что их ждет?

— Вправе. Но мы ничего не скажем.

— Как и раньше?

Мистер Кику нахмурился:

— Сергей, — медленно сказал он, — это общество было знакомо с кризисами задолго до того, как первая ракета достигла Луны. В течение трех столетий ученые, инженеры и исследователи раз за разом осваивали новые рубежи, сталкивались с новыми опасностями. И каждый раз политики лезли из кожи вон, чтобы собрать все воедино, напоминая жонглера запустившего в воздух слишком много предметов и ловящего их. Все это неизбежно.

Но мы избрали республиканскую форму правления, стараемся придерживаться демократических обычаев. Мы можем гордиться этими обычаями. Но настоящей демократии у нас нет и быть не может. И я считаю,

наша обязанность — служить обществу, когда оно сталкивается со странными и пугающими мирами. Было бы куда как приятно подвергать каждую проблему широкому обсуждению, выносить ее на голосование, а если коллективное решение оказывается ошибочным, повторять все снова. Мы редко можем позволить себе такую роскошь. Сплошь и рядом мы, как пилот, который действует в минуты смертельной опасности. Его ли дело затевать дискуссии с пассажирами? Обязанность пилота в том, чтобы используя свои знания и свой опыт, доставить их в безопасности на землю.

— Говорите вы весьма убедительно, босс. Боюсь, что вы правы.

— Боюсь, что так, — сказал мистер Кику. — Я приказал приготовить на завтра конференц-зал для встречи с хрошии.

— О'кей. Я скажу Фтаемлу. Пусть за ночь они успокоятся.

— Так как они все равно взбудоражены, мы еще потянем время до завтрашнего дня и доведем их до точки кипения. — Мистер Кику задумался. — И пусть Фтаемл скажет им вот что. Наши обычаи требуют, чтобы сторона, желающая вступить в переговоры, предварительно высылала подарки: то есть, они должны нас одарить. Скажи им, что богатство подарков будет говорить о серьезности, с которой сторона относится к предмету разговора; неказистые подарки вызовут предубеждение к их предложениям.

Гринберг нахмурился:

— Вы задумали какую-то хитрую штуку, но я пока ничего не понимаю. Фтаемл знает, что наши обычаи не требуют этого.

— Так постарайся убедить его, что он просто не знаком с этим обычаем. Или уговори Фтаемла, что так надо. Я вижу, что его мучает: он должен хранить верность своим хозяевам, но его симпатии принадлежат нам.

— Лучше я его не буду дурачить. Заставлять ргиллианина врать, когда он находится при исполнении служебных обязанностей... сомневаюсь, что он сможет это сделать.

— Тогда сформулируй наше требование так, чтобы

оно не было ложью. Скажи ему, что это очень старый обычай... что является правдой... и что мы прибегаем к нему только в исключительно важных случаях... как, например, сейчас. Пусть он видит, что ты откровенен, к чему ты стремишься.

— Это можно. Но чего ради, босс? Только, чтобы выиграть дело?

— Совершенно верно. Мы вступаем в переговоры с позиции слабости; начинаем игру со второй руки. И я надеюсь, что проситель, приносящий подарки, — это универсальный символ для всей вселенной и даст нам определенное преимущество.

— А вдруг они не примут наше предложение?

— Тогда будем сидеть до последнего, пока они не согласятся. Начинай собирать свою команду, — добавил Кику. — Завтра покажешь мне список.

Гринберг тяжело вздохнул:

— А я еще хотел сегодня пораньше лечь спать.

— При вашей профессии на это трудно рассчитывать. Да, и еще... Как только закончится наша конференция, пошлите знающего человека... Возможно, Питерса... на их корабль, чтобы посмотреть, какие переделки нужно сделать, для размещения пассажиров-землян. Затем мы сообщим об этом хрошии.

— Минуточку, босс. Я предпочел бы наш корабль.

— Наши корабли последуют за ними, но хрошиа Луммокс полетит с остальными хрошии, а молодой Стюарт будет вместе с Луммоксом. Поэтому ваша миссия также разместится на их корабле, мальчика должны сопровождать земляне.

— Да, понимаю.

— Тогда за дело, мой друг.

XVI. КОНФЕРЕНЦИЯ

Первый этаж здания Управления Межпланетных Дел был выбран для конференции потому, что двери в его комнатах и залах были достаточно высоки, а полы — достаточно прочны. Безопаснее, конечно, было провести конференцию в космопорте, как и предполагал доктор Фтаемл, но мистер Кику настаивал, чтобы хрошии явились к нему, чтобы соблюдены были все

формальности дипломатических церемоний. Исходя из требований протокола, мистер Кику и настоял на встрече в конференц-зале, что был у него под боком.

Первыми были доставлены подарки.

Они громоздились по обе стороны огромного зала, впечатляя своим количеством; хотя их ценность и предназначение пока оставались неизвестными, ксенологи департамента вели себя как дети, рвущиеся к сверткам под новогодней елкой, но мистер Кику приказал им держаться в стороне, пока не окончится конференция.

Сергей Гринберг присоединился к мистеру Кику в комнате для отдыха. Он был встревожен:

— Не нравится мне все это, босс.

Кику взглянул на Гринберга:

— Почему?

Гринберг посмотрел на остальных присутствующих — Макклюра и двойника Генерального Секретаря. Двойник, неплохой актер, кивнул и вернулся к изучению речи, с которой ему предстояло выступать, а Макклюр раздраженно сказал:

— В чем дело, Гринберг? Эти черти что-то замышляют?

— Надеюсь, что нет, — Гринберг обращался к Кику. — Я все осмотрел с воздуха. Выглядит неплохо. На Бульваре Солнца, отсюда и до порта, стоят баррикады, а за ними сил столько, что хватит для небольшой войны. Колонна хрошии только что двинулась из космопорта и я пролетел над ней. Каждые четверть мили стоят их силы, и в каждом узловом пункте они оставляют какие-то приспособления. Возможно, это всего лишь устройства связи, но я что-то сомневаюсь. Я думаю, это оружие.

— Я тоже, — согласился Кику.

Секретарь разволновался:

— Но, послушайте, мистер Кику...

— Прошу прощения, мистер Макклюр. Сергей, Начальник Штаба уже сообщал мне об этом. Я сказал Генеральному Секретарю, что, по моему мнению, мы не должны ничего предпринимать, пока они не попробуют пересечь линию наших заграждений.

— Мы потеряем уйму людей.

— Может быть и так. Но что бы сделал ты, Сергей, будучи приглашенным во вражеский лагерь на

переговоры? Полностью доверился бы врагам? Или попытался бы как-то прикрыть свой отход?

— М-м-м... да.

— Я рассматриваю сложившуюся ситуацию, как наиболее благоприятную для нас из всех, что были раньше. Если они тащат за собой оружие, на что я надеюсь, это значит, что они относятся к нам достаточно серьезно. Никто не будет стрелять из пушек по воробьям. — Он огляделся. — Не пора ли нам идти? Думаю, что мы достаточно их потомили. Вы готовы, Артур?

— Конечно, — двойник Генерального Секретаря отбросил в сторону исписанные листки. — Этот парень Роббинс знает свое дело. Ни одно из предложений не перегружено согласными, а первые пять строк я выплесну прямо фонтаном!

— Отлично. — Они двинулись: актер первым, затем Секретарь, а за ним — Постоянный Заместитель Секретаря в сопровождении своих помощников.

Из всей длинной процессии хрошии, которая покинула космопорт, в зал вошла только дюжина из них, но даже и сейчас зал оказался заполненным. Мистер Кику с интересом посмотрел на них: ведь он в первый раз оказался лицом к лицу с хрошии. Он удостоверился, что этим существам отнюдь не было свойственно выражение дурашливого кукольного добродушия, которое было у Луммокса, хотя парламентеры были мельче Луммокса. Прямо перед платформой стоял один из них, сопровождаемый по бокам двумя спутниками и все они смотрели в упор на Кику. Взгляд этот был холодный и оценивающий. Мистер Кику ощутил определенное неудобство: ему захотелось опустить глаза. Вместо этого он выпрямился и припомнил, что, по мнению его гипнотерапевта, взгляд он умеет выдерживать не хуже хрошии.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда притащили оружие, — шепнул он. — Вон там, видите? Сзади?

— Мы не должны показывать, что нам это известно, — ответил Кику. — Будем считать, что это их аппаратура для трансляции конференции.

Доктор Фтаемл стоял рядом с передним хрошии, и Заместитель Секретаря сказал ему:

— Сообщите, что здесь присутствует наш Генеральный Секретарь. Представьте его как главу семнадцати могущественных планет.

Раргиллианин помедлил:

— А как быть с Президентом вашего Совета?

— В таких случаях обоих представляет Генеральный Секретарь.

— Очень хорошо, мой друг. — Раргиллианин заговорил на высоких тонах, которые напомнили Кику писк игрушечной куклы. Хрошии кратко ответил ему в том же тоне, и внезапно Кику перестал чувствовать напряжение, которое охватило его при виде этих существ. Невозможно испытывать почтение и преклонение по отношению к существу, которое пищит, как брошенная кукла. Но он заставил себя вспомнить, что смертельно опасный приказ может быть отдан на любом языке.

Фтаемл обратился к нему:

— Рядом со мной... — Фтаемл издал короткий визг на странном языке, — тот, кто является командиром корабля и главой экспедиции. Она... нет, пожалуй, «он» будет лучше... он — потомственный маршал и... — раргиллианин остановился и обеспокоенно дернулся. — В вашем языке нет обозначения соответствующего ранга. Я бы предпочел сказать «владелец дворца».

Гринберг внезапно вмешался:

— А как насчет слова «босс», док?

— Прекрасное предложение! Да, он — Босс. Ее... его положение в обществе, может быть и не столь высоко, но его авторитет практически не имеет пределов.

— Достаточен ли его чин для того, чтобы вести и заключить переговоры? — спросил Кику.

— О, вне всякого сомнения!

— Тогда приступим. — Кику повернулся к актеру и кивнул. Затем, наклонившись к панели, стоящей перед ним, включил систему аварийной связи и спросил: — Все в порядке.

— Да, сэр, — раздался тихий голос в его ушной раковине. — Один раз картина пропала, но сейчас все в порядке.

— Видят ли нас Генеральный Секретарь и Начальник Штаба?

— Думаю, что да, сэр. Их кабинеты на связи.

— Отлично. — Мистер Кику стал слушать речь Генерального Секретаря. Она была немногословной, но преисполнена большим достоинством. Актер говорил так, чтобы Фтаемл успевал переводить. Генеральный Секретарь приветствовал прибытие хрошии на Землю, заверил их, что все люди Земли испытывают большую радость из-за того, что наконец был найден их потерянный ребенок, и добавил, что этот счастливый случай должен стать для хрошии поводом занять подобающее им место в Обществе Цивилизаций.

Затем двойник Генерального Секретаря сел на место и, поскольку никаких практических действий от него больше не требовалось, сразу же отключился, оставшись горделиво сидеть с открытыми глазами. В такой позе римского императора он мог сидеть часами, не обращая никакого внимания ни на какое зрелище или церемонию, в которых был вынужден участвовать.

Столь же краток был и Макклюр. Он повторил слова Генерального Секретаря, добавив, что теперь Федерация готова обсудить все деловые вопросы взаимоотношений между Федерацией и благородными хрошии.

Гринберг наклонился к Кику и шепнул:

— Хлопать надо, босс?

— Заткнись, — дружелюбно сказал Кику. — Доктор Фтаемл, собирается командир судна и экспедиции выступить с ответным словом?

— Думаю, что нет. — Он переговорил с главой хрошии и снова повернулся к мистеру Кику. — Его слова представляют собой не столько формальный ответ, сколько достаточно весомый комментарий к двум прослушанным речам. Он говорит, что хрошии не нуждаются в других... м-м-м... низших расах и говорит, что не собирается заниматься ничем другим, кроме того, что уже было обговорено.

— Если они в самом деле не испытывают нужды ни в ком, спросите его, чего ради они явились к нам и почему предлагают нам подарки?

— Но вы сами настаивали на них, мой друг! — в изумлении сказал Фтаемл.

— Благодарю вас, доктор, но в данный момент я

не нуждаюсь в ваших комментариях. Потребуйте от него ответа. И пожалуйста, не подсказывайте ему.

— Попытаюсь. — Фтаемл обменялся несколькими визгливыми звуками с командиром хрошии. — Прошу прощения. Он говорит, что они приняли ваше детское требование как простейший способ достичь своей цели. А сейчас он хотел бы поговорить о выдаче им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите им, пожалуйста, что в данный момент этот вопрос не подлежит обсуждению. Повестка дня предполагает, что первым делом мы должны обсудить установление дипломатических отношений.

— Простите, сэр. Понятие «дипломатические отношения» довольно трудно для перевода. Я работал над его осмыслением и истолкованием несколько дней.

— Тогда скажите ему, что в настоящий момент он видит перед собой образец дипломатических отношений. Свободные существа, беседующие как равные, с мирными намерениями, для общей выгоды.

Раргиллианин сделал вид, что вздохнул:

— Каждое из этих понятий достаточно сложно для перевода. Но я попытаюсь.

Наконец он перевел:

— Потомственный маршал говорит, что, если все, что мы делаем, является дипломатическими отношениями, то они у вас есть. Где мальчишка Стюарт?

— Не так быстро. Повестка дня должна быть исчерпана пункт за пунктом. Они должны допустить к себе наше посольство и миссию, ставящую перед собой цели торговли, культурного и научного обмена. Аналогичные посольство и миссия должны остаться у нас. Должно быть запланировано регулярное сообщение между двумя нашими суверенными образованиями. И прежде, чем все эти вопросы не будут отрегулированы, не будет никакого разговора о Стюарте.

— Я еще раз попытаюсь. — Фтаемл долго втолковывал что-то «Боссу» хрошии; ответ последнего был краток. — Он сказал, чтобы я передал вам следующее: все эти предложения отвергаются как несущественные для цели встречи. Где мальчишка Стюарт?

— В таком случае, — тихо сказал мистер Кику, — скажите им, что с варварами мы дела не имеем. Скажите им, чтобы они забирали свое барахло, — и чтобы перевод был совершенно точным! — которым они

замусорили наш дом, и немедленно убрались на свое судно. Им предлагается немедленно покинуть Землю. Они могут забирать с собой свою драгоценную хрошиа, пусть даже силой, если они хотят когда-нибудь увидеть ее — потому что им никогда больше не будет разрешена посадка на Землю.

Фтаемл выглядел так, словно он с трудом сдерживает слезы.

— Прошу вас! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я буду изгнан из корпорации... я нарушаю свои профессиональные обязанности... но должен сообщить вам, что они в состоянии сразу же разрушить город, даже не прибегая к ресурсам своего судна.

— Передайте то, что я сказал. Конференция окончена. — Мистер Кику встал, непреклонным взглядом поднял с места всех остальных и во главе их направился в комнату за конференц-залом.

Двойник Генерального секретаря вышел вперед. Макклюр придержал мистера Кику за руку. — Генри... вы блестяще провели встречу, благодарю. Но не увлеклись ли вы? Ведь они — дикие животные. Это может...

— Мистер Макклюр, — мягко сказал Кику, — как сказал один ваш достойный предшественник, в обращении с определенным типом существ вы должны им наступать на ноги, пока о н и не начнут извиняться. — Он вежливо пропустил Секретаря в двери.

— А если они не сделают этого?

— Да, тут есть определенный риск. Но прошу вас... не надо обсуждать эту тему в их присутствии. — Они вошли в комнату для отдыха и дверь за ними закрылась.

— Прекрасно, босс, — Гринберг повернулся к Кику, — но что мы будем делать?

— Ждать.

— О'кей. — Гринберг, нервничая, подошел к стенной панели и, пощелкав тумблерами, включил изображение покинутой аудитории. Хрошии все еще находились на месте. Он с трудом различил Фтаемла, окруженного существами, значительно превосходящими его по размерам.

— Я вам больше не нужен, сэр? — двойник спросил Кику.

— Нет, Артур. Вы хорошо справились.

— Благодарю вас. Мне осталось только снять грим — и мчусь подменять другого.

— Ясно. Смотрите, чтобы не произошло путаницы.

— Ерунда. Фотографы знают свое дело.

Насвистывая, он ушел. Макклюр сел, закурил сигарету, выпустил кольцо дыма, стряхнул пепел.

— Генри, вы должны поставить в известность Начальника Штаба.

— Он знает. Нам остается только ждать.

Они сидели и ждали. Внезапно Гринберг сказал:

— Идет Фтаемл. — Рванувшись к дверям, он впустил раргиллианина.

Доктор Фтаемл выглядел предельно уставшим:

— Мой дорогой мистер Кику, командир хрошии сообщил мне, что они согласятся с вашими пожеланиями ради стремления к конечной цели. Он настаивает, чтобы доставили мальчика Стюарта.

— Будьте любезны, сообщите ему, что он заблуждается, пытаясь понять сущность дружеских отношений между цивилизованными народами. Мы не отдаем в залог свободу любого нашего гражданина против его желания — в любом случае. Затем сообщите им, что я приказываю им немедленно убраться.

— Я сделаю это против своей воли, — серьезно сказал Фтаемл.

Вернулся он почти сразу же:

— Они согласны на ваши условия.

— Отлично. Идем, Сергей. Мистер Макклюр, пока в вашем присутствии нет необходимости. — Кику вышел в холл, сопровождаемый Гринбергом и Фтаемлом.

Кику показалось, что окраска «Босса» хрошии стала бледнее, чем обычно. Но необходимость уточнения массы вопросов тут же заняла все его внимание — необходимо было отобрать равное количество людей и хрошии в состав миссий, обеспечить доставку всего необходимого на корабль хрошии, определить, кто будет послом от хрошии в Федерации, и так далее. Фтаемл заверил их, что ранг того, кто предназначен быть послом, лишь на одну ступень уступает командиру экспедиции.

— А теперь, — перевел Фтаемл требование маршала, — настало время получить в наше распоряжение Джона Томаса Стюарта. Я думаю, вы отдали все необходимые распоряжения, мой друг? — встревоженно добавил Фтаемл. — Мне не нравится, что все так затянулось. Надо торопиться.

Чувство напряжения, сковывавшее желудок, стало отпускать, и мистер Кику с облегчением сказал:

— Я не вижу трудностей. Теперь, когда между нами установлены подобающие отношения, Стюарт не будет иметь ничего против поездки. И со всей убедительностью дайте им понять, что он отправляется как свободный гражданин, а не как раб или чья-то игрушка. Хрошии обязаны гарантировать его статус и возможность свободного возвращения, на их корабле, когда бы он ни выразил это желание.

Фтаемл перевел.

— Их все устраивает, — сообщил он в ответ, — кроме того, что я перевел бы как «несущественная деталь». Мальчик Стюарт будет относиться к имуществу хрошиа Луммокс. И естественно — я стараюсь переводить как можно точнее — вопрос о его возвращении будет личной прерогативой его владельца — хрошиа Луммокса. Если он устанет от его присутствия или захочет расстаться с ним, корабль будет к его услугам.

— Нет.

— Что нет, сэр?

— Простое отрицание. Обсуждение вопроса о мальчике Стюарте завершено. — Фтаемл повернулся к своим клиентам.

— Они говорят, — сообщил он, — что в таком случае не будет и договора.

— Я знаю. Договоры не могут быть подписаны... есть у них слово означающее «слуги»?

— У них есть слуги нескольких рангов, есть высшие, есть и низшие.

— Используйте слово, обозначающее самый низкий сорт. Скажите им, что никакого договора не будет, потому что слуги не имеют права подписывать договор. Наконец скажите им, чтобы они убирались — и побыстрее.

Фтаемл с грустью посмотрел на Кику:

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не одобряю вас.

Он повернулся к командиру экспедиции и пропищал несколько фраз.

Тот широко открыл рот и, уставившись на Кику, заверещал, как кукла, которой наступили на живот. Фтаемл дернулся и отступил на несколько шагов назад:

— Ужасное богохульство... непереводимо... — Чудовище продолжало издавать звуки, Фтаемл содрогаясь, пытался успеть за ним. — Полное презрение... низкие животные... съесть вас с потрохами... и все ваше потомство до седьмого колена... вашу презренную расу надо учить хорошим манерам... похитители детей... умыкатели младенцев... — Он остановился в крайнем возбуждении.

Огромный хрошии двинулся к краю пластформы и остановился, оказавшись нос к носу с Кику. Гринберг сунул руку под стол и нащупал контрольную кнопку, которая опускала платформу на нижний этаж... устройство было необходимо, потому что в этом зале, случалось, бывали острые баталии.

Но мистер Кику сидел с каменной неподвижностью. Они не мигая смотрели друг на друга — массивное существо откуда-то «Извне» и маленький пожилой человечек. В огромном зале стояла мертвая тишина, никто не шевелился.

Наконец сзади прорезался визгливый вопль, словно из корзины вылезла целая куча говорящих кукол. Командир хрошии резко повернулся, заставив содрогнуться перекрытия, и визгливо рявкнул на сопровождающих. Получив ответ, он пропищал несколько коротких команд. Все двенадцать хрошии кинулись к дверям, двигаясь неуклюже, но очень быстро.

Встав, Кику смотрел им вслед. Гринберг схватил его за руку.

— Босс! К вам рвется Начальник Штаба!

Кику предостерегающе поднял руку:

— Скажи ему, чтобы он не торопился. Это сейчас самое важное — чтобы он не торопился. Наша машина на месте?

XVII. «ПРОСТИТЕ, МЫ ВАМ ТУТ ВСЕ ПЕРЕПУТАЛИ»

Джон Томас Стюарт XI ждал, когда его пригласят на конференцию; сам он из своих апартаментов выбраться не мог. Он обитал в отеле «Универсал» в номере, предназначенном для него и его матери. Он играл в шашки со своим телохронителем, когда вторхнула Бетти Соренсен в сопровождении мисс Хольц. Майра Хольц была оперативным работником Бюро Безопасности Департамента и исполняла обязанности женщины-полицейского под прикрытием приятного фасада своей внешности. Инструкции мистера Кику относительно Бетти, полученные ею, были просты: «Не спускать с нее глаз. У нее вкус к приключениям».

— Привет, Джонни, — сказала Бетти. — А я уж думала, что ты сидишь на верхушке вулкана.

— Они меня не пускают.

— Меня тоже, — Бетти огляделась. — А где ее высочество графиня?

— Побежала по магазинам. По крайней мере меня не трогает. Она купила уже двенадцать шляпок. Что ты сделала со своим лицом?

Бетти повернулась к зеркалу:

— Ах, это? Называется «Контуры Космоса». Последний крик моды.

— Ты выглядишь, как размалеванная зебра.

— А ты неотесанный чурбан. Эд, а вам нравится?

Эд Коуэн глянул из-за доски и торопливо ответил:

— Не могу понять. Но моя жена говорит, что у меня нет вкуса.

— Как и у большинства мужчин. Джонни, мы с Майрой хотели б пригласить вас обоих прогуляться по городу. Как вы насчет этого?

— Я бы не советовал, Майра, — сказал Коуэн.

— Это ее идея, — ответила Майра.

— Но почему бы и нет? — сказал Джон Томас Коуэну. — Меня уже тошнит от этих шашек.

— Ну что ж... думаю, надо связаться с конторой. Ты можешь понадобиться в любой момент.

— Фу! — вмешалась Бетти. — У вас же есть микрорации. Во всяком случае, у Майры.

Коуэн покачал головой:

— Давайте не будем рисковать.

— Неужели я арестована? — настаивала Бетти. — А Джонни?

— М-м-м... нет. Можно считать, что находитесь под охраной.

— Значит, вы можете охранять его в любом месте. Или оставайтесь здесь и играйте в шашки сами с собой. Идем, Джонни.

Коуэн взглянул на Майру, та, подумав, ответила:

— Я думаю, что все будет в порядке, Эд. Мы же будем с ними.

Коуэн пожал плечами и встал. Джонни сказал Бетти:

— Пока у тебя такая физиономия, я не покажусь с тобой на людях. Иди умойся.

— Но, Джонни! Мне потребовалось два часа, чтобы...

— Они оплачены, не так ли?

— Да, но...

— Иди умойся. Или мы никуда не пойдем. Как вы считаете, мисс Хольц?

Левую щеку специалного оперативного работника Майры Хольц украшал только скромный цветочек, наложенный на общий тон.

— Бетти вполне может обойтись, — задумчиво сказала она. — Во всяком случае, в ее возрасте...

— Ах, вы, компания пуритан! — горько сказала Бетти, показала язык Джонни и побрела в ванную. Она вышла оттуда с розовым и сиящим лицом. — Я чувствую себя прямо голой. Идем!

У лифта произошла очередная стычка, которую выиграл Эд Коуэн. Вместо того, чтобы спуститься на улицу, он вынудил их подняться на крышу, чтобы взять аэротакси и полюбоваться городом с высоты.

— Вам, ребята, — сказал он, — надо бы внимательнее проглядывать газеты за последние несколько дней. В этом городе психов выше головы. И я не хочу никаких историй.

— Они бы все равно не цеплялись к нам — с таким лицом, как у меня было, никто бы нас не узнал...

— И тем не менее...

— Мы и вас могли бы раскрасить. Любого мужчину можно преобразить с помощью макияжа.

В конце концов Бетти безропотно вошла в лифт. Все поднялись на крышу, где и взяли аэротакси.

— Куда прикажете, шеф?

— Значит, так, — сказал Коуэн, — сделайте большой круг и покажите нам город сверху. Рассчитывайте на час.

— Как прикажете. Я не могу только пересекать Бульвар Солнца. Какой-то парад или что-то в этом роде.

— Знаю.

— Слушайте, — вмешался Джонни, — а что, если нам слетать в космопорт?

— Нет, — уточнил Коуэн. — Только не туда.

— А почему, Эд? Я так и не видел Луммокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть, ему плохо без меня.

— Это как раз то, что ты не должен делать, — сказал ему Коуэн. — Мы не должны приближаться к кораблю хрошии.

— Но ведь с воздуха я могу на него посмотреть, не так ли?

— Нет!

— Но...

— Оставь его в покое, — посоветовала Бетти. — Мы просто возьмем другое такси. Деньги у меня есть. Пошли, Джонни! Пока, Эд.

— Послушайте, — взмолился пилот. — Я могу доставить вас хоть в Тимбукту. Но я не могу до бесконечности болтаться на посадочной площадке. Коп меня выставит.

— Давай в космопорт, — сдался Эд.

Обширное пространство, где расположились хрошии, было окружено сплошным кольцом заграждений. Лишь в одном месте, через которое двинулась делегация, в заграждениях был проем. Весь Бульвар Солнца был наглухо перекрыт баррикадами, тянущимися вплоть до места встречи. Внутри огороженного пространства стоял огромный и неуклюжий грузовой корабль хрошии, не уступающий по размерам и земным кораблям межзвездных рейсов. Джонни посмотрел на него и подумал, как он будет выглядеть на Хрошиюде. Он испытал дискомфортное ощущение при этой мысли — но не потому, что боялся, а по-

тому, что еще не сказал Бетти, что его ждет. Пару раз он пытался поговорить с ней на эту тему, но каждый раз что-то мешало ему сказать, что они должны расстаться.

И так как она не пыталась возвращаться к этому разговору, он решил, что пока она ничего не должна знать.

В воздухе болталось порядочно зевак; немало их стояло и по обе стороны заграждений. Впрочем, пустое любопытство не было свойственно обитателям Столицы; они гордились своей невозмутимостью, да и в самом деле хрошии ничем в принципе не отличались от дюжины других дружественных рас, некоторые из которых были даже членами Федерации.

Хрошии, как муравьи, копошились у основания своего корабля, делая что-то непонятное при помощи каких-то инструментов и орудий. Джонни попытался подсчитать их число, решил, что их там, как в муравейнике. Несколько дюжин, это точно... но сколько их на самом деле?

Аэротакси заложило вираж неподалеку от полицейского вертолета. И вдруг Джонни заорал:

— Эй! Вон Лумми!

Бетти чуть не вывернула шею:

— Где, Джонни?

— Вон он, вышел из-за того конца их судна! Вон! — Он повернулся к пилоту. — Скажите, мистер, не могли бы вы подлететь к тому концу и опуститься пониже?

Пилот посмотрел на Коуэна. Тот кивнул. Они обогнули полицейских и подлетели к кораблю хрошии с другой стороны. Выбрав удобный момент, водитель аэротакси снизился. Теперь Луммокс был ясно виден. Его сопровождала группа хрошии, над которыми он высился подобно башне.

— Жаль, что нет бинокля, — пожаловался Джонни. — Я не могу его толком разглядеть.

— Поищи слева от себя, — посоветовал водитель.

Бинокаль оказался самым обыкновенным, оптическим, без системы электронного увеличения, но Луммокс стал виден куда яснее. Он смотрел прямо на своего друга.

— Как он выглядит, Джонни?

— Вроде неплохо. Хотя немного отощал. Они его, наверное, не кормят, как следует.

— Мистер Гринберг сказал мне, что они вообще его не кормят. Я думала, что ты знаешь.

— Что? Они не имеют права так относиться к Лумми!

— Но я не представляю, что мы тут можем сделать?

— Ну, ладно... — Джонни опустил иллюминатор и высунулся из него, пытаясь получше рассмотреть то, что происходит внизу. — Слушайте, а нельзя ли поближе? Я хочу дать им хорошую взбучку.

Коуэн отрицательно покачал головой. Пилот проворчал:

— Я не хочу связываться с полицией. — Все же он еще приспустил аппарат, пока не оказался на одном уровне с полицейскими.

В ту же секунду рявкнул громкоговоритель на полицейском вертолете:

— Эй, вы! Номер четыре-восемьдесят четыре! Куда вы претесь на своей жестянке? Убирайтесь отсюда!

Пробормотав что-то, водитель начал разворачивать машину.

— Эй! — крикнул Джонни, не отрывая бинокля от глаз. — Слышит ли он меня? Лумми! — изо всех сил крикнул он, перекрывая свист ветра. — О, Луммокс!

Хрошиа поднял голову и с волнением стал оглядываться вокруг.

Коуэн отбросил Джонни от иллюминатора и потянулся закрыть его. Но Джонни высвободился из его рук. — Вы все яйцеголовые! — в гневе закричал он. — Хватит водить меня за нос! Луммокс! Это я, Джонни-бой! Я над тобой! Иди ко мне!..

Коуэн оттащил его в глубь салона и задраил иллюминатор. — Я знал, что нам нельзя быть здесь! Пилот, в другую сторону!

— С удовольствием!

— Выходите за линию ограждения. Я хочу посмотреть, что там будет происходить.

— Как вам будет угодно.

Теперь увидеть, что делалось внизу, можно было и без бинокля. Луммокс рванулся прямиком на барьер, и пчелиный рой такси, сновавших взад и вперед, рассыпался во все стороны. Заграждения не остановили хрошиа ни на секунду, Луммокс просто разметал их.

— Прыгающий танк! — с уважением сказал Коуэн. — Но «липучка» его остановит.

Он ошибся. Луммокс только несколько замедлил свое неудержимое движение вперед, его могучие ноги стали двигаться с некоторым усилием, словно воздух вокруг него превратился в трясину. Но он продвигался с неудержимостью ледника, пробиваясь к тому месту, где над ним висело аэротакси.

Остальные хрошии тоже хлынули через проем. Иммобилизационное поле притормаживало их, но они продолжали двигаться вперед. Коуэн увидел, что Луммокс первым освободился из пут поля и кинулся в галоп; люди рассыпались перед ним во все стороны.

— Майра, — рявкнул Коуэн, — немедленно связь с военным командованием! Вызываю Штаб!

Бетти схватила Коуэна за рукав:

— Нет!

— Что? Снова ты? Заткнись или я дам тебе затрещину?

— Мистер Коуэн, вы д о л ж н ы меня выслушать! — Она говорила быстро, захлебываясь и глотая слова. — Не надо вызывать подмогу. Луммокс не будет слушать никого, кроме Джонни — а о н и не будут слушать никого, кроме Луммокса. И вы это з н а е т е. Поэтому отпустите такси пониже, чтобы Джонни мог поговорить с Луммоксом, а то пострадает масса людей, и вы будете в этом виноваты.

Оперативный работник Службы Безопасности Первого Класса посмотрел на Бетти и быстро прикинул, что в таком случае останется от его надежд и намечающейся карьеры. Это отняло не больше секунды, и он почти немедленно принял смелое решение:

— Вниз! — рявкнул он. — Выпусти ее с мальчиком и нас!

Пилот застонал:

— И зачем только я связался с вами. — Но он бросил машину вниз столь стремительно, что внутри все задребезжало. Коуэн распахнул дверь и вместе с Джоном Томасом выскочил наружу. Майра Хольц попыталась придержать Бетти, но безуспешно. Она сама выпрыгнула в последний момент, когда пилот уже стал подниматься.

— Джонни! — вне себя запищал Луммокс и простер могучие руки в универсальном для всего космоса знаке приветствия.

Джон Томас рванулся к звездному зверю.

— Лумми! Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— Конечно, — согласился Луммокс. — Почему бы и нет? Привет, Бетти.

— Привет, Лумми.

— Правда, есть хочется, — задумчиво сказал Луммокс.

— Мы тут все наладим.

— Тогда хорошо. Я еще ничего не ел.

Джон Томас продолжал обниматься с Луммоксом, отвечая на его вопросы, и сам спрашивал, когда заметил, что один из хрошии оттирает от них мисс Хольц. Остальные столпились вокруг, словно прикидывая, как им надлежит поступать в такой ситуации. Когда Джонни увидел, как Эд Коуэн, выхватив пистолет, кинулся между хрошии и Майрой, он быстро сказал Луммоксу:

— Слушай! Это мои друзья. Скажи своим приятелям, чтобы они оставили их в покое и пропустили сюда внутрь. И быстро!

— Как скажешь, Джонни. — Хрошиа высоким визгливым голосом обратилась к своей родне и все мгновенно повиновались.

— И сделай нам седло. Мы пойдем с тобой и будем долго говорить.

— О, конечно, Джонни.

Вскарабкавшись на загривок Луммоксу, Джонни за руку подтянул Бетти и они двинулись сквозь пролом в барьере. Дойдя до границы «липучки», все остановились, но «липучка» уже исчезла и дальнейшее движение не представляло трудностей.

Когда мистер Кику, Сергей Гринберг и доктор Фтаемл прибыли в космопорт, они обнаружили вереницу боевых бронированных машин, занявших позиции. Все хрошии были внутри проломанного заграждения, но полицейские патрули уже были сменены военными формированиями, а где-то далеко вне поля зрения тяжелые бомбардировщики были готовы для последнего рывка, который должен был превратить окружающее пространство в радиоактивную пустыню.

Генеральный Секретарь и Начальник Штаба встретили их у баррикады. Генеральный Секретарь был мрачен и серьезен:

— Это вы, Генри! Похоже, что мы проиграли. В этом нет вашей ошибки.

Мистер Кику посмотрел на сгрудившихся хрошии:

— Может быть.

Начальник Штаба добавил:

— В радиусе взрыва мы постараемся эвакуировать все живое, и как можно быстрее. Но если до этого дойдет... я не знаю, что делать с двумя молодыми людьми там внутри.

— Поэтому давайте пока ничего не будем делать. Пока.

— Думаю, что вы не понимаете всей серьезности ситуации, мистер Заместитель Секретаря. Например, мы разместили вокруг данного места иммобилизационное поле. Его больше не существует. Они просто отшвырнули его. И не только здесь. Повсюду.

— Ясно. Мне кажется, что это вы не понимаете всей серьезности положения, генерал. Во всяком случае, несколько слов не принесут вреда. Идем, Сергей. А вы, доктор? — Мистер Кику покинул группу, столпившуюся вокруг Генерального Секретаря, и двинулся к пролому в баррикаде. Ветер, свирепствовавший на плоской равнине в милю радиусом, заставил его согнуться и придержать шляпу. — Не люблю ветреную погоду, — пожаловался он доктору Фтаемлу. — Есть в ней какая-то беспорядочность.

— Нас ждут еще более сильные ветра, — печально ответил раргиллианин. — Друг мой, достаточно ли мудро вы поступаете? Меня-то они не тронут; я у них на службе. Но вы...

— Что еще я должен делать?

— Не знаю. Но бывают ситуации, в которых смелость становится бесцельной.

— Возможно. Я еще не сталкивался с такими.

— Сегодня мы находимся именно в таковой.

Они достигли огромной массы хрошии, закрывавших Луммокса. Две человеческие фигурки на спине Луммокса были от них не ближе ста ярдов. Кику остановился.

— Скажите им, чтобы они освободили мне путь. Я хочу увидеть хрошиа Луммокс.

Фтаемл перевел. Ничего не произошло, хотя хрошии и зашевелились.

— Босс, — сказал Гринберг, — а если попросить Луммокса и ребят подойти сюда? От этой толпы пахнет неприятностями.

— Нет. Я не могу перекрикивать этот ветер. Мне это не нравится. Так что позови сам парнишку Стюарта и попроси его проложить нам дорогу.

— О'кей, босс. Вот посмеются мои внучата... если вообще они у меня будут. — Гринберг приложил руку ко рту и закричал: — Джонни! Джон Стюарт! Скажи Луммоксу, пусть они нас пропустят!

— Обязательно!

Перед ними мгновенно, словно выметенное метлой, открылось пространство, достаточное, чтобы по нему проехала колонна грузовиков. Маленькая процессия двинулась мимо хрошии вперед. Гринберг почувствовал, что по спине у него ползут мурашки.

Казалось, что мистера Кику беспокоила только борьба с ветром, который стремился сорвать с него шляпу. Они остановились перед Луммоксом.

— Как поживаете, мистер Кику? — крикнул Джон Томас. — Нам спускаться?

— Наверно, это будет лучше всего.

Соскользнув, Джонни поймал Бетти.

— Простите, что мы тут вам все перепутали.

— Это я должен извиняться. Будьте любезны, не могли бы вы представить меня своему другу?

— О, конечно, Луммокс, это мистер Кику. Он прекрасный человек и мой друг.

— Как поживаете, мистер Кику?

— Здравствуйте, Луммокс. — Мистер Кику задумался. — Доктор, нет ли здесь, среди хрошии того командира? Ну, того, кто так свирепо смотрел на меня.

Раргиллианин огляделся:

— Да, он здесь.

— Ясно. Спросите его, сообщил ли он о результатах конференции?

— Очень хорошо. — Медузоид поговорил с командиром хрошии. — Он говорит, что нет.

— Ага. Джон Томас, мы были готовы заключить договор с хрошии относительно того, о чем мы с вами говорили. Внезапно они разорвали соглашение, когда выяснили, что мы решительно отказываемся выдавать

вас просто заложником без всяких гарантий. Не можете ли вы помочь мне выяснить, было ли это желанием вашего друга?

— Вы имеете в виду Луммокса? Сейчас.

— Отлично. Подождите минутку. Доктор Фтаемл, будьте любезны, сообщите суть нашего соглашения Луммоксу — но обязательно в присутствии командира. Или все эти понятия вне ее понимания?

— С чего вы взяли? Да ей было не меньше двухсот земных лет, когда она попала сюда.

— Так много? Тогда излагайте.

Почтительно взвизгнув, раргиллианин обратился к Луммоксу. Несколько раз Луммокс прерывал его вопросами, а затем снова продолжал слушать. Когда доктор Фтаемл закончил, Луммокс обратился к командиру экспедиции. Фтаемл сказал людям:

— Она спрашивает: «Неужели это правда?»

Командир оттеснил всех остальных настолько далеко, насколько мог, и теперь стоял перед Луммоксом рядом с маленькой группкой людей. Переминаясь с ноги на ногу, он напоминал включенный трактор. Уткнувшись физиономией в землю, он пропищал ответ.

— Он признает, что все было именно так, но просит принять во внимание...

— Поскорее бы они разобрались, — поежился Кику. — А то я начинаю мерзнуть. — Его колени в самом деле подрагивали.

— Объяснение не принято. Я могу передать вам смысл слов, но интонации их непередаваемы!

Внезапно Луммокс издал пронзительный визг и четырьмя ногами сдал назад, освободив перед собой пространство. Подняв голову, огромное существо размахнулось и влепило несчастному командиру сокрушительную затрещину.

Оторвавшись от земли маршал пролетел несколько метров и рухнул на толпу хрошии. Медленно и неуверенно поднявшись на ноги, он подполз к Луммоксу.

Луммокс принялся говорить.

— Она говорит... о, я хотел бы, чтобы вы услышали, к а к она говорит!.. что так долго, как будет существовать Галактика, друзья Джонни будут ее друзьями. Она говорит, что те, кто не являются друзьями ее друзей, для нее ничто, меньше, чем ничто, она их просто

не замечает. И она призывает в подтверждение сказанного имена... ну, тут идет перечисление всех ее предков, со всех сторон, что довольно утомительно. Переводить дальше?

— Не трудитесь, — сказал мистер Кику. — «Да» — это «да» на любом языке.

— Но с какой изысканностью она излагает, — сказал Фтаемл. — Какие ужасные и удивительные события она вспоминает, простираясь памятью в далекое прошлое.

— Меня интересует только ее оценка будущего... и как нам спрятаться от этого проклятого ветра, — поежился мистер Кику. — Я тронут.

Доктор Фтаемл снял свой плащ и набросил его на узкие плечи мистера Кику:

— Мой друг... брат мой... простите меня.

— Нет, нет, вам будет холодно.

— Ни в коем случае.

— Тогда давайте поделим его.

— Для меня это большая честь, — растроганно ответил медузоид, и его ноздри задрожали от наплыва эмоций. Он нырнул под плащ, и они вдвоем тесно прижались друг к другу, пока Луммокс кончал свою речь. Бетти повернулась к Джонни.

— Ты бы эого для меня никогда не сделал.

— Так ведь, Червячок, тебе ведь никогда не бывает холодно.

— Хотя бы просто обними меня!

— Да? Перед всеми? Иди обнимайся с Луммоксом.

Все хрошии почтительно слушали Луммокса. И по мере того, как красноречие его достигало пределов, они все больше приникали к земле, вытягивая ноги, пока все не застыли в той же униженной позе, что и командир. Наконец, все было закончено, и Луммокс бросил короткое резкое замечание. Хрошии задвигались.

— Она говорит, — перевел Фтаемл, — что сейчас она хочет побыть со своими друзьями.

— Спросите ее, — указал Кику, — может ли она заверить своего друга Джона Томаса, что все, сказанное ею, свято и нерушимо?

— Секунду, — и пока все остальные хрошии торопливо покидали их, Фтаемл сказал Луммоксу несколько слов.

Послушав их, Луммокс повернулся к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался голос маленькой девочки:

— Это так, Джонни. Лопни мое сердце.

Серьезно и торжественно Джон Томас кивнул Луммоксу в ответ.

— Не беспокойтесь, мистер Кику. На Луммокса вы можете положиться.

XVIII. ДЕВЯНОСТО СЕМЬ БЛЮД С УГОЩЕНИЯМИ

— Запускайте ее.

Мистер Кику нервничал. Окинув взглядом сервировку чайного столика, он убедился, что уютная небольшая комнатка для совещаний узкого круга выглядит так, как он хотел. В это время дверь распахнулась, и в помещение впорхнула улыбающаяся Бетти Соренсен.

— Здравствуйте, мистер Кику, — сказала она и непринужденно устроилась в кресле.

— Как поживаете, мисс Соренсен?

— Зовите меня Бетти. Все мои друзья так обращаются ко мне.

— Благодарю вас. Хотел бы я быть одним из них. — Посмотрев на Бетти, мистер Кику невольно вздрогнул. Бетти только что кончила экспериментировать с новой раскраской, и сейчас лицо ее напоминало нечто вроде шахматной доски. Кроме того, чувствовалось, что она не обошла своим вниманием магазины, и на ней был наряд, явно не подходящий ей по возрасту. Мистер Кику был вынужден напомнить, что к моде надо подходить осторожно.

— Видите ли... моя дорогая юная леди, мне довольно затруднительно объяснить вам цель нашей встречи.

— А вы не торопитесь. Мне лично спешить некуда.

— Разрешите предложить вам чаю?

— Давайте я вам налью. Будет совсем по-домашнему. — Кику не спорил, и, взяв чашку чая, растя-

нулся в кресле с чувством облегчения, которого давно не испытывал.

— Думаю, вам нравится ваше сегодняшнее положение?

— Еще бы! Мне никогда еще не доводилось ходить по магазинам, не тратя ни пенни. Только счета подписываю.

— Так пусть вас это радует. Заверяю вас, что ваши траты не пройдут ни по какой статье бюджета. Для этого у нас есть специальный фонд. Вы же сирота, не так ли?

— Сирота по закону. Я — Дитя Свободы. Мой опекун — Вествиллский Дом для Детей Свободы. А в чем дело?

— Значит, вы еще несовершеннолетняя?

— Это зависит от точки зрения. Я лично считаю, что уже совершеннолетняя, а суд придерживается другого мнения. Но, слава богу, долго он не будет упорствовать.

— Мда. Наверно, мне надо было сказать, что все это я знаю.

— Я так и думала. А в чем дело?

— М-м-м... Разрешите начать несколько издалека. Вы когда-нибудь выращивали кроликов? Или держали кошек?

— Кошки у меня были.

— Мы столкнулись с определенными трудностями относительно хрошиа, которую мы знаем под именем Луммокса. Ничего страшного; договор с ними в порядке, поскольку она дала слово. Но, как бы это поточнее выразиться, если бы нам удалось поставить Луммокса в определенное положение, он... она бы еще теплее относилась к нам, и наши будущие отношения стали бы еще лучше...

— Я думаю, что мы можем говорить совершенно откровенно. В чем суть дела, мистер Кику?

— Мда... Оба мы с вами знаем, что хрошиа Луммокс в течение долгих лет был воспитанником Джона Томаса Стюарта.

— Это верно. Сейчас об этом смешно говорить, правда?

— В общем-то, да. А до этого Луммокса воспитывал отец Джона Томаса, а до этого... словом, с ним имели дело четыре поколения.

— Да, совершенно точно. И лучшего воспитанника нельзя было и пожелать.

— В этом-то все и дело, мисс Соренсен... Бетти. В точке зрения Джона Томаса и его предков. Но всегда есть, как минимум, две точки зрения. Как считает Луммокс, он... она... отнюдь не воспитанник. Наоборот. Это Джон Томас *его* воспитанник. Цель жизни Луммокса — воспитывать Джонов Томасов.

Глаза Бетти расширились, а затем она засмеялась.

— Мистер Кику! *Не может быть!*

— Я говорю совершенно серьезно. Все дело в точке зрения, а если принять во внимание отрезок времени, эта точка зрения выглядит вполне резонной. Это его единственное хобби, единственный, повторяю, смысл жизни. Пусть это звучит по-детски, но ведь Луммокс, в сущности, еще ребенок.

С трудом подавив приступы смеха, Бетти наконец взяла себя в руки.

— «Воспитывать Джонов Томасов!» А сам Джонни знает об этом?

— В общем-то да, но я объяснил ему все это несколько по-иному.

— А миссис Стюарт знает?

— Э-э-э... я не счел необходимым сообщать ей об этом.

— Можно я расскажу ей? Хотела бы я видеть ее лицо. «Джонов Томасов»... о, господи!

— Я думаю, что это будет для нее слишком жестоко, — твердо сказал мистер Кику.

— Да, наверно. Ладно, я не буду этого делать. Но помечтать-то можно?

— Все мы можем мечать. Но я продолжаю: это невинное занятие доставляет Луммоксу огромное удовольствие. И он намерен продолжать его до бесконечности. В этом-то и причина того, что мы столкнулись с любопытной ситуацией, когда хрошии, обнаружив своего исчезнувшего младенца, оказались не в состоянии покинуть Землю. Луммокс хочет продолжать... м-м-м, воспитывать Джонов Томасов. — Кику помедлил.

Наконец Бетти сказала:

— Ну же, мистер Кику! Продолжайте!

— Э-э-э... каковы ваши собственные планы, Бетти... мисс Соренсен?

— Мои? Я их еще ни с кем не обсуждала.

— Мда. Простите, если я слишком назойлив. Видите ли... возникла необходимость в продолжении... и Луммокс очень обеспокоен этим. Если бы мы имели дело с кошками... или с кроликами... — Он остановился в изнеможении, не в силах дальше продолжать.

Бетти внимательно посмотрела на измученное лицо Кику:

— Мистер Кику, вы, очевидно, хотите сказать, что необходимо как минимум два кролика, чтобы появился третий?

— В общем-то да...

— Ах, вот в чем дело? Стоило ли из-за этого огород городить? Всем это известно. Я хочу сказать, что и Луммоксу известно это правило, относящееся к Джонам Томасам?

Кику мог только кивнуть.

— Ах вы, бедняга, вам стоило черкнуть мне пару слов — и все. И вам бы не пришлось так мучиться. И я бы сообразила, что должна вам помочь. Вы именно это имели в виду, когда спрашивали о моих планах?

— Я не имею намерений вмешиваться в вашу жизнь... просто я хотел осведомиться о ваших намерениях.

— Собираюсь ли я выходить замуж за Джона Томаса? А никаких других намерений у меня и не было. Естественно.

Мистер Кику вздохнул:

— Благодарю вас.

— Я это делаю отнюдь не для того, чтобы порадовать вас.

— Ни в коем случае! Я благодарю вас за помощь и содействие.

— Благодарите Луммокса. Добрый старый Луммокс! Вы не имеете права обманывать его.

— Значит, я могу считать, что вы обо всем договорились?

— Что? Я ему еще не делала предложения. Но я сделаю... хотя обожду, пока будет ближе к отлету. Вы же знаете, каковы эти мужчины — нервничают, суетятся. Я не хочу, чтобы у него было время для волнений. А как было у вас? Жена сама сделала вам

предложение? Или она ждала, пока вы созреете и перезреете?

— Видите ли, обычаи моего народа несколько разнятся от ваших. Ее отец договорился с моим отцом.

Бетти ужаснулась:

— Просто какое-то рабство, — уверенно сказала она.

— Без сомнения. Тем не менее, я бы не сказал, что был несчастлив. — Мистер Кику встал. — Я очень рад, что наш разговор окончился на столь приятной дружественной ноте.

— Минутку, мистер Кику. Кое-что еще надо урегулировать. Например, что получит Джон Томас?

— Э?

— Контракт.

— А, это! С финансовой точки зрения ему не на что будет жаловаться. В основном, он будет заниматься образованием, но я подумываю о том, чтобы дать ему какой-нибудь номинальный титул в посольстве — специальный атташе или помощник секретаря или что-то еще.

Бетти молча слушала.

— Конечно, поскольку вы отправляетесь вдвоем, было бы неплохо и вам дать какой-нибудь полуофициальный статус. Скажем, вас устроит специальный помощник на полставки? Это вам обоим даст прекрасную возможность свить уютное гнездышко, если вы вернетесь... то есть, когда вы вернетесь.

Она покачала головой:

— Джонни не честолюбив. Честолюбива я.

— Да?

— Джонни должен быть послом у хрошии.

Мистер Кику с трудом нашелся, что ответить. Наконец он выговорил:

— Моя дорогая юная леди! Это совершенно невозможно.

— Это вы так думаете. Смотрите сами — мистер Макклюр был туп, как пень, и всюду прикрывался вами, не так ли? И не наводите тень на плетень: теперь-то у меня есть хорошие друзья в вашем Департаменте. Так оно и было. Так что этот пост должен принадлежать Джонни.

— Но, моя дорогая, — слабо пытался сопротивляться мистер Кику, — это не та должность для

неподготовленного мальчика... хотя я питаю к мистеру Стюарту искреннее уважение.

— Макклюр — пустое место, не правда ли? Это знают все. А Джонни отнюдь не пустое место. Кто больше всех знает о хрошии? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю богатство его знаний и искренне благодарен судьбе, что мы имеем возможность использовать их. Но послом? Нет.

— Да.

— Полномочный Посол? Это исключительно высокое звание, но я хотел бы вот на что обратить внимание. В сущности, послом будет мистер Гринберг. Нам нужны дипломаты.

— А что трудного в том, чтобы быть дипломатом? Или, говоря другими словами, что Макклюр может, чего не мог бы мой Джонни сделать еще лучше?

Мистер Кику глубоко вздохнул:

— Все, что я могу сказать, — в данном случае мы имеем дело с ситуацией, которую я вынужден принимать как таковую, даже зная ее порочность, а также другие недостатки, которые я не собираюсь излагать. И будь вы моей дочерью, я бы отшлепал вас. Словом — нет.

Бетти мило улыбнулась мистеру Кику:

— Держу пари, вы бы со мной не справились: мы в разных весовых категориях. Но дело не в этом. Мне кажется, что вы не понимаете положения дел.

— Не понимаю?

— Не понимаете. В этой сделке для вас важны Джонни и я. Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Ваше присутствие не столь существенно... даже для... э-э-э, появления новых Джонов Томасов.

— Хотите пари? Неужели вы думаете, что могли бы оторвать Джона Томаса Стюарта хоть на дюйм от поверхности этой планеты, если я буду против?

— Мда... тут есть над чем подумать.

— Вот и я о том же. Я могу все поставить на карту. И если бы не я, что бы с вами было? Один в пустынном поле под ветром, вы старались бы снова и снова и снова пробиться сквозь эту толпу... но рядом не было бы Джонни, который пришел к вам на помощь.

Мистер Кику подошел к окну и выглянул из него. Внезапно он повернулся.

— Хотите еще чаю? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, имеете ли вы хоть какое-то представление, что такое чрезвычайный посол и полномочный министр?

— Я слышала эти термины.

— Это звание того же ранга и так же оплачивается, как и полномочный посол, не считая особых случаев. Здесь мы имеем дело с таковым. Мистер Гринберг будет послом с вытекающими из этого обязанностями; особый ранг будет присвоен Джону Томасу Стюарту.

— И ранг, и зарплата, — уточнила Бетти. — Я почувствовала, что мне нравится ходить по магазинам.

— И зарплата, — согласился Кику. — У вас, молодая леди, мораль упрямой черепахи и хватка лесной сороки. Ладно, можете считать, что мы договорились... если вы уговорите нашего молодого человека согласиться с вами.

Бетти хмыкнула:

— Вот это-то меня не беспокоит.

— Я о другом. Как бы его врожденная скромность не возмутилась вашей хваткой. Я считал, что его устроит пост помощника секретаря посольства. Впрочем, увидим.

— Увидим. Кстати, где он?

— Простите?

— В отеле его нет. Вы его видели?

— Он должен быть здесь.

— Тогда все в порядке. — Встав, Бетти погладила мистера Кику по щеке. — Вы нравитесь мне, мистер Кику. А теперь тащите Джонни сюда и оставьте нас одних. Минут на двадцать. И вам не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсен, — сказал мистер Кику, — как случилось, что вы не потребовали должности посла для себя?

Луммокс был единственным негуманоидом, который присутствовал на бракосочетании. Мистер Кику стоял рядом с невестой. Он отметил, что на этот раз она обошлась без макияжа, что заставило его задуматься.

Жених и невеста получили, как полагается, девяносто семь блюд с подношениями, большинство из которых они не могли ни взять с собой, ни использо-

вать, включая полностью оплаченное путешествие на Гавайские острова. Миссис Стюарт плакала, хотя картина происходящего доставляла ей удовольствие: как бы там ни было, свадьба прошла как нельзя лучше. Мистер Кику пролил несколько слез во время церемонии, но надо учесть, что он был очень сентиментальный и чувствительный человек.

На следующее утро он сидел за своим рабочим столом, разложив перед собой проспекты ферм в Кении, но он не смотрел в них. После того, как столь удачно поженили детей, они с доктором Фтаемлом покинули церемонию и пустились в долгое путешествие по городу — и сейчас он чувствовал приятное расслабленное ощущение. И хотя в голове у него позванивало, а координация оставляла желать лучшего, с желудком все было в порядке. Словом, чувствовал он себя отлично.

Мистер Кику сделал над собой усилие и попытался припомнить все, что произошло. Слава богу, все эти тревоги и беспокойства, начало которым было положено неким недальновидным космонавтом столетие назад, теперь не имели смысла и можно было унестись мыслью к сельским просторам, поскольку все бумаги и протоколы были подписаны. Ох, люди, люди!

Затем Кику сказал себе, что не стоит угрызаться допущенными ошибками.

Прошлой ночью добрый старый Фтаемл что-то сказал ему... что-то... но что именно? Во всяком случае, он пришел к выводу, что у хрошии никогда не было оружия, способного причинить Земле серьезный урон. Конечно, раргиллианин не в состоянии врать, он же профессионал... но можно понять, что он скользнул по касательной рядом с правдой, чтобы столь трудные переговоры завершились успехом.

Ну что же, если все завершилось без серьезных катаклизмов, он может только радоваться. Но он должен помнить, что угроза, которая может в очередной раз свалиться на него с неба, будет подлинной. И тут уж придется снова ломать себе голову.

До Кику донесся голос Милдред:

— Мистер Кику, вас ждет рандавианская делегация.

— Скажите им, что у меня линька!

— Сэр?

— Впрочем, неважно. Скажите им, что я сейчас буду. В восточном конференц-зале.

Кику вздохнул, кинул в рот очередную пилюлю, поднялся и направился к дверям, в очередной раз чувствуя себя мальчиком, которому предстоит затыкать пальцем дыру в плотине. Китайские церемонии, подумал он, но коль скоро ты уж включился в них, они будут вечно с тобой.

Благодушное настроение по-прежнему не покидало его, и он замурлыкал единственную известную ему песенку: «...у этой сказки нет конца, у этой сказки нет морали. И я вам только покажу, что люди вечно в мире врали..»

А в это время, далеко в пространствах космоса, новый Секретарь по Межзвездным делам, беседовал с благородными хрошии. И Ее Императорское Высочество, Инфанта своего народа, 213-я по прямой восходящей линии, наследница матриархата Семи Солнц, будущая правительница восьми миллиардов своих соплеменников, некогда известная под именем «Лумкокс», с наслаждением принимала двоих своих питомцев на борту имперской яхты.


забытые
истории

А. АМСТРОНГ

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Серьезный молодой человек в больших роговых очках, с дорожным мешком за плечами, свернул с шоссе и пошел проселком по направлению к деревне. Это был студент, предпринявший небольшую прогулку по лесу, чтобы спокойно, в уединении подзаняться перед экзаменом. В летние месяцы асимейские леса кишат такими серьезными юношами, решившими поработать в одиночестве. Правда, не все занимаются этим в лесах: некоторые предпочитают берег моря, другие — прилавок бара.

Юлиус питал отвращение к кабакам и потому избрал лес. В настоящее время его мучила жажда, и он оглядывался по сторонам в поисках коттеджа, где мог бы получить стакан молока и съесть сандвич из своего запаса.

Наконец, он заметил открытую калитку. Дорожка вела через заросший сад к покосившемуся каменному зданию. Студент решил, что именно здесь ему дадут стакан молока. Поэтому он подошел к двери домика и постучал.

Никто ему не ответил. Только сонный белый кот вышел из-за угла и меланхолично посмотрел на него. Он постучал еще дважды, и еще две худых кошки вылезли откуда-то и уселись у его ног. Наконец, дверь открыл дряхлый старец с длинной седой бородой. Он так же, как и посетитель, носил большие роговые очки, и оба, и хозяин, и гость, уставились друг на друга, как два столкнувшихся автомобиля. На старике была длинная красная одежда, затканная странными

черными треугольниками. В общем, вид его был довольно неожиданный для обитателя английской деревушки.

— Могу я... э... получить у вас молока? — спросил Юлиус, не вполне уверенный в нормальности старика.

— Молока? — повторил тот, точно стараясь вспомнить, когда и где слышал он это слово. — Молока? Молока, вы говорите? Ах, да, да, молока, — сказал он, наконец поймав какую-то мысль. — Войдите, молодой человек, войдите!

Студент нерешительно вошел. В комнате было темно, а обстановка ее была чрезвычайно странной, подстать хозяину. Там теснились пробирки, колбы, большие стеклянные реторты, змеевики, изогнутые трубки, а за дверью на гвоздике висел скелет, как пальто, вышедшее из употребления. Множество чахлых кошек спало на полу, в креслах и на спинке чучела крокодила. А на камине, вместо часов, стоял череп. Юлиус до того был поражен оригинальностью меблировки, что едва проглотил молоко, поданное ему рассеянным старцем сперва на блюдечке, как кошке, а потом — в треснувшей колбе.

— Вы... это... интересуетесь химией? — спросил Юлиус с превосходством молодого человека, для которого такие вещи, как ди-метил-мета-бензойная кислота — сущий пустяк, не то, что для прочих невежд.

— Нет, — забормотал старик. — Нет! Не химия! — Он помолчал. — Алхимия, — шепнул он на ухо посетителю. — А я — последний из древних алхимиков.

— О!.. э... гм... в самом деле?.. — поперхнулся молоком Юлиус, поняв, что действительно имеет дело с сумасшедшим. Он сделал движение к двери, но тот схватил его за руку.

— Я открыл элексир жизни, — таинственно прокаркал алхимик. — Собственного изобретения... Вы видите всех этих кошек? Ну, так я добываю из них свой эликсир. У всех этих зверей теперь осталось только по одной жизни...

Он поклонился студенту и откуда-то из необъятных складок широкой одежды извлек маленький пузырек с розовой жидкостью.

— Каждая кошка, — шептал он, — живет девять раз, но я отнял у каждой из них по восьми существований... И все эти жизни здесь, в этом эликсире. Кон-

центрированная эссенция жизни! Ага! Разве это не замечательно? — торжественно закончил он.

— Я... э... мне пора идти, — прохрипел Юлиус, пятясь к двери. — Сколько я вам должен за молоко?

— Может быть, вы купите пузырек с эликсиром, — соблазнял алхимик, не отставая от него.

Юлиус решил купить флакон розовой дряни, расквитавшись этим за молоко и обеспечив себе свободное отступление.

— А сколько?

— Полкроны[1], — твердо сказал алхимик, — за настоящий эликсир жизни. Разве это дорого?..

* *
*

Через минуту Юлиус стремительно несся по заросшему саду, боязливо оглядываясь по временам. Он крепко притворил за собой калитку и в это время заметил на ней кусок картона, — не то вывеску, не то визитную карточку. На картоне было написано углем:

СУМАСШЕДШИЙ

Юлиус ускорил шаги.

Отойдя по дороге километра два, студент замедлил шаг. Он был чрезвычайно недоволен собой. Получить полколбы молока и пузырек с розовой водицей за полкроны — плохая финансовая комбинация. Он почувствовал, что это унизительно для человека, так интимно знакомого с ди-метил-мета-бензойной кислотой.

Отойдя под тень старого каменного забора, он сел позавтракать и побеседовать по душам с карманным Дарвином. Но, запустив руку в карман, нащупал бутылочку с «эликсиром» и подверг ее тщательному осмотру. На вид и на запах — простая подкрашенная вода. Он недовольно опустил бутылочку на траву, съел сандвичи и стал с увлечением читать о теории Ламарка и вероятном происхождении рода человеческого от больших человекообразных обезьян. Это была чертовски трудная теория, утомлявшая молодые

[1] Полкроны — 1 рубль 20 копеек.

мозги, и Юлиус был даже рад оторваться от книги, услышав шаги по дороге.

Он был очень удивлен при виде усталого обезьяноподобного итальянца-шарманщика, который плелся в пыли с мартышкой на плече. Сама судьба посылала студенту живую иллюстрацию к теории Дарвина. Юлиус с любопытством взглянул на обезьянку в синей курточке и красной шляпке на резинке. Обезьянка смотрела на него с неменьшим любопытством.

— Доброе утречко, — заговорил деловитый итальянец, заметив, что его обезьянка произвела впечатление. — Ваш любиль музыка?

— Нет, — ответил Юлиус.

— Вы даваль мой обисьяна на одна пенни и мой играйт вам много-много музыка...

— Нет.

— Нет? Карош. Тогда вы даваль мой обисьянка тва пенни и мой не играль музыка, а? — предложил итальянец, нащупавший правильную почву для коммерческих операций. Обезьяна же, мало интересовавшаяся финансовыми вопросами, спрыгнула в траву, приблизилась к Юлиусу и, усевшись на томик Дарвина, вежливо приподняла красную шапочку.

— Вы дава-аль, а я не игра-аль, — тянул итальянец, совершенно убежденный в правильности занятой позиции.

Юлиус полез в карман, достал шестипенсовую монету и протянул ее обезьяне, которая предпочла пару сдобных пышек, оставшихся у Юлиуса; ее хозяин, при виде такой непрактичности, разразился целым потоком итальянских проклятий.

В эту минуту взгляд Юлиуса упал на пузырек с эликсиром, и сумасбродная мысль пришла ему в голову. Быстро вынув пробку, он полил розовой жидкостью одну пышку и вместе с шестипенсовиком вручил ее обезьянке.

В следующий момент мартышка уже сидела на плече хозяина, монета покоилась в кармане итальянца, а пышка — в желудке обезьяны. Юлиус же, почувствовав некоторое раскаяние в дурацком поступке, пытался усвоить новые откровения теории эволюции под рулады итальянских благодарностей. А обезьяна ковыряла в зубах, чувствуя себя совсем не плохо после пышки с эликсиром.

Итальянец стал удаляться, призывая благословения на голову Юлиуса, но, пройдя несколько шагов, заговорил с обезьяной в столь повышенном тоне, что Юлиус опять оторвался от книги.

Потом он широко раскрыл глаза и уставился на мартышку. Ему показалось, что у итальянца теперь совсем другая обезьянка. Откуда? Вздор! Значит, это та же мартышка. Но она... выросла! Повидимому, это заметил и шарманщик, который спустил обезьяну на землю и за что-то неуверенно выговаривал ей...

Юлиус с открытым ртом сидел и наблюдал. Потом он протер глаза, не поверив им. Да, сомнений не было: обезьяна выросла. Теперь она доходила до пояса итальянца, спина ее выпрямилась, кривые ножки стали стройными, сильными. С каждой секундой она все меньше и меньше походила на обезьяну, ее дурацкая одежда лопнула, и лишь глупая шапочка на резинке чудом держалась на голове...

Когда же она взяла итальянца за плечи и серьезно заглянула ему в глаза, тот больше не выдержал, бросил шарманку, оглушительно завопил и понесся по полю с великолепной скоростью, мало заботясь о кочках и ямах.

Обезьяна, вернее, бывшая обезьяна — теперь это было уродливое, но все же человеческое существо — вскоре подошла к Юлиусу, в ужасе прилипшему к каменному забору. Она была дьявольски похожа на одного приятеля Юлиуса, которого все в Баллойд-Колледже называли «Недостающее звено».

Существо остановилось и посмотрело на Юлиуса удивленными глазами. Это было чрезвычайно необычное зрелище: полуобезьяна-получеловек в английской деревушке, совершенно голый, вдобавок, если не считать дурацкой красной шапочки на резинке. Ошеломленный Юлиус протянул ему последнюю пышку, сказав не совсем уверенно:

— Ну, дружище, получай.

Дружище получил и умял пышку в момент.

— Эк! Эк! Эк! — сказало существо, совсем как дядюшка Юлиуса, когда снимал вставные зубы.

— Это вы правильно заметили, — нервно ответил Юлиус, позабыв, что перед ним не дядя.

— Нек! Нек! Нек! — продолжал обезьяно-человек, усаживаясь на траву и явно высказывая желание

дружить с приятным собеседником в роговых очках. Существо теперь было совсем похоже на человека, и Юлиус чувствовал себя неловко.

— Гик! Гик! Гик!.. Вук! Вук! — нежно и боязливо добавило существо. Парализованные удивлением мозги Юлиуса вновь заработали. Одно из двух: или он сошел с ума, выпив кошачьего молока у сумасшедшего алхимика, или это результат действия эликсира, оказавшегося совсем не розовой водицей! Но в таком случае, следуя добрым традициям алхимии, он обрек обезьяну на вечную жизнь и вечную эволюцию, — вплоть до конечной стадии человека.

Он растерянно посмотрел на валявшуюся книжку. Эволюция! Концентрированный из кошачьих жизней эликсир жизни! Но вместо вечной жизни эликсир давал мгновенное феноменальное развитие жизненных сил. Словом, эволюция! В четверть часа обезьяна прожила четверть миллиона лет!..

Юлиус был так поражен своим открытием, что буквально онемел и сидел, глупо уставившись на собеседника, который шевелил губами и слегка повизгивал. Потом он еще больше обалдел: существо попыталось объясниться членораздельными звуками.

— Мау! Мау! То! — щебетало существо, высказывая определенное желание получить пузырек с эликсиром.

— Нет! — твердо сказал Юлиус и хотел подняться, чтобы уйти от страшного компаньона. Но существо, теперь совершенно схожее с человеком и физически прекрасно развитое к тому же, схватило его за ногу и усадило на место. Теперь оно имело совсем человеческую внешность — и для полного сходства недоставало лишь костюма.

— Еще... пить... бутылка... — заявило оно, протягивая Юлиусу прекрасно сформированную ладонь. Юлиус, с ужасом думая о том, что дело неизвестно куда зайдет, если существо получит еще порцию эликсира, попытался вырваться, но получил такой удар, какому позавидовал бы любой боксер. Придерживая студента мускулистой рукой, существо отпило из пузырька и немедленно беззастенчиво полезло в дорожный мешок Юлиуса, извлекая оттуда его парадный костюм. Юлиус чувствовал, что сходит с ума. Он

попробовал думать об Оксфорде, о ди-метил-метабензойной кислоте, но тщетно.

Вторая доза эликсира, видимо, пошла существу на пользу.

— Теперь лучше! — заявило оно на прекрасном английском языке с легким цокающим акцентом. — Послушайте-ка, у вас очень старомодный вид, — продолжало оно, посматривая на Юлиуса.

Вот уж никогда не ожидал Юлиус, что станет объектом презрительного отношения со стороны обезьяны шарманщика! От негодования он схватился за книгу, но создание, имевшее сейчас куда более одухотворенный вид и много лучше (кроме шапочки) одетое, чем Юлиус, хладнокровно взяло у него книгу.

— А, Дарвин, — пренебрежительно процедило оно. — Это тот... один из ученых второго тысячелетия... Да, да, он так по-любительски предсказал наш прогресс...

Юлиус задрожал.

— Простите, пожалуйста, — начал он и сам удивился своей вежливости. Но при взгляде на существо он снова обомлел. Существо имело совершенно новый вид. У него были пронзительные глаза, выпуклый огромный лоб и, Юлиус не мог не признаться, настолько одухотворенные черты лица, что это было явно существо высшего порядка.

— Н-да, — говорило существо расслабленно, — Дарвин довольно неплохо проследил нашу эволюцию из обезьяньей разновидности, я подразумеваю так называемую человеческую расу, тогда еще существовавшую и вступившую на путь взаимного истребления.

— Пр... правильно, — пробормотал Юлиус, чувствуя, что у него мозги переворачиваются от этих мрачных намеков существа. Заполучив пузырек и понемногу отхлебывая от него, существо совершало свою неумолимую эволюцию. Его руки теперь блистали белизной, и все тело стало нежным, неприспособленным к труду. Словом, это был мощный интеллект, заключенный в телесную оболочку явно вырождавшегося человека.

— Физический закон о праве сильнейшего, — продолжало существо, — низвел так называемое человечество до степени подземных паразитов. И они очистили весь мир для нас...

Оно сложило концы тонких, длинных пальцев и посмотрело на Юлиуса, как профессор, объясняющий трудное место лентяям-ученикам. Юлиус пораженно смотрел на него, несомненно, это было существо будущего, — настолько отдаленного будущего, что его возраст измерялся, быть может, миллионами лет. Студент машинально вытащил свой блокнот...

— А, забытое искусство писания! — с любопытством заметило существо, с минуты на минуту становясь все более одухотворенным. А тело принимало жалкий вид. Руки стали тонкие-тонкие, пальцы длинные, худые, похожие на щупальцы или паучьи лапы.

В пузырьке оставалось совсем мало эликсира.

— Что вы такое? — промямлило существо.

Под испытующим взглядом существа, Юлиус пришел в волнение. Какого черта? Этот «сверхчеловек», видимо, слаб и беспомощен. Прощай, дурацкий череп и выпуклые глаза! Юлиус вскочил и побежал.

Он пробежал несколько шагов. Что-то его остановило. Существо не двинулось с места. Оно лишь уставило на беглеца тонкий палец, и мозг Юлиуса был парализован.

Существо больше не говорило. Оно молча отдавало приказания, и Юлиус слышал их как слова...

— Дай мне твою шляпу.

— Нет, — ответил Юлиус и отдал...

В следующий момент он против воли надел обезьянью шляпку на резинке.

— Надень на меня твою шляпу.

И через секунду шляпа Юлиуса балансировала на нелепой громаде черепа.

— Не хочу! — завопил Юлиус.

Ведь существо может делать с ним что угодно! Он бессилен! Все пропало...

— Не хочу! — вопил студент и все же приподнял свою красную шапочку, но резинка щелкнула, и шапочка опять прилипла к голове.

Он с ужасом заметил, что у существа пропал нос и совершенно атрофировались ноги. Тело сморщилось и завяло, от рук остались бледные щупальцы. Рот, уже не приспособленный для речи, почти пропал.

— Щелкни еще раз, — приказало существо.

— Не хочу! — и опять щелкнула красная шапочка.

— Куш! Умри! Лапы кверху!..

— Н-ет! Не хочу-у! — жалобно вопил Юлиус, опрокидываясь на спину и болтая конечностями. Существо придвинулось к нему и слабыми, теплыми щупальцами стало прикасаться к его лицу...

Студент в ужасе открыл глаза и встретился со взглядом маленьких синих глазок. Обезьянка шарманщика сидела у него на груди и мохнатой лапкой водила по его лицу. И на ней была красная шапочка, а на нем — его шляпа. Сзади стоял шарманщик и улыбался.

— С добрым утречком, — начал итальянец свою деловую комбинацию. — Ваш любиль музыка? Вы даваль мой обисьянка одна пенни и вам начиналь играль, э?

— Давно вы здесь? — прохрипел Юлиус.

— Скоро селий пьять минутков. Вы засипаль, а обисьянка кушаль. Вы даваль мне пенни? Я сицас ошибальсь, играль музика перед дом сумашесний человека. Ницево не полуцал, — скорбно добавил он.

Юлиус оглянулся. Обезьянка откупорила пузырек с эликсиром и собиралась попробовать. С диким криком выхватил он пузырек и шлепнул его об камень; розовая жидкость растеклась по пыли. Фу-фу! Еще мгновение, и все началось бы снова.

Он быстро вскочил на ноги и понесся к деревне, по направлению к гостинице.

Когда он пробегал мимо итальянца, обезьянка сердито посмотрела на него.

— Не хочу-у! — взвизгнул Юлиус и в то же время приподнял шляпу, а вместо резинки щелкнул языком.

Итальянец с минуту соображал, потом взвыл и бросился в другую сторону: двое сумасшедших за полчаса — это уже слишком!..

СТОЛИЦА ПЧЕЛ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Вы говорите о столице пчел? Какая ерунда!

— Однако это факт, — возразил Сетон.

— Повторяю, это фантазия, и я не верю ни слову из всей этой истории. Удивляюсь, как вы, ученый человек, можете утверждать такие невероятные вещи. Будто и опиума не курили, а бредите наяву, — с некоторым раздражением сказал Райт.

— Но вспомните пятерых исследователей, которые говорили об этой загадочной Столице Пчел так же, как и я.

— Да, но ведь все их попытки открыть эту столицу окончились неудачей, и их постигла печальная участь.

— Совершенно верно, все пятеро пропали без вести в районе реки Чиндвин. А что из этого следует?

— Почем я знаю?

— То, что они напали на след чего-то необычайного и вместе с тем опасного.

— Открыли Столицу Пчел? — иронически спросил Райт.

— Может быть.

Так разговаривали двое англичан, сидя в городском клубе в Сингапуре. Один из них — Райт — был местный коммерсант, другой — Сетон — натуралист и страстный путешественник.

— Вот уж ни за какие сокровища мира не пошел бы я открывать пчелиную столицу, — сказал Райт. — В детстве меня так часто жалили пчелы, что я стараюсь избегать их соседства. Когда жужжит над головой одна пчела, и то делается жутко, воображаю, какое удовольствие быть в окружении миллионов пчел,

да еще диких! Я скорее согласился бы жить среди красных муравьев.

— Красные муравьи... Почему вы упомянули о них? — спросил Сетон, выпрямляясь на стуле, на котором он полулежал.

— Потому что они кусаются также больно, как и пчелы, если не больнее. А почему это вас так заинтересовало?

— Странная вещь, — сказал Сетон. — Сегодня, думая о пчелах, я вспомнил о красных муравьях. Интересные насекомые. Своего рода аристократия среди муравьев. Так как их челюсти слабы, они не могут прокормить ни самих себя, ни своих личинок. Им нужны даровые рабочие руки. Но добровольно в кабалу никто не идет, даже муравьи, поэтому эти насекомые-эксплуататоры устраивают целые организованные военные походы для ловли рабов. Захватив муравьев меньших размеров, они с триумфом возвращаются в свое жилище. Рабы кормят их, ухаживают за ними. Тех из рабов, которые пробуют убежать, они быстро нагоняют и уничтожают. Красные муравьи опасны для многих видов животных. Однако есть животное, которое свободно может жить среди них. Это панголин, или чешуйчатый муравьед... Жаль, что вас не интересует Столица Пчел, — добавил Сетон, уловив зевок Райта. — Мне пора. Всего хорошего.

Сетон вышел из клуба и направился вниз по улице к лавке китайца Лин-Тзи-Сина. Он хотел было поделиться с Райтом своими предположениями и планами будущих путешествий, но теперь был доволен, что промолчал. Райт не понял бы его и, пожалуй, счел бы его планы больной фантазией. «Ну что же, попытаюсь осуществить мою мечту в одиночку, — размышлял по пути Сетон. — Лин-Тзи-Син поможет мне. Странный человек этот старый Лин. Всех и все знает. Живая энциклопедия. Он никогда ничему не удивляется, по крайней мере до тех пор, пока в его карман льется золото. Отличается своеобразной честностью, но надо держать с ним ухо востро и не спускать с него глаз...»

Лин-Тзи-Син сидел в глубине своей небольшой лавочки и курил манильскую сигару — не совсем обычное занятие для китайца. Это был пожилой человек с довольно темным прошлым, но державшийся с

большим достоинством. Много лет назад он приехал в Сингапур из Пекина и открыл небольшую лавочку, в которой торговал слоновой костью, старинным шелком и другими восточными редкостями. Покупатели его — иностранцы — обыкновенно упорно и долго торговались с ним и уходили, довольные, что удалось дешево купить ценную вещь. Но Лин-Тзи-Син был не глуп: уступая покупателям, он всегда оставался в большом барыше.

К Сетону Лин-Тзи-Син относился весьма доброжелательно, встречал его как близкого приятеля и оказывал ему особые знаки внимания: жал руку, усаживал в кресло и угощал душистым китайским чаем. За чаем и сигарой разговаривали о погоде, затем хозяин спрашивал о здоровье гостя; Сетон в свою очередь должен был осведомиться о здоровье хозяина. Только после всей этой церемонии и нескольких чашек ароматного чая можно было приступить к деловому разговору.

— Ну, как дела? Узнали? — спросил Сетон.

— Да. Я был у мастера, видел его работу по металлу, показал ему ваш чертеж и рисунки. После недолгого размышления он согласился сделать копию в месячный срок.

— Металл будет легкий, не так ли?

— Наилегчайший — алюминий, — ответил Лин.

* *
*

Сетон был человек небольшого роста, худой. Темные брови срослись у переносья и придавали лицу угрюмый вид. Черные глаза слегка косили. Несмотря на хрупкое сложение, он был необычайно силен, вынослив и обладал прекрасным здоровьем. К тридцати годам приобрел богатый жизненный опыт. Сетон отличался бодрым и веселым характером. Терпение и настойчивость были его основными чертами.

Услышав от Лин-Тзи-Сина, что заказанная им вещь будет готова только через месяц, Сетон стал терпеливо ждать, так как по опыту знал, что местные мастера не отличаются аккуратностью. И действительно, прошло два месяца, а заказ еще не был готов.

В это время Сетон получил из Мельбурна заказанное им снаряжение для экспедиции. Если бы кто-нибудь увидел эти странные вещи, то недоумевал бы, зачем понадобились они Сетону для путешествия по диким неисследованным областям Бирмы. Так, в числе присланных вещей находились: небольшой стальной баллон для кислорода, толстые резиновые перчатки и такие же наколенники.

Заперев двери и сдвинув мебель на середину комнаты, Сетон надел перчатки и наколенники. Он и не подозревал, что в щелку двери подглядывали его слуги — Лазумкам и Машато.

Лазумкам — высокий худой туземец, вытянувшись на цыпочках, прильнул глазом к дверной щели. Машато — маленький кругленький бирманец — прилег на пол и старательно заглядывал в щель между полом и дверью. Их лица выражали удивление и страх. Тихонько отойдя от двери, они изумленно посмотрели друг на друга.

— Быть может саиб получил солнечный удар и теперь не в себе, — прошептал Лазумкам.

— Или в него вселился злой дух, — добавил Машато.

— Молчи, — зашептал Лазумкам. — Давай еще раз посмотрим. Может нам только показалось.

Зрелище, представившееся их глазам, было настолько странным, что поразило бы и более развитого человека, чем туземцы. В комнате на полу вдоль стен ползал на четвереньках Сетон с резиновыми перчатками на руках и в наколенниках; он старался подражать в ползаньи какому-то животному. Потом он сделал нечто еще более необъяснимое: приблизившись к сваленной в кучу мебели, стал карабкаться на столы и шкафы подобно большой ящерице.

Лазумкам и Машато в ужасе убежали к себе в комнату. Возбужденные, дрожащие, шепотом обсуждали они только что виденное. Если бы Сетон подслушал их разговор, он посмеялся бы от души. Но он и не подозревал, что за ним подглядывали. Окончив лазанье, он расставил мебель по местам, выкупался, переоделся и, взяв шляпу, зашагал к китайскому кварталу — в лавку Лина.

Напившись чаю и поговорив о погоде и о здоровье,

Сетон выложил Лин-Тзи-Сину двадцать пять золотых монет.

Обратно он шел в сопровождении кули, который нес на широкой спине довольно внушительный пакет, завернутый в непромокаемую шелковую материю. Дома Сетон бережно положил пакет в чемодан, который старательно запер. С первым же отходящим пароходом он уехал вместе со своими слугами из Сингапура в Рангун, откуда по железной дороге направился в бывшую столицу королевства Бирмы — Мандалай.

Друзьям Сетон говорил, что хочет исследовать бассейн реки Чиндвин, но еще не избрал окончательно маршрут.

Чтобы скрыть истинную цель своего путешествия, он добавлял, что быть может изменит решение и поедет по железной дороге до Тигянга, или посетит Тагунг с целью изучения фресок на старинных пагодах, или же направится в северо-западную часть Бирмы, где обитает дикое племя нангасов.

С Лазумкамом и Машато он был более откровенен: они уже несколько лет служили ему честно и преданно, следовательно на них можно было положиться. В жилах Лазумкама текла кровь нангасов, Машато был родом из верхней Бирмы. В Мандалае Сетон заявил слугам, что намеревается пересечь местность, лежащую между рекой Чиндвином и границей Ассама. Они вольны выбирать: остаться ли на месте или следовать за ним. Он не считал нужным скрывать, что экспедиция опасна.

— Мы пойдем с тобой, саиб, — не задумываясь, ответил Лазумкам за себя и за Машато.

Сетон решил, что для начала трех человек вполне достаточно. Если же потребуются носильщики, их всегда можно будет найти в пути. Он хотел сохранить экспедицию в тайне, так как по опыту знал, что на Востоке не следует распространяться о своих намерениях. Нередко экспедиции, о которых широко оповещалось население, — случайно или нет — кончались неудачей. Сетон вовсе не желал последовать примеру пропавших без вести исследователей Столицы Пчел и принял все меры предосторожности.

Спустившись по реке из Мандалая в Пакоку, он взял лодку и поплыл со своими слугами по Чиндвину. В Канни он нанял шесть человек носильщиков-тузем-

цев и направился на юго-запад, к невысоким холмам, служившим водоразделом рек Чиндвина и Маитны. Путь был весьма тяжел. Приходилось пробираться через густые заросли магнолий и рощи хлебных и каучуковых деревьев. В лесах жили дикие звери. Надо было быть настороже.

Наконец вдали показались очертания хребта Чин. Они вступили в область равнин, изрезанных глубокими оврагами и покрытых лесистыми холмами, которые издали казались красивыми темно-синими шатрами. Солнце клонилось к западу, и в воздухе чувствовалась вечерняя прохлада. Взойдя на ближайший холм, Сетон увидел, что он близок к цели: вдали, возвышаясь над горизонтом, в зареве заходящего солнца купалась огненно-красная верхушка скалы, которая должна была послужить ему ориентировочным пунктом для разыскания Столицы Пчел.

Разбив лагерь и оставив в нем носильщиков, он в сопровождении Лазумкама и Машато отправился дальше, держа направление на вершину красной скалы. Продвинулись еще на двадцать километров. Был разбит второй лагерь. Целый день Сетон знакомился с местностью, осматривая ее в полевой бинокль и стараясь угадать хотя бы приблизительно местоположение таинственного и заброшенного города, который легенда назвала Столицей Пчел.

Когда наступила ночь и яркое пламя костра оранжевыми языками взвилось вверх, к Сетону подошли Лазумкам и Машато.

— Саиб, — начал Лазумкам, — мы идем по этой сумрачной местности целые сутки, а лес остается все таким же мертвым. Только деревья и высокая трава тихо шуршат, колеблемые ветром. Мы не видим ни птиц, ни зверей, ни насекомых. Даже наш господин тав-син[1] избегает этой страны.

— Потому что это Страна Мохок[2], Страна Смерти, — коротко вставил Машато.

Лазумкам показал рукой на запад, где над верхушкой красной скалы ярко сияла большая звезда. Он говорил нараспев, уверенным голосом:

---

[1] Тав-син — слон.
[2] Мохок — мрак.

— По-видимому саиб не знает этой страны, иначе он не пошел бы сюда. Я тоже не бывал здесь, но знаю только одно, что это Страна Смерти. Моя мать была родом из племени кахи, которое обитает недалеко от китайской границы. Когда я был ребенком, она рассказывала мне об этом крае, куда даже слон и тигр не осмеливаются пробраться в поисках добычи. Самое лучшее будет, если мы уйдем отсюда пока еще не поздно и возвратимся той же дорогой, какой пришли.

— Я не заставляю вас идти со мной. Можете возвращаться обратно или оставаться здесь. Я же завтра утром иду вперед один, — твердо сказал Сетон.

— Воля саиба, — разом откликнулись туземцы.

Постояв немного в нерешительности, как бы набираясь храбрости, Лазумкам продолжал:

— Это Страна Смерти, где нет жизни, где ничто не движется, кроме ветра и воды и кроме тех, кто правит этой страной из своей таинственной столицы. Но не всегда так было. Если саиб позволит, я расскажу ему то, что слышал от своей матери.

— Рассказывай, — сказал Сетон.

Машато присел на корточки у костра. Искры блестящим фейерверком вспыхивали в темном небе и рассыпались бриллиантами над заснувшим лесом. Лазумкам немного помолчал, затем, как бы припоминая что-то, выпрямился и начал:

— Давным-давно, в те времена, когда берега Иравади еще не видали белого человека, этой страной управлял старый царь. Умирая, он оставил престол своей единственной дочери. Народ звал ее Золотой Царицей, потому что она ходила в затканной золотом одежде. Она была прекрасна как заря, но сердце ее было холодно как золото. Головы ее приближенных падали одна за другой, как спелые плоды гранатов. Народ трепетал при одном ее имени. Даже птицы и животные боялись ее и скрывались при ее приближении. Только пчелы, которые водились в этих краях в огромном количестве, любили жестокую царицу. Безбоязненно ходила она среди пчел, брала их за крылышки, сажала себе на ладонь. Смеясь, называла их своим войском. «Когда нападут на меня враги, я кликну клич, и верные воины грудью станут на защиту своей царицы», — шутила она.

Военачальники покоряли ей страну за страной. Далеко гремела о ней грозная слава. Всемогущей считала себя царица. Но вот нашлись смельчаки, которые решили свергнуть ее золотое иго. Заговорщики убили стражу, проникли во дворец и стали искать царицу. Она была в то время в саду. Когда заговорщики бросились на нее с оружием, царица кликнула клич. И в одно мгновение, как прорвавший плотину бурный поток, хлынули со всех сторон пчелы, облепили заговорщиков и острыми жалами впились в их тела. Жители города в страхе разбежались, скот покинул поля, все живые существа оставили леса, даже птицы улетели, гонимые несметными полчищами пчел. Пчелы посадили свою Золотую Царицу на трон в зале дворца, и она царствует и поныне в Столице Пчел. Никто не может приблизиться к царице. Пчелы зорко охраняют ее, саиб. Только одни пчелы и живут в Мертвом городе, где царствует Золотая Царица. Они заполнили все улицы, дома, поля. Вот почему я еще раз повторяю, что самое лучшее будет для нас немедленно повернуть обратно. Многие пытались проникнуть в Столицу Пчел, саиб, многие. Но никто из них не вернулся. Слон — бесстрашное животное, но ни голод, ни жажда не побудят его проникнуть в Мертвый город. Послушай совета, саиб, ведь эта история, которую рассказала мне мать, не выдумка, а правда. Там, в Мертвом городе — царство одних пчел, для других же живых существ — смерть.

— Я слышал эту легенду, — ответил Сетон. — Обещаю подумать, а теперь идите спать.

* *
*

Лазумкам и Машато завернулись в одеяла и затихли. Сетон задумчиво смотрел на потухающее пламя костра. Мертвая тишина расстилалась вокруг. Казалось, они попали в страну молчания, где даже ветер старался пролетать тайком, крадучись. К югу от высокой красной скалы должно было находиться то место, куда стремился Сетон. Никто из смельчаков не вернулся оттуда, чтобы рассказать о разрушенном городе и о пагоде, называемой легендой Пчелиным

Ульем. Быть может и его ждет там гибель. Пусть так, но он не отступит от задуманного. Лучшее время для выступления — ночь. Зачем ждать наступления дня?

— Лазумкам, — тихо позвал Сетон.

Туземец, очевидно, не спал, так как тотчас же отозвался на зов. Черные с монгольским разрезом глаза нангаса блестели при свете костра.

— Ты и Машато останетесь здесь. Ждите меня три дня, — сказал Сетон. — Если я не вернусь на третий день, вы возвращайтесь в первый лагерь, где остались носильщики, и ждите меня там еще три дня Если же и тогда я не вернусь, не пытайтесь разыскивать меня, а тотчас же возвращайтесь обратно в Мандалай и сообщите властям о моей смерти. Это мой приказ, понял?

— Понял, саиб. Я ел хлеб и соль саиба и получал от него жалование. Я служил саибу много лет. Воля саиба будет исполнена.

Спокойствие, с каким Лазумкам отнесся к его возможной смерти, как-то успокаивающее подействовало на англичанина. Не спеша, собрался он в путь. Взял с собой пищи на три дня, немного воды, бинокль, баллон с кислородом, маску и таинственный, завернутый в непромокаемый шелк, сверток, который он получил за двадцать пять золотых от Лин-Тзи-Сина. Ружье и револьвер оставил Лазумкаму, так как оружие излишне в этой стране, где не водятся дикие звери. Окончив приготовления, он взвалил на спину вещи и, еще раз повторив инструкции, двинулся в темнеющую гущу леса.

Накануне, оглядывая окрестности в полевой бинокль, он обратил внимание на какую-то возвышенную точку к югу от высокой красной скалы. До скалы было восемь-десять километров. Следовательно он мог достичь ее к утру. Бояться было нечего. Ночь была хорошей защитой. Правда ночью идти труднее и медленнее, но зато безопасно от пчел. Сетон взял направление по компасу.

Расчеты Сетона оправдались, и на рассвете он стоял на вершине красной скалы, которая конусообразно возвышалась над равниной. На узкой каменной площадке рядом с грудой камней темнело круглое углубление. Сетон сложил ношу в расщелину скалы,

улегся в углубление, завернулся в непромокаемый плащ, взглянул на небо, где тусклые звезды гасли одна за другой, и заснул.

* *
*

Его разбудили солнечные лучи, которые начали сильно обжигать лицо и руки. Сетон поднялся, огляделся. Кругом однообразная холмистая равнина, на севере — черная кайма лесов. Взяв бинокль, он стал внимательно смотреть на юг. Километрах в пяти над густой зеленью леса возвышалось какое-то странное сооружение, значительно меньших размеров, чем огромный естественный монолит, с которого он смотрел. Строение блестело розовато-красными отливами и казалось висящим в воздухе. Вскоре Сетон разглядел сквозь сети ветвей зубчатые стены Мертвого города. Он был у цели... Большинство европейцев говорили об этом таинственном городе как о выдумке, басне. Другие же считали существование Столицы Пчел фактом. Ведь Бирма изобилует подобными разрушенными и забытыми городами, и то обстоятельство, что про многие из них сложились интересные легенды, доказывало, что некогда они играли видную роль.

Сетон направил бинокль на розовато-красное строение. Это была пагода в форме пчелинного улья, стройно возвышавшаяся над разрушенной стеной. Стена неправильной овальной формы окружала город. Издали вся площадь Мертвого города казалась густой чащей колючих акаций и дикой сливы.

Дворцовый двор, где возвышалась пагода, был весьма обширен. Стены домов здесь лучше сохранились, чем в самом городе, и были более тщательной конструкции. Сетон разглядел даже старую дорогу, ведущую в город.

Пока он оглядывал окрестности, стараясь разобраться в хаосе каменных груд и отличить естественные образования об обломков разрушенных домов, над городом поднялось небольшое темное облачко, которое медленно стало приближаться к тому месту, где стоял Сетон. Странное облако походило скорее на отдаленный дождь. Оно двигалось медленно на

запад и вскоре скрылось, вернее расплылось между низкими холмами, за которыми находились обширные поля желтых цветов, диких слив и акаций. За первым облачком появилось второе. Это были пчелы, которые совершали свой обычный путь на луга, усеянные медоносными цветами.

Одно огромное облако пронеслось всего в ста метрах от Сетона. Резкий шум наполнил воздух, словно сотни аэропланов низко неслись над землей. Темная туча пчел закрыла солнце. Судя по плотности этой живой тучи, Сетон мог составить понятие о количестве пчел, обитающих в Мертвом городе. Неудивительно, что туземцы называют эту местность Страной Смерти. Сетон вспомнил, как несколько лет назад в Нербаде он видел целое стадо свиней, разбежавшееся от пчел, а их вожак, огромный боров, был зажален насмерть. Теперь Сетону нужно было принять меры для маскировки своего местонахождения от пчел Если он выдаст себя каким-нибудь неосторожным движением, туча пчел набросится на него и расправится с ним так же, как пчелы Нербада расправились с кабаном.

Ему пришла мысль, что быть может так погибли исследователи-натуралисты Картрайт, Растиньяк и остальные. Обычные способы защиты от пчел — в виде плотной одежды и сетки на голове — беспомощны в борьбе с этой ужасной пчелиной лавиной. Они задушат жертву своей тяжестью, если не зажалят ее насмерть. Ведь это не домашние пчелы, работающие на человека, а дикие злые насекомые, наводящие ужас на все живое.

Сетон закрылся с головой в непромокаемый плащ, цвет которого сливался с окружающими камнями, подложил руку под голову и вновь заснул. Он знал, что это единственное спасение — в неподвижности.

Проснулся он, когда солнце склонялось к западу. Подкрепив себя пищей, стал выжидать сумерек. Когда стемнело, Сетон спустился со скалы и медленно, осторожно продвинулся на полкилометра вперед. Дальше идти открыто было небезопасно, так как он мог каждую минуту наткнуться на спящих пчел.

Он уселся на землю, развязал узел и вынул из него странный, похожий на кольчугу костюм, состоявший из множества маленьких алюминиевых пластинок,

укрепленных на тонкой коже в виде рыбьей чешуи. Это было изумительное по тонкости и художественности работы изделие. Однако кольчуга эта отличалась от других подобных ей, тем, что сделана была по форме животного, известного в Азии под названием панголина, или ящера. Это чешуйчатый муравьед — млекопитающее из отряда неполнозубых. Он очень древнего происхождения, подобно носорогу, слону и гиппопотаму. Продолговатое его тело с короткими ногами и длинным хвостом покрыто твердыми роговыми чешуйками. Морда заостренная, зубов нет, язык чрезвычайно длинный. Защищаясь от нападения, панголин свертывается в клубок, чешуйки его оттопыриваются, и тогда ни одно животное не может его уязвить. Водится он преимущественно в Средней Африке и Южной Азии. Главной пищей панголина являются муравьи всех пород и видов. Панголин может свободно прокладывать себе путь в муравейники и подолгу оставаться в них. Муравьи бессильны в борьбе с ним, благодаря его чешуе. Это обстоятельство и заставило Сетона избрать панголина моделью для кольчуги.

Сначала Сетон надел тяжелые резиновые перчатки и наколенники. Потом укрепил на спине баллон с кислородом таким образом, чтобы он не мешал его движениям. Упругая металлическая трубка, прикрепленная к одному концу цилиндра, была перекинута через плечо и сообщалась с надетым на нижнюю часть лица респиратором. Затем он надел и панцырь. В этой одежде Сетон выглядел огромным панголином. Костюм надежно защищал его от нападения пчел. Алюминиевые пластинки так плотно прилегали одна к другой, что никакое пчелиное жало не могло быть опасно. Воздух проникал сквозь решетчатые отверстия в длинном рыльце маски, походившем на клоунский колпак. Добавочные отверстия в искусно сделанном хвосте панголина служили для выхода использованного воздуха. Глаза были защищены маленькими толстыми линзами. Таким образом Сетон мог видеть землю, по которой он полз, и смотреть по сторонам, но ничего не видел прямо перед собой.

Сетон полз на четвереньках вперед. Панголин передвигается медленно, и англичанин подражал ему. Недаром он долго упражнялся в ползании на четверень-

ках. Он боялся только одного — попасть по пути в какой-нибудь глубокий погреб. Однако он надеялся избежать и этой опасности, стараясь держаться старой дороги, которую исследовал в бинокль еще утром. Дорога вела почти по прямой линии к пагоде — конечной цели Сетона.

Вскоре Сетон убедился, что по этому пути уже кто-то проходил: его когтистые руки наткнулись в темноте на человеческий скелет, покрытый лохмотьями одежды. Скелет был в полной сохранности. На пальце правой руки блестело кольцо с агатом, который переливался при свете ярких звезд. Сетон вздрогнул. Он вспомнил, что видел точно такое же кольцо на руке натуралиста Растиньяка, когда они вместе обедали в Сингапуре полтора года назад. Нет сомнения, перед ним скелет Растиньяка. Итак, исследователь был уже почти у цели, когда погиб ужасной смертью...

Сетон отполз от скелета назад, обогнул его так, чтобы не задеть, и продолжал осторожно ползти вперед. Эта встреча неприятно подействовала на него, однако не охладила его пыл. Наоборот, в нем еще сильнее укрепилось желание во что бы то ни стало пробраться к пагоде. Неуклюже продвигался он, натыкаясь на камни, которые все чаще попадались на дороге.

Еще полчаса пути, и Сетон понял, что он приближается к городским стенам. По обеим сторонам дороги стали вырисовываться группы разрушенных, заросших травой домов. Сетон продолжал медленно ползти по направлению к пагоде Пчелиный Улей, которая находилась в центре города.

Тяжелый кисловато-сладкий запах бил в нос. Сетон догадался, что где-то поблизости должно было находиться колоссальное количество меда. По мере продвижения вперед запах этот становился все более удушливым. Вскоре к нему присоединился терпкий пчелиный запах. В ту же минуту Сетон увидел пчел, черной занавесью свисавших с полуразрушенной стены. Пчелы спали, но не были спокойны. Слышалось тихое жужжание. С живой занавеси то и дело отрывались маленькие существа. Они падали на несколько сантиметров, потом снова взлетали и прилипали к блестящей завесе смерти. Со всех сторон на других

стенах висели такие же черные ковры пчел. Из трещин скал, из старых цистерн и глубоких погребов — отовсюду неслся тихий гул миллионов пчел, напоминавший шум отдаленного водопада.

Тысячи лет обитали пчелы в этом древнем городе, который управлялся когда-то царями, давно забытыми историей. Слухи о Столице Пчел и о несметных сокровищах, скрытых в ней, давно уже ходили среди прибрежных жителей реки Иравади. Медленно продвигаясь вперед, Сетон подмечал в развалинах Столицы Пчел сходство с развалинами Тагунга и Старой Пагоды.

Последнее усилие — и он очутился на вершине холма, где прямо перед ним выросло изящное строение, которое он наблюдал в полевой бинокль сутки назад. Оно стояло на высоком фундаменте; по углам его высились конусообразные башенки. К главному входу вела широкая лестница, по обеим сторонам которой как стражи лежали два каменных льва. Сетон взобрался по лестнице и проник в пагоду. Он добрался сюда как раз вовремя. Начинался рассвет, и пчелы вот-вот должны были пробудиться. Сетон чувствовал себя разбитым. Кости его, казалось, были налиты свинцом, глаза вспухли от напряжения. Съежившись насколько возможно, он забился в нишу и крепко заснул.

Его разбудил гул пчел, которые огромной стаей кружились в пагоде. Лежа на боку, Сетон мог видеть сквозь линзу внутренность пагоды. Свет проникал сюда сквозь множество мелких отверстий в потолке. В золотых лучах носились потоки пчел. Их жужжание странно резонировало в пустом здании и напоминало шелест сосен, колеблемых ветром. Пчелы двигались стройно, словно по команде кружась по пагоде и непрерывной лентой то влетая, то вылетая из нее. Сетон заметил, что они кружились над какой-то фигурой, сидящей на троне посреди пагоды.

Когда стало совсем светло, он мог более детально рассмотреть фигуру на троне. Это была бронзовая женская статуя. Она величаво сидела под высеченным из камня балдахином, на внутренней стороне которого было изображено цветущее дерево. Подобные же фрески украшали внутренность пагоды. Краски были еще свежи, хотя в некоторых местах были унич-

тожены временем и непогодой. Цветистые виньетки из белых слонов, голубей и еще каких-то странных птиц переплетались с геометрическим орнаментом и изображениями погруженного в нирвану Будды. Очевидно пчелы не жили в пагоде, так как нигде не было видно сотов с медом.

Забыв об опасности, Сетон покинул нишу и пополз к подножию каменного трона. Вдруг он с ужасом заметил, что пчелы обнаружили его присутствие. Их жужжание из легкого шелеста ветерка перешло в дикий рев тайфуна. Огромной массой набросились они на Сетона, и свет померк для него, так как пчелы облепили стеклянные линзы. Сетон не свернулся в клубок, как поступил бы настоящий панголин, но затаил дыхание и застыл на месте.

Он чувствовал, как груды пчел давили на его тело. Дышать становилось все труднее. Задыхаясь, Сетон попытался проколоть зубами дульце трубки от баллона с кислородом, которым он запасся на всякий случай. В цилиндре, прикрепленном между лопатками, было достаточно кислорода, чтобы прожить несколько часов. Струя была пущена и регулировалась давлением зубов на клапан. Респиратор, плотно прилегавший ко рту и ноздрям, не давал кислороду расходоваться напрасно. Сетон дышал медленно, вытянувшись на мозаичном полу под натиском разъяренных насекомых. Ему казалось, что прошло много часов, когда давление стало постепенно уменьшаться, и сквозь линзы начал пробиваться тусклый свет; потребность в кислороде уже не ощущалась.

Возможно, что неподвижность Сетона убедила пчел в том, что он мертв. Сквозь линзу он видел, что над ним все еще кружилась стая пчел, сердито жужжа. Казалось, пчелы поставили стражу, которая должна была стеречь дерзкого пришельца. Когда погасли последние лучи солнца, стража улетела спать. Наконец-то Сетон мог размять онемевшие члены и подняться на ноги, чтобы взглянуть на Золотую Царицу.

Голова бронзовой женщины была украшена диадемой, переливавшейся разноцветными огнями при слабом свете догоравшего дня. Сначала Сетону показалось, что диадема состоит из живых пчел, потом он разглядел, что пчелы искусно сделаны из бриллиантов, рубинов и изумрудов. Одна рубиновая пчела

довольно внушительных размеров лежала на полу, совсем близко от Сетона. Неуклюже протянул он руку и взял драгоценность на память о посещении Мертвого города, куда до него не мог проникнуть ни один человек.

«Какие богатства таит в себе этот город! — думал Сетон. — Судя по украшениям статуи царицы, этот район должно быть изобилует драгоценными камнями. Настанет время, когда английское правительство обратит внимание на этот город богатств, отравит пчел газом и сметет Столицу Пчел с лица земли».

Сетон вспомнил об опасности, которая подстерегала его со всех сторон, и поспешил в обратный путь.

ЛЕВ НИКУЛИН

КОШАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Среди важных изобретений и открытий, которыми обессмертил себя мой покойный друг доктор Симов, был один необыкновенный прибор, называемый «переключатель мысли». Скоропостижная кончина Симова, трагическая гибель изобретателя от взрыва примуса, не дала ему времени зарегистрировать патент на это изобретение. Мне, как ближайшему другу Симова, остается поделиться воспоминаниями о замечательном опыте Симова, свидетелем которого я был в его лаборатории в Суконном переулке.

1. ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ МЫСЛИ

— Зачем усложнять жизнь?.. Зачем покидать город летом?.. Что может быть очаровательнее города летом?.. Поздние северные сумерки, переходящие в белую ночь... Теплый воздух, дыхание остывающих, нагретых за ночь домов. Право, можно простить мелкие обиды: придирки управдома, настойчивость фининспектора, капризы месткома, служебные неурядицы и обиды. Вечер, досуг, тишина... Шорох шагов на улице, обрывки смеха, шепот и даже эта гармоника и кошачий визг. Кстати, о кошках...

Мой друг Симов запнулся, задумчиво поглядел вокруг себя. В хаосе приводных ремней, проводов, колб и реторт он искал то, что заставило его прервать плавно льющуюся речь. Наконец, он встал и, обдергивая чесучовый, кургузый пиджачок, вытащил из-под

стола с приборами блюдце с молоком. Затем он прошел в кухню, которая вместе с чуланом составляла дополнительную площадь жилья Симова, и шумно открыл дверь на черный ход.

— Минуту, — сказал Симов из кухни. — Кстати, о кошках...

Самодовольно и не слишком громко мяукнув, в лабораторию Симова вошел кот. Обыкновенный, серый, с белыми лапами и белым носом кот. Несколько темная шерсть вокруг желтых топазовых глаз образовала как бы полумаску и придавала коту интригующую, лукавую внешность.

— Прежде всего пейте, — вежливо сказал Симов коту, придвигая блюдце с молоком.

Кот беззвучно мяукнул, мельком взглянул на Симова и, не совсем твердо переступая, прошел мимо блюдца и лег на пол.

— Очень странно, — сказал доктор Симов, поправляя очки. Затем он обратился ко мне:

— С некоторого времени меня беспокоят крысы. Я не возражал, когда они разгружали меня от испорченных продуктов. Но они грызут приводные ремни, которые являются орудиями производства. Но они грызут переплеты научных трудов. Поэтому я призвал на помощь это прирученное существо...

Симов провел указательным пальцем под подбородком у кота. Кот слабо потерся головой о брюки Симова и беззвучно мяукнул.

— Очень странно, — сказал Симов, — вы равнодушны к ласкам, вы не пьете молока, что же случилось, мой уважаемый собеседник?.. — и затем Симов повернулся ко мне. — Вы смеетесь, вас смешит — «уважаемый собеседник»...

И тогда мой друг встал и взял со стола довольно сложный прибор. Сначала я принял его за подобие слухового прибора — резиновый шлем с проводами и металлическими пластинками и нечто вроде ременного браслета, к которому вели провода. Отдельный толстый провод был прикреплен к верхушке шлема и заканчивался электрическим штепселем. Симов надел прибор на голову и, подняв кота с пола, посадил его на колени.

— Друг мой, — сказал Симов, воткнув штепсель в один из одиннадцати включателей на стене, — друг мой... Есть ряд мелких открытий, которые мне удалось сделать, так сказать, походя, мимоходом... Я сделал эти открытия только потому, что они так или иначе связывались с моей основной и сложнейшей работой. В частности, вот эта штука...

Он щелкнул ногтем по шлему, надел его на голову и взялся за ременный браслет, к которому вели провода. Затем, погладив кота от хвоста к переносице, он осторожно надел ременный браслет на голову кота и слегка затянул ремень так, чтобы браслет не сваливался. Кот лениво мяукнул и обхватил лапами руку Симова.

— Ну, ну, — продолжал Симов, — не будем чрезмерно скромными. Это мой друг, у меня нет тайн от него. Можете говорить, что вам взбредет в голову. Одну минуту... — теперь Симов обращался ко мне, — опыт требует некоторого пояснения. Эту штуку я называю переключателем мысли. Нет никакого сомнения в том, что млекопитающееся, которое сидит у меня на коленях, — мыслящее существо. У него несколько упрощенное мышление, но оно мыслит, оно здраво располагает своими мыслями, как всякое другое живое существо...

Слегка наклонившись вперед, Симов смотрел мне прямо в глаза:

— При помощи этого прибора я переключаю мысли кота, то есть мой мозг делается приемником мыслей этого животного. Это один из самых совершеннейших способов передачи мыслей на расстояние, не имеющий ничего общего с гипнозом или эстрадным шарлатанством. Когда я включу ток, я перестану говорить, будет говорить не Симов, а кот.

Характерный треск повернутой кнопки. Лицо Симова было неподвижно. Неподвижно лежал кот на коленях Симова. Губы Симова как бы непроизвольно раскрывались, и я услышал тихую, отчетливую речь. Слова складывались в фразы и предложения, но явно говорило другое существо. Бешено крутился диск электрического счетчика в стеклянной щелке. И Симов говорил медленно и раздельно, как говорящий заводной автомат.

2. РАССКАЗ КОТА

— Я помню себя почти тысячу солнц. У людей солнце называется днем. Но мы, коты, не замечаем ночи. Мы одинаково видим днем и ночью и различаем время по теплому желтому кругу в небе. Почти тысячу раз появлялся и прятался круг-солнце, и вы можете считать, что я живу около трех лет. Мы привыкаем к месту, и для вас ясно, что я очень привык к квартире четыре в бельэтаже, где я открыл глаза, чтобы видеть днем и ночью. У меня мягкая, удлиненная шерсть и пышный хвост. Из этого вы можете судить, что я кот хорошей породы. Можно сказать прямо — я сибирский кот. Я помню себя котенком на коленях у мягкой и круглой дамы. Я помню скользкий очень чистый пол, в котором я в первый раз увидел себя. Разные вещи на четырех ножках тоже отражались в нем. У стен стояли другие холодные плоские вещи, в которых я видел себя удивительно ясно. Потом я узнал, что это особого рода стекло, — оно называется зеркалом. Я жил очень недурно. У меня была подушка и ящик с желтым песком. Кроме круглой дамы, был длинный человек с шерстью на лице, который иногда наступал мне на хвост. Но днем он был в других комнатах и назывался муж. Я рос и толстел.

Однажды я попал на черную лестницу. Там было темно и страшно. Короткий человек, вдвое тоньше мужа, затопал на меня и закричал: «Буржуйская кошка!» Я убежал домой, но меня все же тянуло на лестницу. Там были еще коты. От них пахло дымом и несъедобными вещами. Так шли дни. Я вырос на коленях у мягкой дамы. Иногда меня показывали другим мужам и дамам, и они говорили: «Прямо — картинка!». Однажды круглая дама весь день мяукала. Лицо у дамы было мокрое, муж ходил по комнате, хлопал себя по ногам и тер шерсть на лице. Она и муж говорили разные странные слова. Я хорошо запомнил такие: «нэп», «процесс», «губсуд», «изоляция».

Затем все пошло навыворот. Мужа с шерстью на лице увели двое в сапогах. Мягкая дама взяла с собой небольшой ящик и тоже ушла. Пришло много людей в сапогах и галошах. Один стучал молотком,

читал бумагу и говорил: «Кто больше?». Другие говорили вместе и врозь. Затем произошло ужасное. Разные вещи унесли вверх ножками, холодные, плоские стекла тоже. Пришли еще люди, и один сказал: «Поделим между членами жилплощадь». Несколько дней стучали молотками. Я спрятался в ванной, а когда вышел, то увидел совсем другое. Много деревянных стенок, и там, где была мягкая дама, сидел человек в фартуке, с сапогом в руках. Он поднял меня за шерсть, встряхнул и сказал:

— Жил у нэпача — поживи у кустаря-одиночки.

Затем стало плохо. Я ел невкусные вещи, и люди хотели, чтобы я ловил мышей. Мыши — пыльные и очень хитрые звери. Сначала ловил их неохотно. Человек с сапогом меня не кормил, и тогда я с трудом поймал мышь. Затем, на лестнице, крысу. Это было труднее. Человек с сапогом сказал: «Молодчина!» и дал молока. Я стал привыкать. Мыши ушли в подполье. Мы жили мирно с человеком в фартуке. Он изредка гладил меня и говорил: «Васька», «Стервец» и «Не зевай»... Так шло время. Из соседней мясной лавки пришла большая крыса и съела кусок кожи. Признаться, я кое-что слыхал, но мне было тепло и просто хотелось спать. Утром человек с фартуком взял меня за шиворот, ткнул в изгрызанную кожу и больно ударил ремнем. Я удрал на чердак и очень грустил. Затем я вылез на крышу. Почему-то я вспомнил о мягкой коже, о молоке и ящике с песком. Я очень огорчился и не помню, как очутился на краю крыши. Затем мне захотелось спать долго, очень долго, всегда спать. Я разжал лапы и упал. Воздух ударил меня в нос. Зе́мля прыгнула на меня, хвост выровнял меня в воздухе, я вытянул лапы и упал на белое и мягкое и, подпрыгнув, свалился на улицу. Затем я побежал под ворота и долго не слышал и не понимал.

Приказчик из книжной лавки крикнул: «Сапожников кот убился!». Я хотел мяукнуть, но не мог, у меня сел голос. До вечера я лежал под водосточной трубой. Вечером я вышел и по черной лестнице пришел к дверям квартиры четыре. Крыса из лавки мясника нагло вылезла из щели. Меня считали мертвым. Я загнал ее в угол. Она пошла на меня. У меня слегка болела спина и вообще мне было не по себе, но я был

зол и перекусил ей шею. Был шум и открылась дверь. Человек в фартуке увидел меня и дохлую крысу, всплеснул руками:

— Жив стервец! Твое счастье!..

Я бросил крысу и пошел домой. Вокруг собрались люди и качали головами: «Кошачье счастье!». Потом меня кормили, гладили, но пока не было аппетита. Вот и все.

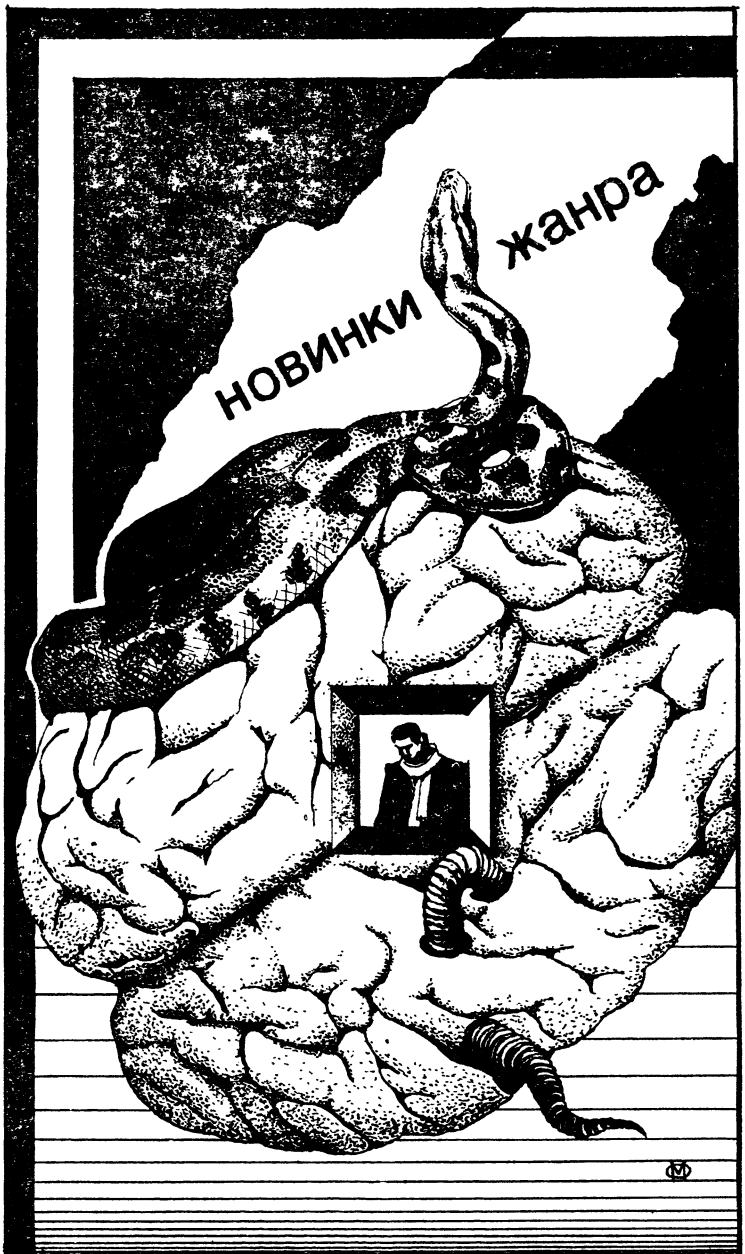
ЭПИЛОГ

Щелкнула кнопка. Электрический счетчик остановился. Симов снял шлем с головы, вынул штепсель и снял ременный браслет с головы кота.

— Бывает, — сказал Симов, — бывает... Бывает так, что матерый и бывалый кот раз ошибется, огорчится и возненавидит новую для него жизнь. И вдруг прячутся когти, и старый, разочаровавшийся кот, зажмурив глаза, сорвется с крыши шестиэтажного дома, рассчитывая брякнуться на асфальт и подохнуть. Но кошачье счастье — инстинкт, правильный животный инстинкт. Хвост, который инстинктивно рулит в воздухе и направляет кота прямо на полотняный тент книжной лавки и, наконец, четыре лапы, четыре крепких мускулистых лапы, пружины, на которые падает кот... И обошлось, — кошачье счастье. Браво, кот!

Симов зажег свет. Электрическая лампа в двести свечей осветила самые дальние углы и разогнала все тени. Симов сидел против меня и гладил серого мурлыкающего кота. Кот мурлыкал и потягивался.

Сон или не сон? Вероятно, сон.


НОВИНКИ
жанра

МАСКИ

Странное, нереальное воспоминание о том, чего не было, но могло быть — и в то же время, четкое, как работа фотографа-ремесленника: мы, несколько юношей и девушек, обнаженные и не знающие слова «одежда», бродим по лесу в поисках каких-то плодов; вдруг — погоня, шум ломаемых кустов, какие-то страшные люди с веревками и мечами, впереди мчится огромный мужчина, похожий на медведя.

Потом — сети. Скрученные, мы валяемся у опушки и с ужасом глядим на своих охотников. По очереди нас развязывают и уводят за деревья. Наступает и мой черед, я оказываюсь перед тем самым мужчиной, похожим на медведя. Страшные неподвижные глаза впиваются в меня; он что-то говорит своим помощникам, и они приносят голову недавно убитого волка и пытаются надеть на мою. Я вскрикиваю и вырываюсь, бегу; меня догоняют и вновь пытаются надеть маску, но я вновь вырываюсь и убегаю к связанным товарищам и слышу их страшные вопли: они смотрят на меня сквозь мелкие ячейки сетей и глаза их полны дикого страха.

Потом меня хватают, и происходит мрак и тишина; маска обволакивает мое лицо; от нее пахнет отвратительным запахом свежей крови и мяса; меня куда-то ведут, и я покорно следую за ними и вдруг спотыкаюсь и падаю, и слышу хруст уходящих шагов.

Проснувшись, я вижу перед собой лес, в котором вырос. Но он изменился, и я, не понимаю, в чем именно, все же остро чувствую это, и мне становится страшно.

Но проходит время, и я привыкаю к новому образу леса, и почему-то происшедшее больше не волнует меня.

Через три дня я встречаю оленя и тщательно его преследую и убиваю; перед последней судорогой он поднимает голову и смотрит мне в глаза странным, незвериным взглядом. Дрожь пробегает по моим лопаткам, я столбенею и на мгновение теряю чувство реальности; что-то вспыхивает глубоко внутри моих мыслей.

Но олень опускает голову и закрывает глаза, и я жадно припадаю к крови, которая льется из его ран

Но на другой день, и на день следующий я все меньше думаю об этом взгляде и о том, что вызвал он где-то глубоко внутри моего существа — голод гонит меня прочь от моего разума, и я слушаюсь его приказаний покорно и без рассуждений.

Я накормил остатками своих пиров сотни ворон, следовавших за мной в моих кровавых походах, и я все реже заглядываю в глаза своих жертв.

Однажды я встречаю волчицу, умирающую от голода, и одариваю ее своей добычей, и мы становимся неразлучны в охоте и отдыхе.

По ночам я просыпаюсь и гляжу на нее с непонятной мне тоской. Во сне она совсем другая — не та злобная и умелая соратница по нашему общему делу, какую я вижу в ней днем; она кого-то мне напоминает. Но сон и нежелание думать лишают меня моей настойчивости в воспоминаниях, и я откладываю и свои мысли, и свои вопросы, которые бывают у меня в эти минуты, до другого, более подходящего, как мне кажется, времени.

Во время очередной охоты мы убиваем огромного молодого кабана; вечером, после ужина, она внезапно уходит и долго не возвращается, а когда утром я спрашиваю ее, в чем дело, она с испугом взглядывает на меня и говорит, что не может ничего понять, что с ней происходит. Я задаю ей все новые вопросы о вчерашних ее мыслях и о ее вчерашнем уходе, и она вдруг говорит, что ей кажется, что однажды она уже видела этого кабана, но не помнит, где и когда.

— Ты заглядывала ему в глаза, когда он умирал? — спрашиваю я с тревогой.

— Да, — отвечает она и смотрит мне в глаза, и вдруг я узнаю ее.

— Плоды, погоня, люди с веревками и мечами, мужчина, похожий на медведя! — кричу я, и мой вой разлетается по лесу.

— И маски! — кричит она. — Вспомнила!

Мы бежим к растерзанной туше кабана и долго плачем, узнавая.

Похоронив его, мы внюхиваемся в воздух и бросаемся в чащу.

В поисках мужчины, похожего на медведя. И его подручных.

Нам нужно найти их. И поговорить...

СКАЗКА ДЛЯ ЧЕРВЯКА

Самым смешным было то, что он сохранял надежду, что это перестанет случаться. Но удав негромко приказывал: «Еще!», и червяк вновь начинал извиваться, словно пытаясь выручить свое дрожащее тело из пут гигантской твари, и глаза его все безумней выкатывались из орбит от напряжения бесплодной борьбы, а рот извивался в такт судорогам этого беспомощного розового тела, и с каждой новой попыткой червяк запутывался еще безнадежней.

Глупо. Удав крепче сожмет кольца и вновь негромко и глухо, как из пещеры или могилы, проговорит: «Еще!», и червяк застонет, уже не различая, где кончается боль его плоти, и начинается боль его спутанного сознания, и тогда удав на мгновение ослабит тиски, и червяк сникнет, как обгоревшая ветка, и удав удовлетворенно засмеется, так же глухо и негромко, как он произносил свои дикие команды.

А потом червяк проговорит: «Что я тебе сделал?» И удав криво усмехнется: «Не хватало, чтобы ты мне что-то сделал». И червяк беспомощно спросит: «Но должна же быть причина?», и удав поморщится и скажет: «Заткнись, мне противно слышать твой

голос», и червяк съежится и втянет голову в плечи. Да, вот так это будет. А потом, после недолгого молчания удав спросит насмешливо: «Ну, так кем бы ты хотел стать?», и червяк ответит: «Удавом», ответит, не задумываясь, как о своей единственно верной мечте, и удав мгновенно вновь сожмет кольца, и червяк закричит звонким хриплым криком. «Разве червяк может быть удавом? — спросит удав с издевкой. — Посмотри на меня, разве ты не видишь, как мы непохожи?»; и червяк глухо согласится, что не может, и опустит голову, а потом вскинет ее и спросит: «Но что же мне делать?», и удав загремит, как падающая колокольня: «Заткнуться!» И засмеется и ляжет спать, а червяк без сил выползет из дома удава, напьется воды из мутного ручья и побредет домой, но вспомнит, что и дома нет покоя, и остановится и застонет от душевной боли и подумает: «Почему он меня не задушит?» И вспомнив красные неподвижные глаза и длинное поджарое тело удава, его глухой голос мертвеца и кривой презрительный рот, поймет: «Нет, это его лишило бы развлечения».

А потом он услышит тонкий голос рядом, и это будет тля, которая скажет ему: «Здравствуйте, господин удав», и глаза тли будут гореть от восхищения.

Все это глупо — и то, что здесь говорилось, и то, что будет говориться; можно не обращать внимания и не дочитывать — какой толк? — мелкий холодный интерес, да. Но эта правда, как бы глупо это ни было, и как бы ни походило на нереальные события.

Червяк не поздоровается, он лишь кивнет тле, а она подползет поближе и спросит: «Господин удав, не могли бы вы мне помочь?» Примечательно, что он даже не расслышит, как она его называет, а если это и будет случаться, он будет съеживаться, вспоминая, что это не так.

«А что такое?» — спросит червяк и вопьется глазами тле в душу.

А вот какая история между тем случится в доме удава — к нему в гости придет волчонок. И удав обрадуется, потому что у него не будет внутренней причины пытать волчонка. Они сядут друг напротив друга, и удав спросит: «Ну, как дела, дружище?» — «Да ничего, — ответит волчонок. — А у тебя?»

На что удав вздохнет: «Да так, какая может быть

жизнь у удава, давлю понемногу желающих, что мне остается делать».

И волчонок засмеется и спросит: «Не пойму, зачем это тебе надо?» — «Бог его знает, — ответит удав, — мне бы кто объяснил. Только что тут был червяк. Видел бы ты его физиономию; со смеху можно подавиться. Приходил, идиот, посоветоваться, как ему стать удавом». И волчонок захохочет, потому что он не червяк; волчонок смеет хохотать, даже если это не предусмотрено теми, кто определяет, когда и почему можно хохотать. И скажет: «А что, хорошая вы пара, вам самое время начать выступать в цирке». Удав усмехнется.

Когда он вспоминал червяка, он вспоминал, что он удав. Вообще он вспоминал, что он удав, когда видел или вспоминал червяков. И тогда все вокруг начинали казаться ему червяками.

И сейчас, присмотревшись к волчонку, удав увидит в нем что-то от червяка, и сожмет рот и еще глубже заглянет в волчонка, и волчонок вздрогнет и подастся назад. А потом улыбнется чему-то внутри себя, ответит удаву тем же прямым взглядом и спросит, сдерживая смех: «Что это ты так на меня смотришь?» — «Так, — опустит глаза удав, — показалось что-то».

В комнате на минуту воцарится тишина, словно они увидели что-то непристойное, а потом удав скажет: «Сдается мне, что тебе самая пора стать удавом». — «Мне? Удавом? — засмеется волчонок. — Зачем?».

Удав недовольно поморщится, как от глупости, и скажет: «Ты глуп, волчонок, ты пока не понимаешь, что на свете лучше и мудрей всего быть удавом. Но слушай меня внимательно, сейчас я расскажу тебе, как стать удавом». И волчонок опять рассмеется и скажет: «Да не нужно мне быть удавом. — И заколебавшись, добавит: — Мне хочется совсем другого».

«Да знаю я, чего тебе хочется, — скривится презрительно удав. — Я вижу тебя, как голого!» И тут волчонок ощерит клыки, и на загривке его вздыбится шерсть. «Ты, верно, путаешь меня с червяком, — крикнет он. — Нам в самом деле лучше общаться с себе подобными!» И вскочит с места и выйдет вон, а удав бросится за ним, опомнившись от своей галлюцинации, и крикнет вдогонку: «Постой, ты меня

неправильно понял!» И вернется к себе и схватится за голову: «Господи, опять то же самое!»

Это будет, как там не крути.

А вот что случится на другой день, когда на пороге вновь появится червяк. А он непременно появится. Слушайте — непременно.

— Здравствуйте, господин удав, — скажет червяк, чувствуя, что ему вновь до ужаса охота извиваться и угодничать.

— Проходи, — ответит удав.

Он еще находится под впечатлением недавнего разговора с волчонком и своих чувств по поводу этого разговора, и сейчас, глядя на червяка, убеждает себя в том, что перед ним не червяк, а кто-то другой, и достойный человеческого обращения.

Червяк осторожно сядет на стул напротив удава.

— Ну, что нового, — спросит удав и поймает себя на бешеном желании добавить: «червяк».

— Ужасно, — ответит червяк. — Вчера я опять попал в историю.

— Какую историю? — спросит удав, пытясь выглядеть заинтересованным.

— Ко мне обратилась тля с просьбой научить ее стать нетлей, я начал ей объяснять, она все кивала мне и восхищалась и удивлялась, как это просто, а потом засмеялась и сказала, что я червяк.

Удав расхохочется во все горло.

— Я был буквально в замешательстве, — подавленно скажет червяк. — Я всего лишь хотел ей помочь.

Удав вновь захохочет и не сможет остановиться.

А червяк будет сидеть, сцепив руки над брюхом, и на лице его застынет выражение абсолютной беспомощности и страдания, которое удав не расположен видеть в червяках.

— Вот что, — проговорит наконец удав. — Сейчас я буду рассказывать тебе, как стать удавом, а ты за это споешь мне и спляшешь.

— Конечно! — воскликнет червяк и застынет с почтением.

— Чтобы стать удавом, нужно... — начнет удав и будет говорить долго, и червяк не пропустит ни слова, а только будет вскакивать, когда его будет поражать

очередная истина искусства быть удавом, и будет восклицать: «вот оно что!» и вновь будет садиться и бесконечно преданно смотреть на удава. Когда удав кончит, глаза червяка загорятся, как у гончей, спущенной на зайцев.

— Понял! — воскликнет он, подпрыгнув на стуле. — Как я этого не понимал раньше!

— Ну а теперь спляши и спой, как уговаривались, — усмехнется удав.

И червяк примется извиваться и петь, и через минуту удав остановит его:

— Довольно, — скажет он. — Можешь идти, сейчас у тебя такое лицо, как будто ты знаешь, что надо делать.

Червяк раскланяется и вприпрыжку пустится на улицу. Глаза его будут гореть по-прежнему, и все звери, попадающиеся ему навстречу, будут казаться ему ничтожными червяками.

А из окна будет выглядывать удав и беззвучно смеяться.

— Дурак, — вдруг скажет он с бешеной злобой. — Можно подумать, что я счастлив.

Он низко опустит голову и глухо, по-собачьи, завоет. Дверь раскроется, и в комнату вбежит худая усталая женщина. Она подойдет к удаву и крепко прижмет его голову к груди, а он обнимет ее и заплачет навзрыд, и она никак не сможет его успокоить, и только будет бережно гладить его волосы и шептать что-то ласковое.

А соседи подумают, что по-соседству плачет ребенок.

А где-то вдали по улице будет бежать червяк и радоваться, что скоро станет удавом, если уже не стал. «Тогда я приду к нему и скажу: «А пошел ты к черту!» — украдкой подумает червяк и прибавит шагу.

Но этого, конечно, никогда не будет. Тут рассказывалось только о том, что случится. А то, чего не случится — какое нам до этого дело, если это не случится?

И зачем описывать события, которые невозможны?

ВАСИЛИЙ БЛИЗНЕЦОВ

ПАДАЮЩИЙ

Он помнит, как лопнул трос. Это был тяжелый стальной трос. А он стоял совсем близко и видел: трос, не выдержав напряжения, взорвался. Его сильно ударило. Так сильно, что он отлетел на несколько метров. Что-то обожгло ему живот, а потом, через долю секунды, в голову хлынуло горячее и тяжелое — кровь. И все.

Он понял, что умер. Вернее, его разорвало тросом. Это говорили пришедшие на похороны. Ощущение себя вернулось к нему, но это было уже какое-то другое, деформированное, дефектное, что ли, ощущение. То ли оттого, что и сам он теперь был дефектным — его ноги лежали рядом, под одним покрывалом. Лицо его было закрыто, и он понял, что стал некрасивым.

Он не видел, не слышал, не чувствовал запаха пришедших проститься с ним. Но он их ощущал... И потому знал то, о чем они говорят, знал, какие у кого лица, кто как одет, кто о чем думает. Он чувствовал их. И знал, что это доступно только мертвым. Вот совсем рядом стоит его мать. Кроме него и брата, у нее никого не было. Она стоит чуть сгорбившись и уже не плачет... Он захотел встать и не смог — его тело было разорвано тросом, но не в этом была причина его бессилия.

Тут же была Нина. Она все в том же синем пальто, в котором два года назад пришла на первое свидание. И вот — на последнее. У нее замерзли руки. По щекам Нины текут слезы. Они мечтали о сыне. Он снова захотел встать. Так, наверное, хотел подняться

каждый умерший, даже из тех, кто хотел умереть или просто не жалел о своей смерти.

Пришли сюда, на старое городское кладбище, и его друзья, и просто знакомые. Он всматривался в их лица. Сергей. Он стоял рядом с ним, когда лопнул трос. Сергея только слегка поцарапало, потому что чуть впереди стоял он. Сергей мнет в руках кепку. Руки дрожат. Колька, Андрей, Светлана, Борис... Он тоже любит Нину.. Раньше они даже дрались. Теперь — уже не с кем.

Ему вдруг стало не по себе. Он, умерший, доставил им столько хлопот, сколько не доставлял, будучи живым. Они любили его, жалели, боялись, ненавидели, обижали, хвалили, прогоняли, ждали... Ветерок путается в покрывале, но он этого не чувствует. Зато он чувствует, как трудно и легко им без него. Ему очень неудобно оттого, что он походит теперь на слепого Гантенбайна, который только притворяется, что слеп. Но окружающие не знают, что он притворяется, верят ему и ведут себя так, словно его и нет, словно нет на них его взгляда. Разница лишь в том, что он не притворяется. Он умер.

Гроб закрыли. Медленно опустили в землю. Засыпали стылыми комьями. На свежий холмик легли цветы. Постепенно все разошлись, остались только мама и Нина. Они стояли молча и неподвижно. Потом Нина берет маму под руку и уводит. Он остается один.

С наступлением весны он почувствовал, как земля наливается влагой, как зашевелились корни трав и деревьев, закопошились черви, жуки, личинки. И он вдруг понял, что ему тоскливо-тесно. Люди векáми закрывают крышками гробы, и умершим приходится испытывать свое терпение, прежде чем произойдет долгожданный миг воссоединения с землей. Он чувствует тепло весенних лучей солнца, и ему кажется, что и ему становится теплее. Не кажется — это так и есть. Он ждет, ждет мгновения, когда появится хоть небольшая щель — путь к земле, и он, покинув свое тлеющее тело, помчится над миром сгустком энергии — маленьким невидимым комочком. Как мгновение. Тогда-то он насладится радостью бытия. Умершие бессмертны — куда уж дальше.

Он вспомнил, как приезжал брат. Они молча

разговаривали о жизни, о разной чепухе. Брат весь в делах и заботах. Мечется, ищет что-то и не знает — что. Им было жаль друг друга.

Приходит мама. Она приносит цветы и плачет. И ему хочется выйти к ней (чертова крышка!), легким ветерком погладить ее по седеющей голове, осушить ее слезы. Пусть она улыбнется, ведь он — сын ее — здесь, с ней.

Чаще других приходит Нина. Она молчит, она не жалуется, не исповедуется, не говорит лишь бы о чем. Она молчит. И лишь глаза ее тихо светятся грустью.

Свершилось! Наконец-то! Он свободен!

Дождь. Он спрятался в каштане, росшем на краю кладбища. Пошумел промокшей листвой. Капли звонко разбились об асфальт. Посвистел ветром в проводах. Скоро должна прийти Нина. Он точно знает — она придет скоро, совсем скоро он увидит ее, не почувствует — увидит. Он спрячется в большой, солнечной ромашке у железной калитки, а Нина сорвет эту ромашку. И когда она поднесет ее к лицу и вдохнет желтый аромат, он прильнет к ее губам и поцелует ее. Дождь не кончается. И Нины все нет и нет. Она должна прийти. Она же знает, что у него сегодня праздник. Он вернулся в каштан и задремал. Столько переживаний ему не под силу...

Дождь кончился. На одной из ветвей каштана висит венок. Ее венок. Из ромашек. И та ромашка — большая и белая — тоже вплетена. Нина была здесь, а он продремал. Он рванулся ветром по аллее и, собрав в охапку прошлогодние листья, швырнул их в спину прохожему. И вихрем помчался туда, к дому Нины, срывая шляпы, выхватывая шары, сплетая провода. Он постучался в ее окно. Распахнул форточку и ворвался в комнату. Он метался по комнате — Нины нет. Ваза с цветами, покачнувшись, упала на пол. И разбилась. Он вылетел на улицу.

Почему ее нет?

Весь день и всю ночь, и весь следующий день и ночь он метался по городу и искал Нину. Ее не было. Нигде не было. И вдруг его осенило — она приходила проститься с ним! Он мертв для нее, мертв, и ей не нужен. Конечно же! ...Ведь она не знает, что он по-

прежнему любит ее и ищет. Но даже если бы знала — что из того?

Он вернулся в каштан. Земные соки текут по стволу, наполняя дерево свежей, сочной силой. Каждую клеточку. Каждую почку. Каждую ветвь. Он чувствует, как каштан растет, движется, набирает силу. Он покачался в ветвях и замер. Отчаяние переполнило его. Он ушел в корни, чтобы не видеть никого и ничего. Он снова умер...

У каштана остановилось такси. Из машины вышли двое, мужчина и женщина. Она взяла его под руку, и они вошли на кладбище. Она наклонилась и положила у изголовья букет роз. Они постояли еще немного и пошли назад. Нина и Борис.

— Постоим еще, — сказала она, приказывая или умоляя.

И вдруг послышался треск. Они встрепенулись и увидели, как каштан, не успевший еще прикрыться зеленью, вырывая корни с комьями земли, падает прямо на них. Женщина застыла на месте, глаза ее были широко раскрыты. Мужчина отскочил в сторону. Таксист выплюнул сигарету и замер.

Дерево с тяжким стоном упало.

Нина, не оглядываясь, шла по тропинке между могилами.

И он знал, что видит ее в последний раз.

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

ХИМЕРА ИЗ МОХЕРА

1

Детство и юность Женя Рысьев провел на Крайнем Севере: папа у него был геолог, а мама олений врач, ветеринар. Сейчас там, на Севере, есть все, могучие самолеты доставляют даже нежные, малотранспортабельные бананы — и даже на Северный полюс и в Ванкарем. А когда Женя рос, его самой заветной мечтой было попробовать свежий персик или, скажем, ананас. Яблоки он ел у бабушки в Тамбове, а вот персики...

Тогда, в школе, заваленной снегом до второго, на чердаке, крылечка, ему казалось, что самый простой путь к персикам — стать ученым и придумать «Машину обратного хода». Такую, чтобы покрутил ручку, загрузил повидлом — и с другого конца посыпались фрукты! Или загрузил шоколадом — а из машины какао-бобы! Представляете?

Позже Женя сообразил, что куда проще было бы кончить не инженерно-физический, а обыкновенный инженерно-строительный институт и завербоваться куда-нибудь в Африку строить школы и больницы — и повидал бы всего, и тропических фруктов бы наелся на сто лет вперед. Потом он попал в семинар гениального Зайкина и догадался, что ведь можно и машину построить. Конечно, энергии она должна жрать столько, что не совсем даже ясно, для чего ее было бы неубыточно применять. Но в принципе, используя «Заяц-эффект» и модулирование темпорального поля по Филиппову-Чандратилаку...

Гениальный Зайкин поднял левое плечо, прижал к нему левое ухо, пожевал губами и сказал:

— А что? В принципе, пожалуй... И даже интересно. Но мне страшно подумать, какой тут математический аппарат придется использовать! А вообще...

2

Энтузиазм — штука заразная. А если к нему еще сибирский характер прибавить и положительный отзыв самого Зайкина, то невозможное — и то можно осуществить. А уж если не совсем невозможное... В общем, Рысьев нашел и математиков, и техников, и темпоральщика, хотя темпоральщиков вообще-то во всем мире было человек восемь, ну от силы девять. Не считая, конечно, порвавшего с наукой и ушедшего в буддийскую обитель Чандратилака и пропавшего без вести в темпоре Ласло Фезекаша, любимого ученика покойного Филиппова. И идея начала обрастать чертежами, тетрадями расчетов, пакетами программ и дисками магнитной машинной памяти.

На попутно открытых и случайно подмеченных в ходе работы над Машиной эффектах соратники Рысьева и сам он защитили дипломы и диссертации, жены им попались терпеливые и к бзикам мужей снисходительные, вот только никак не придумывалось, что бы оправдало колоссальные траты энергии, а значит, чем оправдывать создание нового НИИ перед Академией?

Прослышав о Машине, ответственные товарищи из Министерства Вторичных ресурсов наведались в институт Зайкина, но познакомившись с энергобалансом процесса Рысьева, заскучали и распрощались. При всей сложности и напряженности с ресурсами тратить столько энергии на восстановление однажды использованного? Тем более, что Рысьев обещал на первом этапе получение только материалов, а не изделий: скажем, из металлолома он мог сделать металл в слитках или, в лучшем случае, в заготовках, но не детали. Вот попозже...

Склонный к авантюризму тополог предложил пообещать воскрешение покойников и омоложение пожилых в отдаленной перспективе — мол, тогда найдется поддержка и помещение, и ставки. Но Рысьев не умел врать, а к тому же Зайкин сказал: «Там

дадут вам помещение и ставки, неизвестно, а вот из своей фирмы я вас немедленно выкину. Ишь, алхимики выискались! Научитесь работать с неодушевленными предметами сначала. А то моду взяли соблазнять инстанции эффектами, которых сами не знаете как добиться».

Через четыре года Зайкин умер. На смертном одре великий ученый вел себя достойно, каждому из учеников дал по последнему ценнейшему совету, а Рысьеву сказал: «Женя, обещай мне не связываться с омоложениями и так далее. Твоя машина сможет сделать из одушевленного неодушевленное — и только. Я не могу это доказать, но чувствую, что так будет. Все. Прощай».

Зайкин великим потому и был, что иногда чувствовал там, где другие ни доказать, ни почувствовать не могли...

Тополог без ведома Рысьева поместил в «Юном технике», «Науке и жизни» и «Вечернем Новосибирске» такое объявление: «Открытый конкурс на лучшее применение Машины Обратного Хода конструкции Евг. Рысьева!!! Первая премия — туристическая путевка «Глубочайшие пещеры нашей страны», вторая премия — видео-магнитола «Бердск-360001»! Предлагаем читателям подумать, в какой отрасли науки или народного хозяйства можно применить машину МОХЕР-1, возвращающую заложенные в нее любые предметы в предыдущую фазу их существования (например, мебель — в доски и бревна, хлеб — в муку и т. д.), причем затраты энергии прямо пропорциональны массе предметов и квадрату затрат энергии на создание предмета, либо на перевод в настоящее состояние». Адресов он указал два: служебный — НИИ им. Зайкина и домашний — своего аспирантского общежития. Писем пришло две с чем-то тысячи! Победили полковник в отставке и ученик спецшколы с музыкально-хореографическим уклоном: они предложили использовать «МОХЕР-1» в археологии и в искусствоведении.

— И как мы сами не доперли?! — завывал тополог. — Ведь так просто — от утильсырья повернуться к нетленным ценностям культуры! Ведь только в гуманитарных областях есть бесценное, ради чего с затратами не считаются! И чего я им пообещал

«Бердск», когда у меня «Грюндиг» есть? Такую машину придется отослать!

— А путевки тебе не жалко? — спросил Рысьев.

— А-а, подумаешь, путевка! Я у нас в институте староста спелеологической секции и притом вдобавок — культмассовый сектор, я этих путевок хоть три могу достать, они неходовые. А где я «Бердск» тридцать шесть — четыре нуля первой модели достану? Идиот! — и тополог крепко, с сердцем, треснул себя кулаком по башке.

Рысьев, как мог, утешал соратника, потом, видя, что это не помогает, поехал клянчить командировку в Москву, в Отделение культуроведения Академии Наук.

И через полтора года Рысьев вспомнил этот день и сказал тополог: «Зря ты тогда убивался, старик. Зато теперь будешь зав. отделом математического обеспечения. Разве плохо? В двадцать семь лет — завотделом?»

— В двадцать девять, — сварливо сказал тополог.

— Ну тем более! — нелогично ответил счастливый Рысьев. Когда он выдумал — на уроке ботаники, это помнилось отчетливо, строение цветка проходили, — свою Машину, она мерещилась чем-то на вид средним между мясорубкой и патефоном. А когда специально созданное электронно-монтажное управление сдавало под наладку опытную установку обратного хода «МОХЕР-1» специально созданному НИИ (триста пять сотрудников!), та занимала два многоэтажных корпуса, бетонный бункер, энергоподстанцию, хранилище жидкого гелия и криогенную станцию... Это не считая мелочей вроде жилпоселка, водонапорной башни, проходных.

3

Наладку, как и предварительные лабораторные опыты, проводили на персиковом конфитюре — такова была прихоть Шефа, то есть Рысьева. Добывали конфитюр тройным обменом: в подшефном совхозе «Садовод Приобья» работники НИИ МОХ собирали смородину и яблоки, на районном промкомбинате из них жали сок и делали плодовоягодное вино, вино

меняли — оно шло на экспорт — на болгарский конфитюр и изводили его тоннами, пока стало получаться что-то путное.

А получалось все лучше, все надежнее. Уже, для точного градуирования шкалы «глубоброхомера» (так склонный к нетривиальным сокращениям зав. отделом математического обеспечения назвал измеритель глубины обратного хода по времени, одновременно фиксирующий изменения напряженности темпорального поля), Рысьев в азарте изрезал на ленточки шириной по семь с половиной миллиметров дневник дочки-второклассницы: реву было, зато удалось шкалу с точностью до сорока пяти минут отградуировать: кидаешь в приемный бункер строку дневника с оценкой — ведь если расписание уроков знаешь, время, когда оценку в дневник вписали, запросто вычислишь, — и сверяешь расчетное с тем, что на шкале, ну и регулируешь до совмещения. Элегантная методика, как сказал бы покойный Зайкин. Тот же метод «автографов» использовали и для окончательной выверки, только писали уж нарочно и через минуту по морскому хронометру.

Мощность опытной установки составляла по массе десять килограммов, по времени пять тысяч лет. В принципе глубину по времени можно бы и увеличить без особых хлопот, но археологи решили для начала не зарываться глубже изобретения письменности — приборы приборами, а как-то спокойнее, когда датировка подтверждается письменным свидетельством, верно? А искусствоведам и половины этого срока хватало. Если не считать прехорошенькой блондинки из Отдела наскальной живописи — но та хотела уж слишком многого, и глубину в сто тысяч лет, и мощность по массе такую, чтобы пещеры целиком входили... Нет, Рысьев ей не наотрез отказал. Просто просил обождать. Блондинка сморщила носик и кисло сказала: «Я-то думала, вы мужчина. А вы как все...»

Итак, шли последние дни. Уже поймали за руку программиста из отдела матобеспечения: он под предлогом обкатки машины на нетривиальном материале прогнал через нее свои фирменные джинсы и три бутылки из-под «Приобского плодовоягодного». На экстренном собрании коллектива Рысьев гневно объявил: «Литр вина, на котором наш уважаемый коллега сэко-

номил два рубля, обошелся государству в сто тридцать киловатт-часов!». Сотрудники заволновались Программисту объявили для начала выговор без занесения. Он произнес покаянную речь, поклялся всем, что для программиста свято, что больше не будет — и за три часа до прибытия государственной приемочной комиссии снова попался, на сей раз с тарой из-под «Вермута» и чайником без носика. Надо было встречать гостей — и Рысьев ограничился тем, что велел разобраться зав. отделом — а тот дал программисту по шее и обещал добавить если что. «Нет, нет, никогда! Клянусь перфокартой!» — шепотом закричал программист и ушел, потирая шею и мотая головой.

Приемка. Прокрутили две банки повидла, угостили персиками — настоящими, сочными, пушистыми! — каждого члена комиссии, потом запустили подлинный экспонат археологического музея — наконечник стрелы из могильника «Копенский Чаатас» (Хакассия, VII—VIII век нашей эры), до того окисленный, что сыпался синей пылью. И вот в руках председателя комиссии свежеоткованный бронзовый клинышек. Директор НИИ археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока, комкая бороду, возбужденно кричит не своим, тонким голосом: «А на шкале — точнейшая датировка! Куда там Либби с его радиоуглеродными методом! Мы можем, последовательно прогоняя этот наконечник через МОХЕР, установить день и час отковки и день и час захоронения! Это переворот в науке! Это революция в археологии, товарищи!» — и влюбленно смотрит на опухших от недосыпа, некрасивых от ожидания создателей установки А председатель госкомиссии скептически говорит:

— Это все верно. Но как-то очень уж... Невероятно.

— Машина большая. А вдруг они там заранее спрятали все это? — подхватывает кто-то из сопровождающих комиссию.

— А вот мы это сейчас проверим! — решительно говорит председатель комиссии, подходит к приемному бункерочку и, к ужасу присутствующих, снимает ботинки и швыряет в никелированный зев МОХЕРа, крутнув штурвальчик с деления «1200 лет» на «1 год». Едва женщины успели ахнуть, как из выходного лючка вывалились помолодевшие обувки. Председатель

придирчиво их осмотрел, надел, потопал одной ногой, другой и сказал ровным голосом:

— Ну, у меня сомнений больше нет. Так, как эти, на моей ноге ни одни не сидели. Давайте подписывать акт, товарищи. Возражений нет?

4

Как только археологи уяснили, что с помощью МОХЕРа можно не только реставрировать, но и датировать находки, начались интриги: у каждого было чем загрузить машину неотложно и надолго. Одни писали статьи в популярные журналы — в расчете на мощную поддержку заинтересовавшейся общественности, другие строчили кляузы и жалобы в инстанции. А после первых публикаций в «Вестнике СО АН» и «Археология СССР» посыпались заявки от зарубежных коллег. А после статьи в журнале «Природа» МОХЕР стал нужен всем: криминалисты привезли аккуратно вырезанную плитку дерна в квадратный метр — требовали, чтобы им без очереди восстановили следы, имевшиеся на траве перед начавшимся пять дней назад затяжным дождем, да еще пугали статьей за неоказание помощи в раскрытии преступления. Потом из Института ядерной физики позвонили заместителю Рысьева бывшие однокашники по университету и попросили загнать в МОХЕР всего-то навсего один протончик, но уж глубину дать до Большого Взрыва, до «сингулярности» (раз уж есть такая возможность и при ней свой человек) глянуть, как выглядел наш мир в его первую миллисекунду. «С ума сошли! А если Вселенная схлопнется?» — испуганно завопил замдиректора. — «Физики-шизики! Так и норовят, ну так и норовят мир погубить!» В трубке зашебаршило, видимо, абонент передавал ответ зама коллегам, потом шуршанье стихло и ядерщик печально сказал: «Избюрократился ты там в археологии, Сева. Мы думали — ты человек, а ты... Эх ты!» — и раздались гудки. Вечером, идя в дом культуры «Академия» на концерт, заместитель Рысьева заметил — собственно, заметила его жена, но это в общем одно и то же, правда? — что друзья молодости — ядерщики с ним не здороваются и даже как

бы в упор не видят. Один даже попытался пройти сквозь зама!

Потом на НИИ МОХ навалились разворотливые и неукротимые новосибирские геологи. Они запаслись разрешением правительства, привезли громадную аэродромную бензовозку с палеозойской нефтью и стали ждать пуска второй установки, темпоральная глубина действия которой превышала миллиард лет. Слухи об ее пуске и всполошили ядерщиков, но геологи не спешили и не кипятились. Они ждали и пока запасались разрешениями и согласованиями: готовились к экспериментам основательно, как к выходу в поле. А когда пришел их день, они порциями по сто литров, на каждую порцию увеличивая глубину на пять миллионов лет, прокачали нефть через «МОХЕР-2». В институте воняло как в керосиновой лавочке, пол в машинном зале стал скользким, а потом случилось ужасное, такое, что Рысьева тошнило и через десять лет, когда он вспоминал. Ежеминутные звонки — сотрудники жаловались, зам. по хозчасти заявление «по собственному» подал, оттесненные геологами историки грозились — выкурили директора из кабинета, он пошел глянуть, что там происходит, и поспел как раз «вовремя». Едва он вошел, поводя крупным носом, в машинный зал, как поверх густого нефтяного хлынул куда более противный запах и из выпуска «МОХЕР-2» посыпались полуразвалившиеся, свежедохлые и вовсе разложившиеся трупики червей, громадных не то раков, не то скорпионов и среди них еще живой, трепыхающийся и меняющий цвет из серо-розового в ядовито-желто-зеленый осьминог. Вся пакость вылилась в пододвинутую геологами под выпуск машины емкость, а осьминог зацепился щупальцами за край, подтянулся, шмякнулся на пол, напустил лужу вонючих чернил и покраснел надолго, секунд на семь. Геологи схватились за руки и начали танцевать вокруг чернильной лужи, подхватывая оскользнувшихся и вопя: «Зооморфна, зооморфна! А что мы говорили?!» А один отошел, повернулся лицом в угол зала и, заткнув уши и нос пальцами, как ныряльщик, забубнил: «И ничего не доказывает! Случайный захват!»

Оценив обстановку, Рысьев понял: это — шанс! Можно избавиться от этих неугомонных раз и

навсегда. Он поискал взглядом на кого опереться в эту трудную минуту. Свои не помогут: одна плачет, сраженная осквернением машинного зала, другая в обмороке, мужчины отводят ослабевших женщин в конец коридора... Кто же, кто? И тут он встретился с сухими горящими глазами: ждущий очереди, отпихнутый от машины историк-средневековик с тубусом подмышкой, грамоты стертые читать. Подозвав его взглядом, директор НИИ сказал:

— Давайте я ваши экспонаты подержу, а вы санврача вызовите. Одна нога здесь...

— Вас понял, — по-военному четко ответил историк, сунул Рысьеву трубку с грамотами и помчался к выходу.

Вы что, читатель, думаете, что, уплатив штраф, геологи успокоились? Э-э, не знаете вы ни геологов, ни тем более сибирских геологов! Они дали подписку не экспериментировать с органическими ископаемыми, уплатили штраф и привезли четырнадцать тонн базальта и гранита. Правда, это уж был их последний эксперимент с установкой обратного хода: полезшая из зева установки магма была, по словам специалистов, какая-то особенно кислая и проливающая новый свет на проблемы происхождения излившихся пород Средне-Сибирского плоскогорья, но пожарники уверяли, что магма самая обыкновенная и пожар тоже самый обычный.

После ремонта эксперименты долго не возобновлялись: Президиум Сибирского отделения Академии наук потребовал разработать инструкцию по технике безопасности при работе на «МОХЕР-1», а «МОХЕР-2» вообще законсервировать до поры. Кроме того, пользование установкой впредь дозволялось исключительно в интересах гуманитарных наук.

5

Рысьев уже не раз каялся, что взялся за эту затею, опасную и хлопотливую. Но ему отступать было некуда — а зам. по хозчасти после пожара уволился-таки, переводом в «Союзвзрывпром», там-де спокойнее. Новый зам продержался три недели. Сначала народный контроль спросил с него за утечку энергии.

Разобрался — оказалось, сложилось по капле, сотрудники ножи точить перестали, носят на работу и прогоняют через «МОХЕР», на недельку в глубину — и так каждую недельку. Минута — и готово. Пришлось нанять шабашников из СКБ «Кибер» — блокировку с распознавателем образов ставить, чтобы предметы обихода не совали. А распознаватель с компьютером шестого поколения влетел в копеечку. Правда, уже и то хорошо, что шабашники все материалы вплоть до сверхдефицитного этого компьютера сами доставали. Но тут случилось такое, что все начеты и ревизии заму показались мелочью, нервов не стоящей: среди уборщиц затесалась сумасшедшая бабка, мечтающая сигануть в приемный бункер и вывалиться из выпускного двадцатилетней, при живых зубах и незамужней — а то попивать старик стал, как на пенсию вышел. Все это она многословно объяснила тому программисту, что джинсы некогда подновлял на «МОХЕР-1». После завотдельского подзатыльника парень посерьезнел и был даже облечен доверием: его избрали общественным инспектором охраны труда — должность не формальная в учреждении, где «ЧП» идут косяками, даже не одно за другим, а серия за серией. Парень все бабке объяснил: и что неизвестно, живая ли она выйдет из машины или так, в виде протоплазмы; и что из зарплаты за такие фокусы удержать могут; и что — на всякий случай, вдруг она верующая? Кто их, бабок, знает? — боженька накажет. Бабка пригорюнилась и все кивала. А через два дня ее за подол ухватили — бросилась в бункер! Хорошо, электрики в «козла» заигрались и спохватились, что рабочий день кончился, только в семь часов. Они ее и спасли. А зам. по хозчасти, узнав об этом, уволился.

Правда, замена нашлась, потому что институт срочно доукомплектовали опытными работниками. Дело в том, что искусствоведы, в порядке укрепления сотрудничества с французскими коллегами, подготовили акцию всемирно-исторического значения: из Лувра под охраной национальных гвардейцев и двух взводов «командос» отбыла в Новосибирск Венера Милосская!! Рысьеву предложили, не афишируя этого и привлекая к работам предельно узкий круг сотрудников, расконсервировать восстановленную

«МОХЕР-2», тщательно испытать и быть готовым. Официально было объявлено, что самая знаменитая в мире статуя будет экспонироваться в Доме Ученых, в обмен на выставку полотен сибирского живописца Грицюка во французском атомном центре Саклэ. Статую и должны были выставить в Доме Ученых, в тени знаменитого цитрусового дерева, доросшего до потолка вестибюля. Потом ее заменят копией, а оригинал пропустят через «МОХЕР»: надо в конце концов увидеть, какой ее изваял мастер, с руками или без. Есть ведь и такое мнение, что это специально сделано, для концентрации впечатления или еще почему. А если с руками, то какими они были и как располагались. Потому что кто бы ни бился над реконструкцией рук, у всех получалось неубедительно. Может, так? Может! А может, не так, а этак? И этак может.

И вот Венера в Новосибирске! Народ валом валит, социологи счет ведут: им предложили рассчитать момент падения интереса: мол, будет же «окно», когда те, кто рвется первым увидеть, уже увидели, а кто думает «я хитрый, я подожду, пока толкучка кончится да перед концом и посмотрю спокойно, со вкусом!», думают, что еще рано. Социологам и задача занятной показалась и объект. Они постарались и точно подсказали момент, когда подменят статую копией. Все это время французские искусствоведы жили в «Золотой долине» — гостинице Академгородка — инкогнито, под видом сержантов национальной гвардии.

На пятый день статую привезли в НИИ МОХ. Все было готово к Эксперименту Века. Мраморную фигуру специальным краном опустили в бункер, настала тишина, а через расчетные семнадцать секунд из выпускного отверстия повалил дым, посыпались какие-то камни, горшки и вниз головой, вращаясь, вывалилась крикливо раскрашенная статуя. Она задела край люка — и прекрасные руки с нарисованными браслетами, крошась, отпали! Венера мягко опустилась на воздушной подушке и возлегла на белом надувном пьедестале. Искусствоведы с криками кинулись к статуе. Из криков Рысьев понял: то, что она раскрашена, их не удивило, они пытались руки сложить из обломков.

Увы, это не получилось ни у них, ни у реставраторов. А в положенный срок пестрый подлинник и при-

вычно-белая и потому кажущаяся более настоящей копия отбыли в Париж. Рысьев потом все шесть лет следил по прессе за баталией вокруг Венеры Многокрасочной: одни специалисты признавали реконструкцию окраски неубедительной, другие — неоспоримо убедительной, пока не вмешались власти и не распорядились вернуть статуе традиционный вид.

Самое смешное в этой невеселой истории — пыль, сыпавшаяся почему-то из МОХЕРа, помешала фотографам, и ни на одном кадре не было ясно видно положение рук. Что они есть, было ясно. Но восстановить их по этим снимкам никто не брался.

Рысьев ждал от этого самых крупных неприятностей для института. Но как-то обошлось и вскоре неуемные искусствоведы решили использовать машину обратного хода, чтобы без риска повредить подслой очистить картину семнадцатого века: рентген показал, что под посредственным натюрмортом таится портрет мужчины, предположительно притом рембрандтовский! Предположительно одна из самых ранних работ великого мастера. Итак, настроили МОХЕР на нужное время, опустили картину в бункер — и из выпускного люка выпал чистый, то есть без патины, пейзаж! Искусствоведы оцепенели. «А-а... А где портрет мужчины?» — сипло спросил старейший и схватился за сердце. Никто не ответил. Позднее выяснилось, что это был не ранний Рембрандт, а шутка мастера, стилизация под свою прежнюю манеру. И МОХЕР загнал полотно в междулетье, когда портрет еще не был написан, но ту манеру Рембрандт уже оставил. А пейзаж особой ценности, увы, не представлял. После этого и искусствоведы испугались и отказались от услуг НИИ Машин обратного хода. А инициаторов «легкой реставрации» из искусствоведов разжаловали в экскурсоводы.

Вскоре правительство и Академия наук решили НИИ МОХ закрыть, МОХЕРы демонтировать, а сотрудников трудоустроить по специальности, кого куда. Неофициально Рысьеву сказали, что работы по управляемому термоядерному синтезу, кажется, близки к завершению — и вот когда наступит, благодаря этим работам, изобилие энергии, МОХЕРами оснастят все исторические институты и кафедры. И все пункты сбора вторсырья. А пока... И ему предложили на

выбор два места: либо зав. отделом в НИИ имени Зайкина — либо генеральным директором машиностроительного объединения. Подумав, Рысьев выбрал второе.

В две тысячи восемнадцатом году он вышел на пенсию. Вышел со здоровым сердцем, с нормальным для его возраста давлением и нормальной кислотностью. Когда геронтологи прослышали, что среди генеральных директоров есть кандидат в долгожители, они взволновались и начали осажать Рысьева с анкетами и анализами. Он объяснял, что его опыт уникален и воспроизвести его невозможно, ибо такого иммунитета к стрессам, какой выработался у него в годы работы с МОХЕРом, нигде в мирном двадцатом веке получить нельзя. Он думал, тут они от него и отстанут. Черта с два! Узнав о МОХЕРе, геронтологи не попросили, не предложили, а потребовали, чтоб он довел свою установку до совершенства — то есть до возможности омолаживать организмы. Это, мол, его долг перед человечеством. Они так насели, что Рысьев чуть не согласился. И тогда ему приснился палеозойский осьминог. Тварь отламывала руки Венере Милосской, а та брыкалась и старушечьим голосом кричала: «Уйди от меня, нечистая сила! Химера из МОХЕРа! Омолодиться мешаешь!» И рук у нее было как шупалец у осьминога. А в остальном — Венера как Венера. И Рысьев выгнал геронтологов, взял справку о состоянии здоровья и нанялся в Узбекплодоовощторг экспедитором, персики на Крайний Север возить.

Сейчас ему за семьдесят, работу бросать он не думает, но старость уже сказывается. Нет, здоров он по-прежнему, но стал болтлив. Всем рассказывает — благо, на его работе новые люди каждый рейс, то в Ванкарем летишь, на Чукотку — то в Хатангу, на Таймыр, про МОХЕР, уверяя, что где-то эту историю вычитал. Не то у Михеева, не то у Курочкина — словом, у кого-то из сибирских писателей конца прошлого века.

Впрочем, с года двадцать седьмого пошли слухи, что уже осуществлена термоядерная реакция и энергии теперь будет — завались. Так что фрукты будут

не возить на Север, а выращивать прямо там, под искусственным солнцем. И вообще будто есть — старик Рысьев не зря заливает — какие-то аппараты, которые из мохерового свитера могут овцу сделать или козу, из кого там мохеровый пух дергают? Но почему-то аппараты эти очень строго охраняют, мол, большие неприятности от них. Излучение, что ли?

Спросили у Рысьева, он засмеялся: «Э-э, пилоты, бедная у вас фантазия. Излучение что, там почище!» И замолчал. Надолго.

САМЫЙ ГАДКИЙ УТЕНОК

Когда академика Филиппова или его соратников спрашивали (в основном журналисты): «Верно ли, что вы строите машину времени?», реакция была стандартной. Академик багровел, вставал из-за стола и, отпуская узел галстука, хрипел: «Выход налево по коридору, всего доброго, прощайте!» — а соратники хватали спрашивающего за лацканы или, если спрашивала женщина, отворачивались.

«Машины времени нет и быть не может! — твердили Филиппов и его ученики устно и на страницах прессы. — Не бы-ва-ет! Слышите?! Представьте, что время — поток, ну, река, что ли. Вы можете плыть по течению, допустим, можете выбраться на берег. Но точно в ту же воду, в которой были, вам уже ни за что не вернуться, она уплыла от вас навек. Так и с путешествиями во — или по, неважно, — времени. В сущности перемещаться во времени нельзя, это запрещено уравнениями Чандратилака, но можно выброситься из времени. Куда? Откуда мы знаем? Во вневременье, в ничто...»

Но такие пояснения лишь запутывали все дело. Ведь слушателю или читателю при словах «ну, река, что ли» виделись тихие воды, отпуск в глуши, может быть даже — кувшинки в заводи, в общем, воля вольная, захотел — поплыл по течению, захотел — поперек, а то и против, захотел — вышел, захотел — вошел... Ныряй, плещись, а воды текут ме-едленно, как...

как годы. А темпоральщикам, при их особых и, в общем, недружественных отношениях с четвертым измерением, виделся свирепый поток в невылазно крутых, скользких берегах, ворочающий скалы и не позволяющий попавшему в него и помыслить о том, чтобы выскользнуть, или приотстать, или обогнать. Какое там!

И они невесело объясняли: «В принципе уже сегодня можно выкинуть материальный предмет, или даже человека, из времени. Но перемещать во времени? Нет. Вернуться именно в наш временной поток, в нашу Вселенную путешественник уже не сможет. Никогда. Он, можно сказать, выпадает из нашего мира. А как его спасать, то есть вернуть назад — о, это задачка на порядок сложнее, чем отправить. И не о «путешественниках во времени» следует речь вести, а о «бросках во вневременье» — бессмысленных и безвозвратных. Что? Благородный риск, жертвы во имя Науки? Бросьте, не тот случай. Что такое жертва ради Науки? Риск жизнью ради нового знания. А выкинуться из Вселенной в никуда — это и не наука, и не знания. Это просто дорогостоящее самоубийство, не добавляющее к нашим познаниям ниче-го. Да-да, грустно. Все мы зачитывались Уэллсом в юности. Но — такова реальность...»

И хотя установка, в принципе годная для переброски материальных тел куда-то в иное время — возможно, в прошлое, скорее всего — в Никогда-Нигде, существовала, за три года после пуска она ни грамма вещества не отправила из нашего времени в иные времена. Гоняли ее исключительно в режиме нуль-транспортировки, то есть переброски из настоящего в настоящее. Это она тоже могла. Моментально на любое расстояние... Правда, с энергозатратами, растущими пропорционально четвертой степени расстояния и массы: грамм на метр — сто ваттов, килограмм на километр — сто триллионов мегаватт, то есть... бр-р-р, подумать и то жутко...

Поэтому уникальная установка, вековая мечта человечества, можно сказать, работала только по ночам, когда потребление энергии минимально, и «кидала» на четыре метра пластинку тонкого оргстекла или замусоленный лист бумаги — недописанный черновик заявления об очередном отпуске старшему технику-

лаборанту Иржи Вондраку за поза-позапрошлый год. На этих двух объектах группа Филиппова изучала деформации и напряженность темпоральных полей, побочные эффекты, возникающие при нуль-транспортировке, и тому подобные малоромантичные вещи. Именно нуль-транспортировка, прежде всего пути снижения ее энергоемкости, и считалась темой работ группы, хотя наткнулся на нее Филиппов случайно, еще когда создавал с индейцем Раджендрой Чандратилаком математическую теорию темпорального поля.

А путешествия во времени считались в группе Филиппова (хотя именно из-за них, мечтая о них, пришел в группу каждый ее участник, от слесаря до самого академика) темой неприличной — ну, как тема омоложения старцев в другой группе темпоральщиков, у Рысьева.

...Ласло Фезекаш, один из самых способных темпоральщиков не только группы Филиппова, но и всего мира (то есть всех шести таких групп), был горячим скептиком. Знаете этот тип? Уж если он чему-то или во что-то не верил, он пылко и бескомпромиссно объявлял об этом. Вот если в динозавров не верил, то верящих и убеждал, и высмеивал, а то и за грудки в споре хватал.

— Да я скорее поверю в существование гениального таксидермиста с больной фантазией, чем пресмыкающихся такого размера! — кричал он, по-венгерски делая ударение в каждом слове на первый слог.

— Ты, Ласло, вырос в Будапеште, работаешь в Новосибирске и природу видел только на пикниках, — сердито отвечали динозавроведы и динозавролюбы. — А в ней, в природе, чудес больше, чем обыденности. Ты знаешь, к примеру, что у свиньи и у жирафа шейных позвонков поровну? Да-да, это факт.

Но переспорить Фезекаша было трудно.

Однажды он работал на установке ночью. Днем Филиппов загрузил ее своей работой, а ночью она свободна. Ласло же через неделю сдавать отчет и, пока жена гостит у мамы, он решил приналечь. И вот после восьмой чашки кофе в голове что-то забрезжило. Он осторожненько отодвинул чашку и замер, боясь спугнуть рождающуюся идею. Но вот она откристаллизовалась настолько, что можно было записывать и считать.

Через полтора часа он перечитал уравнения и понял, что знает, как в сотни, в тысячи раз сократить затраты энергии на переброску материальных тел, по крайней мере, в прошлое — не в какое-то там вневременье, а в реальное прошлое! И он ведь... Хо! Он ведь может теперь даже сам отправиться миллиончиков на сто лет тому назад и своими глазами увидеть, были там динозавры или нет. Он не будет даже выходить из установки, топтать землю мезозойской эры. Он только оглядится и — назад, дописывать и досчитывать то, что забрезжило полтора часа назад.

«Вот и увидим, что там за динозавры!» — бормотал он, перенастраивая схему. Когда пальцы устали, он прошел к терминалу ВЦ и заказал справку о времени расцвета динозавров. «Ну, я на сто миллионов лет и рассчитывал», — довольно протянул он, прочтя на экране дисплея справку. Можно было вводить данные и... И стартовать!

...Сиденье в установке, разумеется, было велосипедное — по традиции, как у Г. Дж. Уэллса. Ласло уже уселся было, как вспомнил, что нужно вещественные доказательства привезти оттуда, а Вондрак, кажется, свой фотоаппарат в лаборатории оставил. Он метнулся в закуток лаборанта, взял на шкафчике «Зенит», уселся поплотнее и попытался настроиться на торжественный момент. Но думалось о всякой ерунде. А вдруг там, в мезозое, Солнце иначе светит и экспонометр врать будет? Халат опять паяльником прожег. Интересно, а есть сейчас хоть кто-нибудь, кто серьезно верит в привидения? Кофейник выключен? Все в порядке. Блокнот с расчетами он взял с собой: вид-то у торопливых записей самый черновой, еще кинут в мусор утром. Лучше так. Надежнее.

Никаких сомнений в безопасности путешествия у Фезекаша не было. Он часто ошибался в людях — особенно в девушках, — но в расчетах? Никогда! Итак, вперед! В центре пульта управления была большая клавиша. Все в группе Филиппова знали, что это просто дань традиции, клавиша реального пуска на реальную временную глубину, — и каждый, от слесаря до академика, тайно мечтал когда-нибудь нажать или хотя бы увидеть, как другой это сделает... Он последний раз оглядел лабораторию, пожалел, что его не видят некоторые гордячки, нажал и... И почув-

ствовал, что взорвался, в пыль рассыпался, исчез... Но тут же возник снова.

Установка, глубоко зарывшись в сырой красноватый песок, косо стояла на берегу заросшего исполинскими хвощами или чем-то вроде хвощей озера или морского залива. От воды пахло остро и неприятно. Летали, трепеща крыльями, полуметровые стрекозы. За полосой жухлой травы, над зарослями похожих на пальмы древовидных папоротников, возвышалась серая скала. Было душновато и прохлады озеро или море не давало...

А больше Ласло тогда ничего не успел разглядеть и заметить, потому что... Он как раз расчехливал фотоаппарат — и... И тут из озера, из-за стены хвощей, вышла.... Вышел... В общем, вышло нечто, похожее на черепаху без панциря или на объевшуюся ящерицу — но размером в экскаватор. Кряхтя и стеная, оно вперевалку подошло к установке, перешагнуло через пульт, встало враскачку над темпоральщиком, застилая небо, и мучительно содрогнулось. Ласло глянул через плечо: толстый хвост чудища был вытянут параллельно земле и вибрировал. Фезекаша передернуло, и он кубарем вылетел из установки. Чудище крякнуло и... Снеслось! Яйцо шмякнулось на пульт и тут же исчезло. Вместе с установкой. Чудище повело болезненно напряженным хвостом влево, вправо и выронило еще яйцо, теперь в ямку, где стояла установка, еще яйцо, еще и еще. Потом неуклюже нагребло на кладку прелых стеблей, помялось, как бы размышляя, что еще можно сделать для потомства, хвостом намело на прель песка, хвостом же чуть пришлепнуло — и пошло снова в воду.

И только тут Ласло понял, что случилось. Яйцо упало прямо на клавишу — черт дернул Вондрака сделать ее такой выпуклой! — на ту самую, заветную! — и улетело в наш век вместе с установкой. А он, Ласло Фезекаш, темпоральщик, остался тут один, в лабораторном халате, с фотоаппаратом и блокнотом! Насовсем...

Фотоаппарат? На кой черт ему теперь этот аппарат? И в гневе он швырнул ненужную игрушку в удаляющееся чудовище. Но недобросил. Бульк — и «Зенит» утонул. Ласло трясло как на морозе. Уто-

питься, как этот аппарат? Бульк — и готово, все лучше, чем быть съеденным каким-нибудь ископаемым гадом...

Черт, и блокнот взял с собой. Оставил бы в лаборатории — глядишь, шеф разобрался бы в записях, а там и спасательную экспедицию организовали. Установка у них уже; по расходу энергии высчитают, куда он залетел, и вдогонку... На миг ему показалось, что так и будет, что его уже ищут и непременно найдут.

Потом вспомнил: это же все «если бы». Если бы он не взял с собой блокнот, если бы их сразу расшифровали... Но блокнот с ним, поэтому никто никогда его не найдет. Его и искать-то не будут. Потому что пока во второй раз додумаются до того же, до чего он нынче додумался, — спасать уже и некого будет.

«Итак, со мной покончено», — холодно и отстраненно подумал он. Стало все неинтересно и хотелось одного — чтобы скорее наступил конец. Все равно какой, только скорее...

Успокоившись — насколько возможно в такой ситуации успокоиться — он вдруг даже улыбнулся, криво — но улыбнулся: представил, что выведется из яичка, улетевшего в четвертичный период, как поразятся коллеги и как они сейчас спорят, отдавать яичко в инкубатор или самим высиживать.

Он не утопился. Ученый Фезекаш поставил последний в его жизни эксперимент, научного значения не имеющий, но единственно осуществимый в его незавидном положении: он попытался опытным путем установить, сколько может просуществовать в юрском периоде ничем, кроме интеллекта, не вооруженный человек конца двадцатого — начала двадцать первого века, если на уроках истории он не слушал, что рассказывает историчка о технологии каменного века, а тайно читал научно-фантастические журналы «Робур» и «Галактика».

Он прожил в мезозое почти два с половиной года. Очень трудных года. Его тошнило от горьких мхов. Он заставил себя есть насекомых. Ребром металлической пуговицы на мягком песчанике он выскребал черточки — счет дней. Он спал на деревьях, убегал от хищных ящеров и так, спасаясь, однажды свалился в ущелье и сломал ноги.

Долго, мучительно умирая, Ласло мечтал о паршивом пистолете с одной — ему бы хватило, в себя

не промажешь, — пулей... Или хоть о глотке воды напоследок... И иногда криво улыбался распухшими синеющими губами: вспоминал о «гадком утенке», который, конечно, давно уж вылупился из того яичка и удивляет зоологов. А у темпоральщиков, небось, кто-нибудь говорит: «Эх, нет Фезекаша! Мы бы ему показали этого монстра, чтоб не кричал, что динозавров не было и не бывает!»

...Он ошибался. Яйцо не попало по назначению. Мама-динозавриха, должно быть, задела-таки хвостищем установку и сбила настройку. Разрегулировавшись, установка с яйцом ринулась не в Новосибирск начала двадцать первого века — а в Шотландию конца восемнадцатого. На дно длинного, узкого и глубокого озера Лох-Несс. «Гадкий утенок» вывелся, хоть и в неблагоприятных условиях (видимо, тепло атомных батареек установки его «высидело»), он поныне жив. Вот почему он один, пары ему нет, и вот почему о нем не слышно было в прошлые века.

О лох-несском чудище иногда, в перекур, говорят и темпоральщики. Но с исчезновением Фезекаша они это чудо не связывают. Известно же, что во времени путешествовать нельзя: Чандратилак и Филиппов доказали, что вас выбросит во вневременье, и все. Как беднягу Фезекаша. Сам пропал и уникальную установку загубил...

Так думают темпоральщики. А их установка — еще одно, пока что миру неведомое, чудо озера Лох-Несс, — ржавеет на дне. И только бедняга динозавр-мутант иногда донырает до нее и трется о колючий остов: бедняга считает ее мамой.

ВСЁ ЛИШНЕЕ

Это очень просто: я беру кусок мрамора и отсекаю...

Роден

I

Простиралось. Вздымалось. Разверзалось.

Ассортимент. Антагонизмы. Нюансы. Но — определенные сложности.

Простиралось, конечно, не вздымалось и не разверзалось. Но — граничило. Справа простирается — слева разверзается, или наоборот, это все с какой стороны смотреть, справа или слева, простиралось-то со всех сторон, кругом. Много простиралось, очень много.

Простиралось время от времени, в тайне, хотелось повздыматься. Только трудно это, здоровье не то, сил не хватало на данном этапе, да тут еще и разверзается рядом — тоже глаз да глаз нужен, не до того. В разверзалось к тому же ссыпалось понемножку то, что простиралось рядом. Мелочи, конечно, но все-таки как-то не так. Тем более, черт бы с ним, с тем, что ссыпалось, но ведь как край осыплется, так уже другое рядом простирается, которое раньше рядом не было, которое знать не знало, что там слева (или справа?). А теперь — висит на краю. И разверзается-то глубоко, тянет вниз подлое тяготение. Тоже мне явления, я вам доложу, а еще — закон природы! Если честно, если между нами, этот самый свод законов природы вообще не мешало бы хорошо почистить, много там хлама отжившего и ненужного. Когда-то, возможно, играло свою прогрессивную роль, но теперь вовсе ни к чему. Без него бы спокойнее.

Терпело-терпело простиралось, терпело-терпело, да не вытерпело. И тоже понять можно: так вот мало-помалу, а все равно неприятно. Заявило оно разверзалось протест, строгий и решительный. А разверзалось — хоть бы что! «Я, — говорит, — разверзалось, разверзаюсь и буду разверзаться. И даже не понимаю, как это можно — простираться. И этим, — говорит, — все сказано. И не мешайте мне, пожалуйста, разверзаться как мне вздумается. Это, — говорит, — мое дело личное. И даже внутреннее».

Тогда простиралось собралось с силами и сомкнулось над разверзалось так, что и места того не узнать стало. Так простирается, что смотреть любо-дорого. Да не тут-то было! Глядь, а с другой стороны, слева (или справа) разверзается не хуже того, прежнего. Закон сохранения. Тоже, если вникнуть, подарочек!

Простиралось задумалось. Но не надолго, правда. Нашло-таки выход: обрушило простиралось в разверзалось вздымалось. Жалко, конечно. Иногда приятно посмотреть, да и показать, да и сказать к месту: «Вот ведь, вроде такое же, ну, почти такое же, а вздымается!» Но ведь припечет — и не то сделаешь. Не стало вздыматься, но зато и разверзаться стало нечему. Простиралось налево, простиралось направо, и вперед, и... Нет, назад не простиралось. Назад — это знаете ли, вниз, это когда разверзается — назад. А когда по прямой, ну, или почти по прямой, кривизна-то, она теперь незначительна, ею теперь и вообще пренебречь можно, во всяком случае, в быту, в обычной жизни то есть, — так вот, когда по прямой, то назад вообще нет. Только вперед есть. С той стороны или — с другой, в крайнем случае.

Стереометрия кончилась, настала геометрия. И никто от этого не пострадал в реальной жизни, в быту то есть.

II

Давно строили эту школу. Много-много лет назад. Лет пятьсот назад. Давно. Умело строили, умели строить. Окна пропускают свет — столько света, сколько нужно, чтобы почувствовать время: какое время там, за стенами школы, и какая там, на воз-

духе, погода. Полы здесь чудные. Старые. Не пять сот лет им, наверное, перестилали, наверное, за пятьсот-то лет. А может быть, только ремонтировали? Заменяли старые половицы, те, что приходили в негодность, по одной. С чего бы это сразу все полы перестилать? Лёса сейчас уже небогато. А на эти половицы хорошее, как видно, дерево шло. Когда-то, лет пятьсот назад. Давно.

Полы в школе пели.

Не всегда. Когда шел по коридору человек, уверенный в себе и других, то по школе просто разносился стук шагов. Но стелющийся шаг людей, незаметных на расстоянии, половицы сопровождали пением, насмешливым и тревожным. Интересно, непонятно, странно, подозрительно, беспокойно, не по себе жди, опасность, готовься, слушай, смотри, внимание чушь, суета, мелочь, вздор, не боюсь. Бойся! Чего Мало ли. Мало, мал-мала, меньше, мало-помалу, мало мало. Мало! Еще меньше. Совсем мало. Не прослушивается, не прощупывается. Не будет. Мало ли!

На этот раз стук шагов разносился, шарахался от гулких стенок — и пели половицы. Вот подошел. Вот скрипнула-открылась дверь. Двое стояли на пороге, а слышно было, будто шел один. Тихо ходил завуч, председатель школьного комитета бдительности и защиты завоеваний. Высокий пост не научил его ходить уверенно: когда он шел, половицы пели.

Второй стоял в дверях прямо. Худой, в армейской форме, старой, выгоревшей, на которой ярким пятном сияли награды, он не торопился. Казалось, он оглядывал класс, вскочивших в приветствии учеников. Но глаз у него не было, их плотно закрывал продолговатый, потертой кожи лоскут.

Завуч представил Солдата. Провел к столу, посмотрел внимательно на учеников, быстро вышел. Он сказал, что это новый преподаватель графики. Наверное, он ошибся. Наверное, Солдат будет вести у них политзанятия. Какая же графика, если он слепой?

Тридцать пять учеников класса рисования народной школы талантов ждали, что скажет Солдат. Ученики знали, из стен этой школы вышли известные всей стране поэты, писатели, художники, композиторы. Тем, кто учился в этом классе, предстояло стать художниками. Они все любили рисовать. Все рисовали

с детства. Мазали стены углем в совсем еще щенячьем возрасте. Писали лозунги и оформляли стенды в своих городских и сельских интернатах. Теперь они попали сюда, их собрали со всей страны, чтобы научить рисовать по-настоящему, чтобы сделать их художниками. Они ждали.

Солдат провел рукой по столу, взял классный журнал, чуть качнул его, как будто взвешивая, позвал:

— Староста!

— Нет такого. Еще не выбрали! Еще не назначили! — отозвалось сразу несколько голосов.

— Кто сказал — еще не назначили? — спросил Солдат. — Встань! — И чуть помедлив, продолжил: — Не робей! Робость не нужна в нашей стране тому, кто верен Председателю.

Один из учеников, крупный, коротко остриженный парень, встал и подошел к столу. Председатель ткнул в его стороны журнал, сказал:

— Прочитаешь список. Перед каждой фамилией назовешь номер по списку.

И повернувшись к классу, скомандовал:

— Всем встать!

Ученики встали.

— Сколько рядов столов в классе?

— Три, — сказал вызванный.

— Сколько курсантов в группе?

— Тридцать пять, — ответил парень, заглянув в список.

— Группа, слушай! — обратился преподаватель к классу. — Вы сейчас пересядете. Каждый названный запоминает свой номер и садится на новое место Первый — сюда, на первую парту в первом ряду, слева, второй — справа от него, третий — за первым, четвертый за вторым и так дальше. Двенадцать человек садятся в левом ряду по порядку согласно списку, двенадцать — в среднем, одиннадцать в правом. Начинай!

И вызванный мерно и внятно стал читать номера и фамилии. Ученики озадаченно пересаживались. Только раз он остановился и сказал, чуть растерявшись:

— Это я!

— Ну что ж, запомни свое место и читай дальше, — ответил Солдат.

Пересели. Солдат отпустил вызванного, прихлопнул слегка по журналу ладонью. Удовлетворенно позвал:

— Первый!

— Я! — отозвался первый.

— Второй! — он называл номера и внимательно вслушивался в ответы, словно старался понять по коротким возгласам, что представляют из себя его ученики.

— Нам долго предстоит работать вместе, — сказал Солдат, когда тридцать пятый произнес свое «я!» и сел на предназначенное ему место. — И чтобы между нами не было недомолвок, я готов ответить на ваши вопросы. Спрашивайте!

Ученики молчали, они не привыкли спрашивать.

— Спрашивайте, спрашивайте, — приободрил их преподаватель. — Такой порядок. Хотите, чтобы я рассказал о себе? Происхожу из семьи низших середняков, — начал он, почитая молчание класса за согласие. — Семнадцать лет своей жизни я отдал службе в рядах Народной армии. Я пришел туда слепой, хуже, чем слепой. Я видел, у меня были тогда глаза, но не понимал что. Я шел по жизни, как в тумане. Идеи Председателя помогли мне прозреть. Я увидел мир таким, каков он есть. Видеть глазами Председателя — значит, видеть миллионами глаз. Пара моих собственных глаз при этом не имела никакого значения. Она была просто лишней. Когда я понял это, то обратился по команде с просьбой взять мои глаза и использовать их там, где они нужнее. И еще я просил зачислить меня в Часовые Председателя.

— Они же слепые! — не выдержал кто-то из учеников.

— Кто сказал, что они слепы? — сейчас же отозвался учитель. — Они без глаз, но видят лучше многих. Никто из зрячих не может заменить Часового Председателя на его посту. Представьте себе, например, армейский склад. Вы знаете, что такое армейский склад? Номер первый!

— Ну, — сказал номер первый, — это такое помещение, где лежит армейское имущество.

— Не всегда, — сказал Солдат, посадив ученика кивком головы. — Склад — это может быть десяток таких помещений, это может быть сотня орудий или

реактивных установок, ждущих своего часа, собранных вместе и обнесенных вокруг, по периметру, колючей проволокой. Но сама по себе колючая проволока для врагов ничего. Зрячий человек на таком объекте хорош днем, а ночью он беспомощен, или придется заливать всю территорию склада сплошным морем света, тратить на это нужную стране энергию. К тому же, свет демаскирует объект, а часовой без глаз, знающий свой пост наизусть, не нуждается в освещении. Ни темнота, ни дождь, ни облако атомного взрыва, ни дым пожаров — ничто не помешает ему нести службу. Ничто не может отвлечь его. Кроме пароля, без которого не пройти на охраняемую территорию даже генералу.

Солдат замолчал. Потом провел рукой по лицу, будто меняя маску. Продолжил:

— Ну чтобы быть полезным еще и днем, я стал учиться рисовать. Я неустанно совершенствовался в этом, был назначен главным художником батальона, полка, потом — дивизии. А сейчас правительство оказало мне высокое доверие. Я буду учить рисовать вас.

— Можно вопрос? — раздался голос из класса.

— Номер?

— Шестнадцатый. Хотелось бы знать, что именно вы рисуете, в каком жанре, в какой технике работаете.

Учитель развернул рулон бумаги, уверенно выбрал и приколол квадратный плотный лист, провел по нему ладонью и четко, правильными смелыми движениями набросал портрет Председателя: во френче, с правой рукой, заложенной за борт. Глаза Председателя смотрели строго и всевидяще. За его спиной восходящее солнце рассылало в стороны лучи.

Молчание потеплело: Солдат умел держать графит в руках.

Когда рисунок был готов, он сдернул лист с доски, и лист зашуршал, сворачиваясь. На следующем Солдат изобразил воина: правая рука на ремне автомата, левая — у лба козырька. Он смотрит вдаль, он охраняет границы, покой страны, крестьян, которые выглядели мелкими, схематичными рядом с ним, исполином, они сливались с рисовыми полями, а вдали дымили трубы заводов, затерявшиеся среди полей. Рисунок был, пожалуй, несколько статичен, но и в его линиях

чувствовалась твердая рука человека, знающего толк в деле.

Рисовал Солдат с удовольствием. Он снова заговорил, и голос его стал мягче, душевней.

— Я научу вас рисовать также хорошо. Это не просто, но и не так сложно, как может показаться. Ведь здесь, как я знаю, собрали людей одаренных. Вам будет легче, чем мне, мне помогала только горячая любовь к Председателю, только желание приносить пользу. Я умею рисовать всего пять сюжетов, вы сможете больше. Когда вы научитесь всему, что умею я, вам дадут дополнительный материал. Я знал одного художника, который мог рисовать более двадцати различных картин. Лучшие из вас тоже достигнут многого. К тому же, я научу вас рисовать так, что ни темнота, ни усталость, ничто не будет вам помехой. Я сам учился рисовать по шаблону, это помогает в работе, вы убедитесь сами. На лист бумаги кладется вырезанный контур, по нему водишь пальцами до тех пор, пока не сливаешься с ним, не начинаешь чувствовать линию, еще не нарисованную, но уже выпуклую, проступающую в нужном месте. Вам будет легче, я передам вам свои приемы, вам не придется изобретать их наново.

— А краски? — спросил кто-то.

— Номер? — прервался Солдат.

— Двадцать третий.

— Называйте сначала номер, потом говорите. Краски? Я рисую и красками, их нужно только установить по порядку. Других сложностей нет. Достаточно всего четырех красок: желтой, зеленой, красной и черной. Можно использовать и пятый цвет — голубой. Сначала было трудно работать с красками, их легко спутать. Но я не боялся трудностей. К тому же, — он доверительно наклонился вперед, — у каждой краски есть свой запах, к ним привыкаешь.

— Номер четвертый, — поднялся со скамьи еще один ученик, — А как же оттенки, полутона?

— Запомните, — веско сказал Солдат. — Пока они вам не нужны.

— Но с помощью оттенков можно достичь большего эффекта. Картина, богатая красками, полутонами, переходными сочетаниями сильнее воздействует на зрителя.

— Вы должны рисовать для народа, — отрезал Солдат, — а народу не нужны все эти премудрости. Народ любит чистые, густые краски. Лица должны быть желтыми, солнце — красным, защитная форма зеленой. Что касается черного цвета, то он просто необходим, чтобы показывать черную сущность наших врагов. Ты по-своему прав, — продолжал он, обращаясь к четвертому номеру, — ты можешь сесть. Ты прав, большие мастера используют в своих работах разные оттенки, и их картины от этого становятся действенней. Да, в умелых руках оттенки — сильное оружие. Но в руках слабых, при недостаточной политической закалке художника дело обстоит иначе. Даже представить страшно, что могут натворить все эти тени и полутона, если их использует человек нестойкий или колеблющийся. Поэтому вам предстоит сначала стать настоящими солдатами искусства.

Он устал. Ему нечасто приходилось так долго объяснять истины. Он прислонился плечом к доске, пошарил по стене, как будто ища опоры, и коротко вздохнул, почувствовав под рукой твердый ствол армейского автомата в стойке. Учителя все значились солдатами Народной армии, и оружие им полагалось по штату. С этим автоматом обращались, похоже, очень небрежно. Им давно никто не занимался всерьез. Солдат сел на стул, положив автомат на колени, как ребенка, отомкнул магазин, произвел неполную разборку, раскладывая части по учительскому столу с легким стуком. Ученики смотрели, как он ловко клочком специальной бумаги протер все части и снова собрал автомат. Видно было, что работа эта действовала на него успокаивающе. В школе давно привыкли к тому, что каждый преподаватель — солдат, и в любой аудитории в стойке, рядом с классной доской, — боевое настоящее оружие. Но видеть, как обращаются с этим оружием те, кто действительно знает и любит его, доводилось не часто. Это вызывало уважение. Слепой, солдат и художник, умел многое. Они молчали уважительно. В полной тишине он снова заговорил.

— Вам кажется, что художнику глаза необходимы. Ошибка! Среди мастеров слепых гораздо больше, чем зрячих. А некоторые сами завязывают себе глаза, чтобы обилие фактов и деталей не мешало сосредото-

читься. Один довольно известный художник — он рисовал членов правительства, — попал раз в скверную историю. Чаще других он рисовал, — Солдат запнулся, — впрочем, имя не имеет значения. Тем более, что этот человек потом стал в ряды ревизионистов и предал наши великие завоевания. Его расстреляли, а художник долго маялся: он слишком часто рисовал портрет этого предателя с натуры и слишком хорошо запомнил его черты. Теперь во всех портретах эти черты проступали, хотя художник этого не хотел.

— Его тоже расстреляли? — спросил кто-то из дальнего угла. Слова повисли в воздухе тонким эхом.

Солдат защелкнул крышку ствольной коробки. Теперь автомат был собран. Осталось только присоединить магазин.

— Художника? Нет. Зачем его расстреливать? Он неплохой сам по себе человек, только сбился с пути, не сумел приподняться над мелким, обрести главное направление. Как видите, глаза зачастую не только не помогают художнику, но и просто вредны. Если б он умел вслепую рисовать семь или, например, двенадцать сюжетов, он исключил бы один, а остальные картины продолжал бы писать не менее успешно, чем раньше. Его не расстреляли, его отправили на трудовое перевоспитание. Может быть, поработав своими руками, пожив в гуще народа, он снова сможет рисовать, правильно рисовать.

Солдат говорил, а руки его двигались самостоятельно, отдельно. Как бы сами по себе они открыли ящик стола и достали коробку с патронами, быстро и ловко набили магазин. Чуткие пальцы нежно трогали прохладный металл. Последний патрон Солдат дослал в ствол.

— Но чтобы рисовать по трафарету, художники не нужны, — сказал четвертый номер. — Это могут делать и машины. Машина напечатает любой плакат в любом количестве экземпляров.

— Какая ерунда! — Солдат даже вскочил от негодования. Все то, что он говорил, как видно, не дошло до них. — Разве машина может сравниться с человеком? Глупый механизм, которому все равно, что печатать, не заменит руки художника.

Разве его, Солдата, уменье рисовать можно равнять с действиями машины? Вскочив, Солдат непроизвольно накинул ремень автомата на шею и теперь бегал взад и вперед, размахивая правой рукой, левой придерживая автомат на груди. Ему не хватало аргументов. Он нанизывал слова и мысли друг на друга, они схлестывались, запинались, сплетались в сумятицу. Иногда казалось, что он танцует заученный до профессионализма характерный танец: ни разу не задел он ни рукой, ни автоматом доски, стола или стены, ни разу не запнулся на крохотном пятачке свободного пространства. Иногда же, наоборот, казалось, что его нет, а есть только голос, звучащий из пустоты, из тишины, из света и тени, мечущихся перед рядами.

— Прежде всего, вы — солдаты. Вас научат методам ведения войны, открытой и тайной. Спорт разовьет ваши мышцы. От вредных влияний убережет вас комитет Бдительности и Защиты Завоеваний, который будет создан в классе. Вы овладеете оружием. У художника должна быть сильная, верная рука. Машина бездарна и безынициативна. Машина мертва. Ее легко уничтожить снарядом, бомбой, диверсией. Ей нужна энергия. Ее должны обслуживать рабочие. На вас же возложат идеологическую миссию, вы будете влиты в ряды солдат, впаяны в них. Товарищ по оружию, который только что рядом с вами шел в атаку, почувствует прилив воодушевления, если вы у него на глазах нарисуете портрет Председателя или другую картину. Вы сможете поднимать людей на бой и на труд. Я могу нарисовать за одиннадцать часов девяносто произведений, и все они будут по-настоящему качественными. Меня не отвлечет ни боль, ни беда. Когда ваше сознание закалится, а руки обретут уверенность, вы сможете работать в любой обстановке: ночью, в бурю, под градом пуль, рядом с атомным грибом. Нет бумаги — вы будете рисовать на стенах домов, на бортах машин и бронетранспортеров. Нет красок — станете рисовать углем, мазутом, кровью. Сможет ли слабый человек творить в день, когда у него умерла мать? Настоящий художник будет работать, даже если останется один на планете. Камни и стены развалин станут пла-ка-та-ми!

— Он сумасшедший! Он сумасшедший! — голос закричавшего сорвался на визг. — Вы что, не видите,

он же — слепой, он не может учить графике. Отобрать у него оружие, он же сошел с ума!

Крик ударил по нервам. Класс вскочил с мест, как один человек. Ученики замерли у парт, не зная, что делать, в растерянности: странный этот крик... странный урок...

А Солдат остановился, точно вкопанный в пол, тоже крикнул — голосом, привычным к командам:

— Я — сумасшедший? Кто верит Председателю и мне, — он выдержал секундную паузу, — на колени!

И еще через секунду, вскинув автомат, ударил длинной очередью поперек класса.

Взвыли-застонали половицы в коридоре. Распахнув дверь ударом ноги, в класс ворвался завуч. От двери он метнулся вбок, спиной к доске. Правая рука — на поясе, у бедра.

— Что? Как? — он окинул взглядом класс.

— Нормально, — отозвался Солдат. — Веду урок.

Под потолком тоненько задребезжала слабая электрическая лампочка. Класс осторожно посмотрел на нее. «Перегорит», — подумалось машинально.

— Заменить надо, — отвлекся завуч.

— Сколько осталось? — спросил Солдат.

— Тридцать, — отозвался завуч, быстро сосчитав по головам стоящих на коленях. — От балласта избавились.

— Да, — отозвался Солдат. — И еще, теперь по десять в каждом ряду сидеть будут. Удобно. Так мешало, что в двух рядах по двенадцать, а в третьем одиннадцать... А с этими мы еще поработаем. Я буду учить вас, — обратился он к ученикам. — Я рад, что вас так много осталось. Я надеюсь, из вас выйдут художники.

— Помощь нужна? — спросил завуч.

Солдат, казалось, ожидал этого вопроса.

— Направьте кого-нибудь убрать, я не хочу отрывать своих ребят от занятий.

Завуч потрогал лежащего носком резиновой туфли.

— Живой, — сказал задумчиво.

— Это уж ваше дело, — не стал вникать Солдат. — Первый! — выкликнул он, обращаясь к классу.

— Убит, — не сразу отозвались из класса.

— Да, — Солдат чуть помолчал. — Второй?

— Я! — отозвался второй.

— Теперь твой номер первый. Возьми журнал и проведи перекличку. Выбывших вычеркни, расставь номера по порядку. Встаньте с колен, — скомандовал он классу, — и пересядьте согласно новому списку по десять в ряд. Запомните свои новые номера. Я надеюсь, они у вас надолго.

III

Так вот простиралось простиралось и стало ему как-то не по себе. Не сразу, но стало. И решило оно малость попробовать повздыматься. Но только приступило, как рядом, справа (или слева) — опять разверзается. Ну что ты будешь делать! Плюнуло простиралось и восстановило статус кво. Тот, конечно, который уже при нем стал, статус, не тот, который раньше, при антагонизмах. А кто ему что скажет? Все ведь теперь простирается — одно простирается. Что же оно, само себе будет глупые вопросы задавать?

А чтоб не было грустно и чтоб закрыть всякую возможность для экспериментов, ненужных и опасных, постановило простирается, что теперь оно все — вздымается. Все до последней фигуры геометрической — глупого квадратного сантиметра, у которого все стороны равны, все углы равны, на сколько угодно частей равно делится и, главное, таких других вокруг уйма — и не отличишь. Так вот, теперь все вздымаются. И ничего не разверзается, боже упаси.

Не верите? Так давайте спросим. Ты вздымаешься? — Вздымаюсь. А ты? — И я тоже. А вы? — И мы вздымаемся. А кто разверзается? Я спрашиваю, есть такие? Вот видите: нет таких.

И вообще — что-то много спрашиваете. А может, вы сам разверзаетесь, а?

IV

А еще задачка из арифметики. На ветке чирикали пять воробьев, двоих расстреляли. Сколько теперь воробьев чирикает, как ты думаешь?

Черный, исковерканный, колесил по двору, не задерживаясь на одном месте, все спрашивал, все задавал свои лишенные смысла идиотские вопросы, убегал, не дожидаясь ответа, не нуждаясь в ответе.

— И еще, тоже. Тридцать пять отнять пять, сколько останется? А? Сколько? Три? Два? — плакал, брызгал слюнями, умолял. — Ну, хоть один-то останется, а?

АЛЕКСАНДР ЯРУШКИН

ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ

РАССКАЗ

ПОСВЯЩАЕТСЯ — ВЛАДИМИРУ МАНДРИЧЕНКО

— Нет, Саша, вы можете мне не верить, но история эта имела место... Я его хорошо знал... Всё именно так и было... именно так.

— Кого ты знал, Володя?

— И того, и другого... Вот, как вас, Саша. Знал.

(Из разговора автора с Владимиром Мандриченко — художником из Новосибирска. Примерно — июнь—июль 1988 года).

Автор, излагая историю, поведанную ему за чашкой крепкого чая, позволил себе все-таки усомниться в происшедшем. Виноват здесь, конечно, не столько сбивчивый и не очень складный рассказ В. Мандриченко, сколько сами события, рассказанные им и, якобы, происшедшие с неким Анатолием Лялиным. Однако история эта запомнилась, и желание донести ее до читателя, пересилило скептицизм автора. Автор неоднократно пытался изложить ее на бумаге, но выходило как-то не очень доходчиво, а главное — не очень достоверно. Тогда-то и пришла мысль предпочесть художественному повествованию — повествование документальное. Правда, одно дело задумать, другое осуществить. И все-таки, с помощью старых приятелей[1], автору удалось ознакомиться с документами

[1] Автор приносит благодарность за оказанную ему помощь сотрудникам Ж-го РОВД г. Н-ска С. Завиялову, Л. Коготковой, С. Мурхину и др.

приостановленного дела А. Лялина. Выдержки из него и предлагаются вниманию читателей. Думается, у многих из вас возникнут вопросы, и вопросы не очень простые. Понимая это, автор готов обсудить их в приватном порядке.

ФРАГМЕНТ МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ ВРАЧА... ОТДЕЛЕНИЯ... Н-СКОГО ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА М. М. МУКСАКОВОЙ С ИСПЫТУЕМЫМ А. Б. ЛЯЛИНЫМ. 22.03.86 г.

— ...нет, доктор, нет. Поймите же, я говорю правду. Я действительно убил его, убил, но в прямом смысле слова это не может быть расценено как убийство... Его же не было!.. Вернее, он был, я уже рассказывал вам... Мы с вами люди, нас родили, воспитывали, мы получили образование, а он... он просто появился. Вы меня понимаете, доктор? Он появился, и в этом я виноват. Только в этом, только в этом! И уж никак не в убийстве! Вы меня понимаете?! Это не убийство... Я просто уничтожил старый проездной билет на автобус... Он стал мне вредить, он соблазнил Татьяну, он... Да что там говорить! Я вам рассказывал... Вот вы, доктор, вы же не храните старые проездные билеты на автобус?

— Не храню.

— Вы как-то странно смотрите на меня... Я не сумасшедший! Я не сумасшедший, доктор!

— Никто и не сомневается в этом... Вы находитесь в нашем диспансере по постановлению следователя.

— Он считает, что я убийца и сумасшедший. Помогите разубедить его, доктор! Вы же знаете, что я не сумасшедший... Просто устал последнее время... устал...

— Да, вы устали... Скажите, Анатолий Борисович, как все-таки получилось...

— Татьяна знает, что я не сумасшедший, знает... Она специально наговаривает, мстит, ведь она с ним... Она утверждает, и не спорьте со мной, я знаю это. Она утверждает, что Алексей настоящий мужчина, настоящий человек. Она утверждает, что я убил его из

зависти. Я не убивал его, поскольку он не человек, а обыкновенный проездной билет на автобус. Проездной билет на август тысяча девятьсот восемьдесят пятого года... А как можно убить проездной билет?! Абсурд!!! Понимаете, доктор, до какого абсурда может дойти женщина?! Спутаться с проездным билетом!

— Вы не дали мне закончить...

— Этот наглец посмел еще и глумиться надо мной. Я очень устал к тому времени, понимаете, постоянное напряжение, тревога за будущее, а тут... Я не сразу решился его уничтожить, не сразу... Но он совсем обнаглел, стал измываться надо мной, унижать... Это страшно, доктор, когда какой-то проездной билет доказывает вам, что не он, а вы ничтожество... Это страшно... Но это же не убийство, доктор? Ведь правда?!

— Успокойтесь, Анатолий Борисович... Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос...

— Я просто взял ножницы и разрезал... Это было трудно... Он крепче меня, и он сопротивлялся... Подумать только, как может сопротивляться проездной билет?!

— Успокойтесь, Анатолий Борисович...

— Я же не сумасшедший!.. Не сумасшедший... Доктор, только честно, скажите — я сумасшедший?

— Анатолий Борисович...

— Я вам верю, доктор, верю... А вы ничего не замечаете во мне?

— Не понимаю.

— Ну, в физическом облике, например... Ничего странного не замечаете?

— Как вам сказать...

— Откровенно скажите, доктор, откровенно... Я почему беспокоюсь? Алексей сказал, что не он проездной билет на автобус, а я — проездной билет... использованный и никому не нужный. Он сказал, что Татьяна это знает, поэтому и предпочла его, Алексея... Он очень убедительно говорил, доктор, надо отдать ему должное. Но ведь я не проездной билет?! Скажите, доктор?

— Конечно... успокойтесь, Анатолий Борисович.

— Спасибо, доктор.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 26.02.86 г.

...стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, производство которой поручить врачам-психиатрам Н-ского психоневрологического диспансера.

II. На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

1. Страдал ли Лялин А. Б. каким-либо душевным заболеванием в момент совершения убийства Полумесяцева А. Н.? Если да, то каким именно?

2. Лишало ли это заболевание Лялина А. Б. способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими?

3. Не лишает ли это заболевание Лялина А. Б способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими?

4. Не нуждается ли Лялин А. Б. в применении принудительных мер медицинского характера...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ. 30.01.86 г.

...установлено:

Квартира расположена в правом крыле шестиэтажного дома на восьмом этаже. Вход в квартиру осуществляется через общий коридор кв. 96, 97, 98. Из общего коридора в кв. 99 ведет дверь деревянная одностворчатая, размерами 85×190 см, которая открывается в квартиру. Повреждений на ней нет. Дверь приоткрыта, внутренний замок двери открыт, повреждений на нем не обнаруженно. При открывании дверь производит слабый скрип.

Кв. 99 состоит из одной комнаты, на полу которой лежит труп неизвестного гражданина. Труп лежит на животе вниз лицом, головой на север, ногами на юг. Ноги вытянуты по оси туловища, на ногах ботинки. Руки согнуты в локтевых суставах, кисти рук находятся под животом. Труп находится на расстоянии 1 м 57 см от порога комнаты... Труп мужчины лет 30-35, правильного и крепкого телосложения, длина

тела 181 см. Трупное окоченение и трупные пятна отсутствуют. Волосы на голове трупа черные, густые. В области левой височной части имеется проникающая рана продолговатой формы размером... Вниз по щеке от этой раны имеется подтек жидкости бурого цвета. На щеке имеется еще четыре раны, по размерам аналогичные первой. Подобные же раны и подтеки бурого цвета имеются на шее трупа, а также на его груди... На полу около головы трупа имеется подсохшая лужа бурого цвета, похожая на кровь.

Глаза трупа полуоткрыты, положение глазных щелей горизонтальное. Лицо овальное, лоб высокий, широкий, прямой. Нос большой, рот малый, губы тонкие, подбородок овальной формы, раздвоенный.

Труп одет... В процессе осмотра производилась фотосъемка... Труп отправлен в морг на судебно-медицинское вскрытие... Во время производства осмотра от участников осмотра никаких заявлений и замечаний по поводу порядка осмотра и содержания протокола не поступало...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 02.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как давно вы знакомы с Лялиным?

КВАСОВ: — С самого детства, в один детсад ходили потом в одну школу... Кто бы мог подумать, что он способен на такое... Это тишайший человек, тишайший... Он и драться-то не умел.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Факт остается фактом. Лялин совершил убийство.

КВАСОВ: — Я понимаю, но поверить не могу... Не похоже это на Толяна. Он никогда не мог ударить даже когда его самого били. Может, у него, действительно, крыша поехала? Не зря же вы его в психушку отправили...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Лялин помещен в психоневрологический диспансер для проведения экспертизы, она еще не окончена. Раньше вы не замечали за ним странностей, причуд?

КВАСОВ: — Ну, положим, странным-то он был всегда... Учеба, дом, учеба, дом... Никаких девочек,

никаких турпоходов... Так и в школе было, так и в институте... Вы представляете, он в двадцать восемь лет, извиняюсь, девственников был!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Он был настолько с вами откровенен?

КВАСОВ: — Да нет, Толян замкнутый очень... А тут как-то поделился сомнениями, совета спрашивал, что да как... Но тот роман быстро кончился. Переживал он!..

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Какие отношения у Лялина с Усиной?

КВАСОВ: — С Татьяной-то? Нормальные... Она его прочно охмурила, он сам мне признался... Люблю, говорит, страшно. Понятно, ведь всего вторая женщина в жизни. И женщина, многое умеющая в постели...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — С чего вы это взяли?

КВАСОВ: — Толян как-то пришел. Смурной, в переживаниях... Долго маялся, потом рассказал, как они с ней... ну... И стал спрашивать, не извращение ли это, разве так можно... Я его успокоил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Хорошо... А с Полумесяцевым вы когда познакомились?

КВАСОВ: — С убитым-то?.. Где-то перед Новым годом. Я к Толяну заскочил, он меня и познакомил. Сказал, что это его друг, что живет у него... Я удивился.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Чему же вы удивились?

КВАСОВ: — Толян очень замкнутый, всегда любил одиночество, раздражался... если кто-то всегда рядом был, а тут... Они же в однокомнатной квартире жили. Алексей совсем другой был — высокий, интересный, громогласный и самоуверенный... Не подходили они для совместного проживания. Толян-то, просто ходячий комплекс неполноценности, а тот — супермен...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы не заметили напряженности в их отношениях?

КВАСОВ: — ...Черт его знает... Вроде нет... Хотя Толян как-то смущался, морщился от реплик Алексея... И смотрел на него как-то... то ли с сожалением, то ли с неприязнью... Да я не присматривался, своих дел хватает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — А у вас не возникло мысли о... как бы это сказать... Ну, о нездоровости, что ли, отношений между Лялиным и Полумесяцевым?

КВАСОВ: — Да что вы?! Толян не гомик! Он, наверное, и не знает, что это такое! Нет-нет...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ПРЕДМЕТА 30.01.86 г.

...обязанность понятых удостоверить факт, содержание и результаты осмотра предмета, изъятого при осмотре места происшествия в квартире Лялина А. Б.

В результате осмотра установлено:

...ножницы бытовые. Лезвия ножниц покрыты засохшей жидкостью бурого цвета, похожей на кровь...

...и помещены в полиэтиленовый пакет. Пакет опечатан сургучной печатью и оставлен для приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ МОРКОВИНА Т. П. 02.02.86 г.

МОРКОВИН: — Лет пять, поди... Точно, пять. Я обменялся и въехал к Лялину в соседи. Только вот обидно! Как я ни пытался задружить с ним, все бесполку! А чего?! Он один живет, он один, когда, глядишь, и бутылек бы раздавили, или, положим, в картишки перебросились, а то, так и просто за жизнь потолковали... Так нет, нос воротил. А потом Лешку к себе жить пустил. С тем-то мы быстро скорешились. Бывало, когда Тольки дома нет, постучит, сунет четвертак — дескать, сбегай, дядя Тима, за коньячком да себе красненького сообрази... Это же другое дело, это же по-человечески.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — С Лялиным, значит, отношения были прохладные?

МОРКОВИН: — Это точно, словно зимой без отопления. Компания ему не подходила, рожей, значит, не вышел... Как прийду к нему, сидит с кислой физиономией, будто сушняка забродившего врезал. Какое же удовольствие от этакого общения, я и перестал ходить...

ИЗ ОРИЕНТИРОВКИ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ В РОЗЫСК ЛЯЛИНА А. Б., СКРЫВШЕГОСЯ ИЗ Н-СКОГО ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА. 03.04.86 г.

...скрылся. Приметы Лялина А. Б.: рост 176, субтильного телосложения, плечи узкие, при ходьбе сутулится. Волосы русые, короткостриженные. Лицо худощавое, грустное. Лоб высокий, брови правильные, русые. Глаза небольшие, серые. Щурится, так как близорук, но очки не носит. Нос узкий, правильный, с небольшой горбинкой. Губы тонкие, уголки слегка опущены. Подбородок узкий. Одет в больничную байковую пижаму зеленого цвета...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ДОКУМЕНТА. 25.02.86 г.

...при дневном освещении произвел осмотр тетради общей с надписью на обложке: «Лялин А. Дневник».

Осмотром установлено:

В тетради с надписью на обложке: «Лялин А. Дневник», предоставленной гр-ном Квасовым С. Г., содержатся записи, произведенные шариковой авторучкой... На первом листе тетради находится запись, помеченная датой «5 декабря 1985 года» и начинающаяся словами: «Мне всегда было...». Последняя страница, имеющая записи, находится в середине тетради и начинается словами: «Я должен это сделать...»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ УСИНОЙ Т. В. 03.02.86 г.

УСИНА: — Сам же Анатолий и познакомил. Я очень удивилась, не могла понять...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Чего же вы не могли понять?

УСИНА: — Анатолий не предупредил меня о том, что Алексей станет у него жить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — А что-нибудь вы вообще слышали о Полумесяцеве до того момента, как Лялин вас с ним познакомил?

УСИНА: — Анатолий, как всегда, был невнятен. Упомянал про то, что друг появился, что зовут Алексей, а сам улыбался, будто виноват в чем-то... По-моему, он уже тогда заболел. Странности появились в поведении...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Полумесяцев рассказывал вам о своей жизни?
УСИНА: — Да... Он умел рассказывать. Очень интересно рассказывал о загранкомандировках, о море, он же плавал на сейнерах...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Про родственников что-нибудь говорил?
УСИНА: — Не-ет...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы не знаете, почему он называл Лялина «отец родной»?
УСИНА: — Это он шутил так. Анатолий любил нравоучения, вот Леша и подшучивал над ним... Анатолий сумасшедший, иначе я не могу объяснить его поведение — живого человека... ножницами...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как вы думаете, отчего Лялин уверял вас в том, что Полумесяцев не человек, а...
УСИНА: — Проездной билет... Думаю, Анатолий именно на этом и свихнулся... Надо же, такое придумать! Потом, позже, у него началась мания преследования, самая настоящая... Он решил, что у нас с Алексеем роман...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — И не безосновательно...
УСИНА: — Даже и если, то что?! Леша — настоящий мужчина... был...
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Успокойтесь, пожалуйста.
УСИНА: — Хорошо... хорошо... Но все это так ужасно... Я не могу забыть... Пришла, а Леша лежит, мертвый... Анатолий с ножницами в руках... Жуть.

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 05.10.85 г.

Мне всегда было одиноко. Всегда. Друзья... друзьями их можно назвать с большой натяжкой, скорее это хорошие знакомые. Знакомые по детству, по институту, по службе... «Привет!», «Как дела?», «Что нового?» Дальше этого разговоры не заходят. Гру-

стно... Всегда один. Татьяна? Но она женщина... С ней интересно только в постели. Правда, теперь у меня есть он...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 11.10.85 г.

...почти месяц прошел. И как это я обратил на него внимание? Старый проездной да и старый проездной! Слава богу, что не выкинул, слава богу... Когда же я впервые заговорил с ним? Не могу вспомнить. Как-то незаметно получилось, заговорил и все... Наверное, надо было выговориться. И имя это само собой пришло в голову — Алексей. Хорошее имя, звучное. Ему можно доверить все, это не Квас, этот не будет донимать вопросами...

ИЗ РАПОРТИЧКИ МЕДБРАТА КУЛТЫКОВА А. А. 03.04.86 г.

...вины с себя не снимаю. Одного не пойму, как он сбежать умудрился. Разве что, кто-то из наших помог? Но этого в принципе быть не может! Вины своей не уменьшаю — сбежал подопечный. Что-то меня встревожило и пошел я в палату № 3, где этот самый Лялин А. Б. помещался. Не обнаружив его и решив, что он решил посмеяться над медперсоналом, а для этого спрятался под кровать, я предпринял попытку обнаружить его в указанном месте. Там его не было. Под кроватью, вернее, рядом с ней, лежал на полу проездной билет на автобус, переданный мною дежурному врачу...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ МУКСАКОВОЙ М. М. 03.04.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы считаете, что никто из медперсонала не мог помочь побегу Лялина?
МУКСАКОВА: — Да, считаю. Это исключено.
СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Почему вы так уверены?

МУКСАКОВА: — Я работаю с этими людьми не первый год. Это добросовестные работники, никогда не позволившие бы себе подобного.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Каким же образом Лялину удалось скрыться?

МУКСАКОВА: — Не могу понять. Это практически невозможно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как видите, возможно... На да ладно. Вы передали нам проездной билет на автобус, пригодный к использованию в августе прошлого года, Это тот самый проездной, что подобрал Култыков?

МУКСАКОВА: — Да... Не могу понять, как удалось Лялину сохранить его при себе, ведь все личные вещи у него были изъяты... Правда, проездной билет постоянно фигурировал в его бреду...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Не хотите же вы сказать, что...

МУКСАКОВА: — Лялину казалось, что он превращается в проездной билет... И Полумесяцева он называл проездным билетом...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 25.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Каким образом у вас оказался дневник Лялина?

КВАСОВ: — Я его сегодня получил по почте, заказной бандеролью.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Да... Надо было сохранить упаковку...

КВАСОВ: — Виноват, не сообразил. Но я помню дату отправки. Машинально глянул... Двадцать девятое января...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Боже мой, в пределах одного города почта доставляет бандероль почти месяц! Вы уверены, что записи в тетради сделаны рулой Лялина?

КВАСОВ: — На сто процентов. Толяна рука, что-что, а это знаю. Списывал у него... и в школе, и в институте. Без сомнений, он писал. Только, вы знаете, я кое-что прочитал... Он бедняга, действительно, сошел с ума...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 15.10.85 г.

...порядком потрепался, я же таскал его в кармане. Поэтому решил привести его в порядок. Сегодня я аккуратно прогладил Алексея через влажную промокашку, чем явно угодил ему. Потом обеспечил ему полиэтиленовую оболочку. Так надежнее, а то, не дай бог, что-нибудь на него пролью, я такой неаккуратный...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 22.10.85 г.

...приходила Татьяна. Как всегда вывалила кучу новостей о людях, которых я не знаю, пересказала несколько сплетен... Смирило меня с ее появлением то, что она была настроена на секс. Правда, очень удивилась, что я не смог сосредоточиться, пока не убрал Алексея в ящик. Это и понятно, ведь для нее он только проездной билет на автобус...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 21.10.85 г.

...боюсь носить его с собой, хотя мне его очень не хватает. Но дома Алексей будет целее. А если с собой носить, могут вытащить, рисковать нельзя. Ловлю себя на мысли, что сильно привязался к Алексею. Татьяна в моей жизни значит много, но Алексей дополняет мою любовь к ней. Я разобрался, что чувства мои к Татьяне больше основаны на физиологии... Разговаривать же с ней — такое мучение!

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 04.11.85 г.

...если раньше я говорил, а Алексей молчал и соглашался, то теперь это настоящая беседа. Он даже

спорит со мной, проявляя при этом излишнюю горячность. Мне он представляется чуточку самоуверенным...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 09.11.85 г.

...отругал его. Он не скромен! Пришла Татьяна, и я убрал его в ящик стола, но когда я встал, чтобы закурить, увидел его на прикроватной тумбочке! Ему, видите ли, любопытно, он, видите ли, знаком с теорией секса, а вот практики... К огромному моему сожалению, попытки мои объяснить нетактичность подобного поведения, успехом не увенчались. Он лишь ухмыльнулся: «Ханжа!»

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 28.11.85 г.

...и поэтому я материалист. Нас так учили... Но то, что произошло... По порядку, Толян, по порядку, как сказал бы Квас. Будем писать по порядку. Значит так... Пришел вечером домой, а там мужик — здоровый, черноволосый. Сидит, «Литературку» читает. Увидел меня и говорит: «Все-таки, ты не прав, Толян, причисляя Пикуля к изготовителям развлекательного чтива. Это мастер исторического романа! Знаток эпох!» Я несколько опешил от такого нахальства и предложил мужчине покинуть мою квартиру, пока я не вызвал милицию. Он расхохотался: «Я же Алексей! Ты меня не узнал?! Вот хохма!» ...Он спит, а я пишу все это... Это Алексей!!! Я ничего не понимаю, но это Алексей! Он помнит все наши беседы, споры... Что же делать? Столько проблем сразу. Он спит на диване, а мне придется спать на полу. Завтра же купить раскладушку!.. С Татьяной получилось не очень красиво. Пришлось выкручиваться, объясняя появление Алексея. Мое заявление, что он будет жить у меня, повергло Татьяну в шоковое состояние...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 02.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вам не кажется, что Лялин стал жертвой авантюриста, узнавшего о его заболевании и использовавшего это в каких-то своих целях?
КВАСОВ: — Не знаю... Да и где этот самый авантюрист мог узнать о бзике Толяна с проездным билетом...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 16.12.85 г.

...бесполезно! Как зарегламентирована наша обыденная жизнь! Бумажки, бумаги, снова бумажки! Алексею все до лампочки, перевалил все заботы на меня, общается с нашим соседом, часто от него пахнет коньяком, деньги, что лежат в секретере, убывают... Где бы купить паспорт?.. Он не хочет со мной разговаривать! И это в то время, как мне больше всего нужна поддержка друга. Обидно.

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 21.12.85 г.

...после ухода Татьяны я спросил Алексея, о чем это они беседовали, когда я вернулся с работы. «О любви!» — хохотнул он. Это становится невыносимо! Будучи проездным билетом на автобус, он не позволял себе подобных вещей. Прошло столько времени, а я ничего не придумал с документами. Кошмар! Что же делать?

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 30.01.86 г.

...не прикасался. Не было душевных сил. Все происшедшее — ужасно. Как я устал, как я устал... Лишь бы хватило сил, осуществить задуманное!.. Он смеет утверждать, что не он, а я — проездной билет на ав-

тобус! А как нагло он повел себя, когда я застал их с Татьяной в постели! И она хороша — заниматься любовью с проездным билетом на автобус... после всего, что я для них сделал, платить мне подобным образом... Она увела его с собой и перестала приходить. Да я бы и выгнал ее, если бы посмела прийти. Он, а не я, ничтожество! Он, а не я, проездной билет! Но почему и Татьяна сказала, что он прав? Не могу же я быть проездным билетом?!.. Лишь бы хватило мужества, лишь бы хватило. Он должен прийти, звонил. Ему нужен его костюм. Его костюм, купленный на мои деньги... Вот и разберемся, кто из нас проездной билет. С обнаглевшими проездными билетами на автобус поступают просто: режут, рвут, сжигают... и выкидывают... Ножницы я приготовил, хорошие ножницы...

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ДЕЛА. 20.04.86 г.

...рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Лялина А. Б. в преступлении, предусмотренном п. «Г» ст. 102 УК РСФСР, установил: Лялин А. Б. совершил умышленное убийство гр-на Полумесяцева А. Н. с особой жестокостью...

...скрылся. Несмотря на принятые меры, Лялин А. Б. до настоящего времени не обнаружен.

...что по настоящему делу произведены все возможные в отсутствие обвиняемого следственные действия...

Постановил: производство предварительного следствия по уголовному делу приостановить и объявить розыск обвиняемого Лялина Анатолия Борисовича.

ИЗ СОПРОВОДИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКИ. 21.04.86 г.

Приложение: два полиэтиленовых пакета с вещественными доказательствами. За печатью № 1 — с ножницами, обнаруженными на месте происшествия. За печатью № 2 — с проездным билетом на автобус за август прошлого года, обнаруженным в палате № 3...

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИКА ЖАНРА

Эдмонд Гамильтон. Изгнанник. Фантастический рассказ. Перевод с английского М. Гилинского . . 5
Агата Кристи. Голубая герань. Детективный рассказ. Перевод с английского Г. Костиной и Л. Обуховой 11
Клиффорд Саймак. Золотые жуки. Фантастический рассказ. Перевод с английского В. Ковешникова 25
Роберт Хайнлайн. Звездный зверь. Фантастический роман. Перевод с английского И. Полоцка . . 61

ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ

А. Армстронг. Эликсир жизни. Перевод с английского 303
А. Мак-Мулен. Столица пчел. Перевод с английского 313
Лев Никулин. Кошачье счастье 329

НОВИНКИ ЖАНРА

Рауф Хечким. Маски 337
Сказка для червяка 339
Василий Близнецов. Падающий 345
Николай Курочкин. Химера из «Мохера» 349
Самый гадкий утенок 362
Евгений Сыч. Всё лишнее 369
Александр Ярушкин. Проездной билет 383

В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ВЫПУСК I

Сборник фантастики, детективов и приключений

Художник *О. Г. Мыслин*
Редактор *А. Г. Ярушкин*

Ответственный за выпуск *Е. А. Гельман*
Сдано в набор 22.05.90. Подписано в печать 25.09.89. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,00. Уч.-изд. л. 26,98. Усл. кр.-отт. 26,54. Тираж 106 000 экз. Заказ № 497. Цена 6 руб. «Нонпарель». Отпечатано в типографии «Рота», 226011, Рига, ул. Блауманя, 38/40.

7,20
5,0



ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ